

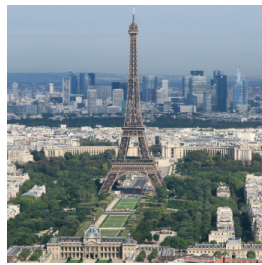

www.facebook.com/CeramicFashion

м. Рівне, вул. Черняка, 15

м. Харків, пров. Банний, 1

м. Луганськ, вул. Луначарського, 58

10

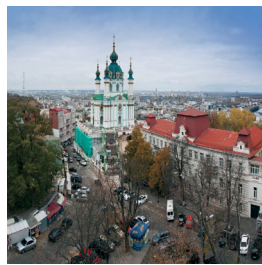
18

24

48

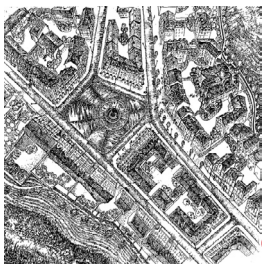
62

66

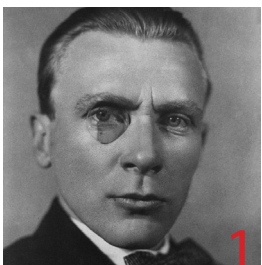
86

96

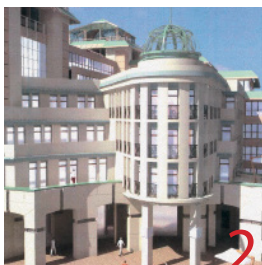
138

150

188

212

219

226

246

266

подписной индекс в гп "преса" 90212

A+C / ART + CONSTRUCTION / АРХИТЕКТУРА І СТРУКТУРА / 2-3 '2011 / АРХИТЕКТУРНЫЙ УЗВОЗ

редакционный совет а+с

Александр ДОЛЬНИК,

архитектор "Dolnik & Co" (Днепропетровск)

Сергей ПРОТОПОПОВ,

главный архитектор города Ильичёвск

Андрей ПУЧКОВ,

архитектуровед, ИПСИ НАИ Украины (Киев)

Виктор РОМАНЧИКОВ,

архитектор, ТПЦ "СРЕДА" (Донецк)

Валерий УРЕНЁВ, директор

Архитектурного института ОГАСА (Одесса)

Григорий ХОДИН,

главный архитектор Херсонской области

Сергей ЦАРЕНКО,

главный архитектор Винницкой области

Богдан ЧЕРКЕС, декан архитектурного

факультета НУ "Львівська політехніка" (Львов)

Юрий ШКОДОВСКИЙ,

ректор ХГТУСА (Харьков)

Валентин ШТОЛЬКО,

президент УАА (Киев)

главный редактор

Борис ЕРОФАЛОВ

boris@acplus.com.ua

выпускающий редактор

Елена НЕНАШЕВА

elena@acplus.com.ua

редакционная группа

Анна ПОЧТОВАЯ

Наталия ЯРОШ

Глеб УШАКОВ

дизайн-группа

Александр ЧЕРВИНСКИЙ

sasha@acplus.com.ua

Мария ЗАХАРЧЕНКО

mariya@acplus.com.ua

фотокорреспонденты

Дмитрий КОБЕЦ

Антон ЧЕРКАШИН

редакция

Украина, 04071 Киев

ул. Лукьяновская 63, офис 97

телефон/факс: (+38044) 496 9823

подписка

подписной индекс в ДП "Преса" 90212

для корреспонденции

e-mail: ac@acplus.com.ua

Издание зарегистрировано в Министерстве

по делам прессы и информации Украины,

свидетельство: серия КВ № 8276 от 25.12.2003.

© Журнал а+с 2-3 '2011

Все права защищены

Слава Господу!

Декабрь 2011. Тираж 4 000 экз. Цена договорная

Полиграфия: ООО "Арт Студия друку"

01033 Киев, ул. Короленковская 4

A+C 2-3 '2011

- 4 КОНЦЕПЦИЯ: Борис ЕРОФАЛОВ. Андреевский спуск: Модернизация vs реставрация
6 РЕЦЕНЗИИ: Сов. Киев: Хороший материал! / Искусство на панели

ART / АРХИТЕКТУРНЫЙ УЗВОЗ

- 8 Иконы о том, как строить в старом городе.
Ричард РОДЖЕРС, Бернард ЧУМИ, Вольф ПРИКС, Заха ХАДИД, Бен ван БЕРКЕЛЬ
10 Виктор ШИРЯЕВ, Борис ЖИВКУРИЛКО. Париж: Можно ли строить в старом городе?
18 Ренцо ПИАНО, Ричард РОДЖЕРС. Париж: Футуристический объект на Плато Бобур
24 Бернард ЧУМИ, Михалис ФОТИАДИС. Афины: Новый музей Акрополя
44 Gangoly & Kristiner Architects. Баг-Радкерсбург: Культурный центр на водах
48 Мануэль ГОТРАН. Париж: Ситроен на Елисейских полях С_42
58 Бен ван БЕРКЕЛЬ, Герард ЛООЗЕКООТ. Почта в Роттердаме
62 Внимание, узвоз! Андреевский спуск перед реконструкцией
64 РЕЦЕНЗИИ: Путеводитель по спуску / Редкая книга о киевском модерне

PLUS / АРХИТЕКТУРНЫЙ УЗВОЗ

- 66 Авраам МИЛЕЦКИЙ. Прологомены к Андреевскому спуску
76 Александр КУТОВОЙ. Пространство средневекового Киева
86 Олена НЕНАШЕВА. Десятинна: Існування поза часом
90 Татьяна ВЛАСОВА. Свято место пусто не бывает
96 Архитекторы об Андреевском
Владимир СМЕРНОВ, Юрий БОРОДКИН, Александр КОЛЕСНИКОВ, Дмитрий ВОРОНОВ,
Александр КУТОВОЙ, Георгий ДУХОВИЧНЫЙ, Виктор ШИРЯЕВ, Лариса СКОРИК,
Сергей ЦЕЛОВАЛЬНИК, Евгений ЛИШАНСКИЙ
121 Александр БЫЛЬЧИНСКИЙ, Татьяна ВЛАСОВА, Андрей МОРОЗ. ЮМА-2000
122 Андреевский спуск: Памятник градостроительства?
Яков ДЕГТЯРЬ, Александр КОСАРЕВСКИЙ, Сергей НОВГОРОДСКИЙ, Владимир СОБЦОВ,
Татьяна СКИБИЦКАЯ
138 Абрам МНОГОМУДЕР. Андреевский крест и храм на горе
142 Жанна ЛИТВИНЧУК. Андріївська церква: Інженерний шедевр XVIII ст.
147 Андрей ПУЧКОВ. Андреевский подъём
150 Анатолий КОНЧАКОВСКИЙ. Дом на Андреевском спуске
154 Виктор КИРКЕВИЧ. Мой Андреевский спуск
158 Михаил КАЛЬНИЦКИЙ. Андрей незванный подле Первозванного
160 Дмитрий ШЛЕНСКИЙ. Музей одной улицы
162 Юрий КОВАЛЕНКО. Архитектор, работай с пространством!
167 Варел ЛОЗОВОЙ. Духовые зоны спуска и окрестностей

KUNSTKAMERA

- 170 Елена НЕНАШЕВА. Художники об Андреевском: Бланманже и дежавю
180 Гліб ВИШЕСЛАВСЬКИЙ. Контра банга: Спуск
184 Ольга КОНОВАЛОВА. Объекты на киевских холмах
188 Вадим ЗАПЛАТНИКОВ. Пейзажна алея: Рефлексії аборигена
194 Общественность за Андреевский спуск!
Александр ДИРДОВСКИЙ, Алексей АЛЕКСАНДРОВ, Валентин СИЛЬВЕСТРОВ, Александр МИЛОВЗОРОВ,
Екатерина ГОНЧАРОВА, Владимир МОГИЛЕВСКИЙ, Виталий МАЛАХОВ

CONSTRUCTION / АРХИТЕКТУРНЫЙ УЗВОЗ

- 210 Сергей ЦЕЛОВАЛЬНИК. "Андреевский": Первое приближение
226 Джон ФОТИАДИС. "Андреевский": Итоги
246 Виктор ШИРЯЕВ, Олег СУХОДУБОВСКИЙ, Владимир ГУСАКОВ.
Реконструкция квартала на Подоле
260 Виктор СУДОРГИН. Пешеходное "Золотое кольцо" Киева
262 Михаил ПОВСТАНЮК и сыновья. "Оазис" на одесском Фонтане / Коттеджи на Французском
бульваре / Новое рождение "Большой Московской"
268 Архитектор Виктор Самойлович: К 100-летию со дня рождения

андреевский спуск: модернизация vs реставрация

Андреевский спуск — генетически корневое место города Киева. И его невозможно “убить”, поскольку он прорастает и будет прорастать морфологически сквозь любые наслоения — согласно своей геологической и “градообразующей” структуре.

Андреевский спуск — потёмкинская декорация позднего застоя, косметическая реставрация и неудавшийся городской скансен.

Андреевский спуск 1980-х — попытка достичь стерильной чистоты, дезинфекции больничной палаты, скудного порядка по-спартански военизированного общества равных.

Андреевский спуск периода Перестройки — карнавал и состояние счастья, когда люди могли выйти на праздник “без причины”, не на 1 Мая и не на 7 Ноября, просто потому, что у них Праздник Искусств.

Андреевский спуск 1990-х — энтропия праздника и медленное, но неуклонное преобразование его в доходное место. Наиболее шустрые предприниматели первой комсомольско-кооперативной волны стали успешно превращать бесхозные “архитектурные памятники” и пустоты между ними в недвижимость. Наивные художники проливали и уступали рэкетирам выданные им советской властью мастерские. Челночники постепенно вытес-

нили ремесленников и превратили “праздник искусств” в блошиный рынок. Власть срывала политические дивиденды от народной гульни и собирала взятки с предпринимателей. Фасадами и подвалами, дорогой и тротуарами, водопроводом и канализацией, прилегающими зелеными склонами и “культурным предназначением места” по большому счету, инфраструктурно, никто не занимался — и спуск пришел в запустение.

Сегодня Андреевский спуск представляет собой удручающую картину. Это узел противоречий из прошлого, на нем грязно и неуютно. Но пришло понимание того, что во всех вопросах его бытования должна появиться чистота: мостовые должны быть вымощены, тротуары — для пешеходов, фасады — покрашены, художники — убажены. Недвижимость должна быть упорядочена в соответствии с несуществующей генеральной концепцией города по использованию и развитию этого уникального историко-архитектурного и ландшафтного комплекса. И на каждое строение (включая “Замок Ричарда”) — медную бляху с именем владельца.

На Андреевском спуске тридцать лет власти прегержащие как бы занимались реставрацией того, что было до 1917 года. Пришло время заняться нормальной модернизацией.

Handwritten signature or mark.

Андреевский спуск. Автография С. Е. ШОНХАЛАС, 1868

С момента выхода в свет книги «Архитектура Советского Киева» в ноябре 2010 года прошел ровно один год. Книжка не осталась незамеченной и даже стала своего рода бестселлером. За это время на неё появилось дюжина рецензий. Однако, автор с удивлением обнаружил, что лучшим, самым искренним и точным оказался текст дружеского письма, полученного им от архитектора Татьяны Власовой в декабре того же 2010 года:

«Здравствуй, Боря. Прочитала твою книжку. Осталось стойкое впечатление — книжка хорошая, советская архитектура — плохая. Поясняю. Книжка хорошая потому, что собран хороший материал. Хорошо отобраны объекты (точно показывают специфику момента), и иллюстративный материал хорош — не только реальность, которая «получилась», а проектный материал, показывающий, каким объект «мыслился». У меня осталось ощущение, что писано инсайдером, и мне это понравилось в целом, хотя некоторая фамильярность мне была не по вкусу. Много хороших текстов, особенно в первой половине

(«каменщики» мне понравились меньше) — хороших тем, что дают образ времени, точно описывают важные процессы. Понравилось мне и концепция — то, что ты пишешь от себя. Тексты совсем грубые, чем те, которые мы кушали от НИИТиИА и это, по-моему, очень важно. Что не понравилось. Хотя тексты твои и не похожи на прежние советские, но хвалишь ты все подряд так же, как и раньше. Вот хвалишь, а меж строк ужасная советская архитектура все равно лезет — нелепая и малокультурная. Что бы вы с Фоминым не говорили (а он говорил простое и неубедительное), его спаренная колонна под одной капителью никакой не постмодернизм, а советский архитектур-

ный (литературный, художественный, музыкальный) беспредел, где угодить нужно власти преержащим, которые в этом ничего не понимают, и «соответствовать». И у меня, честно говоря, от этого здания дух не захватывает, а всегда хочется мимо проскочить, чтобы не поглотило, чего доброго. То же и с другими мастерами — ты, как на мой вкус, безмерно увеличиваешь их масштаб, белыми нитками пришиваешь к европейскому архитектурному процессу. Меня не убегил. Ты приводишь много текстов «советских мастеров». Но, кроме воспоминаний Жежерина и цитат Вернадского, остальные тексты — просто глухая простая конъектура, начисто лишенная не только архитектурной мудрости, но и обычной свежести. Знаешь, по-моему — Киев — город некрасивый. Ландшафт, конечно, вытягивает, но и только. Я по Киеву езжу не за рулем часто, и у меня всегда от архитектурной глупости разных времен настроение портится. Не Вена, и не Будапешт даже. Безграмотной отсебятины, перепевов неизвестно чего слишком уж много. Бездна гурного вкуса. Что еще не понравилось — некоторое разносилье в

текстах, в подаче материала, этакая «растрепанность» — возможно, казалось то, что материал обрабатывался на протяжении длительного периода, но это не слишком мешает. Что мне испортило удовольствие, которое я от твоей книги все-таки получила — так это интервью с Рыбачук и Мельниченко. Это надо же так на себя одеяло тянуть! Даже в наши невзыскательные с точки зрения морали времена мне это показалось перебором. Ограничить участие Милецкого прямоугольным эскизиком — это нужно уметь. К сожалению, и статья о Милецком ситуацию не прояснила. Дело в том, что Алеша как раз в это время у Милецкого работал и видел совсем другую ситуацию. Ну, это так, между делом, в конце концов, это твоя книжка. Такие вот мысли — хорошие и плохие. Но — точно не скучно. Более того, мне эта книга была очень кстати, так как возраст такой, что хочется составить образ своего времени, в том числе образ профессиональной сферы, в которой столько лет крутился, и твоя книжка — подходящий материал для размышлений. Спасибо. С Новым годом, надеюсь, с новой книжкой.

Власова»

искусство на панели

Невинчанная И. В. Искусство на панели, или Зарисовки с Андреевского спуска. — Белая Церковь: А. Пшонковский, 2011. — 168 с.

Архитектор из Белой Церкви Инесса Невинчанная в эпоху Перестройки переквалифицировалась в художника-миниатюриста по бере-сте, а с приходом Незалежности — и в реализатора своей продукции на Андреевском спуске. Собрание коротких историй, снабженных легкими и точными рисунками, покупает своей

искренностью. Ее рассказы завораживают тонкой наблюдательностью и незловобытым юмором, не щадящим и собственную персону. Очерки ведут по давно знакомым местам: Владимирская, Спуск, Контрактовая, Глыбочицкая, — и, несомненно будут интересны всем киевлянам и гостям города. Книжка открывается авторской молитвой, говорящей о многом:

«Андрей Первозванный, возвышающийся над нами! / Спасибо тебе за покровительство и поддержку. / Будь и сегодня моим покровителем. / Помоги заработать честным трудом. / Дай мне силы и вдохновения на этот день. / Спаси и сохрани от милиции, налоговой, рэкета, воров и мошенников. / Пошли мне купцов богатых и щедрых.

Амины!»

art / архитектурный узвоз

Ричард РОДЖЕРС, архитектор, Великобритания

О строительстве в исторических центрах европейских городов я могу говорить на примере родного Лондона. Сегодня это самый быстроразвивающийся город Европы, центральная часть которого расширяется за счет разветвленной транспортной структуры. Учитывая этот факт, можно смело говорить, что в недалеком будущем исчезнет такое понятие как “отдаленный район”. Сегодня миллиарды фунтов стерлингов вкладываются в строительство переживающего архитектурный ренессанс Лондона. Силуэт города меняется буквально на глазах. Лично мне не очень интересно перестраивать старые здания, даже если они находятся в центральной части города, потому что этот процесс всегда связывает

архитектору руки. Но, с другой стороны, архитектура сама по себе — это непрерывная череда ограничений, препятствий и непрекращающийся поиск компромиссов. Чтобы решить сложную задачу, нам часто приходится переворачивать проблему с ног на голову. Построить что-то радикальное всегда сложно, многих моих коллег часто останавливает страх проектировать вне традиций. На мой взгляд, традиции — это прекрасно, но на прошлом будущем не построить. К примеру, советские конструктивисты проектировали без оглядки на традиции и не боялись выйти за рамки правил. У них получилось создать великую архитектуру. Как бы там ни было, наш главный заказчик — время, и оно, так или иначе, меняет облик го-

Всякий начинающий архитектор безусловно подвержен влиянию среды, в которой сформировался. Но хороший архитектор всегда должен быть в авангарде. Когда мы были молоды, главное, к чему стремились — радикально изменить архитектуру. Наш первый реализованный проект — реконструкция венского чердака для небольшой юридической компании. Проект был слишком дерзким для исторического центра, и мы никак не могли получить разрешение на строительство. В конце концов, мы пошли к мэру Вены, который сказал:

“Это не архитектура, это искусство”. На что я ответил: “Мы согласны с вами, не могли бы вы теперь подтвердить свои слова на бумаге?” С тех пор прошло более двадцати лет, и этот проект успел стать городской достопримечательностью. Вена, где очень сильны движения по защите и сохранению исторического наследия, была для меня очень ограничивающим городом. Мы всегда были оппонентами таких взглядов, потому что консервативная среда не может производить ничего, кроме посредственной архитектуры.

Вольф ПРИКС, архитектор, Австрия

Coop Himmel(b)au утверждает: не среда должна влиять на людей, но люди должны изменять окружение в лучшую сторону. Архитектору и лю-

бому другому “артисту” очень важно пробовать новые вещи. Радикализм нужен, чтобы продолжить движение вперед.

как строить в старом городе

Ответы на анкету А+С: Ричард РОДЖЕРС, Бернард ЧУМИ, Вольф ПРИКС, Заха ХАДИД, Бен ван БЕРКЕЛЬ

Конечно, современное строительство возможно в исторических частях городов Европы, но архитекторы всегда должны не только учитывать, как новое здание будет выглядеть в существующем

контексте, но также то, насколько его программа будет соответствовать историческому центру. К примеру, масштабы гигантских торговых комплексов чаще всего несовместимы с масштаба-

ми старых районов. Работа моего бюро всегда зависит от исходных условий: концепции, контекста и содержания. Но они в каждой стране, городе, районе — разные. Поэтому у меня нет набора го-

товых архитектурных приемов. Для каждого нового места мы всегда разрабатываем новую концепцию. Но что никогда не меняется, так это наше стремление сохранить характер, жизнеспособность и энергию места, чтобы не разрушить его уникальность. Так, Новый музей Акрополя демонстрирует самое удачное объединение старого и нового, которое очень тяжело воплотить в архитектуре. Музей находится всего в трехстах метрах от Парфенона, и поэтому в нем должны быть сохранены и контекст, и идея того времени. Я очень надеюсь, что все артефакты, вывезенные в British Museum, вернутся на родину, и Acropolis New Museum этому процессу поспособству-

Заха ХАДИД, архитектор, Великобритания

Меня мало волнует внешняя сторона мегаполисов, но я всегда с интересом наблюдаю за функционированием городов и людей. Главное в работе над проектом — место и история. Не составляет труда вписать объект в существующий контекст, потому что я не боюсь ответственности перед будущими поколениями. Большинство радикальных построек не принимается ни властями, ни жителями. Но со временем

все подвергается переосмыслению, и эксцентрики становятся неотъемлемой частью окружения, даже памятниками архитектуры. Помимо уверенности в правоте, мне всегда везло с заказчиками. Все они люди с современным мышлением, открытые новым идеям, без чего успех проекта невозможен. Но даже если в начале вы не говорите с клиентом на одном языке, то после череды дискуссий, которые гораздо важнее

творческой части, вы все же придете к общему знаменателю. Поэтому любой архитектор с четкой концепцией и пониманием того, как должен выглядеть проект и город в целом, должен не просто предложить идею, но и быть дипломатичным, чтобы легко переубеждать людей, заражая их своими мыслями. Диалог — необходимая часть сотрудничества, результатом которого все останутся довольны.

Бен ван БЕРКЕЛЬ, архитектор, Голландия

Бернард ЧУМИ, архитектор, США-Франция

Вид с башни Монпарнас на 15 округ, бульвар Гарибальди, Марсово поле, Эйфелеву башню и Дефанс

можно ли строить в старом городе?

Фото: Виктор ШИРЯЕВ, текст: Борис ЖИВКУРИЛКО

Марсово поле с Эйфелевой башней, Дом Инвалидов (над ним севернее — площадь Звезды), правее на берегу Сены — Большой дворец

Вид на север с башни Монпарнас на 7 округ. Справа налево: бул. Монпарнас, бул. Инвалидов и Дом Инвалидов с эспланадой, переходящей в набережную Сены

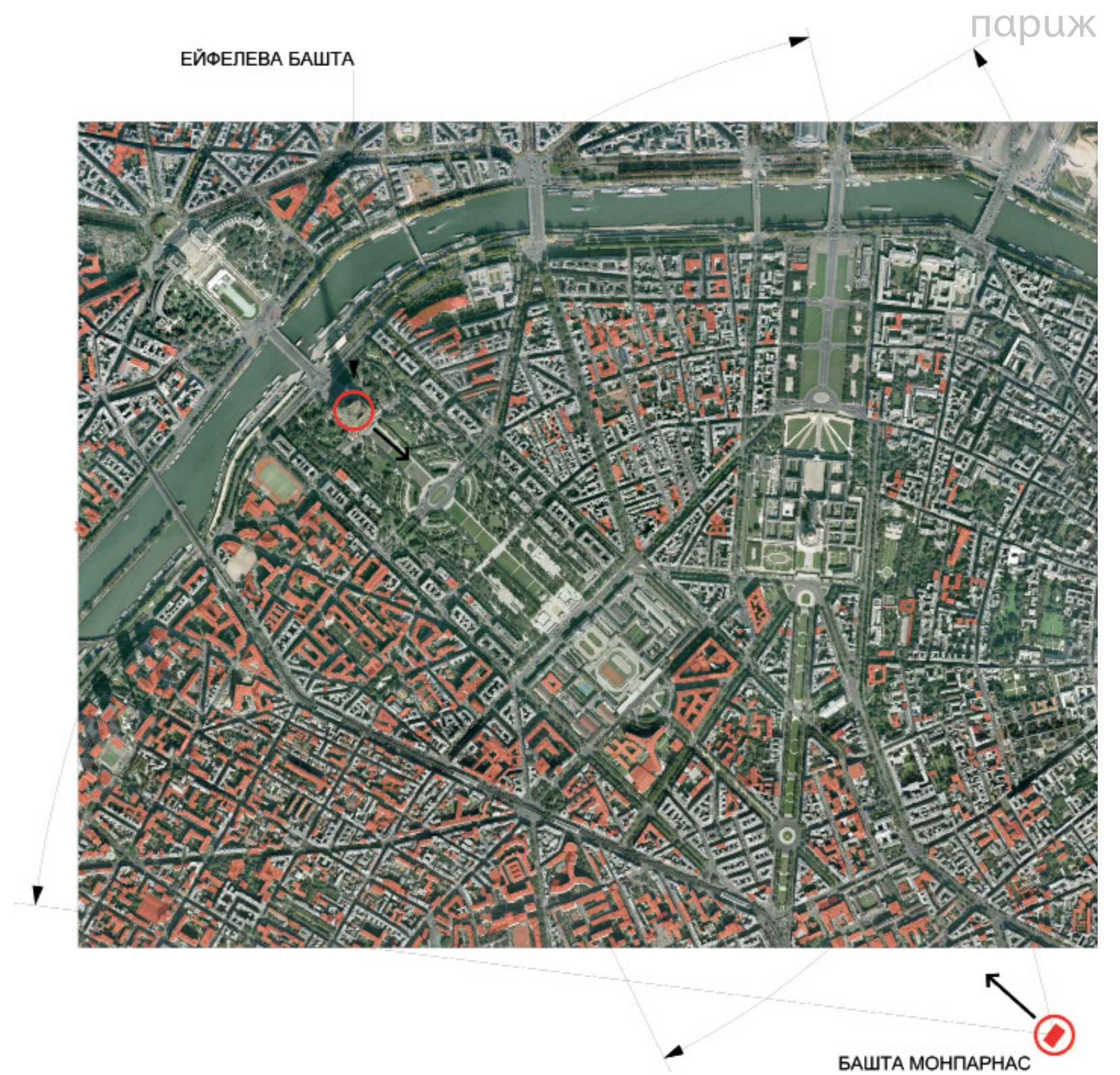
Когда А+С попросил известного киевского архитектора Виктора Григорьевича Ширяева поделиться своими соображениями о том, можно ли, а если можно, то как вести новое строительство в историческом городе, архитектор воскликнул: “А как же! Я вам покажу новую панорамную съемку Парижа с Эйфелевой башни и башни Монпарнас. Сам не подозревал, прогуливаясь по бульварам, что более 80 % парижских зданий — новое строительство с использованием стекла. Но сверху это видно!”

Вид с башни Монпарнас на восток. Вверху: Люксембургский сад, Пантеон, вокзал Аустерлиц. В центре: бульвар Монпарнас, пл. Пикассо (бул. Распай)

Вид с Эйфелевой башни на северо-восток, 7 округ. За Сеной слева — Большой дворец и площадь Согласия, через мост справа — эспланада Дома Инвалидов

Вид с Эйфелевой башни на юго-восток: Марсово поле, Военная академия и башня Монпарнас

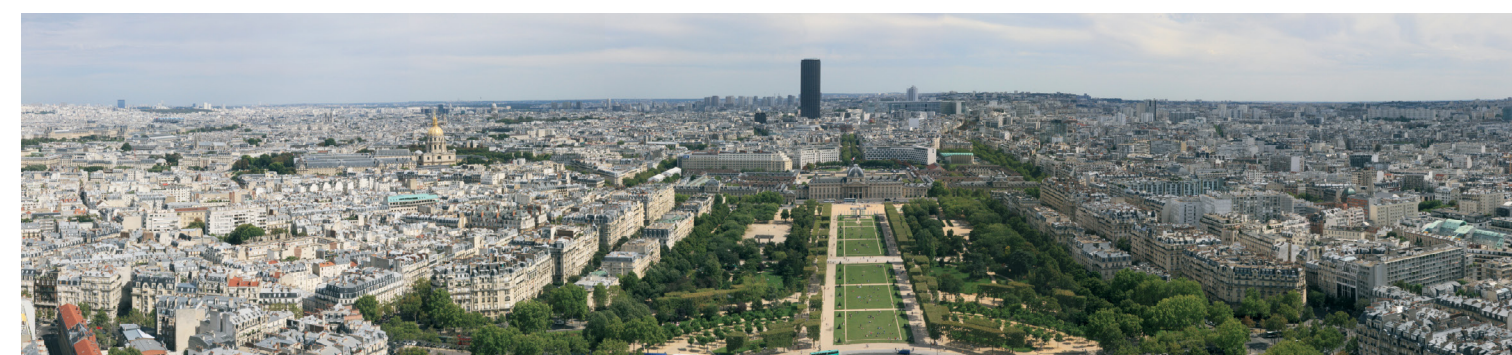

Вид с Эйфелевой башни на восток: Дом Инвалидов, правее — Пантеон

А еще Виктор Ширяев взялся подготовить схему, на которой красным цветом в обозреваемом секторе города Парижа отмечена исключительно новая послевоенная застройка (см. на предыдущей странице).

Более того, отметил мастер, примерно то же самое можно увидеть в Берлине, Милане, Барселоне и даже Риме. В Брюсселе комплекс Европарламента и послевоенная застройка активно внедряются в самый центр и контрастно подчеркивают качества исторических зданий. В Лондоне 95 % застройки в районе парламента и Сити — новые. Морально устаревшие части города отмирают и заменяются по разным причинам: уходит промышленность, ветшает инфраструктура и жилой фонд, меняется мода. А город живет — он должен жить!

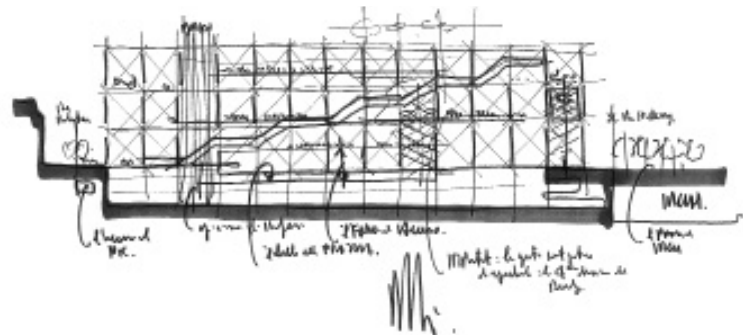
Париж: Инвалиды, Марсово поле, Монпарнас

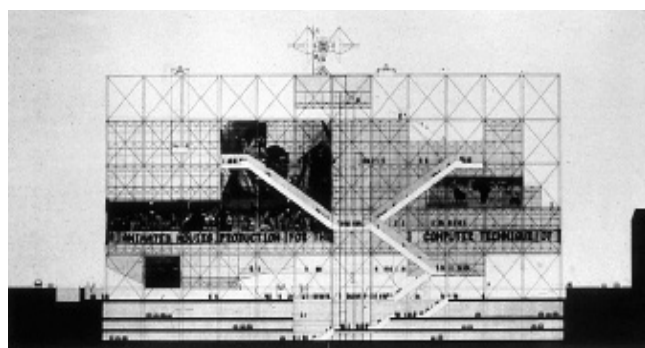
футуристический объект на плато бобур

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ ЖОРЖА
ПОМПИДУ
Плато Бобур,
Париж, Франция

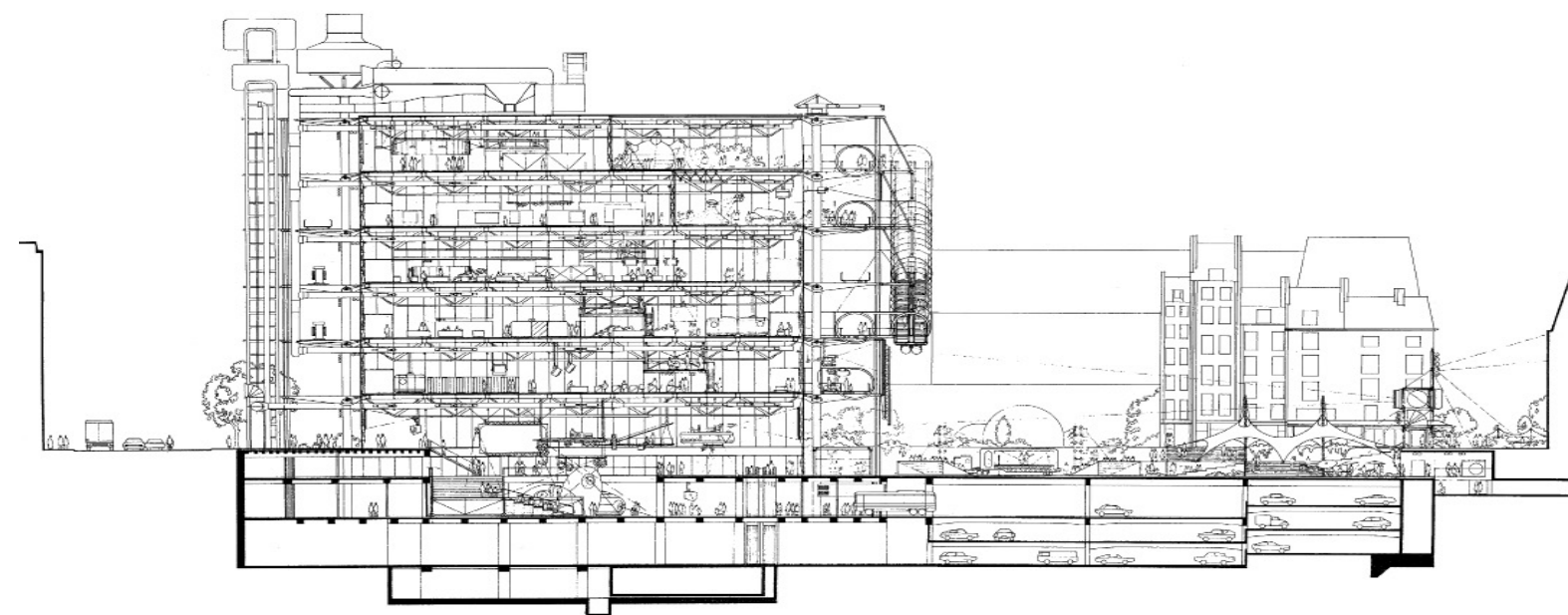
проектировщики: Piano + Rogers
конструкторы: Ove Arup & Partners
архитекторы:
Renzo PIANO, Richard ROGERS
конструкторы: Walter ZBINDEN,
Hans-Peter BYSAETH, Johanna LOHSE,
Peter MERZ, Philippe DUPONT
площадь участка: 100 000 кв. м
полезная площадь: 100 000 кв. м
этажей: 8 + 3 подземных
проект: 1971
реализация: 1971–1977

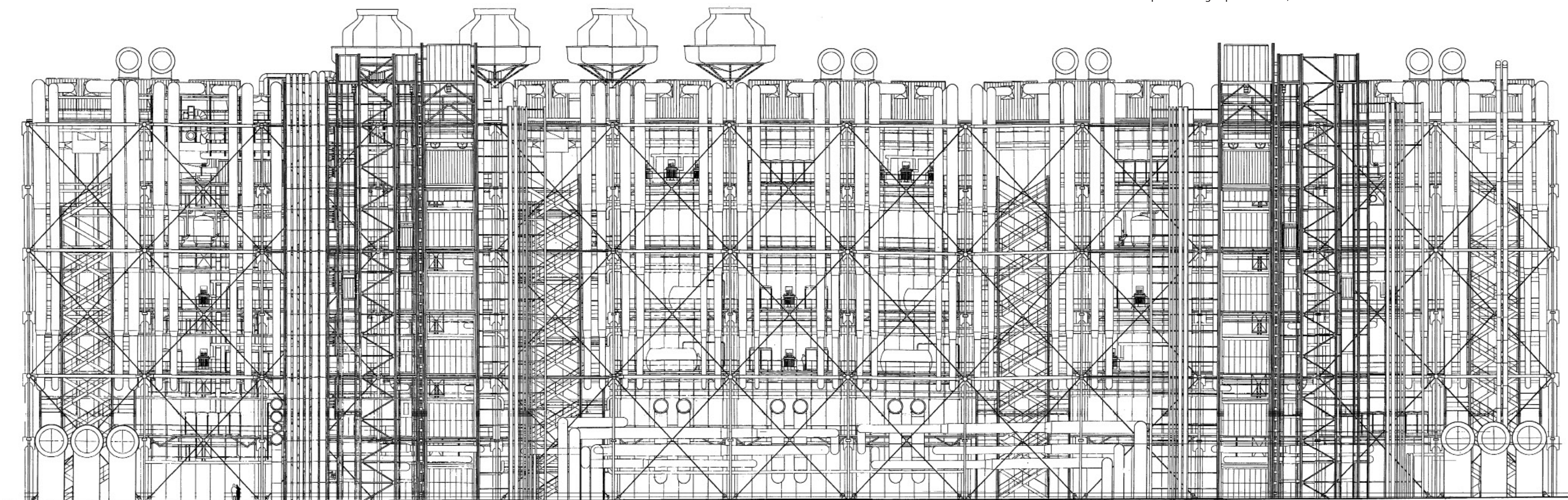
Национальный центр искусства и культуры имени Жоржа Помпиду давно возглавляет топ-лист достопримечательностей столицы Франции. На протяжении года Центр Бобур, как его называют парижане, посещают 8 миллионов человек. В то время как самая знаменитая парижанка — Эйфелева башня — ежегодно принимает всего 4 миллиона посетителей. Строительством Центра город обязан одному из бывших президентов Французской республики — Жоржу Помпиду, в честь которого комплекс и был назван. Помпиду всегда мечтал о том, чтобы в Париже появился объект, объединивший в себе функции музея и исследовательского центра современного искусства. В 1969 году был объявлен международный конкурс на проект крупнейшего в Европе культурного центра. Из 680 проектов, разработанных архитекторами из 49 стран, жюри выбрало вариант, предложенный итальянцем Ренцо Пиано и англичанином итальянского происхождения Ричардом Роджерсом. Строительство комплекса длилось пять лет и обошлось Парижу в 900 миллионов франков (около 139 миллионов Евро). Реакция прессы и коренных парижан после торжественного открытия Центра 31 января 1977 года была неоднозначной. Но со временем, несмотря на конструктивные недочеты, затрудняющие

Ремонт Центра Помпиду к Миллениуму (фото: Борис Гродов, 1999)

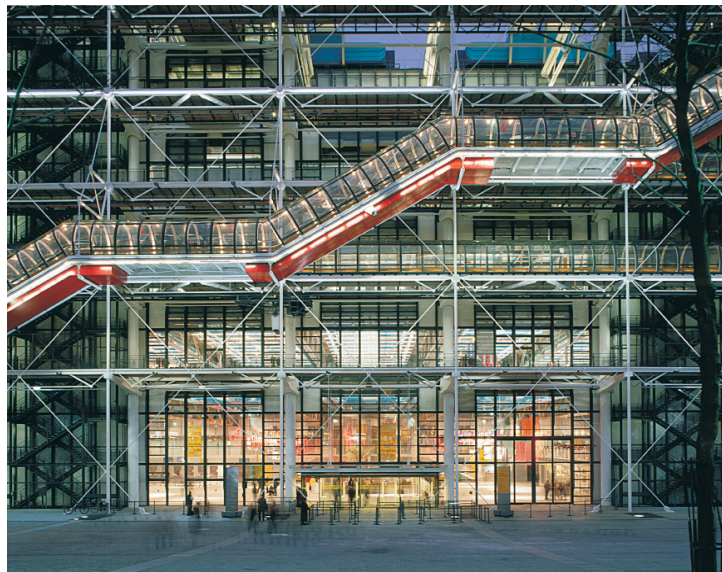

работу музея, зданию все же удалось завоевать огромную популярность. Для того, чтобы внутреннее пространство Центра получило максимальное количество полезной площади, все жизненно необходимые коммуникации (водопровод, канализация, воздуховоды, кондиционеры и электрика) были вынесены на фасады здания. Принцип high-tech в архитектуре, которым и воспользовались в своем проекте Роджерс и Пиа, но, отталкивает-

Фасад. Высота 42 м, длина 166 м, ширина 60 м

Главный фасад

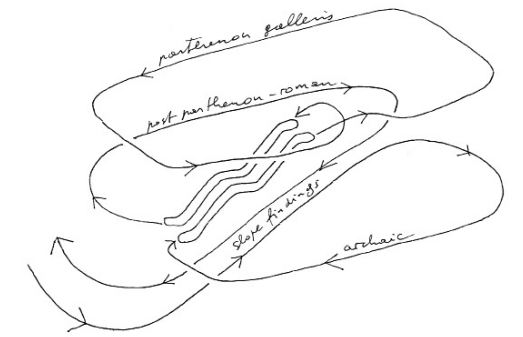

ся от знаменитого высказывания Ле Корбюзье: “Архитектура — машина для жизни”. Роджерс и Пиано трактовали его буквально, максимально подчеркнув в своем проекте все механизмы, которые роднят его с машиной. А то, что отличает архитектуру от машины — стены, заменили сплошным остеклением. Эта постройка стала своего рода манифестом нового направления в high-tech, получившего название bowellism (англ. bowels — внутренности). В результате такого подхода здание стало походить на прямоугольную конструкцию из стальных стержней, опутанных проводами и трубами.

В Centre national d’art et de culture Georges-Pompidou находятся публичная библиотека, Национальный музей современного искусства, Институт исследований и координации в области акустики и музыки, художественные мастерские для детей, а также кинозалы и конференц-залы. В музее собрана коллекция современного искусства, включающая работы Анри Матисса, Пабло Пикассо, Фернана Леже, Хуана Миро, Василия Кандинского, Марка Шагала, Сони Делоне и других известных художников. Одна из самых больших во Франции публичных библиотек занимает второй и третий этажи центра.

новый музей акрополя

НОВЫЙ МУЗЕЙ АКРОПОЛЯ
квартал Макриянни,
Афины, Греция

рук. проекта:
Димитрос ПАНДЕРМАЛИС

директор:
Николас ДАМАЛИТИС

проектировщик:
Bernard Tschumi Architects
(Нью-Йорк — Париж)

генподрядчик:
ADK and Agur (Нью-Йорк)

архитекторы:
Бернард ЧЮМИ,
Михалис ФОТИАДИС (Афины)

участок: 21 000 кв. м

парк: 7 000 кв. м

экспозиция: 8 000 кв. м

бюджет: 180 млн \$ США

проект: 2001

реализация: 2003–2007

открытие: 20. 06. 2009

посетители: 2 млн чел./год

Когда в 1874 году в Афинах начинали строительство второго Acropolis Museum, никто даже не подозревал, что спустя сто лет он будет слишком мал — как для увеличившейся в несколько раз коллекции, так и для желающих ее увидеть. Таким образом, одной из причин начала работы над новым проектом стала нехватка выставочных пространств для экспонирования собраний музея. Однако основным поводом для очередного строительства в центре Афин были затянувшиеся перегово-

ры Греции с Великобританией о возвращении около ста мраморных скульптур Фидия, созданных для Парфенона и Эрехтейона. В 1802 году эти произведения древнегреческого искусства вывез в Лондон британский посол в Турции лорд Томас Брус Элджин. С тех пор и по сегодняшний день они хранятся в лондонском British Museum.

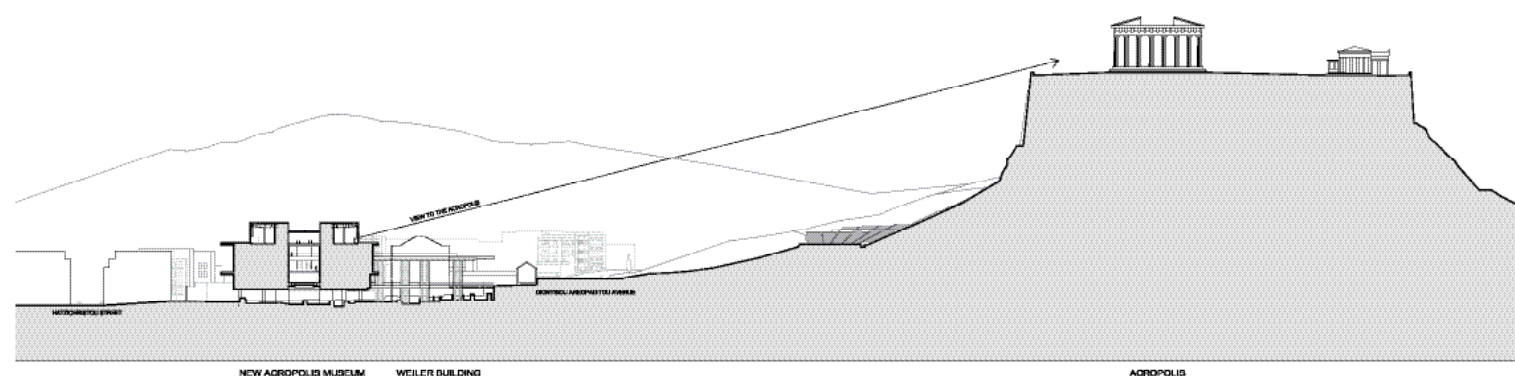
Главным контраргументом британской стороны было отсутствие в Греции условий, необходимых для экспонирования

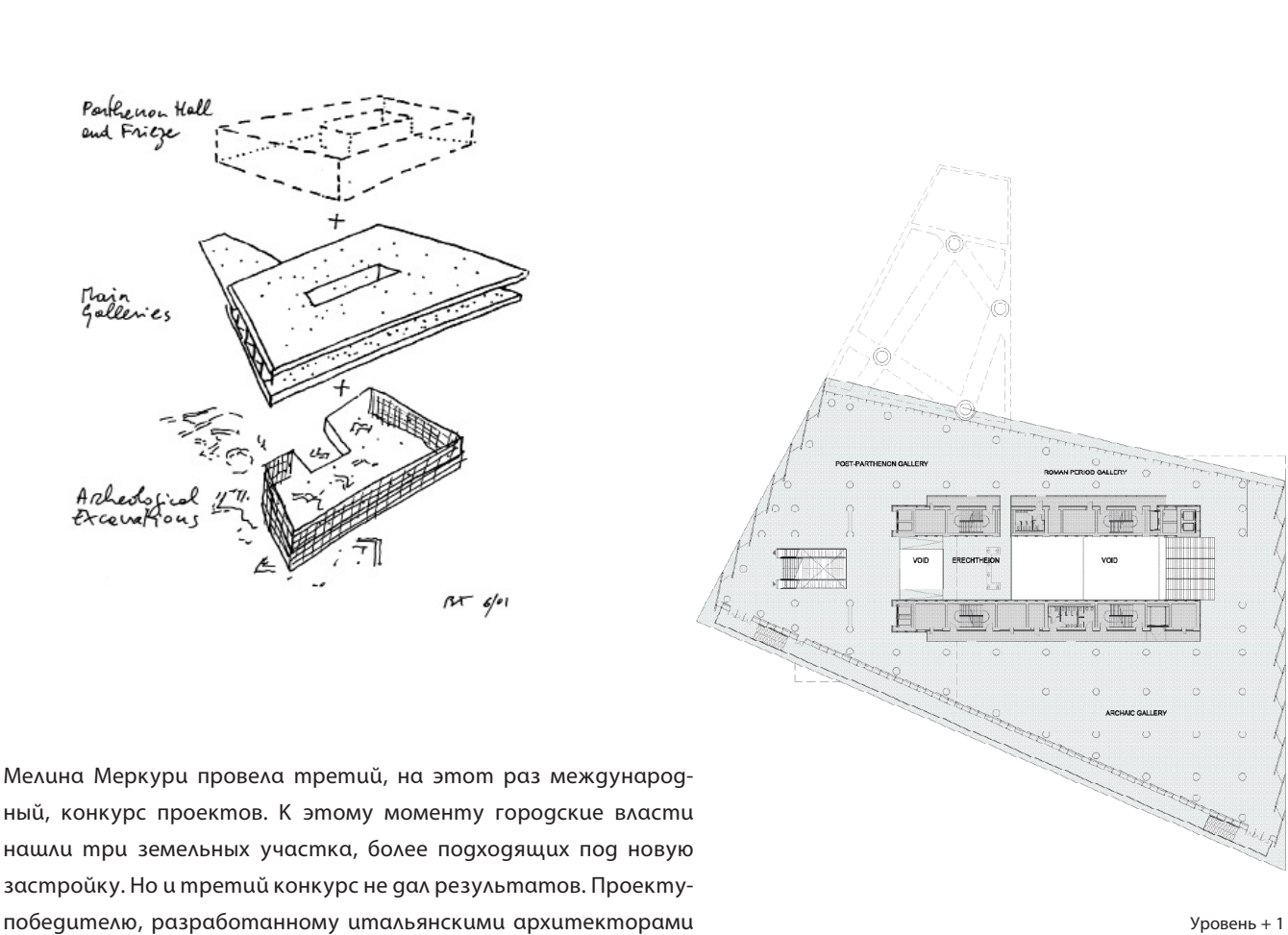
и хранения уникальных памятников античности. Англичане пообещали вернуть мраморные скульптуры, если греки построят новую галерею, соответствующую всем современным требованиям. Этот факт и стал ключевым в принятии решения относительно судьбы Acropolis New Museum.

Его открытия ждали более тридцати лет. После череды конкурсов и окончательного утверждения проекта в 2001 году, планировалось, что музей построят к Олимпийским играм

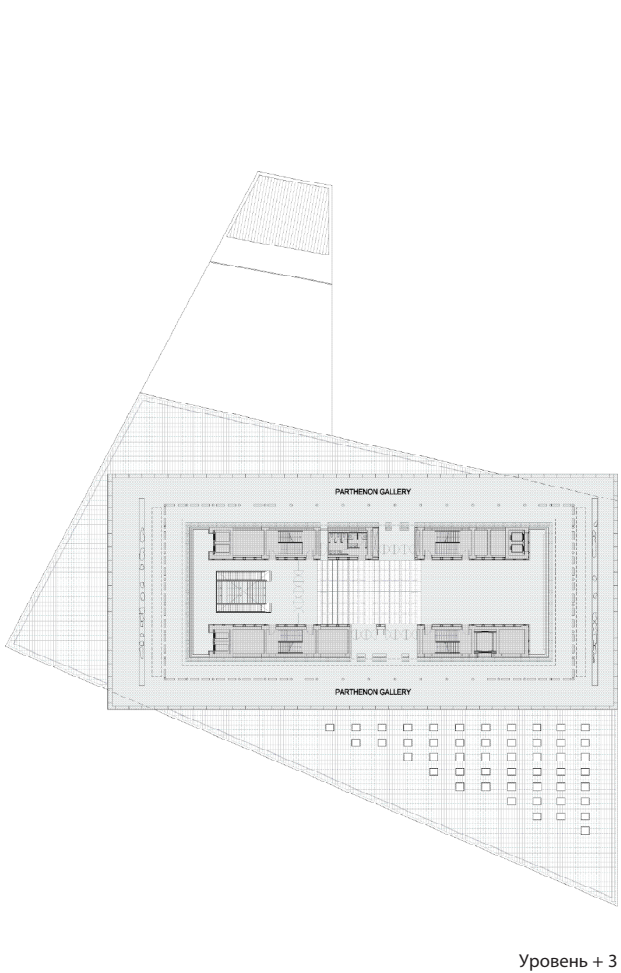
2004 года, которые проводились в Афинах. Но строительные работы затянулись. Лишь 14 октября 2007 года артефакты из старого музея переехали в здание нового. Из-за того, что Acropolis New Museum, построенный по проекту Бернарда Чуми, находится в историческом центре, процесс перевозки оказался довольно трудоемким и длительным. После переселения коллекции, старый музей был закрыт, а в июне 2009 года открылся новый.

Соревноваться за проект нового музея архитекторы начали в 1976 году, когда муниципалитет Афин провел первый конкурс, участвовать в нем разрешалось только греческим архитекторам. В 1979 году состоялся второй конкурс. Однако ни первый, ни второй не принесли никаких результатов. Как выяснилось, земельный участок, выделенный под строительство, был признан непригодным. В 1999 году в надежде на возвращение из British Museum скульптур Парфенона министр культуры Греции

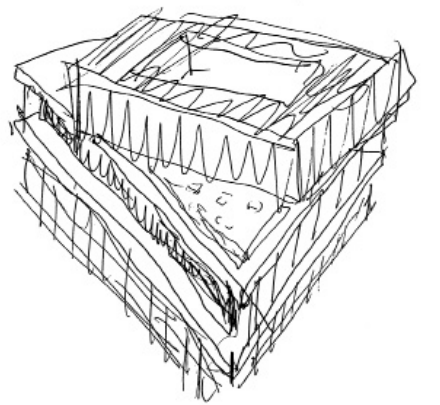

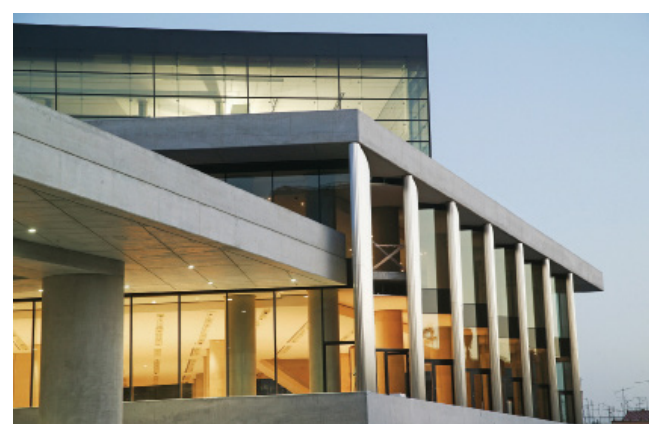
Уровень + 1

Уровень + 3

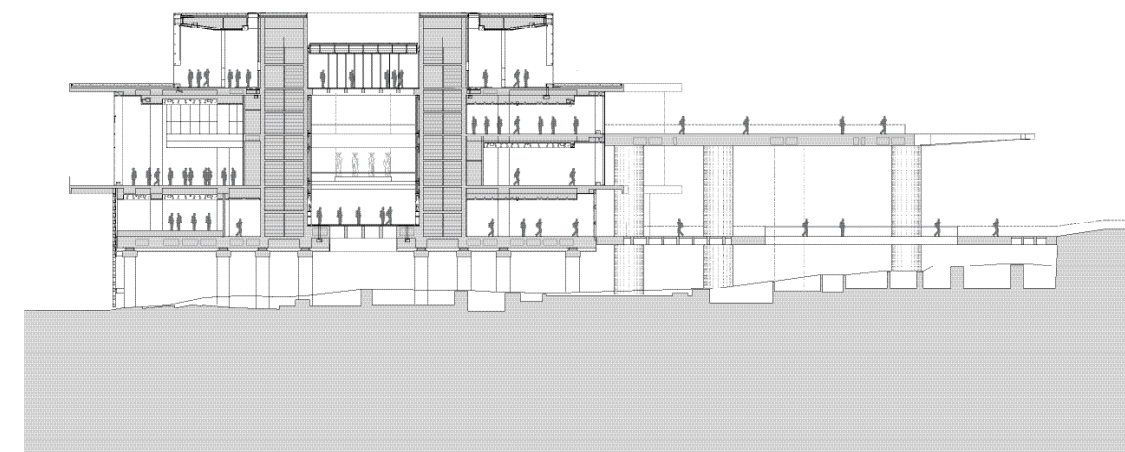
Мелина Меркури провела третий, на этот раз международный, конкурс проектов. К этому моменту городские власти нашли три земельных участка, более подходящих под новую застройку. Но и третий конкурс не дал результатов. Проекту-победителю, разработанному итальянскими архитекторами

Манфреди Николетти и Лусио Пассарелли, осуществиться было не суждено. Копая котлован, строители натолкнулись на фундамент античного здания, что привело к отмене греческим правительством результатов конкурса. И лишь в ходе четвертого, последнего соревнования, проведенного в 2000 году,

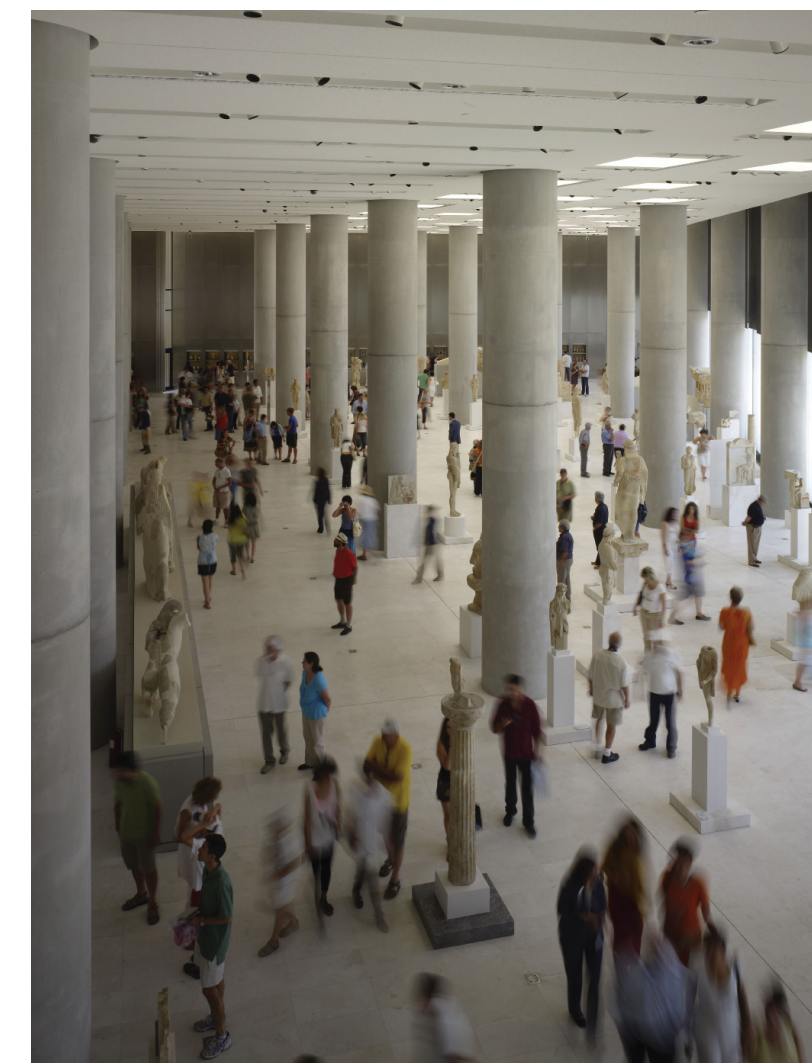

был выбран проект американского архитектора Бернарда Чуми, реализованный сегодня в районе Макриянни. Несмотря на то, что в Греции было немало сторонников неоклассического решения нового музея, победитель отличается современными формами. Acropolis New Museum был очень важен не только

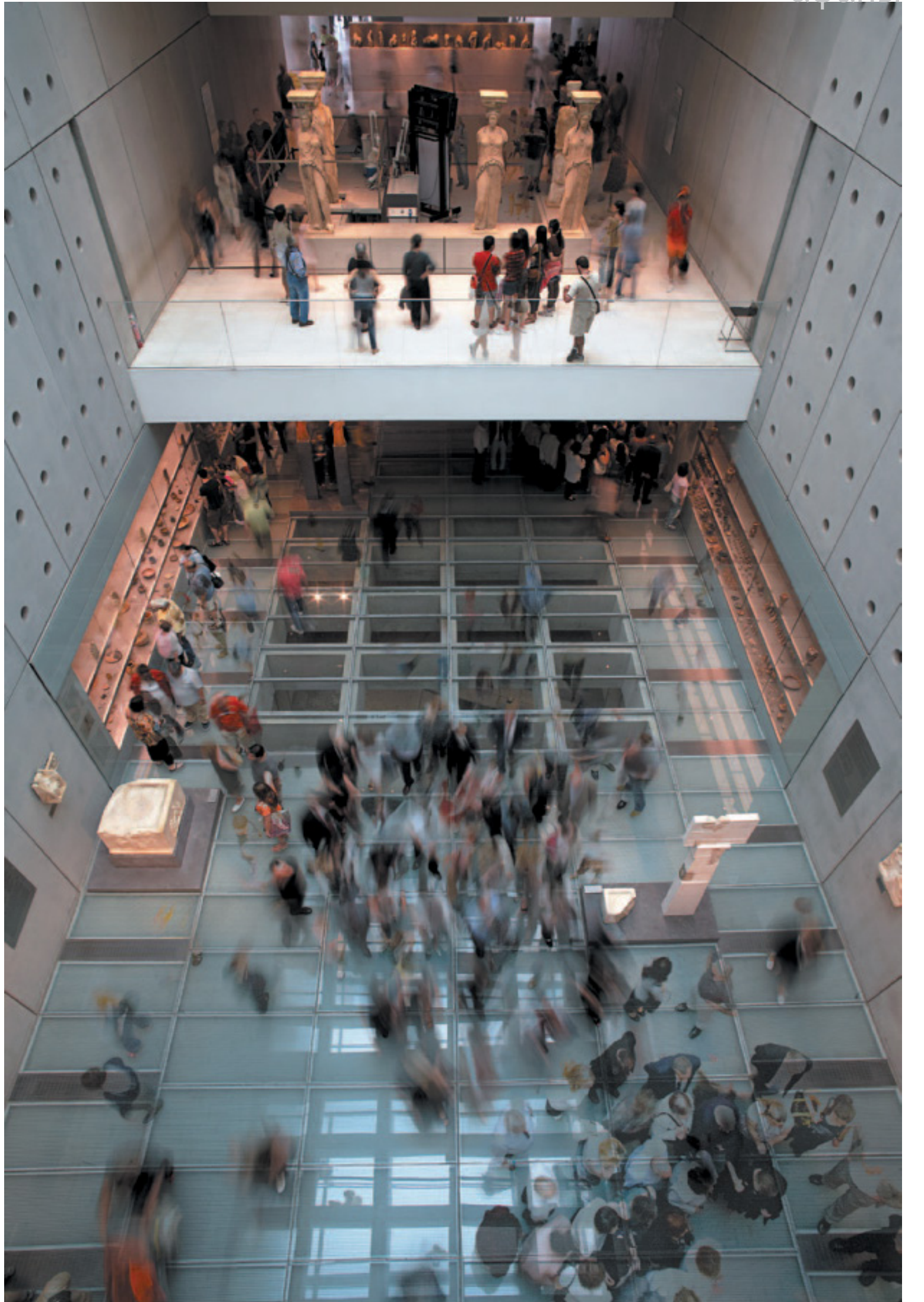

для Афин и всей Греции, но также и для архитектора Бернарда Чуми. В то время, как его коллеги по цеху построили не по одному музею в разных странах, греческий проект Чуми — первое за долгие годы в практике архитектора реализованное музейное здание. Перед Чуми была поставлена непростая задача: создать общественное пространство, не спорящее, а скорее подчиненное Акрополю, но, вместе с тем, обладающее самостоятельной ценностью. Справиться с условиями помогли градостроительный

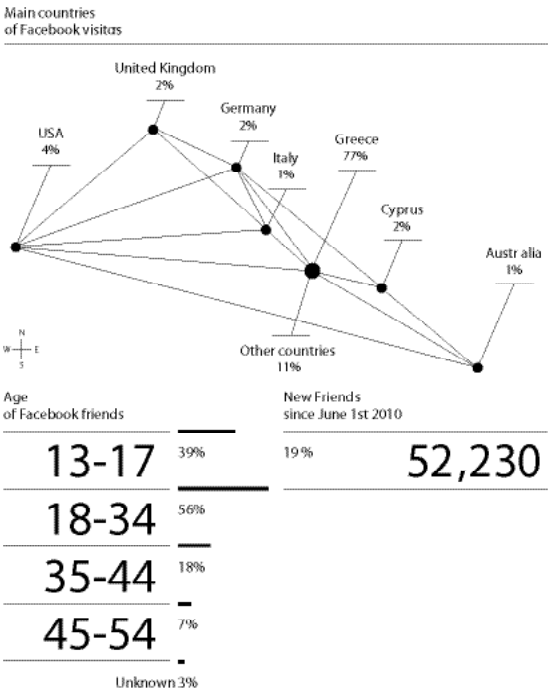
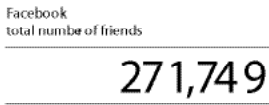
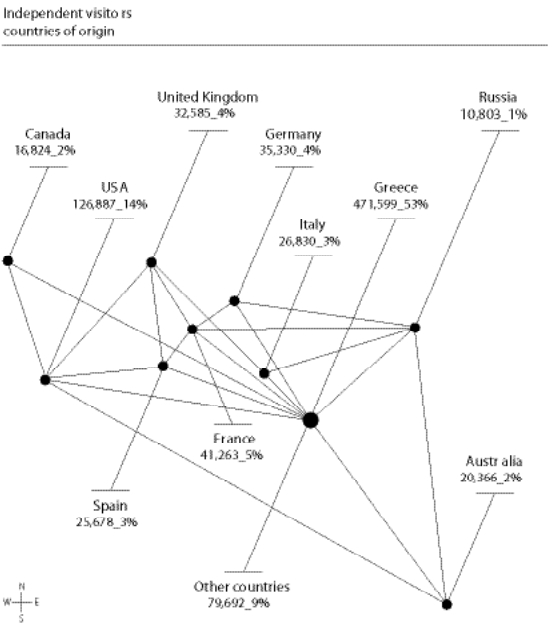
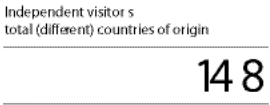

такт, умение найти соответствующий масштаб и подходящий архитектурный прием. Чуми решил, что правильнее будет не выделяться на фоне Акрополя, а наоборот — подчеркнуть знаменитый античный комплекс. Объем из стекла, бетона и мрамора, по его словам, представляет собой гораздо более тактичный фон, как для богатого собрания музея, так и для всего Акрополя. Из-за того, что под постройкой были обнаружены остатки античного городского квартала, Бернард Чуми и его

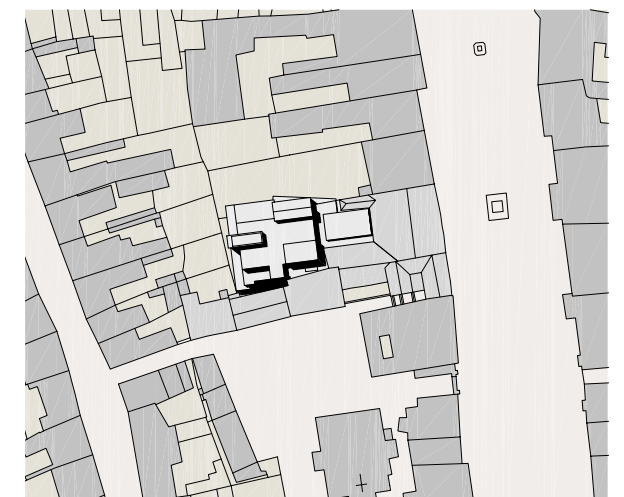
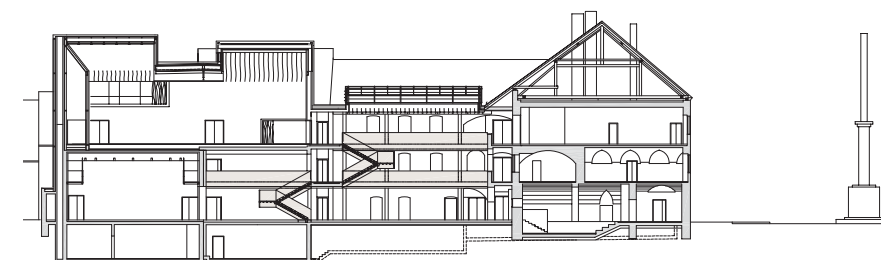
греческий коллега Михалис Фотиадис решили поставить здание на сто бетонных опор, которые на первый взгляд расставлены беспорядочно, но на самом деле их месторасположение выбрано таким образом, чтобы не повредить археологические находки. На первом этаже Acropolis New Museum расположены вестибюль и залы временных выставок. Сквозь стеклянные проемы в полу нижнего уровня можно увидеть фундаменты древних домов. Второй этаж знакомит с основной частью коллекции музея.

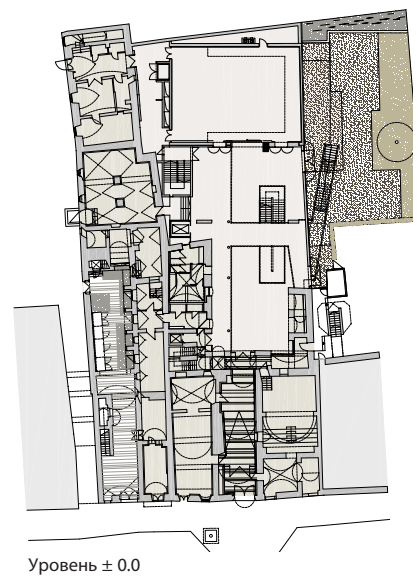
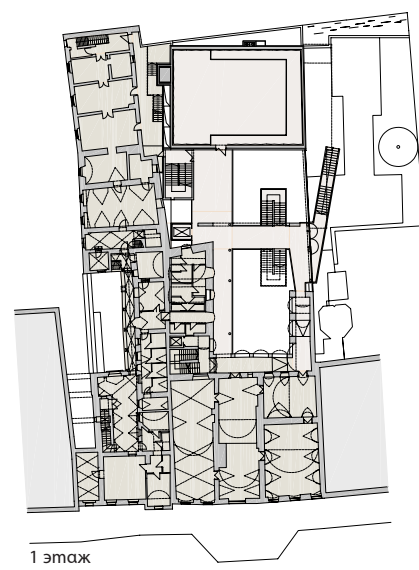
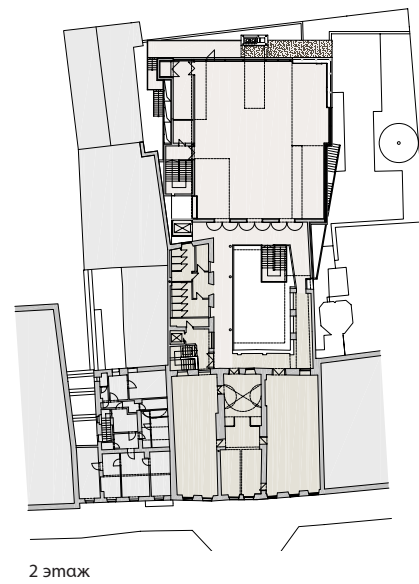

Здесь же находятся открытая терраса и кафе. Весь третий этаж занимает “Галерея Парфенона”: прямоугольник плана выведен в стеклянную призму, в центре которой поставлен бетонный объем, повторяющий целлу Парфенона. На нем из сохранившихся частей воссоздан знаменитый фриз с Панафинейской процессией. Acropolis New Museum успешно работает уже почти три года, но возвращать античные скульптуры Фидия британцы не торопятся.

Благодаря проекту реконструкции и возведению пристройки, три дома в стиле Ренессанс, в историческом центре австрийского города Баг-Радкерсбург, получили вторую жизнь. Для архитекторов и заказчиков было немаловажно, как масштаб, фактура и функциональное наполнение нового объема будут смотреться в историческом окружении. Тщательно продуманный силуэт нового здания повторяет очертания городских крыш. Фасады и кровля новой постройки обшиты листами кортеновой стали — материалом, который из-за своей естественной состаренности показался наиболее уместным в историческом центре города. Сегодня ансамбль построек функционально используется в качестве конференц-центра и одновременно как площадка для проведения различных культурных мероприятий.

ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

Бад-Радкерсбург, Австрия

заказчик:

Stadtgemeinde Bad
Radkersburg Kulturzentrum
Süd-Ost Ltd

проектировщик:

Gangoly & Kristiner Architects

конструктор:

DI Hans BOYER

инженеры:

Die HAUSTECHNIKER,
Jennersdorf Helmut ESSLER

акустика:

Dr. Gerhard TOMBERGER

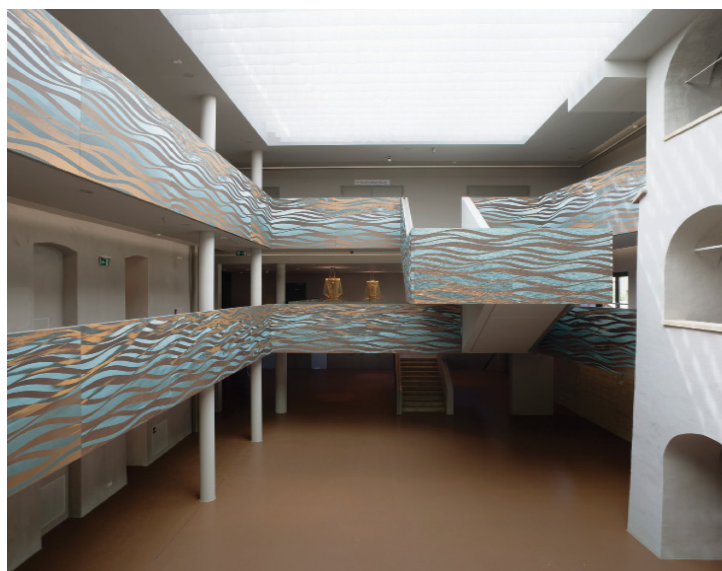
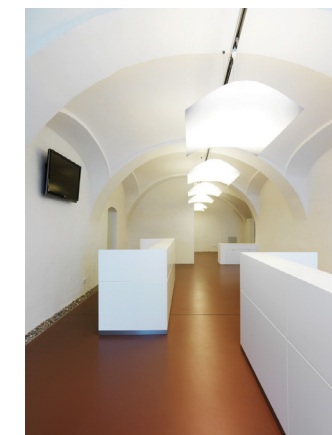
общая площадь: 4.550 кв. м

бюджет: 5,5 млн €

конкурс: 2003

проект: 2004–2008

реализация: 2007–2009

Внутренний двор был превращен в центральный холл, объединяющий все строения в единое целое. Зал Black Box на первом этаже оборудован для концертов электронной музыки, театральных представлений и кинопоказов, в то время как White Hall на втором этаже подходит для камерной музыки, а его окна открывают вид на самые красивые улочки Бад-Радкерсбурга.

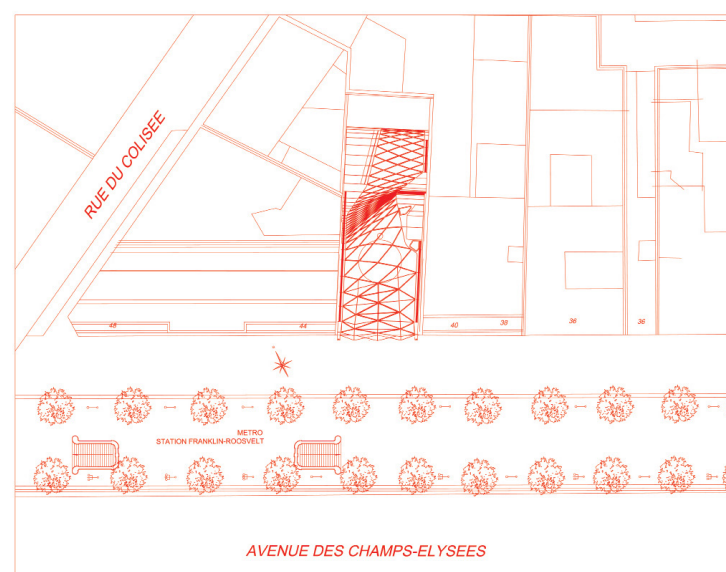
ситроен на полях С_42

ШОУ-РУМ CITROËN
Елисейские поля 42,
Париж, Франция

заказчик:
Automobiles Citroën
проектировщик:
Agence Manuelle Gautrand
архитектор:
Мануэль ГОТРАН
проект-менеджер:
Анне ФЕЛЬДМАН
конструктор:
Khephren
экономист:
Lucigny-Talhouet
акустика:
Lamoignon
мультимедиа:
Labeyrie
мобильное снаряжение:
Spectat
общая площадь: 1 200 кв. м
проект: 2002–2003
реализация: 2004–2007

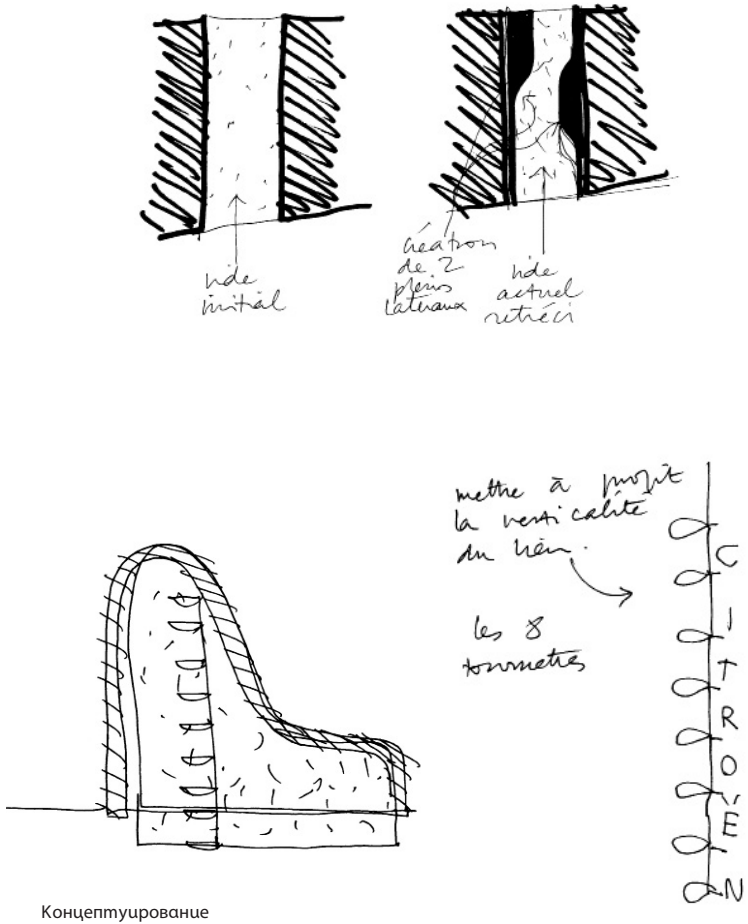
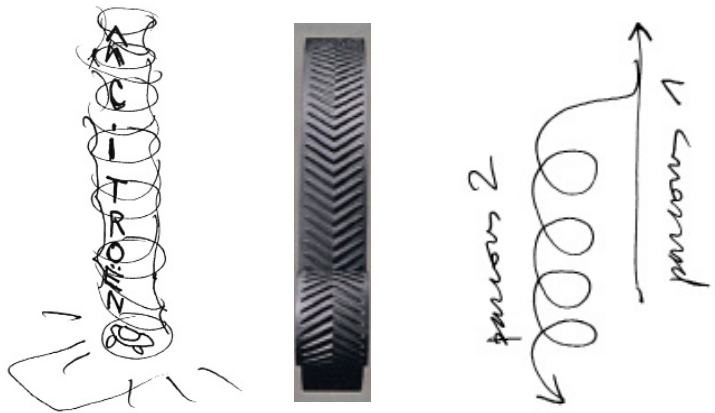
Елисейские поля — образец одной из исторических и самых респектабельных улиц Парижа. Дома здесь старые и красивые. И нарезаны равномерными фасадами, в соответствии с порцелянцей середины XIX века. При этом никакого парижского “охранителя памятников архитектуры” не беспокоит тот факт, что среди этих фасадов, по соседству с домами так называемой османовской застройки, могло появиться вот такое чудо — шоу-рум компании Citroën, с весьма необычным прозрачным фасадом, через который виден с улицы не менее оригинальный интерьер. Так центральный бульвар Парижа обзавелся еще одной достопримечательностью. Надо сказать, что Citroën — далеко не единственный автомобильный салон, обитающий на Елисейских полях.

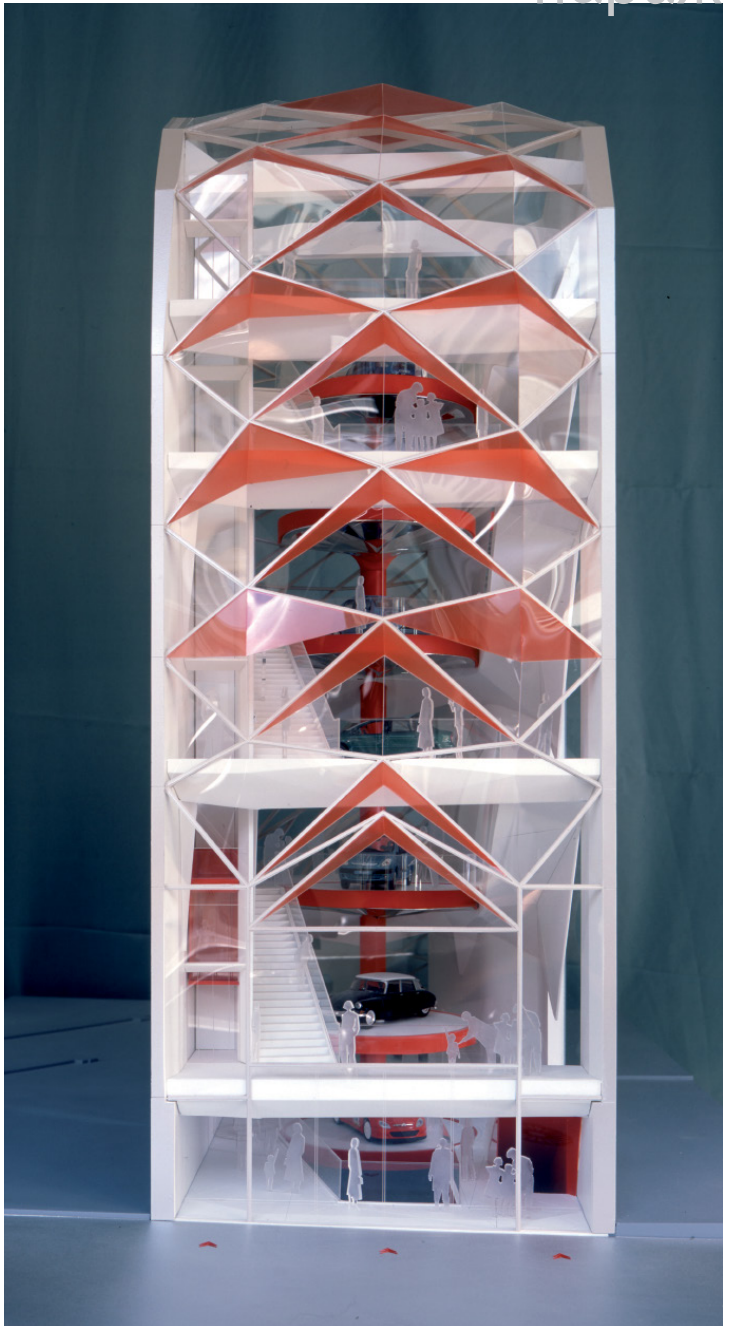
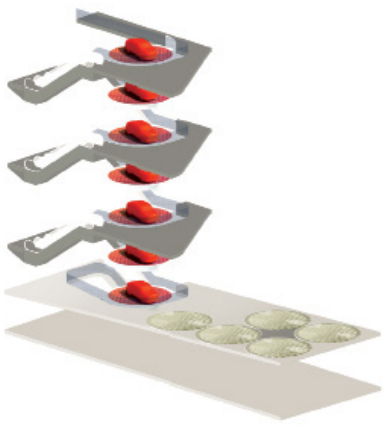
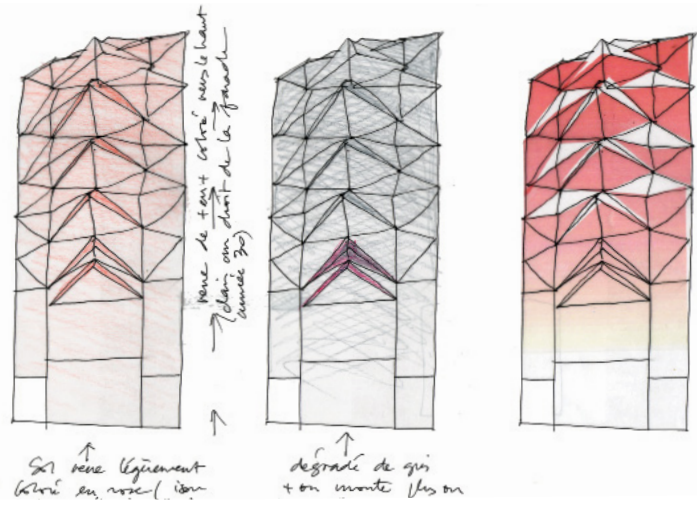

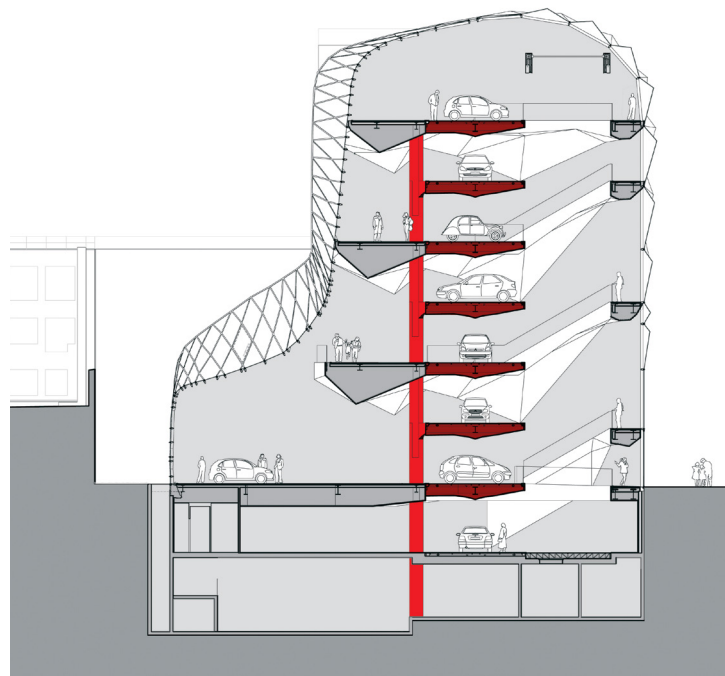
Архитектор Мануэль ГОТРАН

Здесь уже давно прописались и другие не менее известные марки: Renault, Peugeot, Mercedes и Toyota. Однако у Citroën есть существенное преимущество: если остальным принадлежит только первый этаж или часть здания, то в распоряжении Citroën — все здание целиком. Дом № 42, в котором открылся новый шоу-рум французской автомобильной компании, принадлежит ей с 1927 года. Долгое время здесь располагались различные подразделения Citroën и выставочный зал, с 1984-го по 2001 год размещался сетевой ресторан, а в 2002-м руководством компании был утвержден интерьерный проект международного выставочного зала Citroën, разработанный французским архитектором Мануэль Готран. Спустя пять лет шоу-рум был пол-

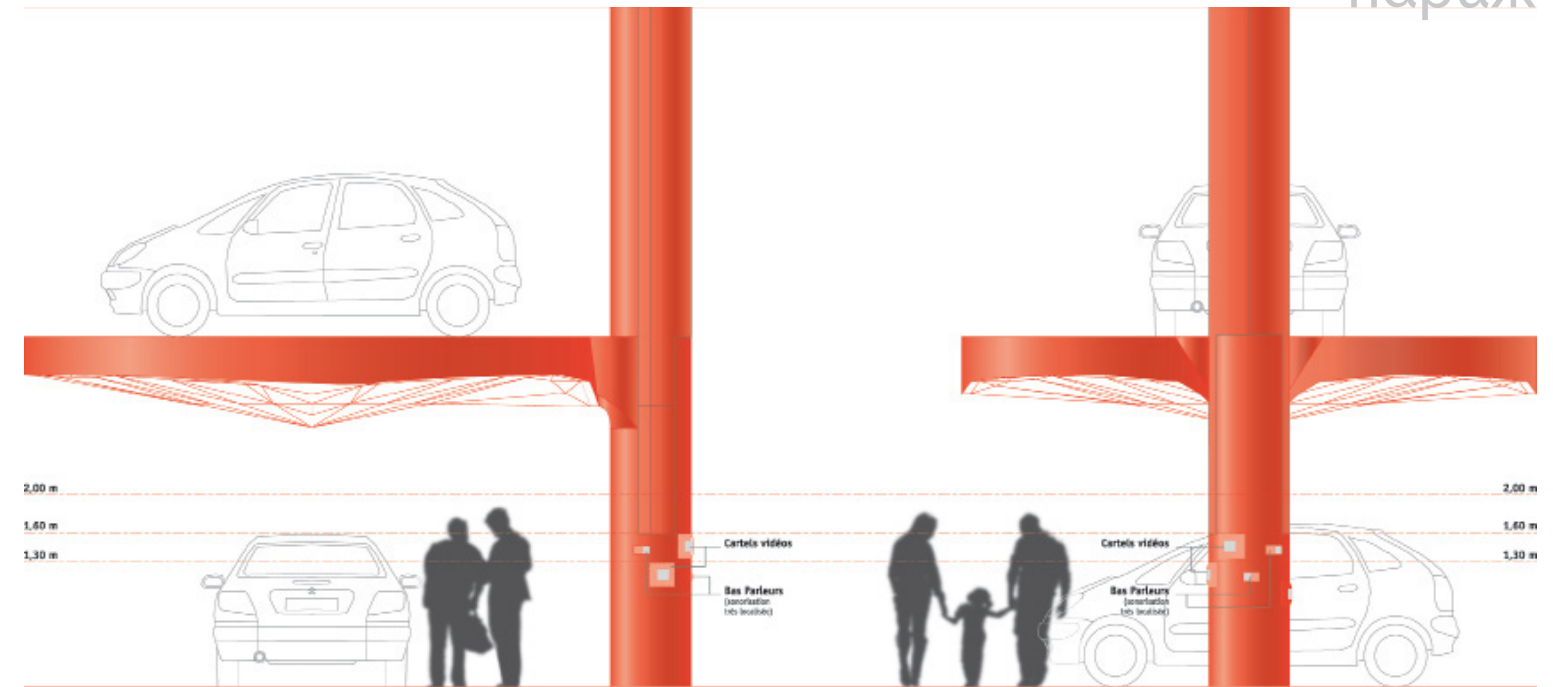
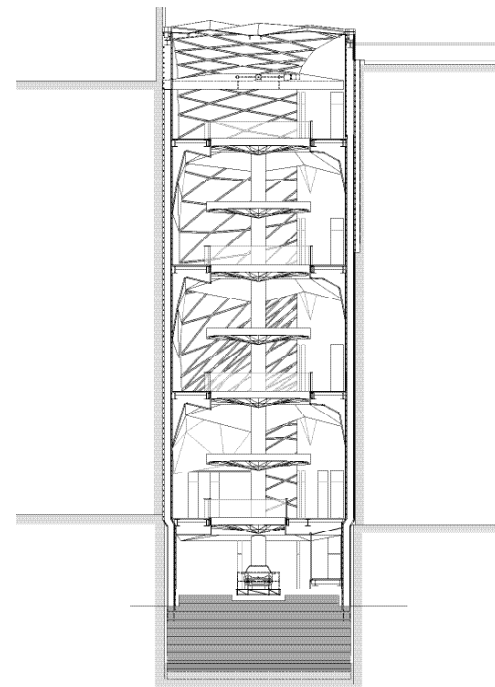

Концептуирование

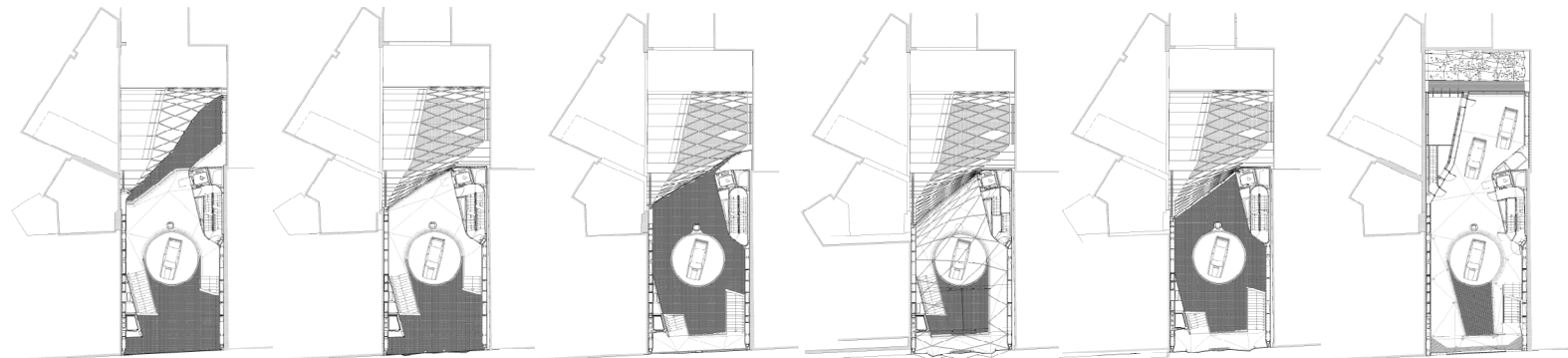

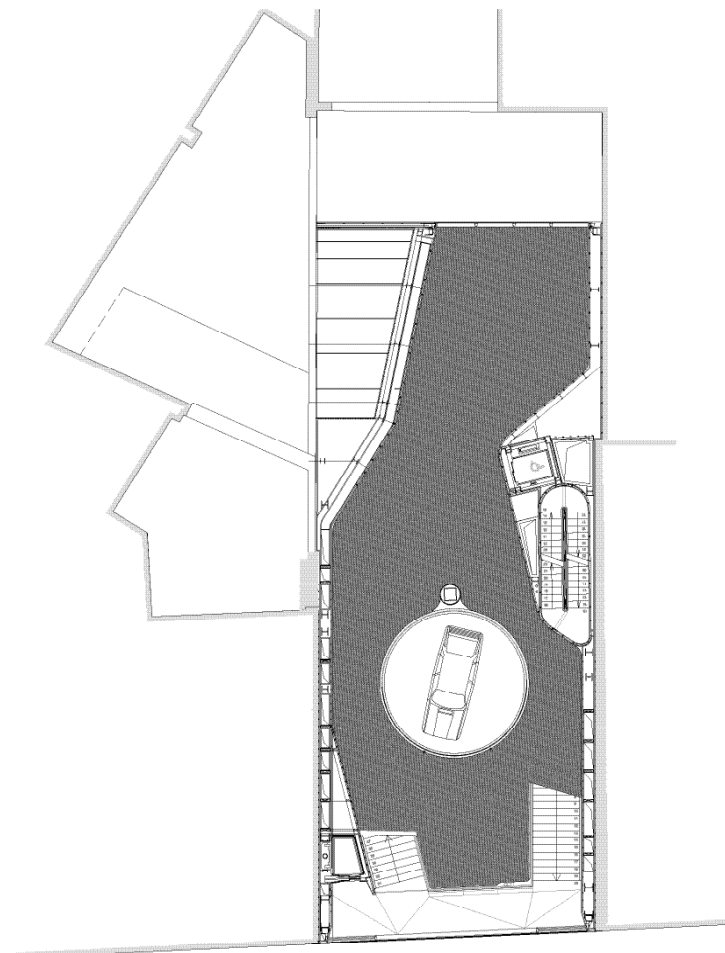
Разрезы

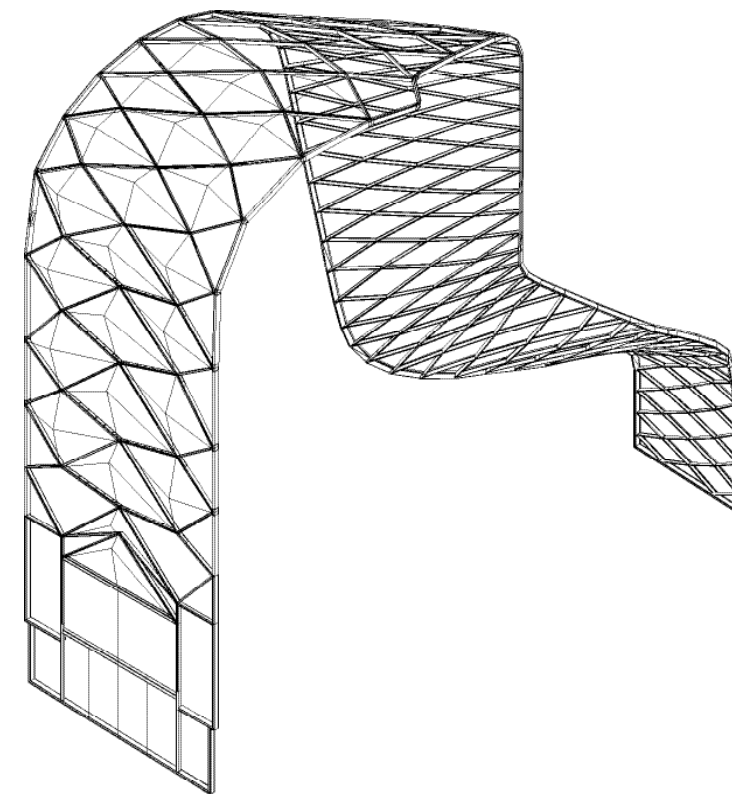
Консоль

Планы

ностью завершен. Новый объект не только привлёк внимание к известной марке, но, вместе с тем, прославил автора проекта. Готран известна любовью к экспериментам, при этом она никогда не забывает, что разрабатывает проекты для реальных людей. Самым неприемлемым в своей работе архитектор считает типовой подход и рутинную коммерческую застройку. Следуя этим основным принципам, она придумала для шоу-рума Citroen запоминающийся образ: выразительный изгиб стеклянного мозаичного фасада состоит из треугольников, ромбов и "шевронов", а прозрачная витрина открывает в интерьере необычную спиральную конструкцию. "Сначала

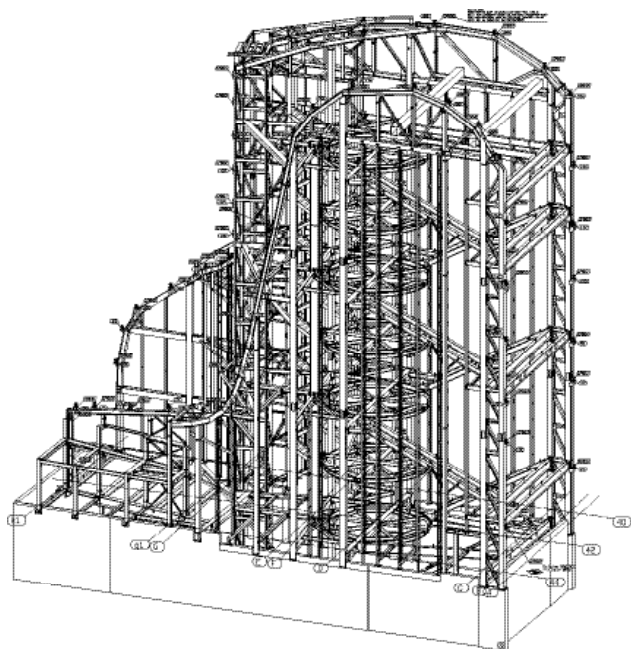
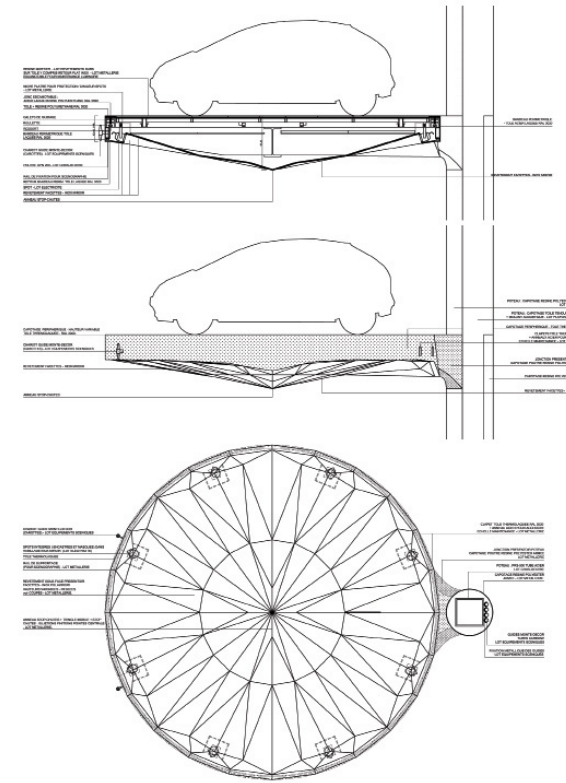

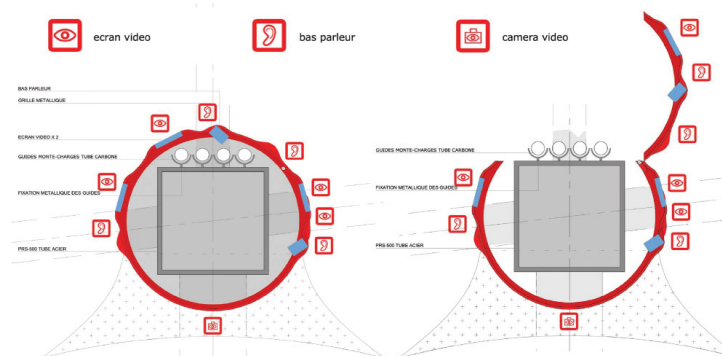
Витраж-"протектор"

мы хотели использовать яркий красный — цвет бренда, как основной цвет фасада, но затем передумали. Существовал определенный риск, что здание будет слишком выбиваться из общего контекста. От красного мы не отказались, но создали фильтр, который маскирует и приглушает яркий цвет снаружи. Кроме того, этот уникальный фильтр, встроенный внутрь готового стекла, сводит к

минимуму нагревание поверхности фасада и создает прозрачное жемчужно-белое освещение внутри здания. В основу архитектурной концепции легли характерные черты стиля Citroen — игра с перспективой и круглые демонстрационные подиумы. Вертикальная спираль во всю высоту здания состоит из прикрепленных к вытянутой колонне площадок диаметром шесть метров. На каждой из них помещается один автомобиль и еще остается место для кругового обхода.

На последнем этаже посетитель попадает в кафе на верхней террасе, откуда открывается изумительный вид на оживленный центр Парижа”, — рассказы-

почта в роттердаме

От проектировщиков хотели органичного сочетания розничной торговли, ресторанных и гостиничных функций. Поэтому проект усовершенствования “Роттердамского почтамта” объединил амбициозную концепцию современного multifunctional комплекса с развитием оригинальных качеств здания старой почты. Высококласные торговые точки, рестораны, кафе и бары в сочетании с роскошным отелем дополнены конференц-залами и офисами. Проект объединяет городской ландшафт, вертикальное фойе, большой центральный холл и гостиницу. Новые составляющие подчеркивают достоинства существующего сооружения, высекая из достаточно ординарного объекта, как кресало искру, настоящий “синерге-

**ПЕРЕСТРОЙКА
И РАСШИРЕНИЕ ГЛАВНОЙ
ПОЧТЫ РОТТЕРДАМА
Нидерланды**

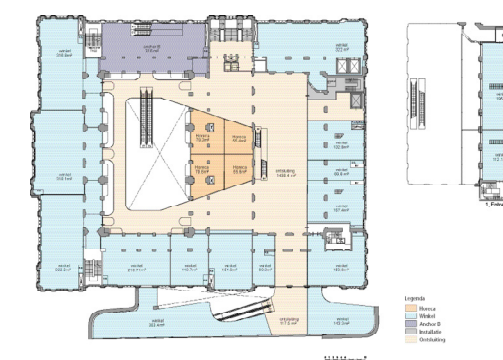
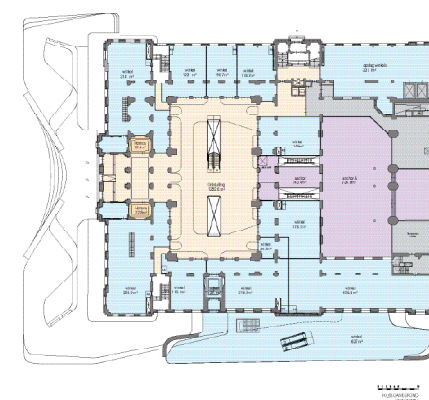
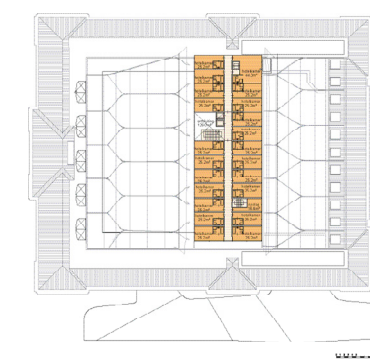
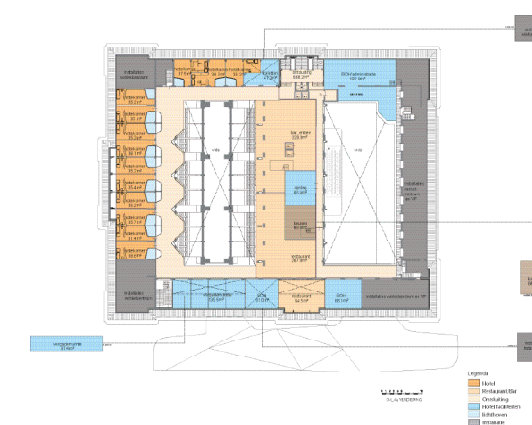
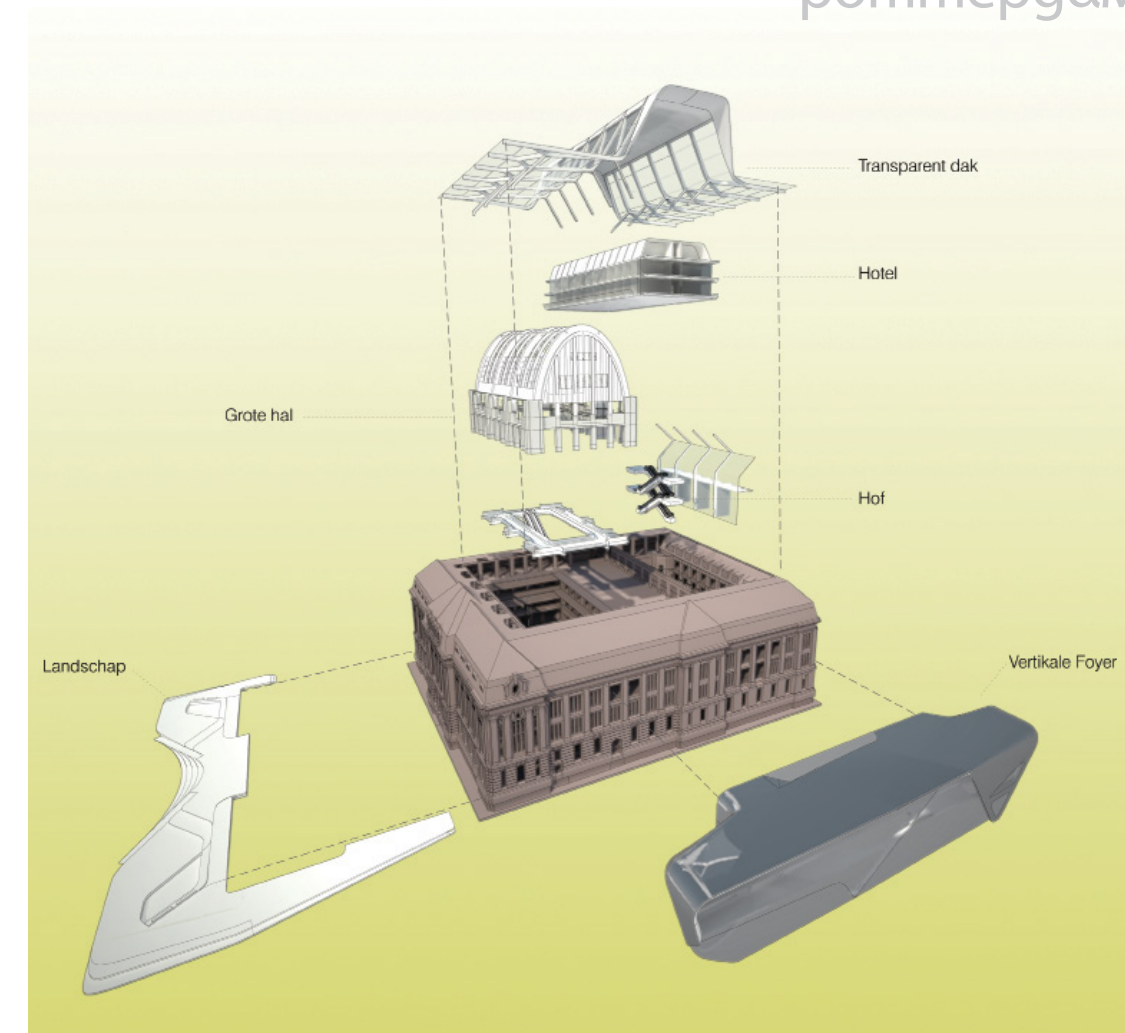
заказчик:
Delta Projectontwikkeling —
SNS Property Finance

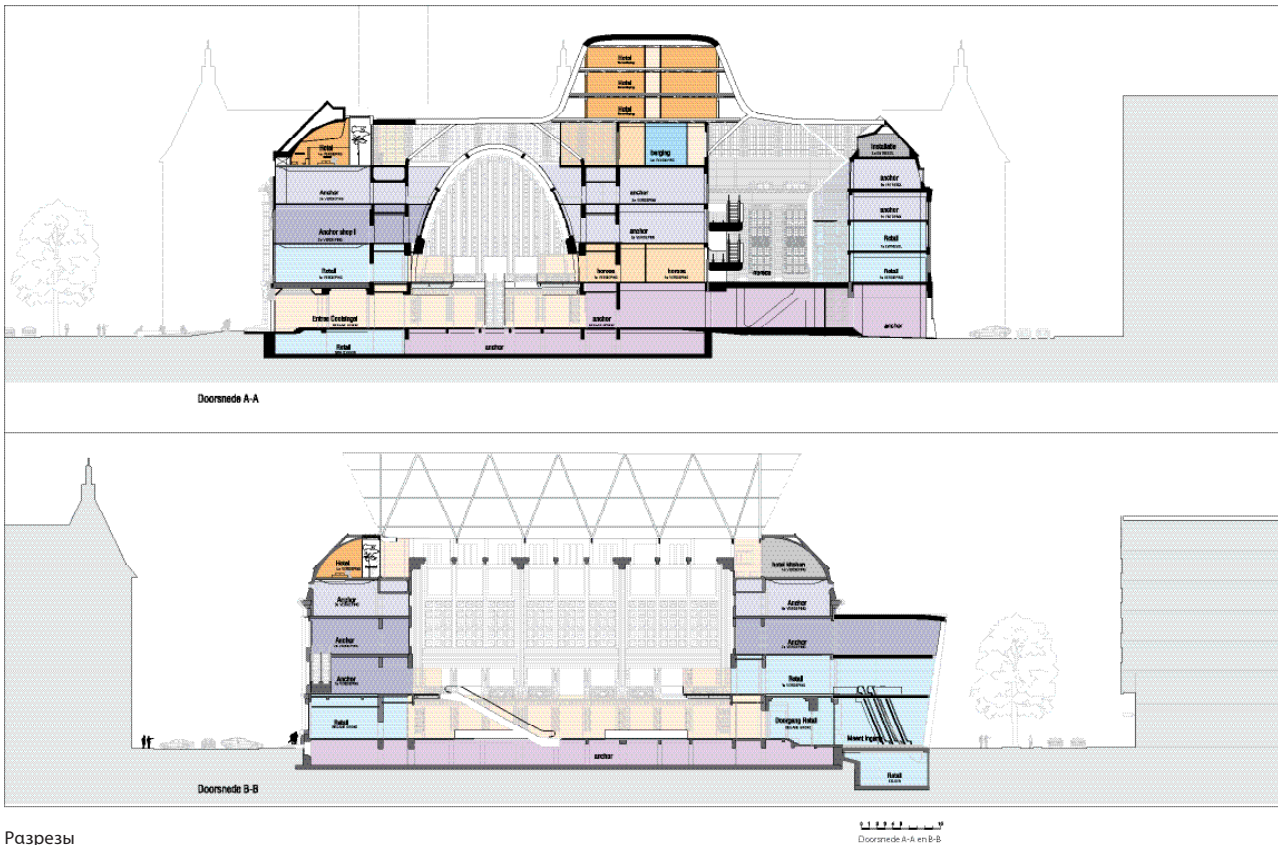
проектировщик:
UNStudio

архитекторы:
Ben van BERKEL,
Gerard LOOZEKOOT

при участии:
Jacques van WIJK,
Frans van VUURE,
Wouter HILHORST,
Florian HEINZELMANN,
Fillipo LODI,
Ren Horng YEE,
Marianthi TATARI,
Claudio MELETTA,
Marcin KOLTUNSKI,
Derrick DIPOREDJO,
Alexander HUGO,
Jordi CALVERA,
Jong Won LEE,
Patrik NOOME

общая площадь: 41 000 кв. м
конкурс: 2007 (первая премия)
реализация: 2010–2013

- Legenda
- Horeca
 - Winkel
 - Anchor A
 - Anchor B
 - Anchor C
 - Ontkleding
 - Hotel
 - Hotel facilities
 - Installatie

тический” эффект. Соседство “настоящей архитектуры” и новой стеклянной конструкции позволяет дневному свету пронизать все здание, подчеркивая связь между новым отелем и классицистической кирпичной почтой. Развитие улицы для шоппинга предполагает гибкое включение в общественное пространство разнообразных функций, от выставок и концертов до перформансов с показами моды. Тематические и инфраструктурные элементы обеспечивают эффект устойчивого развития с элементами “зеленого шоппинга” и создают новый фокус притяжения горожан в старом центре Роттердама.

Внимание, узвоз!

рецензии

путеводитель по спуску

Андреевский спуск. Культурологический путеводитель / А. Ю. Браславец, В. В. Галайба, В. М. Грузин,

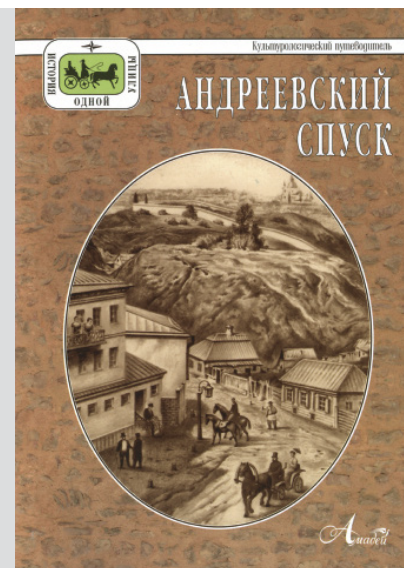
М. А. Кадомская, Е. Г. Мокроусова, В. П. Некрасов, Д. В. Шлёнский. — К.: Амагей, 2011. — 292 с.: ил.

Андреевский спуск для киевлян — предмет гордости и почитания. История этой улицы насчитывает не одну сотню лет, однако славой своей он обязан не древности, а особому киевскому колориту и удивительной гармонии природы и архитектуры. Этой улице выражали своё восхищение историки, люди искусства, путешественники. И всё же главную роль в его судьбе сыграла любовь горожан,

признавших именно этот причудливый спуск “самым киевским” местом, с чем, в конце концов, вынуждены были согласиться и власти, зарегистрировав весенние андреевские гуляния как общегородской праздник День Киева.

Первое издание книги было предпринято в 1998 году. Тираж мгновенно разошелся. По прошествии двенадцати лет в киевской жизни произошли изменения, обес-

смыслившие буквальное повторение. Главный участник прежнего издания, Дмитрий Шлёнский — бессменный директор популярного Музея Одной Улицы — написал новый очерк. Остальные авторы — новички. Единственное, что сохранилось без изменений, — замечательный текст Виктора Некрасова, подарившего Андреевскому спуску практически новую судьбу. В Адресной книге приведён перечень обитателей спуска в разных временных срезах. Среди иллюстраций есть малоизвест-

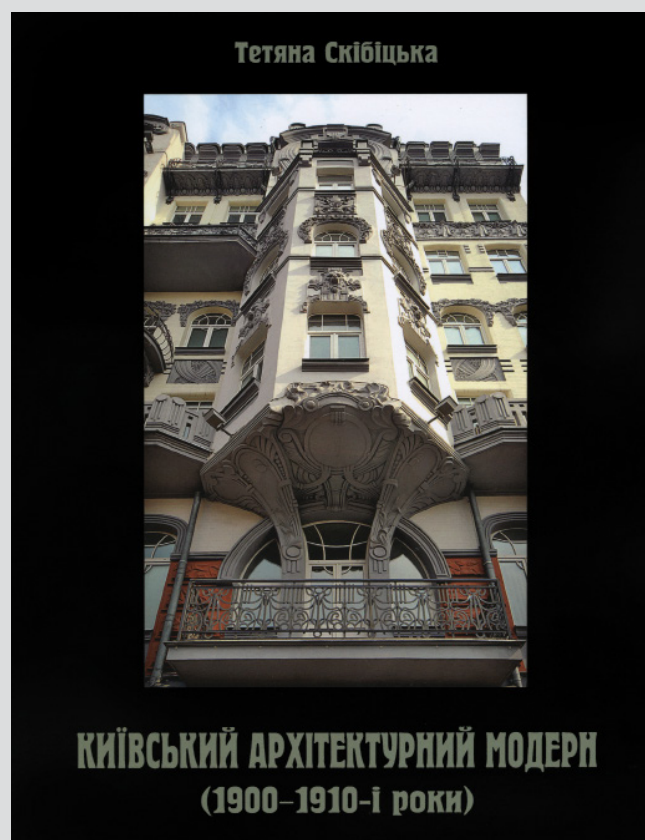
ные, а есть и такие, что публикуются впервые. Вот так и получилась книга.

Повышенный интерес к киевскому архитектурному наследию Серебряного века обернулся в 2006–2007 годах несколькими достаточно поверхностно-претенциозными монографиями. Счастливым исключением из этого ряда явилась книга искусствоведа Татьяны Скибицкой, написанная в тандеме с архитектором Георгием Духовичным, которому принадлежит вступительная часть о градостроительном аспекте стиля. Короткий временной отрезок с 1900 до середины 1910-х годов, отведенный отечественной историей для жизни модерна, оказался крайне насыщенным, дал Киеву настоящие стилиевые шедевры, приобщив город к европейскому ритму и ощущению жизни.

Книга явилась итогом многолетних исследований автора, известного своими публикациями о стилеобразовании и художественной жизни конца XIX — начала XX веков, творческих биографиях малоизвестных киевских зодчих. Монография представляет исследование архитектуры Киева

редкая книга о киевском модерне

Скибицка Т. В. Київський архітектурний модерн (1900–1910-ті роки). — Львів–Київ: Центр Європи, 2011

эпохи Серебряного века в широком социокультурном контексте. Основываясь на обширном, часто впервые введенном в научный обиход архивном и литературном материале, она освещает этапы формирования киевского модерна, особенности его развития в творчестве архитекторов киевского

круга. Книга имеет ясную структуру, соответствующую линии стиливого движения, включая его предысторию 1880–1890-х годов и основные этапы — от раннего интернационального (декоративного) начала 1900-х годов до поздних модификаций, рационального и ретроспективного, 1910-х.

Научное издание с объективным анализом аспектов стилеобразования, памятников и творческих биографий будет интересно не только профессионалам, но и широкому кругу читателей. Монография написана легким, понятным языком, ее характерной особенностью является включение в основной текст “живой речи” воспоминаний современников и их оценочной рефлексии художественных процессов. Монография широко иллюстрирована архивными фотографиями (виды города, портреты, авторские проекты, киевская реклама и журнальная графика рубежа веков), цветной фотосъемкой современного города. Особой похвалы заслуживает продуманный художественный макет книги, который делает ее, помимо всего, еще и замечательно красивым полиграфическим продуктом, достойным эстетического кrego самого стиля.

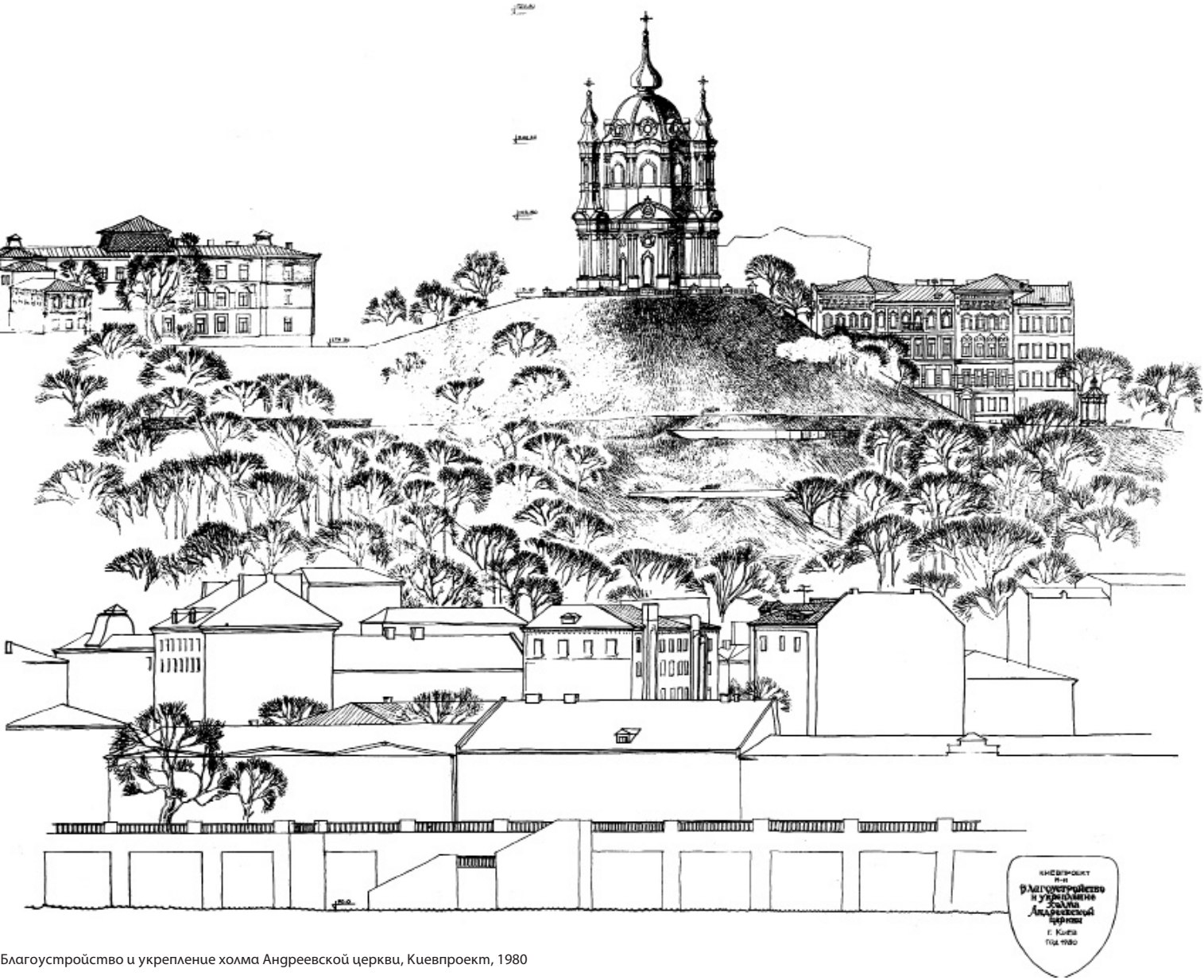
Поздравляем авторов и коллектив издательства “Центр Европы” — книга получилась действительно европейского образца!

plus / архитектурный узвоз

пролегомены к андреевскому спуску

Авраам МИЛЕЦКИЙ, архитектор

История нынешнего Андреевского спуска, который “киевский Монмартр”, началась в конце 1960-х. Во время прокладки открытым способом линии метро на Красной (ныне Контрактовой) площади были открыты древнерусские двух- и трёхэтажные жилища. Подземные находки были столь ошеломительными, что у архитекторов тут же явилась идея о создании археологического музея под открытым небом. Застрельщиком грандиозного проекта, из которого родился Спуск, стал А. М. Милецкий. Здесь А+С с удовольствием представляет эксклюзивный графический материал в сопровождении извлечений из пояснительной записки к проекту 1974 года.

Благоустройство и укрепление холма Андреевской церкви, Киевпроект, 1980

АНДРЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Градостроительные, архитектурные качества Андреевской церкви архитектора Б. Растрелли в Киеве, градостроительный прием постановки памятника князю Владимиру, формирование многих ансамблей прошлого и новых сооружений города, характер застройки отдельных улиц и районов позволяют вывести “формулу” нашего города. А у всех городов она своя и разная. Одним из принципов является раскрытие перспектив, просторов, связанных с неповторимым рельефом города, восприятие отдельного сооружения и ансамбля с разных участков на разных высотах вместе с пейзажем и историческим окружением, зачастую на контрасте с ним, но всегда подчеркнутым уважением к нему...

Нет, старое и новое не противостоят вечно живой, вечно

развивающейся среде города, и их художественное взаимодействие будет тем сильнее, чем совершеннее каждое из них отражает совокупность высших представлений своего времени, и чем совершеннее их место будет определено в генеральном плане. Это взаимодействие может быть построено на принципах вставания нового организма в сложившуюся среду или на энергичном контрасте с ней, когда новые сооружения, здания позволяют увидеть великое творение прошлого и окружающую среду с новых, никогда ранее не существовавших точек, под другим углом, в ином аспекте. Какие появляются возможности взаимного образно-художественного обогащения, какое высокое чувство гордости за созданные сооружения, какое значение для развития культуры может иметь правильное соразмещение современных и древних сооружений!

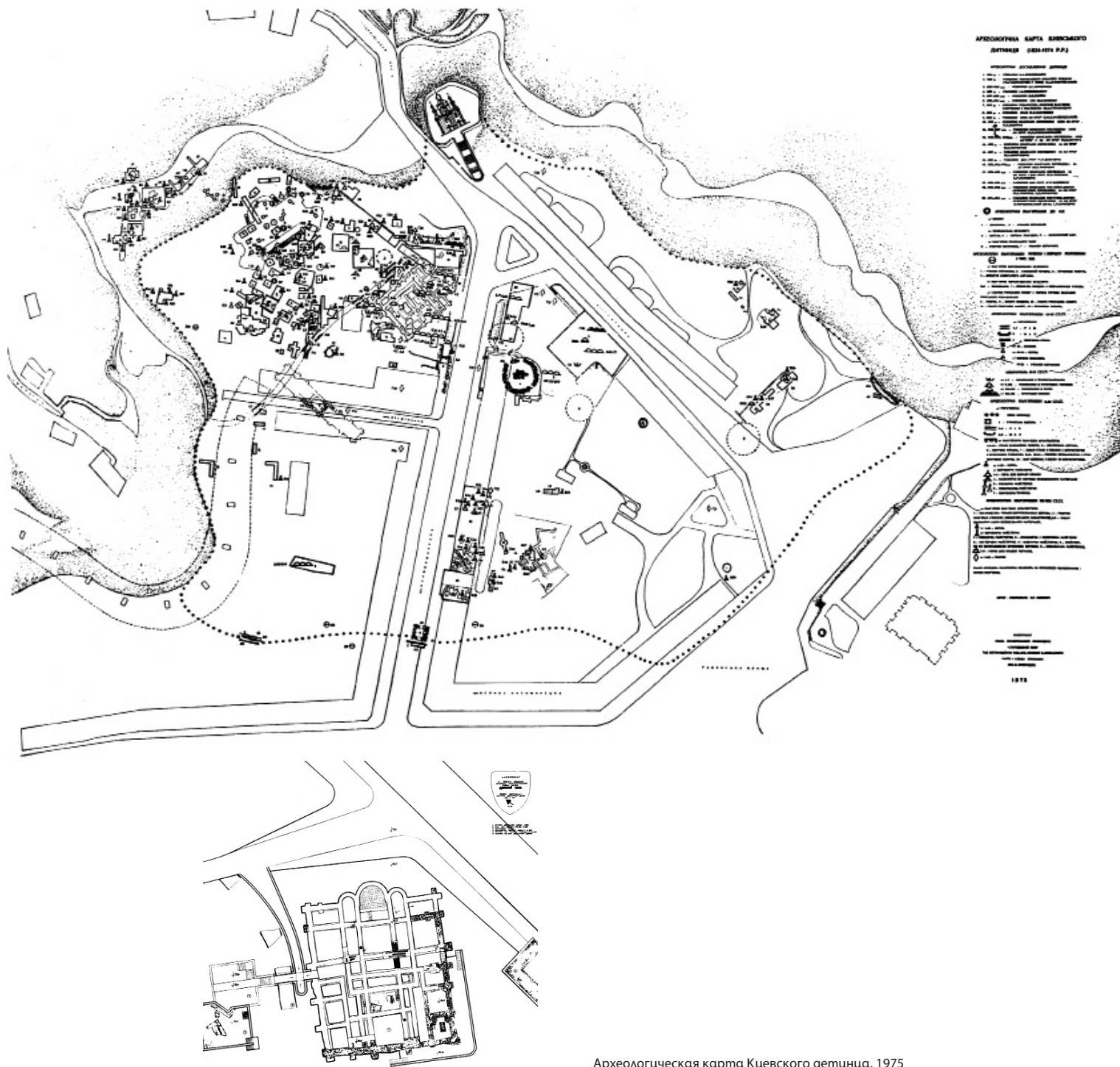

Макет парка-музея Древний Киев (проект: Авраам МИЛЕЦКИЙ, Александр ЗОРИН, Виктор РОЗЕНБЕРГ, Владимир ШЕВЧЕНКО и др., 1972)

ПЕЙЗАЖНАЯ АЛЛЕЯ

Вдоль кромки верхнего плато Старо-Киевской горы “города Владимира”, вдоль кромки склонов “города Ярослава” аллея выводит зрителя на открывающиеся пейзажи. Аллея и пейзажи — место экспозиции древней скульптуры: каменных изваяний славянского времени, монолитов скифского периода, половецких баб и отдельных результатов археологических вскрытий. Аллея не имеет установленной ширины — она зависит от условий обозрения пейзажей и новых сооружений, от композиции скульптур и условий восприятия их с близких и далеких точек, от эмоционального взаимодействия их с окружающими пейзажами. Ее начало — фундаменты восточного дворца (Андреевский

спуск, 38). Аллея заканчивается на кромке склона Копырева конца (усадьба Государственного художественного института). Ничто не отделяет ее от пейзажей, ничто не отделяет пейзажи от идущих по ней зрителей, воспринимающих эти краевиды через изменяющуюся по мере движения рамку из отдельных скульптур, композиции и сооружения новой архитектуры. В характере видовой аллеи на участке “города Владимира”, в рисунке проекта благоустройства должен угадываться характер древнего оборонительного зодчества. Оконтоуренное крутыми склонами плато на 20-метровой высоте над горой Дитинкой — естественная видовая площадка для обозначения застройки, утопающих в зелени урочищ, окружающих пейзажей создаваемого комплекса.

Археологическая карта Киевского геттинца, 1975

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Как экспонировать остатки этих гревнейших сооружений столицы Киевской Руси? Какой способ показа больше может рассказать о них посетителям, ученым? Восстановить ли эти сооружения, сведения о которых столь скудны, что не позволяют достоверно воссоздать их архитектуру?

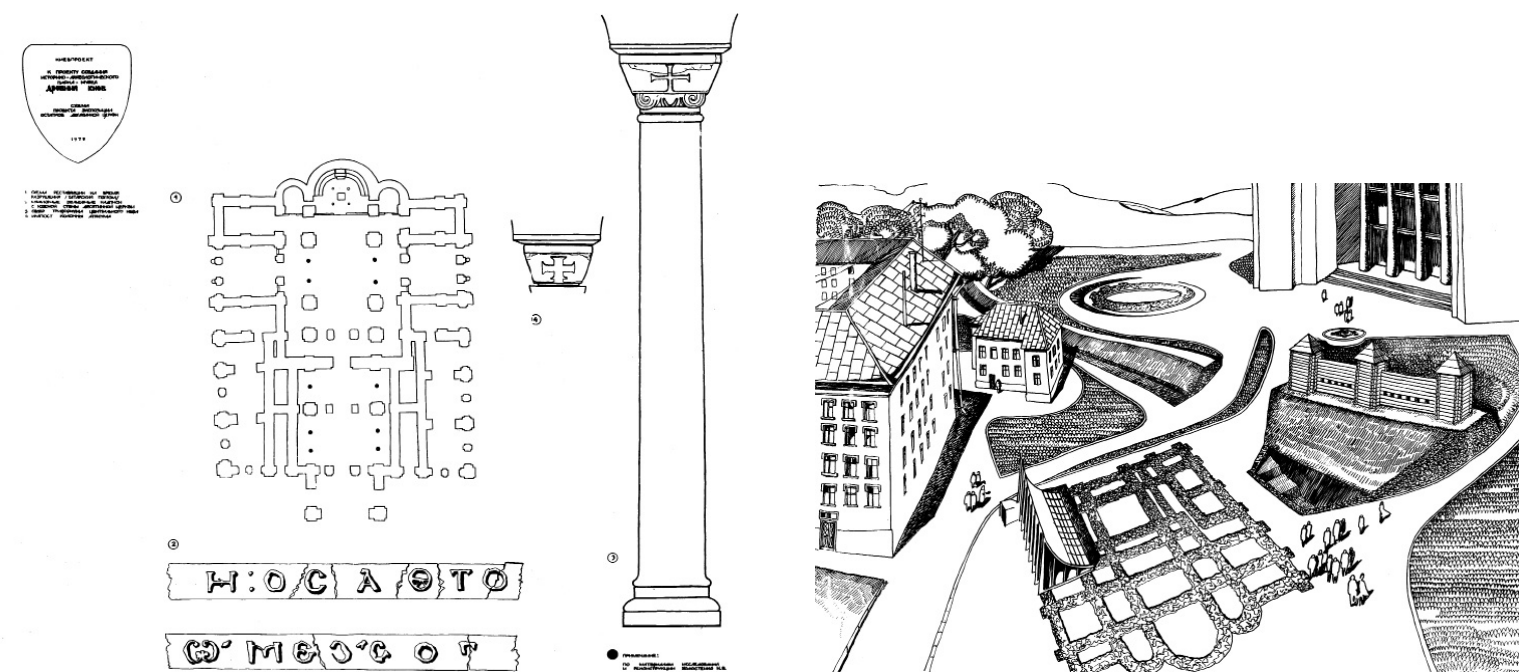
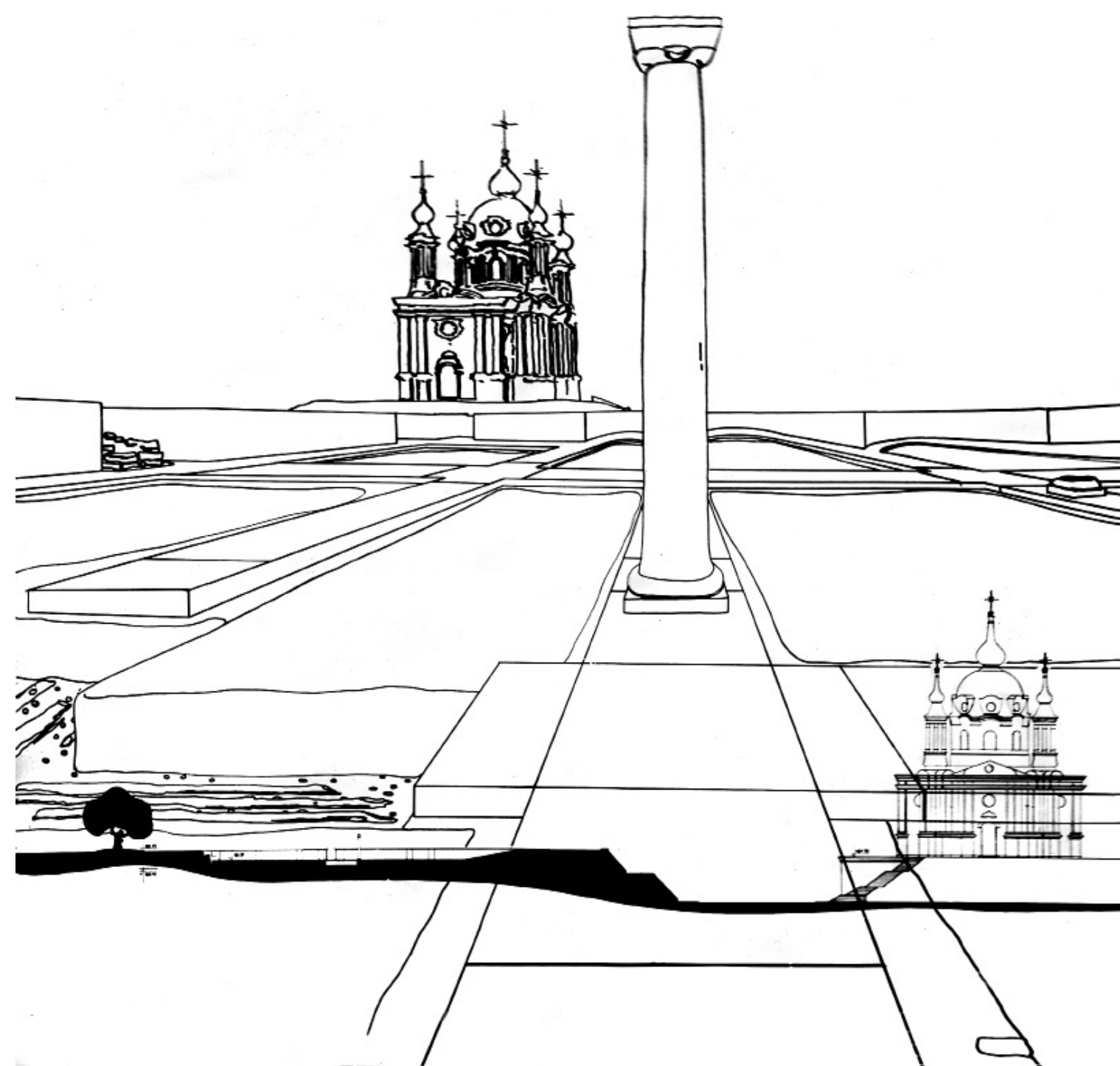
Вероятно непосредственное соприкосновение посетителей (не говоря уже об ученых) с подлинной гревностью, скульптурное восприятие этого земляного рассказа о мастерстве наших предков окажет большое и очень большое воздействие.

Принятие этого решения обусловлено особыми условиями этой территории, возможностями ее экспонирования, значимостью ее в общем объемно-пространственном решении комплекса.

Главный вход на территорию со стороны Владимирской улицы будет реконструирован. В его композицию войдут останки выступающих в откосе фундаментов гворцов, позволяющие и сейчас коснуться рукой далекой истории. Бугристые участки остатков гревних стен выступают выше выложенного из плит

полированного гранита плана здания, отдельные участки которого (столбы, колонны) будут подняты выше уровня земли.

Пандус и лестницы ведут вниз. Здесь можно в непосредственной близости рассмотреть гревние кладки, выставленные для обозрения сохранившиеся детали сооружений, а спустившись еще ниже, зритель попадает в расположенное под землей музейное помещение с материалами, посвященными Десятинной церкви и другим сооружениям. Многоэтажный жилой дом, стоящий на углу Владимирской улицы и Десятинного переулка, должен быть реконструирован, глухие торцы включены в композицию создаваемого музея. К ним должна быть пристроена лестница, лифты, ведущие на расположенную на крыше видовую площадку осмотра территории и раскопов. Предложенное решение требует разработки ряда проблем, связанных с обеспечением устойчивости экспоната и стенок раскопа, отвода воды и снега. Оно позволит объемно, скульптурно увидеть вблизи открытые и зафиксированные остатки кладок, росписей или другие экспонаты, что значительно повысит их "впечатляемость".

Проект экспозиции остатков Десятинной церкви, 1975

Гора Детинка в центре урочища Гончары-Кожемяки, вид с Андреевской церкви, 1978

МУЗЕЙ ДРЕВНИХ РЕМЕСЕЛ И НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Этот небольшой по площади район, окруженный со всех сторон высокими зелеными склонами гор, с застройкой, сохранившей характер, не нарушенный современной архитектурой, уже в нынешнем виде смотрится музейным объектом.

Покосившиеся дома и дворики у подножья крутых заросших склонов, яркая герань на окнах и балконах домов, выстроившихся вдоль улиц Гончарная, Дегтярная, Кожемяцкая — все это дошедшие до наших дней свидетельства истории. Здесь у подножья княжьего города, много веков назад жил “нижний” люд — кустари, занимающиеся обработкой кожи, изготовлением гончарных изделий. Таков в настоящее время вид этой застройки XIX века, характер которой своими корнями уходит в далекое прошлое.

Район урочищ Гончары и Кожемяки непосредственно связан как с проектируемыми новыми сооружениями нагорной части города, так и с мемориальными комплексами Подгола: Фроловским монастырем, усадьбой Киевской академиц, ансамблем застройки улицы Зелинского.

В урочищах Гончары и Кожемяки часть зданий, не представляющих исторической ценности по своему состоянию, будет убра-

на и на этих местах будут проведены археологические раскопки. В случае интересных находок последние станут экспонатами создаваемого музея или, для сохранения целостности восприятия всей застройки, будут заменены специально запроектированными жилыми домами — мастерскими возрожденных древних ремесел и магазинами продажи изделий, помещениями обслуживания туристов. Частью музейной экспозиции станет и расположенный на этой территории дом-музей художника Светлицкого.

Проект предусматривает полное сохранение застройки улиц, их профиля. Общему замыслу этой части музея соответствует сохранение освещения улиц фонарями с лампами накаливания — точечное восприятие желтого света будет контрастировать с ярким белым светом современных световых источников верхнего города, подчеркивая разность эпох.

Таким образом, светотехническое решение всего комплекса, отвечая специфике показа каждой из частей музейной экспозиции, обеспечит его вечернее восприятие, смысловую и объемно-пространственную суть.

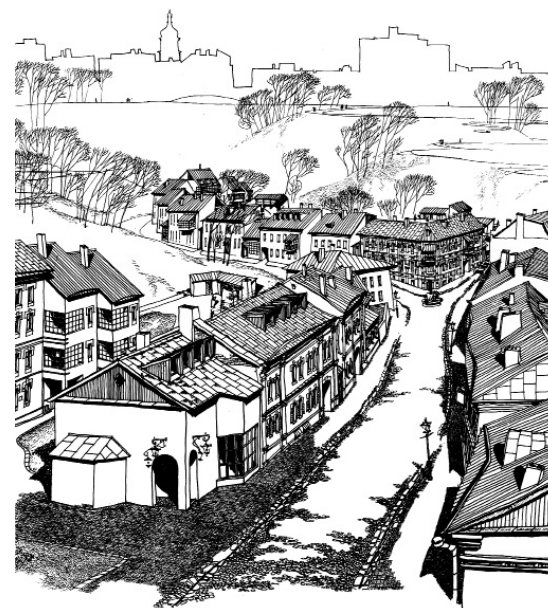
Очень значительные работы предстоит выполнить по инженерному обеспечению района водой и теплом, обеспечению устойчивости нависающих над домами склонов.

ЗАМКОВАЯ ГОРА

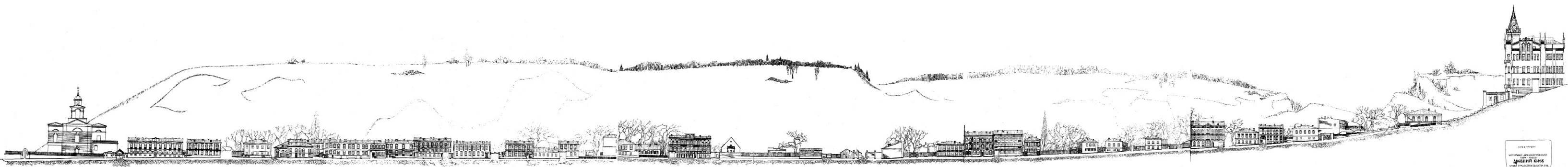
Замковая гора — древнейший участок заселения Древнего Киева, который упоминается в летописной легенде под названием “Хоревница”. Ее исключительное место в топографии Киева позволяет панорамное обозрение долины Днепра и Подгола, урочищ Гончары и Кожемяки и прилегающей части нагорного города, увенчанного Софией Киевской и ее колокольней.

Мне кажется интересной возможность создания в толще горы исторического музея с входами и выходами на вершине горы и у ее подножья (со стороны Фроловской улицы древних урочищ).

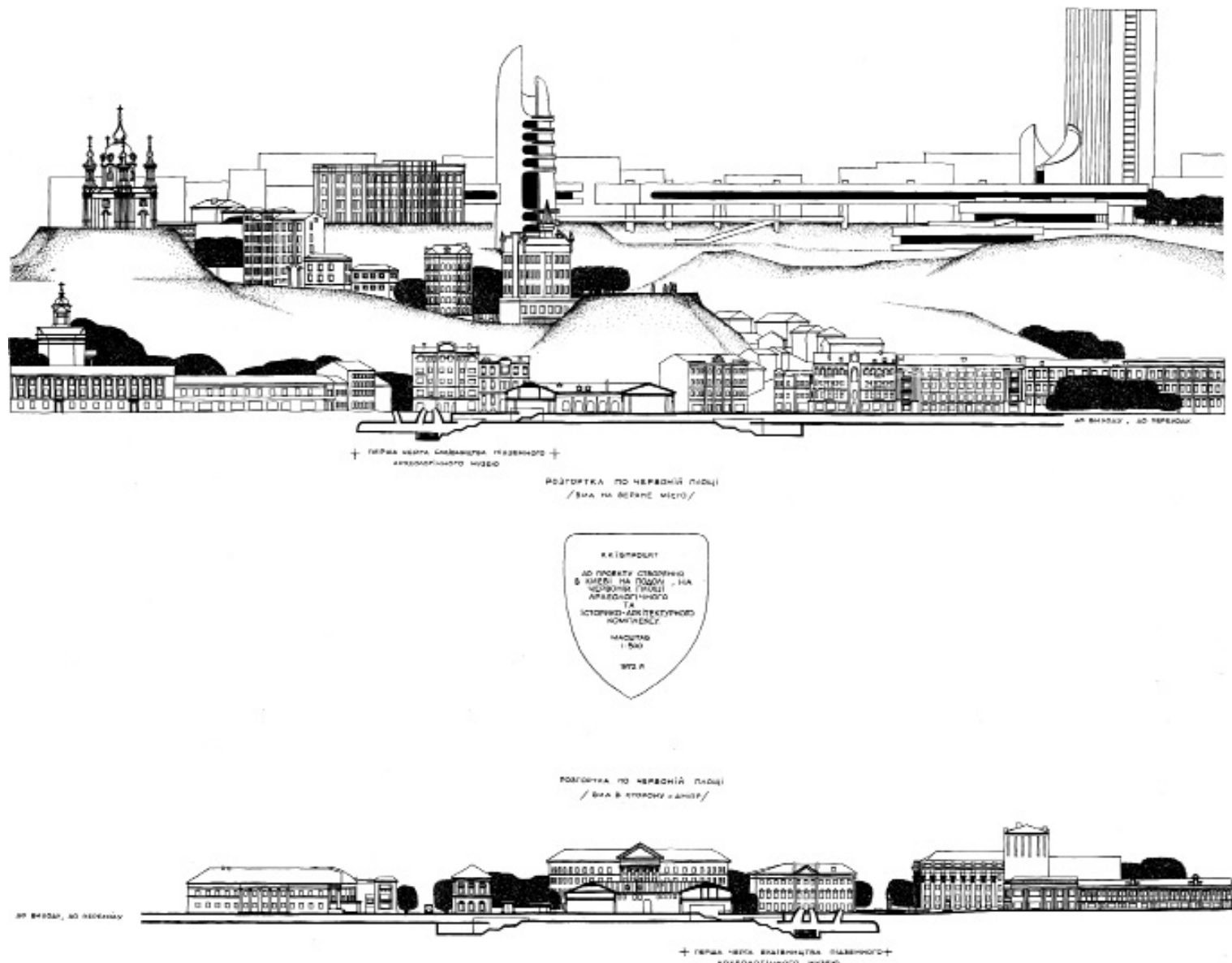
В результате археологической проходки был получен ценный материал, а геологический разрез горы, специально законсервированный, стал бы частью современной экспозиции в опускающихся пандусах музейных залов. Такое решение позволяет не только не нарушить историческую топографию района, но и создать совершенно новый вид музейного здания.

Вид на угол ул. Воздвиженской и Дегтярной

Развертка по нечётной стороне ул. Воздвиженской на фоне Замковой горы, 1980

Проект археологического и историко-архитектурного комплекса на Красной (Контрактовой) площади, 1972

НОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ КОМПЛЕКСА

Новые сооружения должны открыть, представить и сделать доступным чудом сохранившийся ландшафт, топографию старого города — столицы древнерусского государства. Подчеркивая величие прошлого, они должны быть во всем созвучны сооружениям XX века и соответствовать его уровню науки и культуры, его техническим возможностям, и, будучи запроектированными в строгом соответствии с их функциональной сутью, своим архитектурным решением способствовать организации экспозиции памятников старины. Следующие рельефу местности, одноэтажные корпуса подняты на опоры, расположенные через 30 м, они как бы прикрывают, защищают эту древнюю землю, образуя на отдельных участках рамку обозрения неповторимых пейзажей. Принятый прием конструктивного решения зданий, обусловленный специфическими особенностями площади строительства, позволил решить эти корпуса в виде “мостового пролета”, в толще которого размещены группы помещений института археологии с выставочными залами и фондохранилищем Дома ученых АН УССР, Дома мира и дружбы с зарубежными странами.

Такое решение позволит не только раскрыть для гуляющей публики прекрасные дали (все пространство под зданием, за исключением небольших остекленных входных вестибюлей, открыто), но и изогнуть корпуса, “поворачивая” их в направлении лучших ландшафтов, которые как бы войдут в здание через стеклянную ленту фасада. Это решение позволит организовать в интерьере свободную планировку, переливающиеся пространства отдельных помещений и групп как бы распаханых в нужных местах. Вынесенные на склоны отдельные залы Дома дружбы, Дома ученых и музея археологии, при совершенно разной функциональной и конструктивной сути, объединены одним условием: все они расположены ниже уровня видовой аллеи во избежание закрытия пейзажей. Их архитектурное решение подчинено принципам решения основных корпусов, с которыми они связаны эскалаторами и лестницами. Особая роль отведена наружным террасам — видовым площадкам в высотной части объема выставочных помещений музея археологии. Знакомство начинается с осмотра общей панорамы местности, а затем, спускаясь пандусами, можно рассматривать экспонаты музея совместно с меняющимися пейзажами.

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ НА ПОДОЛЕ

Уникальные находки на Подоле опрокинули гипотезы и представления многих ученых. Датированные IX–X столетиями деревянные срубы жилых и хозяйственных построек, заборы, изделия из дерева, березовой коры, кости и керамики, обнаруженные на глубине 10–12 м при строительстве линии метрополитена, явились основой, импульсом проектного предложения о создании на Подоле — на Красной площади — историко-архитектурного и археологического комплекса. Основой предложения является: — историческое значение древнего Подола, его земли, сохранившей для нас известные и пока еще неведомые памятники культурного прошлого; — находки Киевской археологической экспедиции, первостепенное значение которых не вызывает сомнений; — архитектурный ансамбль Красной площади — сохранившаяся до наших дней объемно-пространственная композиция одного из градостроительных узлов старого Киева. Архитектурный ансамбль Красной площади должен пополниться:

— сооружениями новой архитектуры, новой сути и функции, построенными в соответствии с градостроительным замыслом создателей, создавших эту площадь, которая и сейчас представляет интерес своими планировочными качествами, а также согласно решению, к которому пришли авторы, проанализировав и сопоставив ее планировочные схемы разных периодов; — открытыми для экспозиции остатками древних сооружений; — подземными помещениями — своеобразным музеем — местом экспозиции уже найденных результатов археологических открытий и тех, которые еще будут найдены на этой земле, так богатой историей. На протяжении тысячелетия Красная площадь была центральной площадью Киевского подола, а в XIV–XVII столетиях играла роль центра Киева. На площади находится выстроенное в 1950-х годах здание райкома партии, типичное для советской архитектуры 1930-х здание Дворца культуры, которое следует восстанавливать в первоначальном виде. Наиболее крупным новым сооружением площади должно стать здание Райисполкома, проект которого предусматривает использование памятника архитектуры XIX века — бывшего Контрактового дома с прекрасным

Киевская усадьба X века, раскоп на Контрактовой площади во время строительства второй очереди Киевского метро, 1972

концертным залом. А также одной из намеченных проектом 1812 года частей ансамбля зданий бывшего Киевского магистрата — здания, с которым связан ряд событий в истории Киева, Украины, о чем свидетельствуют и мемориальные доски на его стенах.

Замкнув пространство площади, здание райсовета закончит пространственную организацию площади, которая, в соответствии с проектным предложением, будет дополнена тремя архитектурно-скульптурными композициями:

1. Памятником-фонтаном “основателям Киева”, запроектированным в комплексе со световодами подземного хранилища для археологических находок и вытяжными техническими устройствами метрополитена.

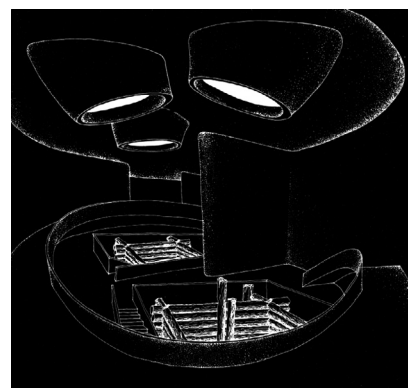
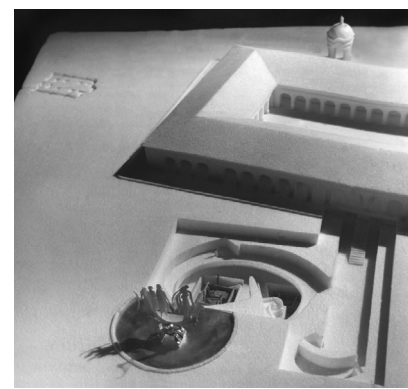
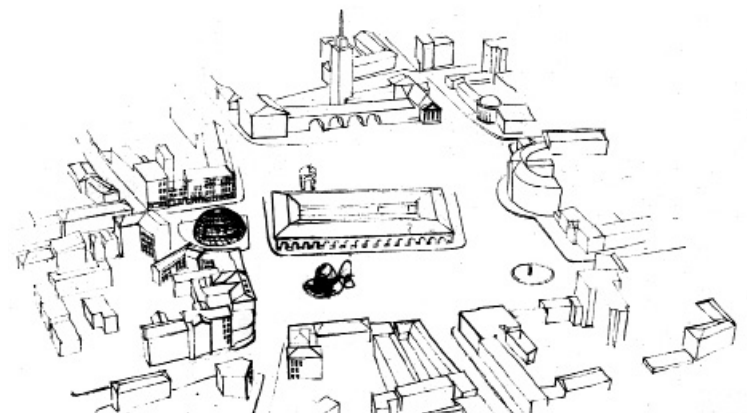
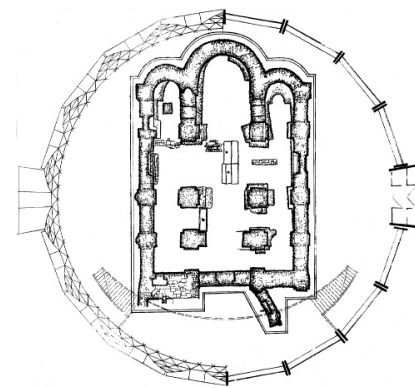
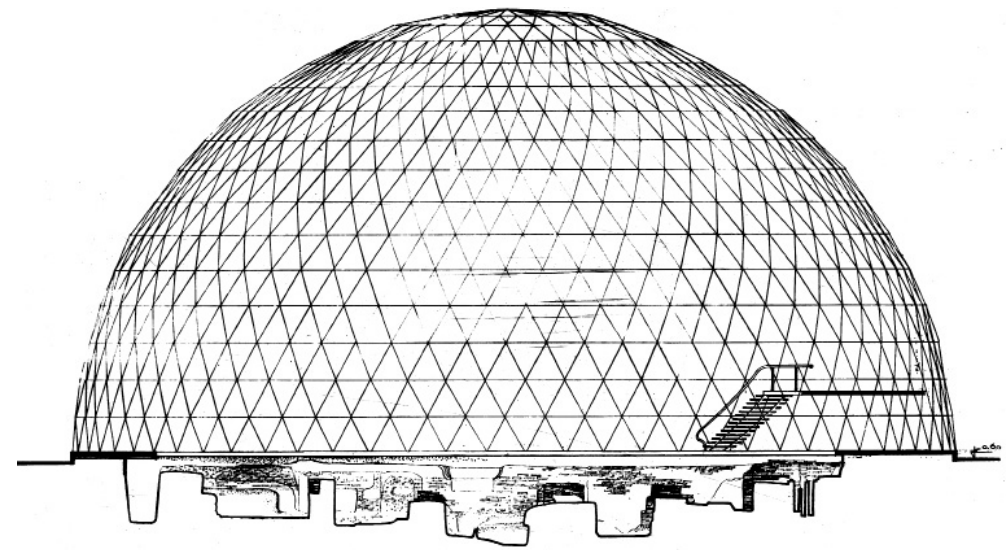
2. Памятником Григорию Сковороде — предложенное авторами проекта его месторазмещение придаст особый исторический акцент.

3. Легко восстанавливаемой ротондой, фонтаном “Самсона” XVIII столетия, в свое время построенными на месте главного колодца Подола, вода к которому подавалась по древнему водопроводу из

источников под Замковой горой. Скульптурная группа Самсона со львом сохранилась и сейчас, находится в Государственном музее Украинского искусства. Сохранилась и полная документация памятника.

В центре площади так называемый Гостиный ряд — памятник архитектуры классицизма, который после реконструкции внутреннего пространства и реставрации наружных фасадов может быть использован для художественных салонов, продажи предметов искусства, изделий народного творчества, книжных лавок, магазинов продажи сувениров. Торговое сооружение займет надлежащее место в ансамбле площади.

Проект предусматривает и возможность экспозиции в рисунке замощения площади остатков Киевской ратуши XVII–XVIII веков. Учитывая, что основные археологические работы ведутся вдоль линии метро, композиция музея строится по продольной оси Красной площади и предусматривает создание экспозиционного зала: перехода шириной 9 м — места размещения экспонатов, найденных в районе Подола, и примыкающих к нему залов — места

Экспозиция фундаментов древнерусских сооружений на Контрактовой площади: церковь Богородицы Пирогощей и деревянные срубы, 1972

экспозиции уже найденных остатков древних сооружений и тех, которые будут найдены. Вход в музей размещен в здании подлежащего реконструкции Гостиного двора.

Проектное предложение предусматривает возможность частичного использования для экспозиции подвалов Гостиного двора, а также, при развитии организма подземного сооружения, присоединение его к подземным переходам, а через них к станции метро “Красная площадь”.

Композиция подземных залов, их конструктивное и светотехническое решение целиком подчинены демонстрации остатков найденных сооружений, принятым принципам экспозиции.

Предусматривается возможность осмотра их на большой глубине и с дневной поверхности благодаря использованию световодов.

ПОДЗЕМНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

Анализ практики создания подобных сооружений свидетельствует о необходимости максимально сохранить находку в

том месте и на тех отметках, где она была обнаружена. Среди многих факторов, оправдывающих это стремление, учитывающее особую научную ценность находок, решающим является научная достоверность и возможность лучшего сохранения этих древнейших памятников деревянной архитектуры Киева IX–X столетий.

Учитывая низкие отметки находок (ниже уровня Днепра) проект предусматривает частичное заглубление залов в местах находок, обеспечивая непосредственный обзор и надежную гидроизоляцию.

Проектное предложение, представленное на чертежах и макетах, позволяет сразу же создать музей для экспозиции найденных срубов и других находок.

Создание этого музея послужит основой для развития первого в Киеве подземного археологического заповедника и, вместе с другими новыми сооружениями, положит начало сооружению новой архитектуры всего создаваемого комплекса “Древний Киев”.

пространство средневекового киева

С Александром КУТОВЫМ беседовали Борис ЕРОФАЛОВ, Елена НЕНАШЕВА

Теперь — уже давно, в 1972 году, вышла в свет карта-реконструкция Киева княжеских времен неких ученых авторов: А. Д. Зорина, А. И. Кутового и В. А. Розенберга. Главного редактора А+С, который тогда был несмышленным выношем, картинка реконструкции Древнего Киева завороживала. Как, впрочем, завораживала она многих вполне продвинутых наших деятелей истории и культуры. Хотя, казалось бы, ну, что такого на “карте” сей изображено! Какие-то неказистые домики не вполне правильной

рисовки расставлены в воображаемые кварталы...

И, все же, на одном листке была создана магически правдоподобная иллюзия настоящего города. С настоящей топографией. И с подозреваемым настоящим прошлым. Не всякая туристическая аксонометрия достигает подобного эффекта.

Подозрение оправдалось. Это не обычная фантазия, но действительный научно-археологический и архитектурно-графический труд. В этом я убедился, когда, десять лет спустя, встретил

господина Кутового в коридорах альма-матер, в Художественном институте. Оказалось, это реальный архитектор, градостроитель и историк. А рисование карты происходило именно в этих стенах, в студенческом же возрасте. Без профессионального художества никак не обошлось. Здравствуйте, Александр Иванович, уж не тот ли вы самый Кутовой, который “Зорин-Кутовой-Розенберг”? Он самый. Радости моей не было предела. Именно А. И. Кутовой привел меня в еще здравствующий тогда Киевский институт истории и теории архитектуры...

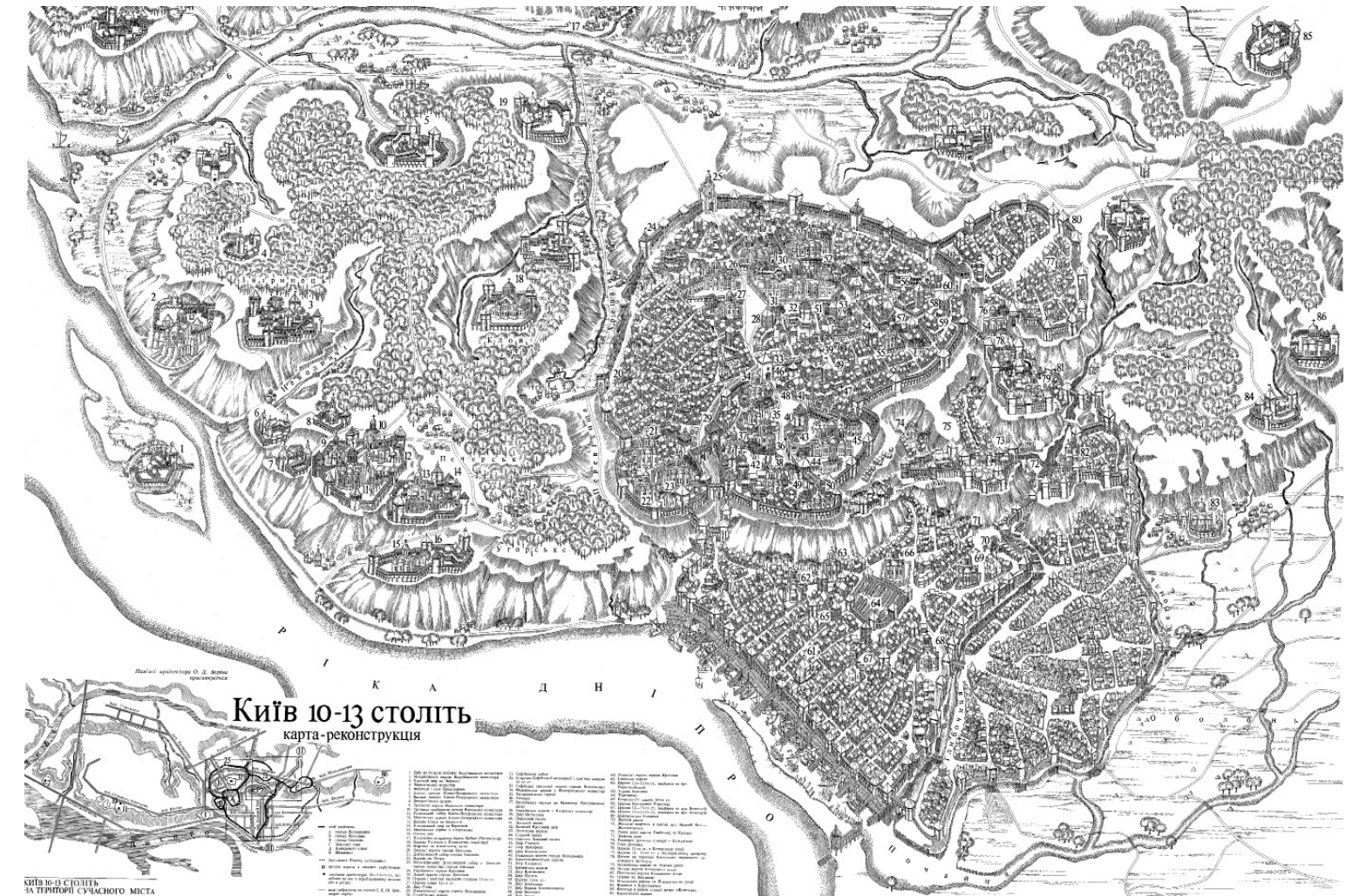
Ну а степень артистической стилизации “под средневековые ведуты”, научная честность и воодушевление первооткрывателей (именно в начале 1970-х археологи раскопали древнерус-

ские срубы на Подоле), и исключительно архитектурное чувствование топографии, в карте-реконструкции 1972 — по сей день остаются высокочастотным образцом “иллюзии без обмана”. Попытка повторить успех через пятнадцать лет привела лишь к назойливому складыванию гипотез. Очарования и боговдохновенного синкрета в карте 1988 года — нет.

Зато остался мастер градостроительной реинкарнации, Александр Кутовой, который и сорок лет спустя порадовал знающих новой феерической иллюзией города Владимира, киевского детинца. Таким, каким он был на самом деле. Восточная грёза. Византийская роскошь. Жемчужина в Стране городов. Смотрите — Ветхий Киев!

Дислокация Боричева узвоза (Андреевского спуска) на карте Киева X–XIII веков (реконструкция: Александр ЗОРИН, Александр КУТОВОЙ, Виктор РОЗЕНБЕРГ, 1972)

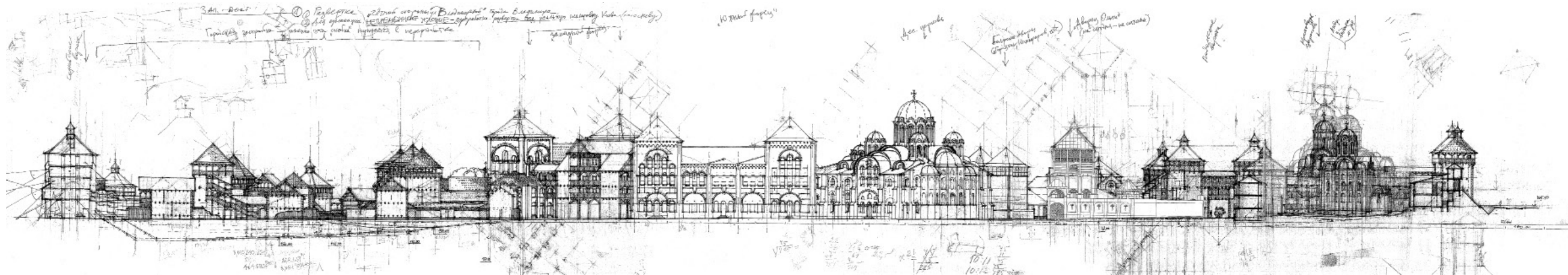
Дислокация Боричева узвоза (Андреевского спуска) на карте Киева X–XIII веков [реконструкция: Александр КУТОВОЙ, Виктор РОЗЕНБЕРГ, 1988]

А+С: Какова была мотивация и главные задачи создания карты Киева X–XIII веков?

Александр КУТОВОЙ: Эпиграф к этой работе (карте) я бы одолжил у французского историка Марка Блока, в его книге “Апология истории, или Ремесло историка”: “Папа, объясни мне, зачем нужна история”. Так однажды спросил у отца-историка мальчик, весьма мне близкий. Я был бы рад сказать, что эта книга — мой ответ. Именно с этого детского вопроса один из величайших историков XX в. разворачивает перед читателем всю проблематику своей профессии. Дело в том, что вопрос об истории реконструкций отдельных сооружений и древнего Киева в целом, имеет несколько аспектов. И едва ли не ключевой из них, спровоцировавший нас, авторов нескольких редакций карты Киева X–XIII вв., состоит в следующем. На рубеже 1960–1970-х годов в советском обществе возникла волна интереса к истории средневековой культуры Европы, в частности, тогдашнего, условно говоря, мира “советского славянства”: украинцев, русских, белорусов. В разных секторах культурной деятельности это проявлялось по-разному. И случай (как известно, ничего случайного не бывает) проявил как раз внутреннюю проблематику самого архитектурного ремесла, когда в качестве дипломного проекта на архитектурном факультете КГХИ студентам Виктору Розенбергу и Александру Зорину была предложена практически реальная для той эпохи тема: сооружение в тылах ул. Большой Житомирской здания института и музея археологии УССР. В. Розенберг — старший из нас троих (будущих соавторов), уже имел опыт практической работы в проектной организации. Зорин и Розенберг были дипломантами архитектора А. М. Милецкого в мастерской Е. И. Катонина, научным консультан-

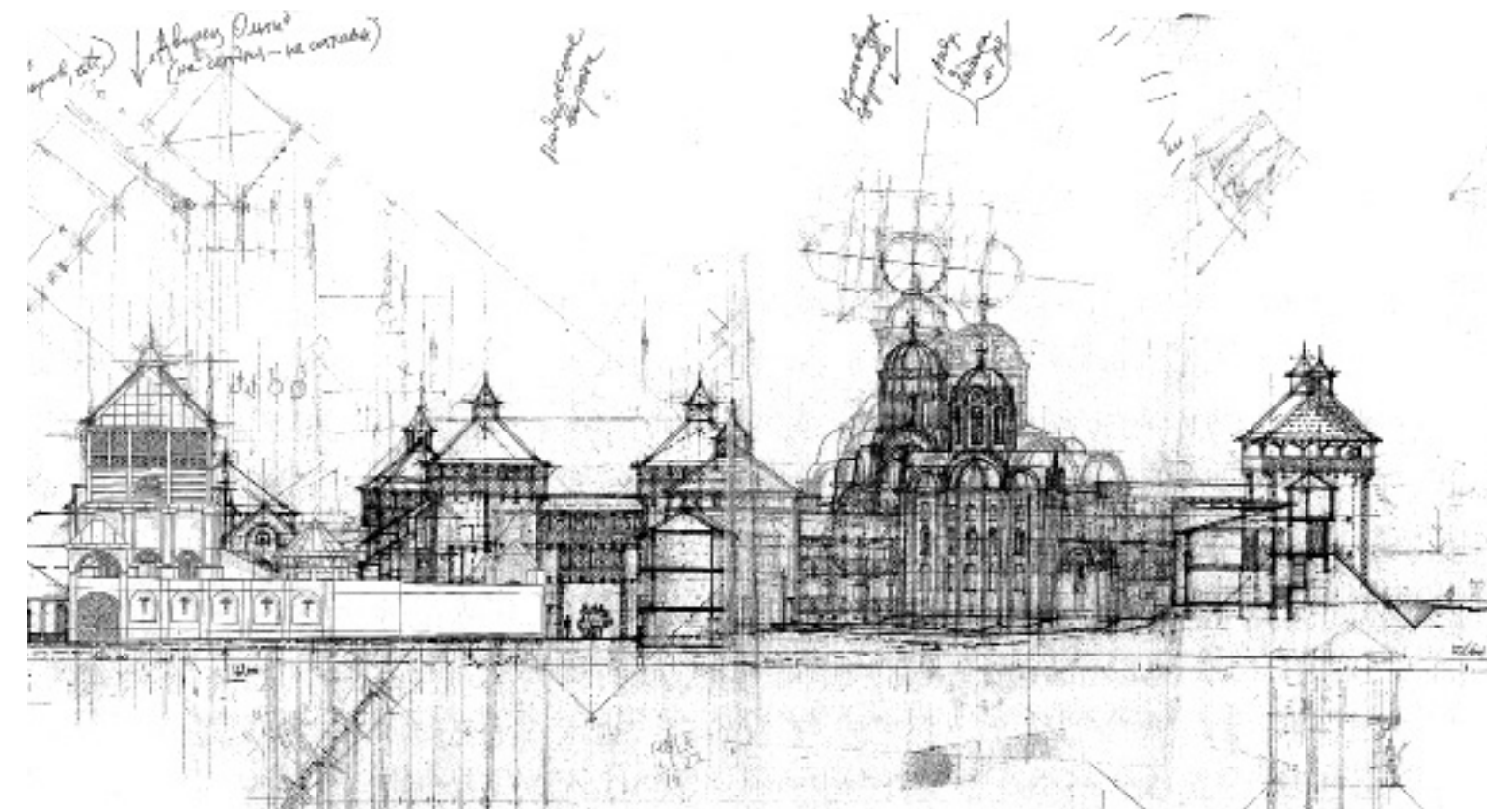
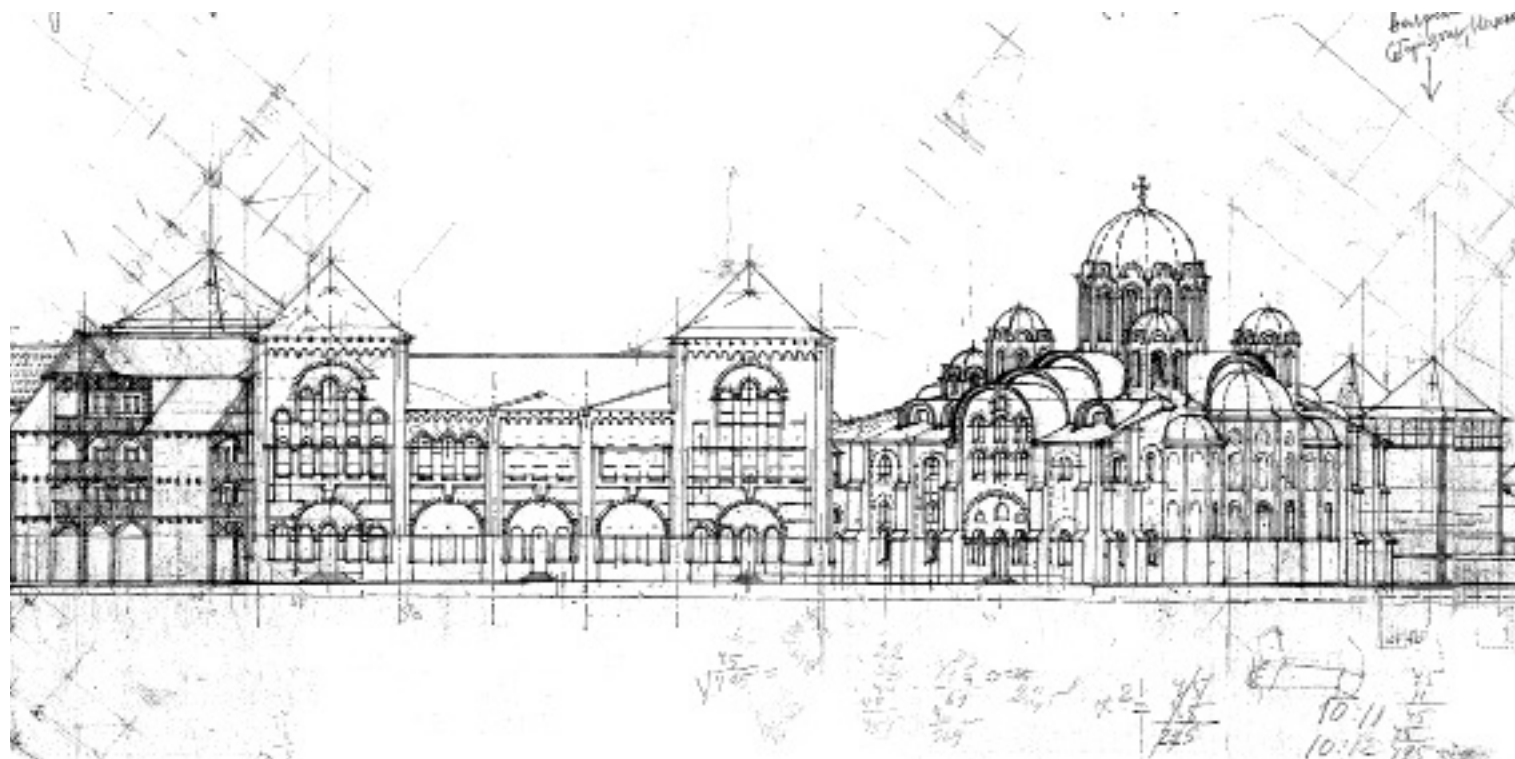
том выступил выдающийся украинский историк М. Ю. Брайчевский. Именно тогда, в несколько игровой форме, Виктору пришла в голову идея: в качестве эпиграфа к абсолютно современному архитектурному проекту на базе материалов только что созданной Киевской археологической экспедиции 1966–1969 гг. (рук. П. П. Толочко) материализовать всю сумму историко-архитектурных и археологических знаний о Древнем Киеве в форме карты-плана, традиционной для западноевропейской средневековой картографии.

Буквально с колес эта тема захватила тогдашних молодых людей (ваш покорный слуга, будучи на два курса младше своих товарищей, учился на четвертом). Карта стала для нас реальностью, когда Зорин и Розенберг сразу после института пошли работать в мастерские “Киевпроекта”, в бригаду своего учителя А. М. Милецкого, а я присоединился к ним немного позже. Перед нами, в отличие от художников, историков, поэтов, художников-мультипликаторов, в частности, сотворивших гениальный фильм “Никита Кожемяка” (1965 г.) на студии “Киевнаучфильм”, встала реальная конкретная проблема в сфере архитектурной профессии. Каким образом определить и почувствовать “гениус лоци”, дух места, для города с двухтысячелетней историей, где непрерывность картографического материала и фиксация динамики его развития в пространстве и во времени обрывается в ретроспективе на рубеже XVII–XVIII вв. Древнее материалов нет. А для Киева как для любого европейского города необходим непрерывный ряд. Здесь невольно вспоминается фундаментальная методологическая фраза, уже прошедшая проверку временем, одного из лидеров отечественной теории архитектуры В. Л. Глазычева: во всех гуманитарных деятельности, профессиях и ремеслах, в художественном

Развертка четной стороны "ул. Владимирской" города Владимира

[реконструкция: Александр КУТОВОЙ, 2011]

творчестве и в проектировании вообще, в педагогике, в медицине, в механизмах руководства человеческими коллективами, теория в чистом виде, как для точных наук, отсутствует, поскольку она каждый раз имеет дело с живым материалом, постоянно трансформирующимся. В этих профессиях (и в архитектуре — едва ли не в первую очередь) функции теории всегда выполняла история этих профессий, выстроенная на сегодняшнюю проблему. Все наши занятия историей (в данном случае я говорю об авторах карты Киева X–XIII вв.) были связаны с одной практической сверхзадачей: получить представление о формах и процессах развития города в одном синтетическом чертеже-карте. Нам нужно было проявить всю систему пространственных взаимосвязей Киева на протяжении веков, трансформацию его художественного образа и восприятия его современниками. Следовало понять, что является определяющим на все времена, и каким образом можно сегодня почувствовать и увидеть печать вечности на этом вечном городе. И эта сверхзадача была, на наш взгляд, выполнена.

А+С: Как вы увидели современный Киев через призму его виртуального воплощения в плане X–XIII вв.?

А. К.: Мы увидели, и почувствовали, центр города. В те времена ваш покорный слуга пребывал в должности главного архитектора проектов в Управлении Генерального плана Главкиевпроекта (УГП), так тогда назывался теперешний Институт "Киевгенплан". Мы занимались реконструкцией и дальнейшим развитием исторического центра Киева, работая плечом к плечу с такими замечательными профессионалами, очень тонко и точно понимавшими и чувствовавшими Киев, как Ю. А. Паскевич, А. С. Бондарчук и руководители тогдашнего УГП — Н. М. Дёмин, В. Н. Михайленко и Е. Е. Лишанский. Виктор Розенберг был тогда главным архитектором проектов в Третьем управлении Киевпроекта и осуществлял, совместно с И. П. Шпарой и целой плеядой тогдашней молодежи — Ю. С. Шалацким, Г. С. Духовичным, Л. А. Морозом, А. З. Чечиком, А. И. Тамаровым, проектирование и строительство "Южных ворот" современного Киева, то есть застройку улиц Боженко, Горького, Красноармейской. Это первое, собственно внутри города, что

видят люди, въезжающие в Киев через Днепр. В чудом сохранившихся целостных фрагментах этой застройки, во многих местах уже искаженной до неузнаваемости, в формах абсолютно современной многоэтажной архитектуры парадоксально читается ритмическая, масштабная и образная характеристики жилых кварталов Киева, свойственные ему на протяжении длительного времени. Занимаясь много лет исследованием древнерусских материалов жилой архитектуры эпохи средневековья, смею предположить, что в художественных формах, свойственных XX веку, в этой работе Розенберга указанная выше сверхзадача была успешно решена. Равно как и в застройке исторических кварталов Подола, где ГАПом был тоже Розенберг. Проект был отмечен достаточно точным присуждением в конце 1980-х гг. итальянским журналом "Domus" премии "за лучшую работу года".

А+С: Что можно сказать, глядя "с дистанции" на опыт этих картографических работ?

А. К.: Своё мнение мы изложили и в предисловии к картам, и в методологической статье, посвященной проблеме научной рекон-

струкции древнерусского средневекового города на примере Новгорода в журнале "Строительство и архитектура" № 8 '1975. Последующая практика показала плодотворность и необходимость таких работ на примере нашего участия в составе бригады института "Киевпроект" (ГАП — И. П. Шпара) в 1975 году в заказном закрытом всесоюзном конкурсе на реконструкцию Новгорода Великого. Этому предшествовала трехлетняя работа над воссозданием облика средневекового Новгорода, параллельно с нашими киевскими поисками, на основании более масштабных и более глубоких исследований Новгорода по сравнению с другими городами. Только совокупность всех этих материалов, совмещенная с профессиональным мышлением и постоянной работой в профессии проектирующего архитектора, способна дать какие-то результаты, которые в свою очередь порождают следующие вопросы и провоцируют поиск.

В конечном счете, внутри всей семьи великих евразийских цивилизаций родовое отличие азиатских и европейских культур состоит в том, что при любой сложности проблем в любой

азиатской цивилизации всегда есть ответ, а европейская — при достижении любого результата в том же самом месте всегда получает вопрос.

А+С: Какой вопрос “внутри профессии” интересовал вас персонально в связи с реконструкцией Древнего Киева?

А. К.: Это попытка осознать, как строилось пространство средневекового Киева, какие характеристики оно имело, что в нем было общего с большими пространственными композициями, пространствами дворов и улиц XVII, XVIII, XIX, XX веков. И в чем были их различия. Каким образом складывалась форма храмов, боевых ворот, иных монументальных сооружений, которые всегда возникали в обрамлении, внутри застройки, и только из этого контраста одновременного архитектурно-художественного звучания, совокупности этих объектов являлось и всякий раз является лицо города.

Я хорошо помню реакцию итальянских коллег, приехавших в Киев 1980-х годов из города Тревизо в Северной Италии. Во время встречи в Музее истории Киева они поделились своими ощущениями, когда из интерьера Софийского собора и Софийского подворья вышли на огромную площадь. Тогда еще не был воссоздан Михайловский монастырь. И они пережили эмоциональный шок, потому что сформировавшееся в XIX–XX вв. пространство никак не является окружением Софийского собора, из которого он вырастал в XI веке.

А+С: Сколько существует ваших собственных графических реконструкций памятников архитектуры Киевской Руси?

А. К.: Никогда не считал. Реконструкции возникали только тогда, когда передо мной стояли мои личные профессиональные проблемы. Я их делал в процессе размышлений и нигде не публиковал. Безусловно, это крупнейшие постройки Киевской Руси, как они выглядели в своих функциях. Это Борисоглебский мавзолей в Вышгороде, который был “маяком”: всегда виден с киевских холмов, циклопическая по тем масштабам постройка. Это Спас на Берестове, как отдельный сюжет. Мой учитель Г. Н. Логвин когда-то обратил на это внимание, сложнейшая постройка (вслед за Логвиным его последователь и дочь Наталья Логвин пошла к Спасу на Берестове более конкретно). И, в-третьих, Ризоположенский собор Кловского монастыря, крупнейшее, как заметил П. А. Раппопорт, подкупольное пространство в истории домонгольской архитектуры Руси. Вот эти постройки для меня ключевые. Тот же Раппопорт так резюмировал доклад Г. М. Штендера по поводу исследований Спаса на Берестове: “Коллеги, мы стоим перед констатацией того факта, что все архитектурно-художественные и объемно-пространственные идеи, которыми питалась вся домонгольская архитектура, были порождены в Киеве в течение XI века”. Меня всегда интересовали

именно эти сюжеты. Они были мне нужны для постоянной работы над профессиональной сверхзадачей.

А+С: Означает ли сказанное, что реконструкции отдельных сооружений на карте Киева X–XIII вв. — не ваши?

А. К.: Почему? Там и наши есть.

А+С: По какому критерию вы выбирали, чей вариант реконструкции того или иного памятника взять для использования в карте?

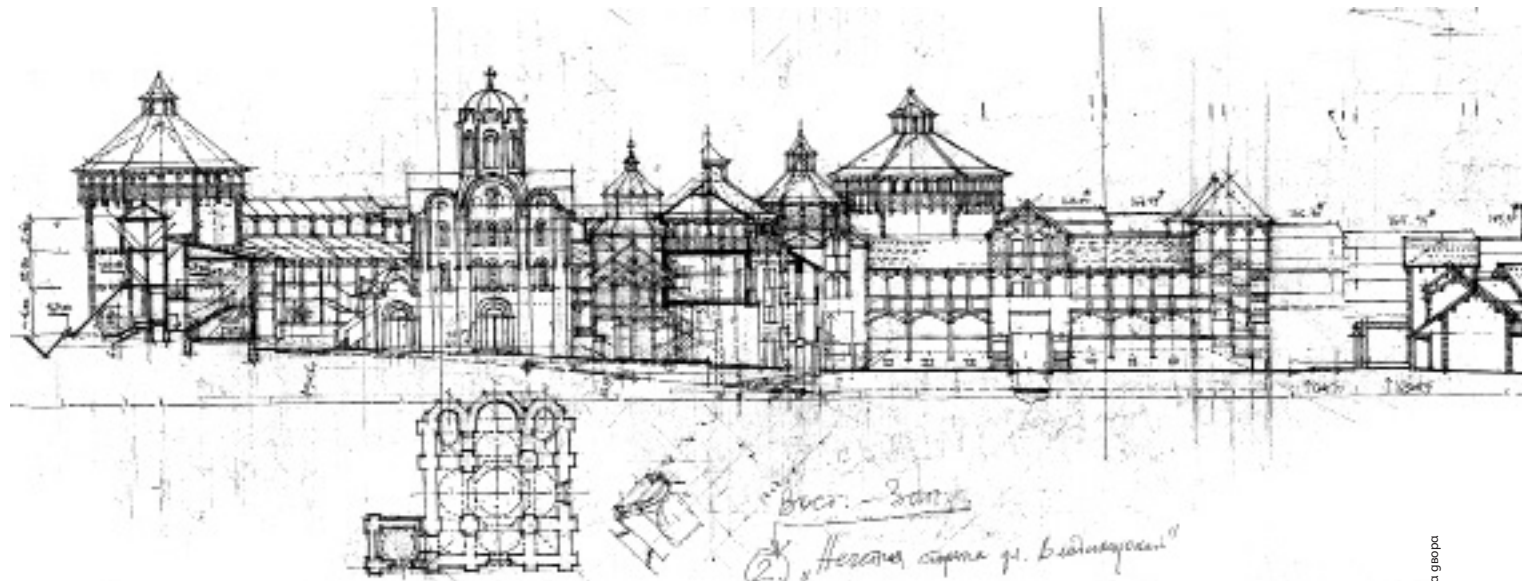
А. К.: Для оборотов, для аппарата мы всегда выбирали реконструкции, на наш взгляд, наиболее полно соответствующие определенному этапу развития города, которые были опубликованы с обоснованием принятых решений, наиболее социализированные, что ли: Ю. С. Асеева, Г. Н. Логвина, Г. М. Штендера, П. П. Толочко, В. А. Харламова... В панорамах и общих видах Киева, там, где считали возможным и чувствовали свою внутреннюю правоту, с легким сердцем вставляли свои. Это касается, в первую очередь, карты редакции 1988 г. и совершенно загадочного явления — киевских ротонд X–XIII вв.

А+С: Что стимулировало вторую редакцию карты, 1988 года?

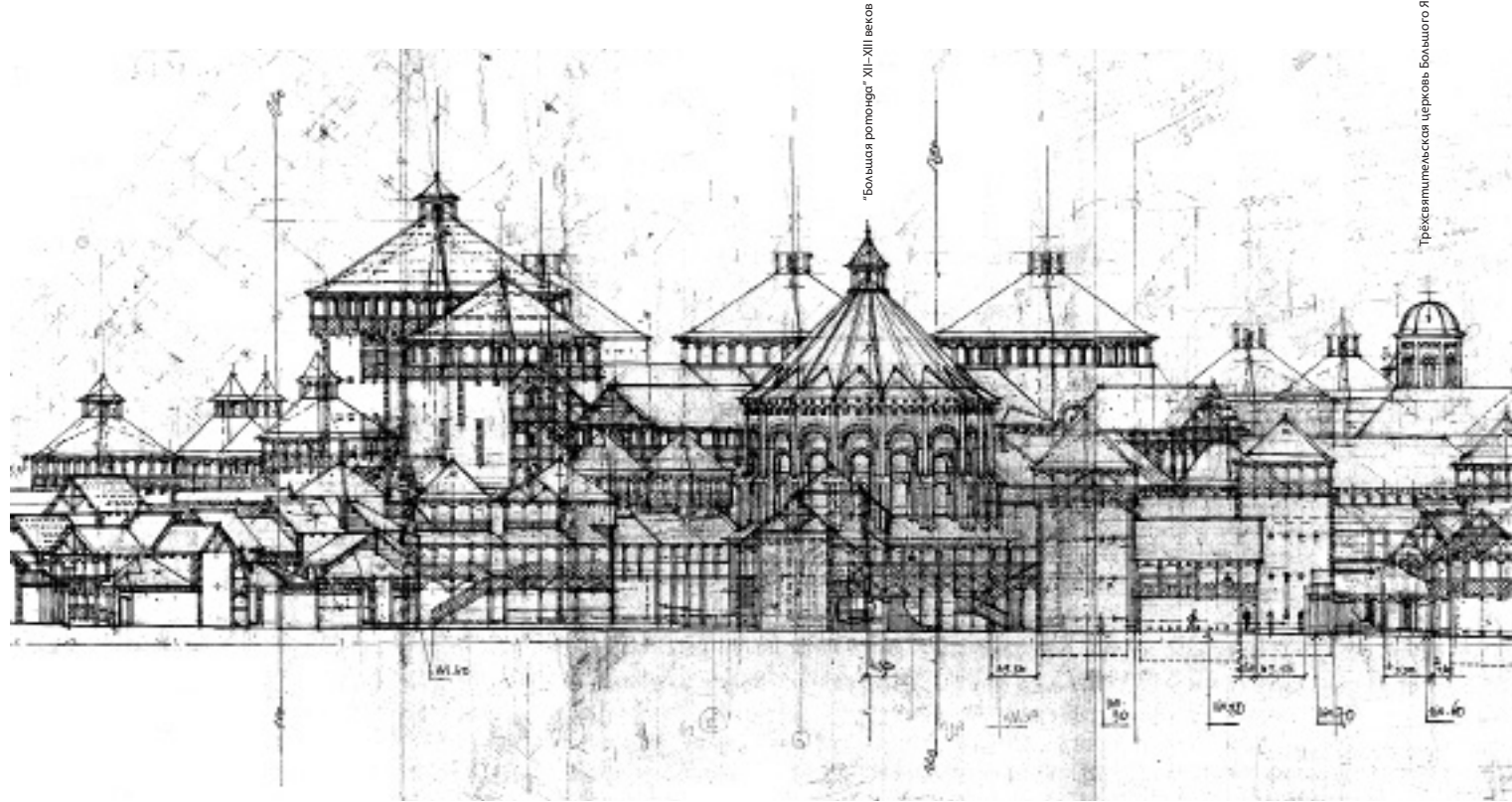
А. К.: Было бы несправедливо забывать о том, что за время существования киевской экспедиции, с середины 60-х годов XX века по сей день, количество, а значит, и качество археологических материалов по Киеву увеличилось в несколько раз. В этом была мудрость замысла тогдашнего студента Виктора Розенберга: зафиксировать в доступной нам изобразительной форме представления о Киеве ученых из разных областей знания на определенный момент времени. Когда карта вышла, она сразу “выстрелила”. За ней нам явился Новгород, который уже потребовал следующего качества, а также соответствия новым профессиональным запросам. Ведь архитекторами становятся постепенно.

После новгородского конкурса безвременно ушел из жизни наш товарищ и коллега Александр Зорин, ему было тридцать лет. Наша работа над городом Киевом в целом и над развитием темы активной реконструкции кварталов исторического центра к началу 1980-х уже перешла в другую фазу. И вдруг как бы внезапно повзрослев, мы с удивлением обнаружили, что со времени публикации первой карты прошло пятнадцать лет, что мы оба преподаем, что и время, и город диктует нам, активно практикующим архитекторам, новые вопросы. Мы поняли, что пора, параллельно занимаясь, Богом даденным и одновременно проклятым, этим ремеслом, снова вернуться к историко-архитектурным исследованиям, которые для нас всегда были прикладными, с целью получения ответов на актуальные вопросы.

А+С: Сыграло ли какую-то роль в работе над картой празднование 1500-летия Киева в 1982 году?

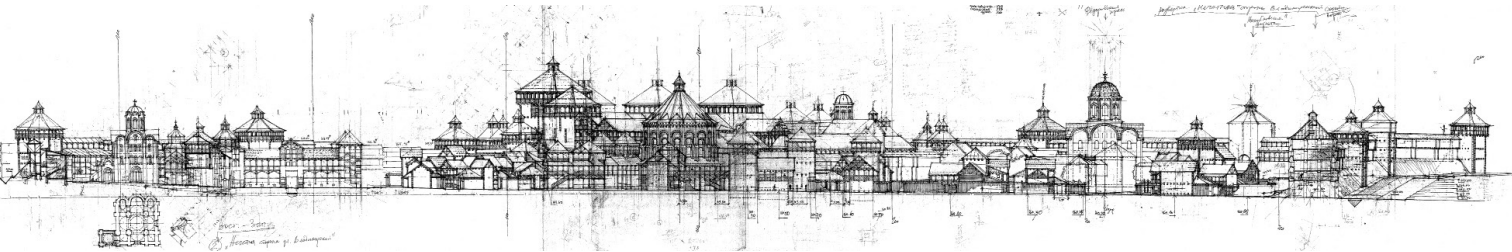
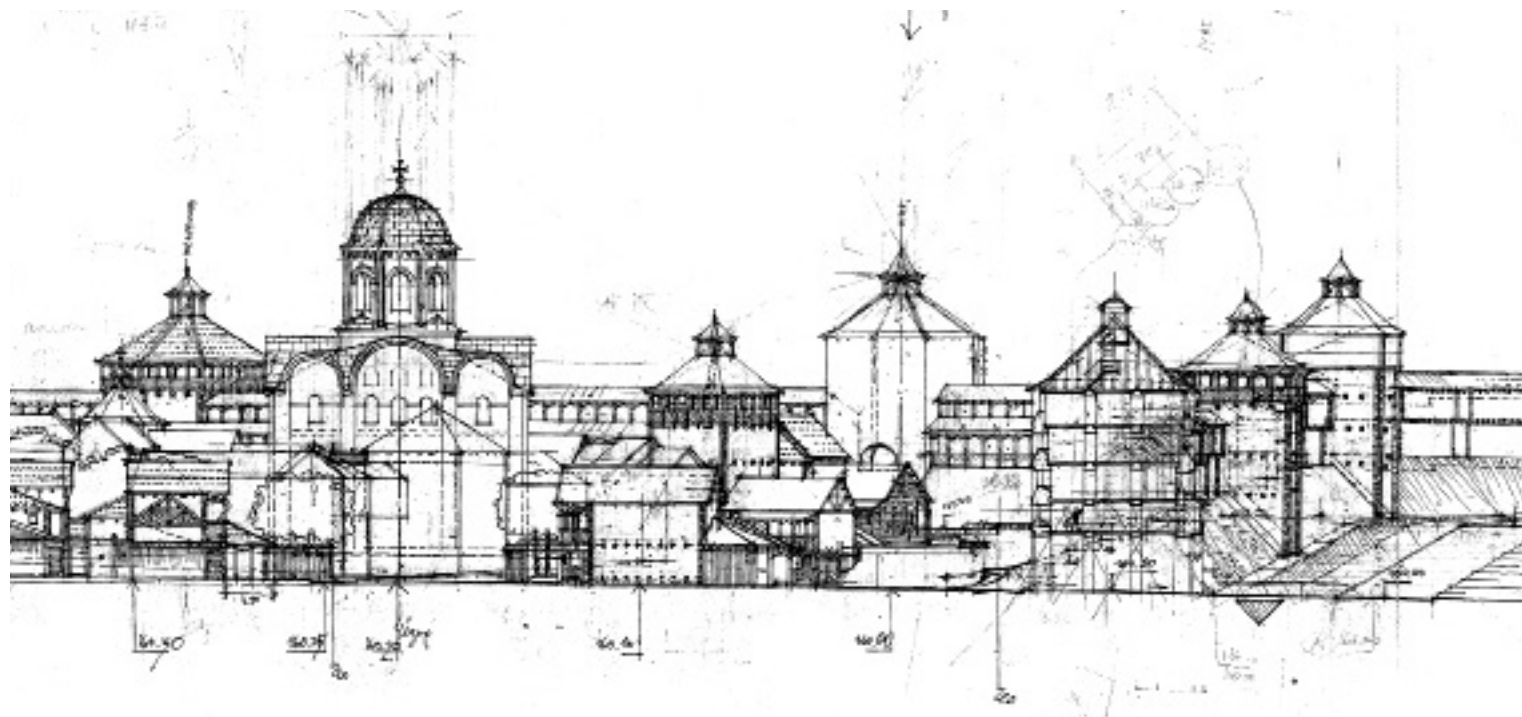
Андреевская церковь Янчина монастыря

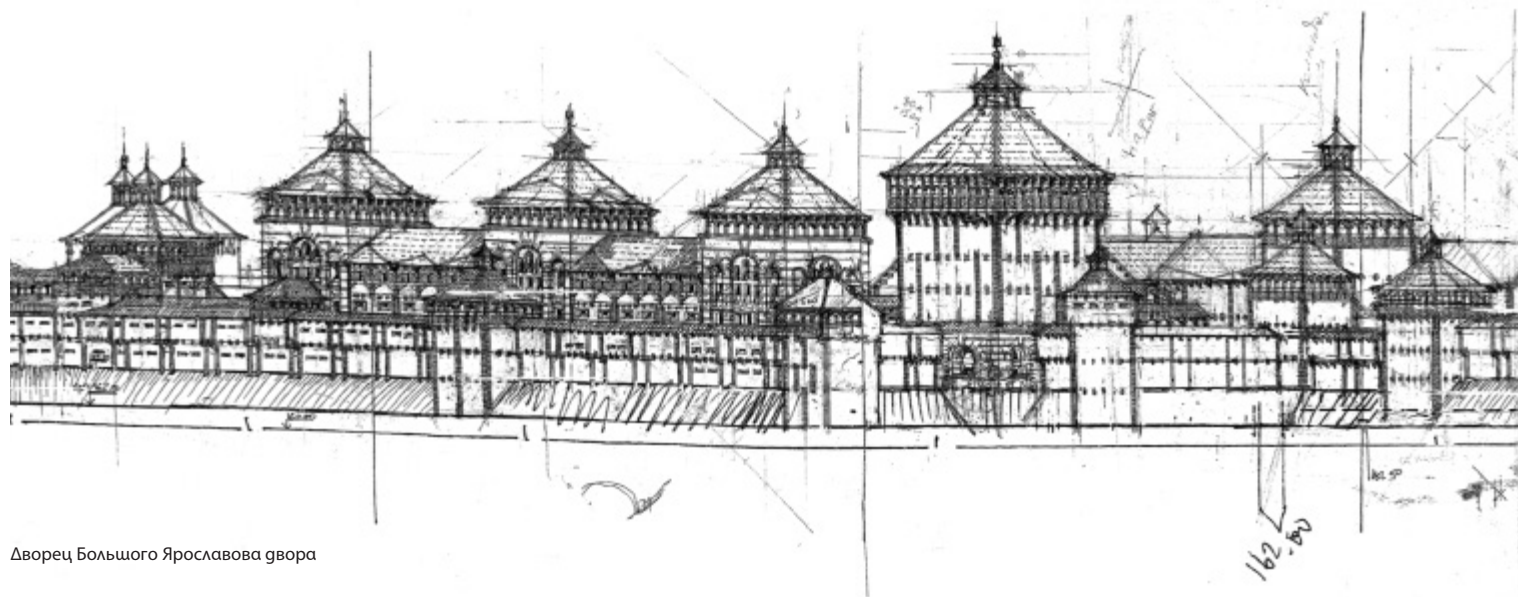
“Большая ротонда” XII–XIII веков

Трёхшатровая церковь Большого Ярославов двора

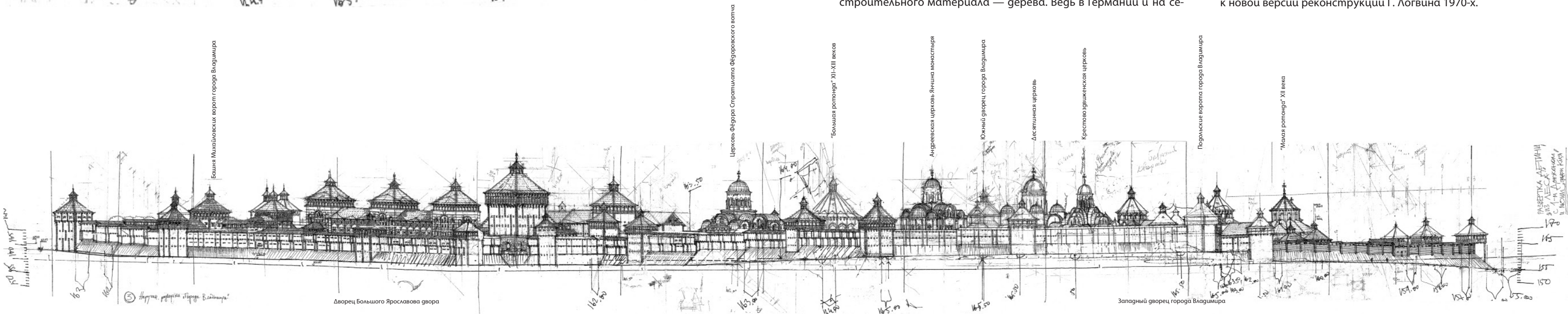
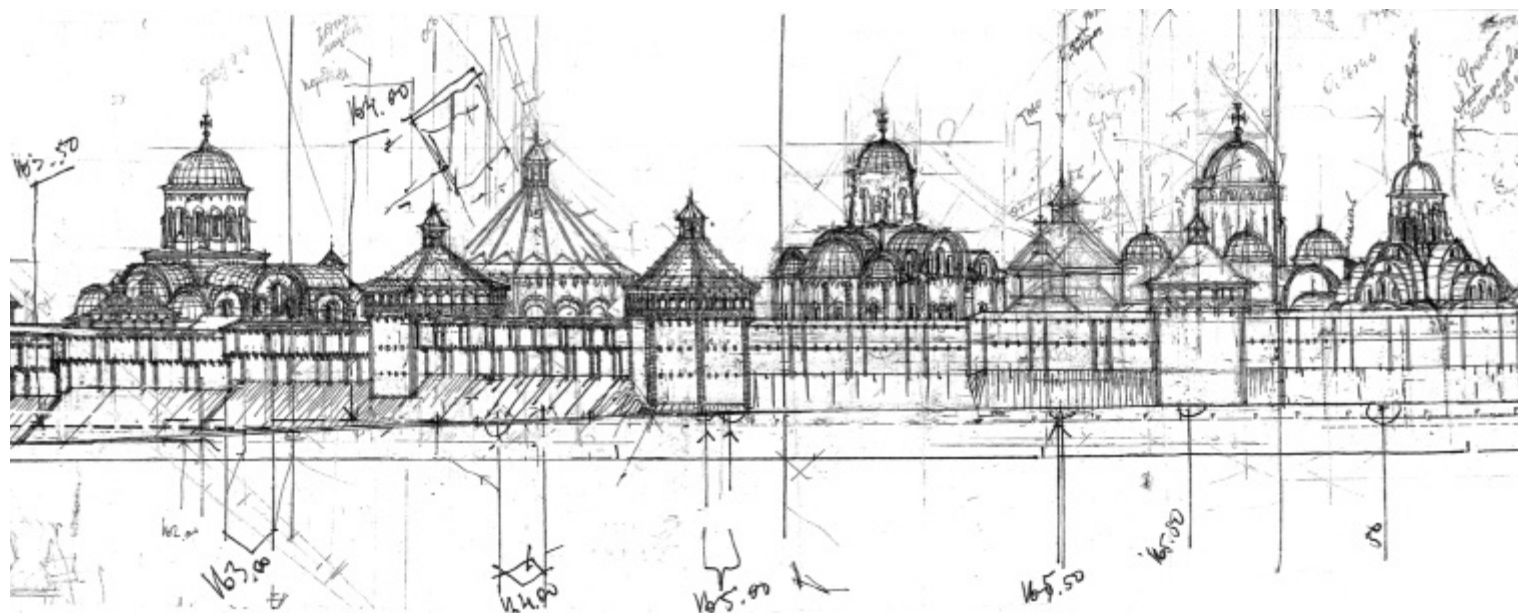
Большой Ярославов двор

Развертка нечетной стороны “ул. Владимирской” города Владимира [реконструкция: Александр КУТОВОЙ, 2011]

Дворец Большого Ярославова двора

Наружная развёртка по оборонительным валам города Владимира (реконструкция: Александр КУТОВОЙ, 2011)

А. К.: Конечно. Условное 1500-летие Киева было придумано как нельзя кстати. В те годы на всем пространстве советской археологической и историко-архитектурной славистики назрел очередной этап подведения итогов и постановки новых научно-исследовательских проблем. Историческое время стало проявляться буквально на наших глазах. Воистину прав был философ и богослов высокого средневековья Аделард Батский: “Мы подобны карликам, стоящим на плечах гигантов, и лишь потому способны видеть дальше их”. И празднование 1500-летия Киева, как никакое другое событие начала 1980-х, катализировало процесс дальнейшего изучения проблематики древнерусского города. Тогда на примере не только Киева, но и многих реконструируемых городов, и Полоцка, и малых городов Правобережной Украины, и русского Нечерноземья, снова и снова археологические материалы провоцировали тех, кто умеет внимательно читать и видеть, искать дальнейшие пути развития этой сферы профессионального знания.

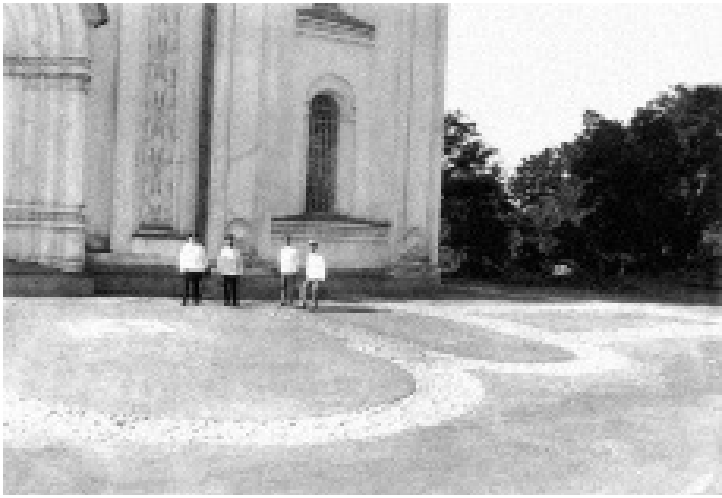
А+С: На этой волне появились не только графические реконструкции, но и новоделы в натуральную величину.

А. К.: К этому времени достоянием даже профанов, которые не имеют прямого отношения к внутрипрофессиональной проблематике, стало понимание следующей установки: текст как целостное высказывание, в том числе и материально-художественное, имеющий более 30 % утрат, адекватному воссозданию не подлежит. Тем более, в такой болезненной в этом отношении сфере как художественная культура, частью которой является культура архитектурная. Потребность в понимании такого рода вещей становится еще более острой, нежели с точки зрения фундаментальной истории архитектуры, которая предъявляет к своим агентам потребность выстроить непрерывный ряд по каждому из явлений. Особенно в тех ареалах европейской культуры, которые за последние века пережили катаклизмы, где в отличие, например, от островной Англии отсутствуют более или менее непрерывные сохранившиеся ряды целостных архитектурных явлений. От ранних христианских построек и протогородов к романской эпохе, от нее плавным переходом к готической, оттуда к ренессансу и т. д. У нас все это, к сожалению, всегда было дискретно, разрывно. Не только и не столько, например, из-за недолговечного строительного материала — дерева. Ведь в Германии и на се-

вере Центральной Европы древесина тоже основной строительный материал. Тем не менее, таких фатальных разрывов в культурных явлениях там нет. Особенно в сознании людей, для которых это не является материалом исследований и осмысления. И поэтому реконструкция, как основной инструмент получения модели хотя бы на уровне представления, с такой остротой свойственна всем типам восточнославянской культуры, начиная от рубежа XVIII–XIX вв., от эпохи пробуждения национального самосознания, связанного и с Наполеоновскими войнами, и с неоромантизмом, и с тотальным проявлением интереса к средневековью. Отсюда жажда реконструкций “любой ценой”.

А+С: Расскажите о вашей реконструкции Десятинной, которая впервые публикуется в этом выпуске А+С.

А. К.: Это результат многолетних размышлений по поводу моей работы в качестве помощника в годы учебы в аспирантуре (1976–1979) у моего научного руководителя Г. Н. Логвина, над его версией воссоздания облика храма. Три с лишним десятилетия рефлексии над той работой ушли на подтверждение правомерности концепции Учителя — генетического городства Десятинного храма и Софии, их пропорционального кода, композиционного замысла, единства строительной традиции. В этой ситуации изложение своей аргументации автоматически превратилось бы в плагиат. Своим собственным шагом вперед я считаю учет в реконструкции объекта только двух составляющих. Во-первых, поиск логики архитектурного и конструктивного решения кровли в целом, ее узлов и элементов, на предмет исключения снеговых “мешков” и необходимости отведения больших объемов воды — задачка, скорее всего, никогда не стоявших перед мастерами константинопольской школы в X в., вынужденными решать ее здесь едва ли не впервые. Во-вторых, интерпретацию решения в архитектуре храма конструкций, несомых фундаментами периметральных галерей, не перевязанных с конструкциями основного объема. По неизвестным мне причинам, авторы большинства предшествующих реконструкций не обращали внимание на прием “скользящей опоры” (опирание консолей арбутанов на соседние стены без защемления — прием, фиксируемый в ряде сохранившихся синхронных памятников школы). Учет в моей работе вышеперечисленных соображений привел по сути к новой версии реконструкции Г. Логвина 1970-х.

Десятинна церква В. Стасова зі слідами апсид давньої церкви на передньому плані і розкоп Д. Мілеєвим південно-східного її кута, 1908 рік [фото з фондів: НЗ „Софія Київська”, №№ 727 і 726 КП-2а]

Богослужения торжественный зенит, / Свет в круглой храмине под куполом в июле,

Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули

О луговине той, где время не бежит. / И евхаристия, как вечный полдень, длится...

Осип Мандельштам

десятинна: існування поза часом

Олена НЕНАШЕВА, любителька автентичностей

ЩО Є ПАМ’ЯТКА?

Питання риторичне, але ситуація навколо Десятинної церкви свідчить, що відповідь не є очевидною. Нібито й нема що заперечувати, найдавніша пам’ятка київського Дитинця — сама його земля. Пил і попіл літописних подій. Тисячоліття, згорнуте в точку, “звідки єсть пішла Руська Земля”. Археологічне розкопирсане тло, немов “кров брата мого вопіє до тебе від землі, Владико!” [1]

Чи стануть будь-які архітектурні варіації на фундаментах Десятинної церкви відродженням автентичної пам’ятки? В жодному сенсі. Навіть в релігійному або в сакральньо-геометричному, які останнім часом бадьоро експлуатуються.

Можна легко погодитись з “палеоастронавтами” Р. Фурдуєм і Ю. Швайдаком, що перші храми Києва побудовано в геопозитивних зонах. Авжеж! В місті Володимира і Ярослава усіляка диспозиція — суцільний геопозитив. Наприклад, майданчики Георгіївської, Ірининської, Федорівської, Василівської та багатьох інших церков Старого Києва.

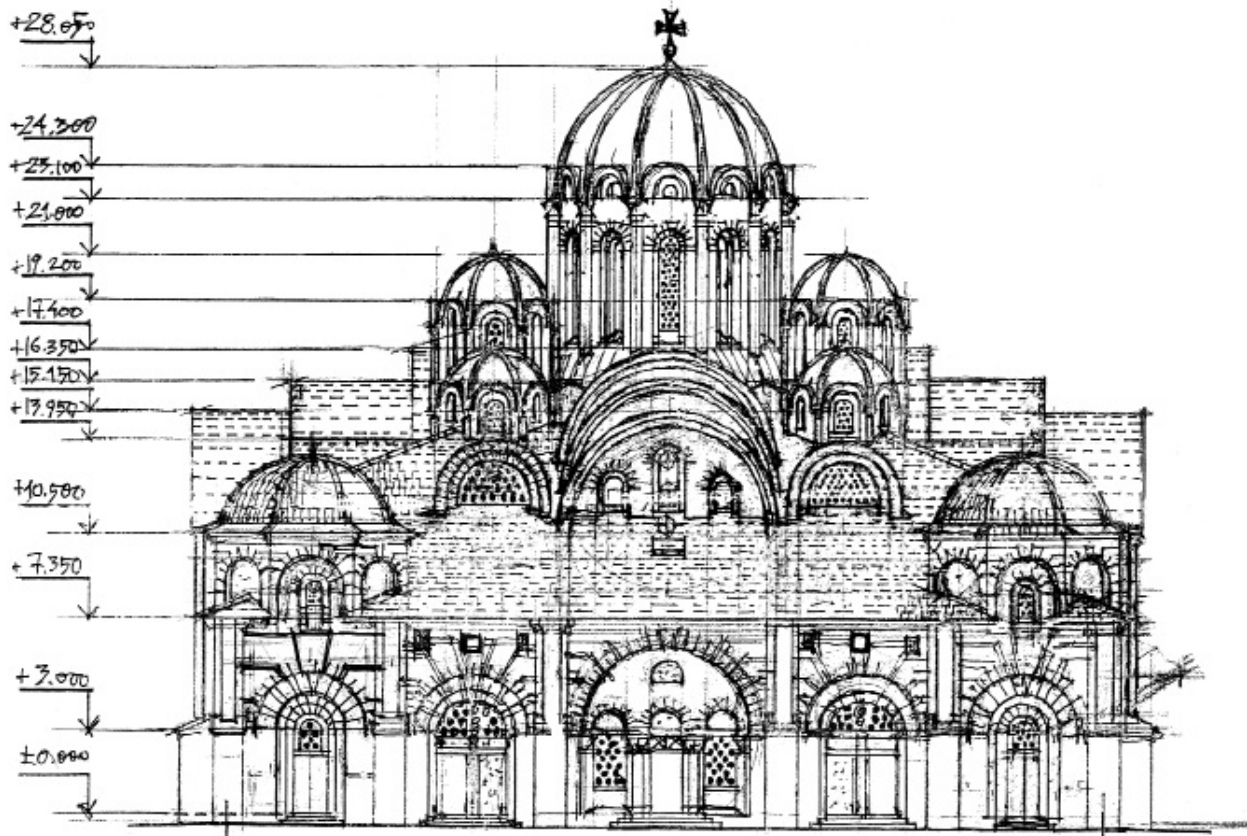
За вченими уфологами, трикутник, що утворюється Десятинною церквою, Софійським і Михайлівським соборами, інтерпретується як “згармонізована аура трикутового сакрального середовища” [2]. У цьому дехто вбачає серйозний привід для відбудови Десятинної церкви, мовляв, сьогодні у трикутнику не вистачає кута. Але це не дає аніякого прирощення у розумінні пам’ятки, адже композиційні співвідношення в міських ансамблях працюють і без палеоастронавтики. До того ж, Андріївська церква і в сакральному, і у містобудівному сенсі — повністю заміщує “лакуну”.

В християнстві пам’ятка єсть нагадування про незворотність часу, його лінійність. Без “історичної пам’ятки” важко уявити біблейську картину світу, в якій людина, за висловом М. Еліаде, виганяється із космосу, і моги — “жах історії”. В такому світосприйнятті відновлення храму на священних підмурках — знак єднання людини з Богом у швидкоплинному часі. Проте сьогодні ця християнська традиція є справою не тільки Церкви. Вона давно і ґрунтовно зумовлена нормами наукової реставрації

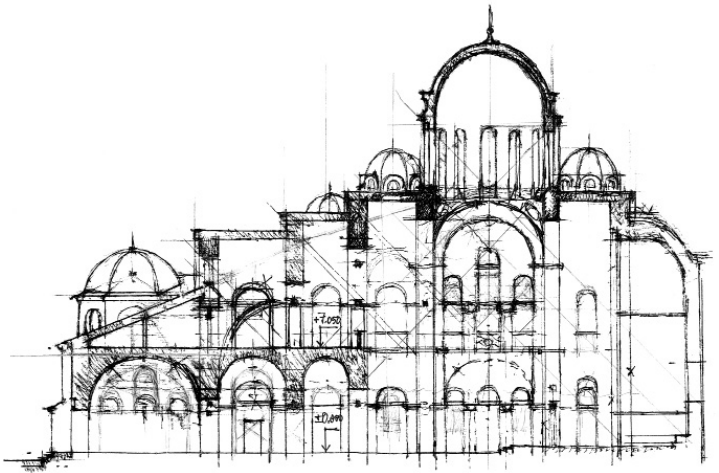
(Венеційська хартія, 1964). Отже, якщо на автентичних рештках Десятинної будь-які роботи, окрім консерваційних, заборонені, тоді інституту розпорошеної української Церкви слід забути про “інтернаціональні ознаки” пам’ятки і не складати каміння там, де воно може пошкодити культурний (і навіть державний) тотожності. Радше зосередьмося на суті сакрального буття. Власне на літургії, тобто на відображенні передстояння перед небесною істиною. Поза місцем і поза часом. Літургія — це спогад (анамнесіс). Але особливий, позачасовий. Христос — і Бог, і Жертва, і Жрець. “И евхаристия, как вечный полдень, длится”. Позачасовий спогад долає абсурд лінійного буття і повертає людину з історії у космос Божественного. В євхаристичному контексті Десятинна існує вічно, поза історією. І нині і присно і на віки віків. Амінь.

ЦЬОГОРІЧНИЙ КОНКУРС

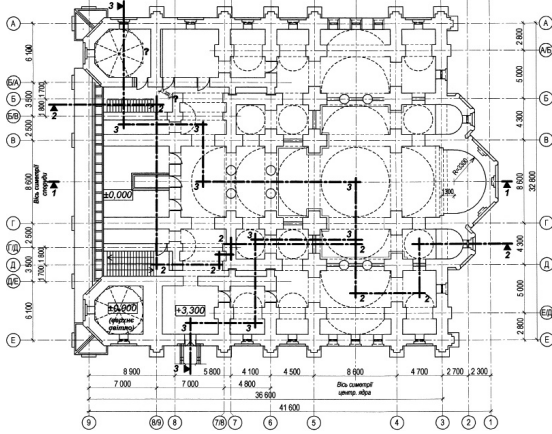
Конкурс на містобудівну концепцію ревалоризації київського Дитинця продемонстрував, що іноді світоч істини із сфер ідеалістичних сходить на грішну землю безпросвітним туманом. Більшість конкурсантив підійшла до підмурків Десятинної церкви настільки творчо, що з легкістю пожертвувала реальною архітектурно-археологічною пам’яткою заради нового “пам’ятного знака”. Так, поряд з проектами а la Стасов запропоновано: “на розмірностях фундаментних слів центрального сакрального ядра прадавнього храму — віками намоленому місці — побудувати невеликий меморіальний храм як його архетип”. Сформульовано вигадливо, ти диви, “архетип”! Але ані розуму, ані серцю. Певно тут саме той випадок, коли вигадливість не потрібна, навпаки. Навіть хочеться позитивістської ясності статечного XIX століття. Згадаємо, що сказав з приводу нової Десятинної, тільки-но побудованої за проектом В. Стасова у 1830–1840-вірр., авторкласичного “Описанія Києва” М. Закревський: “Гораздо полезнее было бы для науки сберечь и даже покрыть прочным медным навесом древние священные остатки Владимирской церкви” [3].

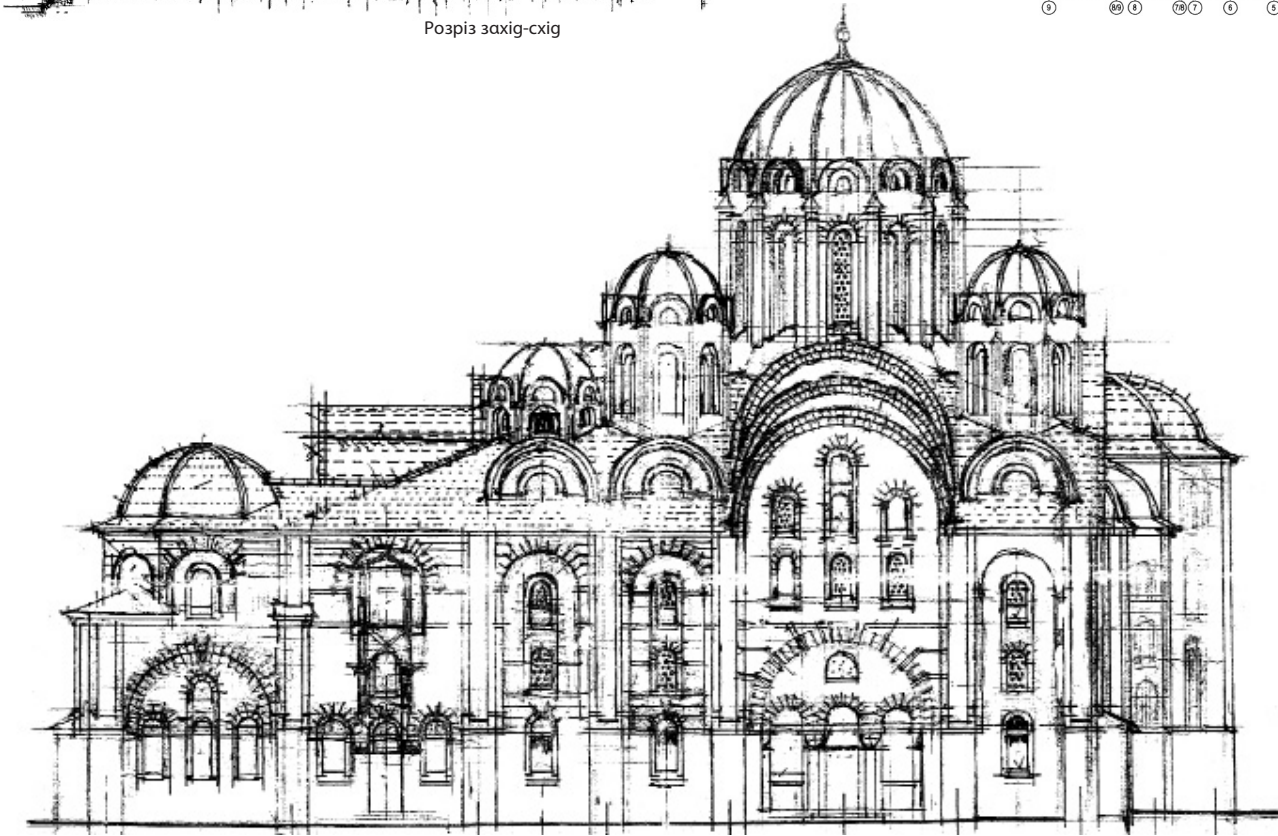
Західний фасад

Розріз захіг-схіг

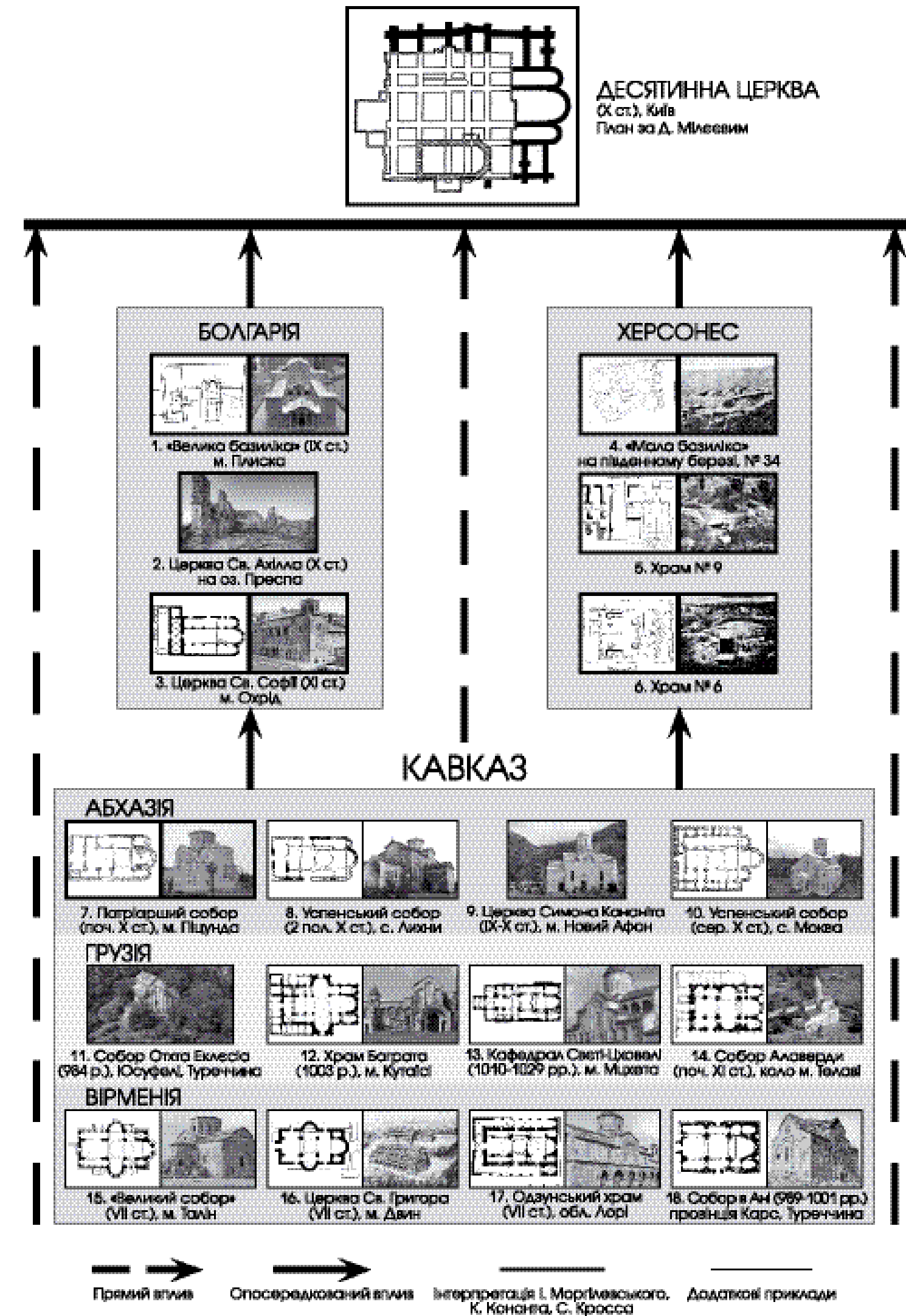

План

Південний фасад

Реконструкція Десятинної церкви Олександра Кутового, 1911

Тип "базиліка" у контексті кавказьких впливів на Десятинну церкву X ст., за посередництвом Болгарії та Херсонесу. За І. Моргілевським, К. Конантом і С. Кроссом, 1936

ІЗНОВ БАЗИЛІКА

Пам'ятка, набання пам'яті, це не лише матеріальні залишки храму, але й знання про його буття (саме про це насправді й турбувався Закревський). В науковому обігу існують десятки варіантів реконструкції первісного вигляду Десятинної і навіть її плану. Інтригою, навколо якої розгортається сучасний етап історико-архітектурних інтерпретацій, є результати археологічних дослідів Г. Івакіна і О. Іоаннесяна. Після довоєнних розкопок М. Каргера в науці панувало уявлення про належність першого мурованого храму Русі до хрестово-купольного архітектурного типу. Але в 2005–2008 рр. археологи роздивились в його плані базиліку. І не можна сказати, що несподівано.

В історії вивчення Десятинної церкви єсть маловідомий епізод, пов'язаний з І. Моргілевським (1889–1942). В Україні ім'я вченого в контексті Десятинної не згадується. І абсолютно незаслужено. Інша картина в науковій комунікації Моргілевського з гарвардськими медієвістами К. Конантом і С. Кроссом, окремим інтересом яких була архітектура Київської Русі. Великою мірою доводи американців базувались на матеріалах Моргілевського, зокрема і в питаннях цього Десятинної. Цікавим є і зауваження Кросса, що в 1930-ті більшість оригінальних матеріалів Д. Мілеєва з розкопок Десятинної напередодні Першої світової знаходилась у Моргілевського in the possession [4]. "Базилікальна концепція" Десятинної та інші наукові погляди вченого увійшли до американських видань і мали тим більшу цінність, що за браком надходжень літератури з СРСР, ставали рідким джерелом інформації про домонгольські пам'ятки. До цих праць відсилає читача професор Йельського університету Г. Вернадський (син акадєміка В. Вернадського) в книзі "Київська Русь" (1948). При цьому вчений-емігрант зазначає, що праці О. Некрасова та інші радянські видання йому недоступні. У сумісній статті "The Earliest Mediaeval Churches of Kiev" (1936) І. Моргілевський, К. Конант і С. Кросс запевняють: Десятинна була базилікою. Отже, питання "звідки прийшли грецькі майстри" вирішується не на користь Константинополя, де у X ст. не лише базиліка в чистому вигляді, але й базиліка з куполом замінені на хрестоподібну в плані церкву. Схожість пам'яток не обов'язково є наслідком безпосередніх впливів, адже існують загальні тенденції епохи. Тому має бути доведена наявність культурного обміну. І вчених цікавлять контакти київської Церкви початку її історії — з Болгарією і Херсонесом, де переважав базилікальний тип. Серед болгарських аналогів згадуються безкупольні триапсидні базиліки: "Велика базиліка" у м. Плиска (IX ст.), церква Св. Ахілла на оз. Преспа (X ст.), Св. Софія в Охріді (XI ст.). Але значення ранніх болгарських впливів не перебільшується: "Хоча священики могли потрапити із Болгарії до Києва одночасно з прийняттям тут християнства, немає достатніх історичних підстав для висновку, ніби одна тільки болгарська архітектура була джерелом основних мотивів і конструкцій Десятинної церкви. Разом з тим, в архітектурі Болгарії X ст. є риси, що співпадають з найяскравішими особливостями деяких херсонеських церков цього періоду" [5]. Оскільки серед базилік Херсонесу переважають одноапсидні, увагу вчених зосереджено на храмах з трьома стичними апсидами такої саме конструкції, як в Десятинній. "Мала базиліка" (№ 34 у плані Херсонеських розкопок, 1905) і храмики № 6 і № 9. Наявність трьох апсид у № 6, очевидно, була для дослідників важливішою за базилікальність: храм майже квадратний у плані [6].

І сьогодні болгарські й кримські пам'ятки розглядаються в контексті архітектурних впливів на Русь епохи Володимира. Північна

Греція, Македонія, Болгарія, Мала Азія, Крим — ось той ареал, в межах якого у X ст. будуються великі або хрестово-купольні базиліки, за Г. Івакіним і О. Іоаннесяном [7]. Але специфічним саме для міжвоєнного періоду архітектурознавства в Україні є постановка питання про зв'язок Десятинної церкви з великими купольними базиліками Кавказу, наприклад, з храмом в Піцунді (X ст.). На думку І. Моргілевського і його гарвардських колег, цей зв'язок здійснювався через посередництво Болгарії і Криму.

У період між розкопками Д. Мілеєва (1908–1914) і М. Каргера (1938–1939) базилікальна версія Десятинної була найбільш поширеною. Щодо витоків цього типу існувала полеміка між прибічниками концепції виключного впливу на Русь Візантії (Д. Айналов) і паралельних східних впливів через Кавказ (Ф. Шміт, І. Моргілевський). З часів Й. Стржиговського визначення ролі Кавказу в архітектурі середньовіччя не втрачало актуальності. Таким чином, завдячуючи розкопам початку XXI ст., кавказька гіпотеза впливів на давньоруську архітектуру знов стає цікавою і актуальною.

ПАПЕРОВІ ВІВТАРІ

Храм це коли над святиною зводять вівтар. По суті цього достатньо. Решта — мистецтво, а тому, може бути усяко. Сто безбожних років "вівтар" Десятинної зводили вчені. В результаті, численні графічні реконструкції Богородичної церкви, наче іконографічні типи Богородиці — різні, але всі правдиві. Бо хто ж знає, якою була насправді. Лише образ.

Неперервність служіння, неперервний ланцюжок прізвищ, дискусій, відкриттів, знов дискусій. Дякуючи вченим, жила пам'ять про храм Володимира, священне місце на київському Дитинці. У XX ст. на ці вівтарі дослідники поклали не тільки життя в науці, а часто й свої людські життя. На екслібрисі Н. Кондакова напис: "Чернила учених и кровь мучеников взвешиваются в День Воскресения [из мертвых], но ни одно из них не преобладает над другим" [8]. Святиня ставала вівтарем, а вівтар новою святиною. В цьому смислі кожна наступна реконструкція Десятинної на папері є зведенням вівтаря спадкоємності над святиною дослідницької традиції, яка "на чорнилах і на крові". Хіба це не відновлення храму на славу Господа? Так, і в нашії пам'яті також.

Цього року О. Кутовий зробив графічну реконструкцію Десятинної церкви за хрестово-купольною системою. На питання про базиліку архітектор відповів, що авторитет Г. Логвина не дає взяти під сумнів генетичну спорідненість Десятинної і Софії. І це подає надію, бо поки існує київська історико-архітектурна школа, стояння на наукових позиціях і шана до вчителів, — є міцна протипава всіляким спекуляціям на тему відновлення. А базиліка чи не базиліка — головне, не увічнювати помилок в камені.

1. Житие и чудеса св. кн. Бориса и Глеба / Жития и творения русских святых. М., 1993.
2. Фурдуй Р., Горячок К. Київська кільцева структура // Геологія України. 2003. № 1.
3. Закревский Н. Н. Описание Киева. Т. I. М., 1868. С. 292.
4. Conant K. J., Morgilevsky H. V., Cross S. H. The Earliest Mediaeval Churches of Kiev // Speculum. Vol. 11, № 4 (Oct., 1936). P. 483.
5. Там само. С. 487.
6. Айналов Д. В. Развалины храмов. Вып. I / Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. С. 24–26, 126–129.
7. Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2008 рр. // Дньєслово. К., 2008. С. 206.
8. Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. М., 2000. С. 5.

свято место пусто не бывает

Татьяна ВЛАСОВА, архитектор

Руины Десятинной церкви. Неизвестный художник начала XIX в.

В данном случае речь пойдет о том месте, откуда начинается Андреевский спуск. В дохристианские времена где-то здесь находилось капище бога Перуна. На Андреевской горке Андрей Первозванный благословил будущий город — здесь в его честь в XVIII веке появилась Андреевская церковь архитектора В. В. Растрелли. На противоположном отроге Старокиевской горы в самом конце X века выстроили первую каменную церковь Киевской Руси — Десятинную, разрушенную в середине XIII века во время похода на Русь хана Батые. Уже в начале XVII века по инициативе митрополита Петра Могилы были проведены первые раскопки, и с использованием одной из уцелевших пристроек был возведен небольшой храм. На начало XIX века, судя по рисунку того времени, на этом месте все еще возвышались остатки стен оригинального сооружения.

Примерно в это время по инициативе митрополита Евгения Болховитинова были проведены очередные раскопки, и в 1827 году на фундаментах старой церкви началось строительство нового храма — непо-киевскипомпезного, в московско-византийском стиле, по проекту петербургского архитектора В. П. Стасова. Вроде бы даже предполагалось, что остатки церкви будут как-то вписаны в новый проект, но закончилось тем, что их просто снесли. Это было время появления первой интеллигенции и развития концепции национальной самобытности. В Западной Европе понимание мира с точки зрения Божьей воли осталась в прошлом, но в отсталой России, а тем более в подчиненной ей Малороссии, власть Церкви была огромна. В это время только стали появляться первые профессиональные исторические труды по истории Украины. В 1822 году вышла идеологически про-

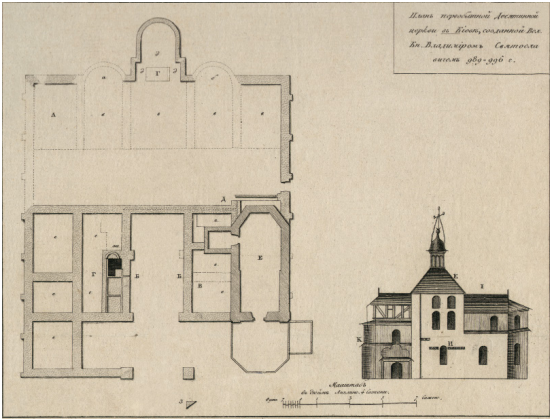
имперская “История Малороссии” Бантыш-Каменского и только в 1846-м будет опубликована появившаяся в начале века анонимная “История Русов”, в которой украинцы рассматриваются как отдельный народ. Сохранение исторического наследия и нужды Церкви были величинами несопоставимыми.

Церковь Стасова разрушили в 1928 году в пылу борьбы Советской власти с религией. Снова были проведены археологические раскопки. А в 1937-м по инициативе секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора на участке было велено разместить здание Художественной школы, запроектированной первоначально на ул. Ленина (ныне ул. Б. Хмельницкого). Автор проекта, архитектор И. Каракис, пытался возражать, но П. П. Постышев дал ему понять, что если этого не сделает он, то сделает кто-то другой, и Каракис стал пристраивать свое детище на новом участке. По совету историков было предложено поставить здание в конце Десятинного переулка, но из-за дороговизны фундаментов проект забраковали, и здание встало над обрывом напротив Андреевской церкви. Фундаменты Десятинной были спасены. Здание (теперь здесь Национальный музей истории Украины) стоит и поныне — хороших пропорций, с простроенным ордером, проработанными деталями, с замечательно вылепленным подгоном со стороны улицы Владимирской и совершенно справедливо обладает статусом памятника архитектуры.

В 1939 году на углу улиц Десятинной и Владимирской была построена по проекту Н. Шехонина средняя школа № 25. Место “образовывалось”. Главенствовала в пространстве, как и положено, Андреевская церковь, а здания обеих школ как бы замыкали историческое пространство в двух уровнях. И Шехонин, и

Десятинная церковь (фото: конец XIX в.)

План раскопок Десятинной церкви К. А. Лохвицкого (1824)

и церковь Николая Десятинного времен П. Могилы (рисунок XIX в.)

[архив: ГНАСБ им. В. И. Заболотного]

девиз 999999

Вариант 2

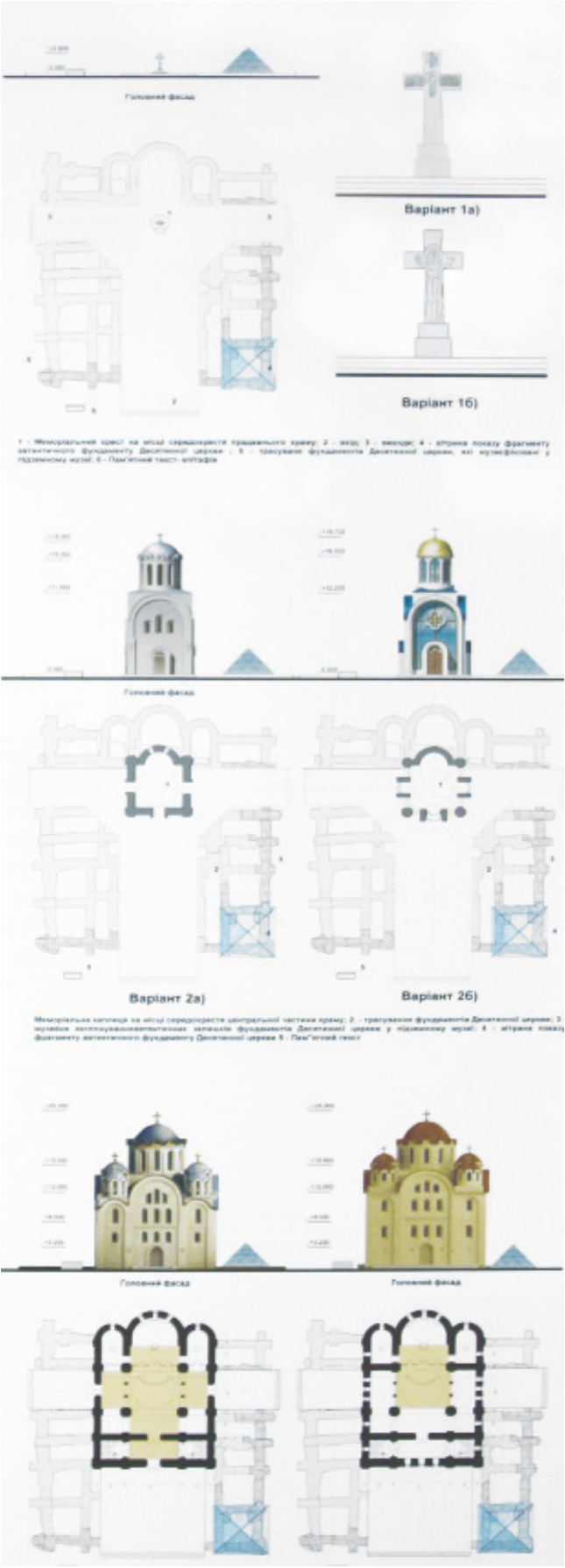

Вариант 3

Подземное экспозиционное пространство для трех вариантов

Каракис принадлежали к киевским архитекторам старой школы, той школы, которая слабела от одного поколения архитекторов к другому в горниле советских перегибов, в борьбе за "экономную экономику", в атмосфере критики "буржуазных" архитектурных течений. Пока к нашему времени не истощилась совсем. В 1967 году впервые зашла речь о создании парка-музея "Древний Киев". В 1987 году в рамках его реализации под руководством

А. М. Милецкого (ученика И. Каракиса) во время реконструкции Андреевского спуска было сделано новое благоустройство перед историческим музеем (авторы Д. Воронов, А. Колесников, Н. Слогодкая). Пространство, благодаря корректной геопластике, раскрывалось частями, реализуя сценарий повествования о Древней Руси. Плоскость земли как бы проявилась линиями, выложенными бутовой кладкой, обозначающими фундаменты древних построек. Центральное место занимали фундаменты

девиз 301086 Первая премия (1). Архит. О. Кругляк, Синодальный отдел УПЦ

девиз 555777

девиз 475054

Десятинной церкви. Это было время, когда после хрущевской оттепели антирелигиозная пропаганда поутихла, к зданиям церквей стали относиться как к памятникам архитектуры, появились книги "Собор" О. Гончара (1967) и "Черные доски" В. Солоухина (1969), а в архитектурных кругах заговорили о "средовом подходе". Стало престижно быть "культурным человеком". Сказывался быстрый рост интеллигенции — в начале 1960-х интеллигенция составляла 10 % всего населения, в начале 1980-х — 20 %.

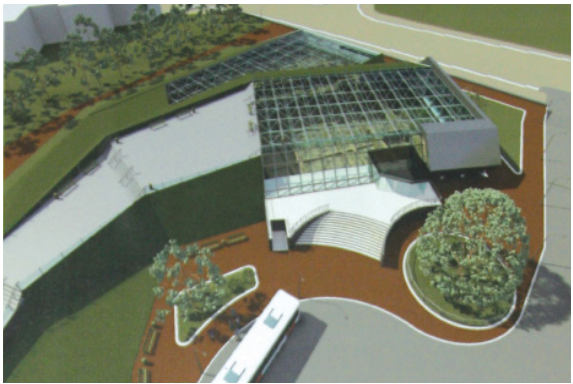

Следующий этап всяческой активности вокруг Десятинной церкви начинается в 2005 году. Снова были проведены раскопки фундаментов, а за ними последовал архитектурный конкурс на тему: что с этим делать? Из пяти проектов конкурса только один (руководитель авторского коллектива — Ю. Бородкин, ученик И. Каракиса) не предполагает строительства новой церкви и демонстрирует бережное отношение к уже существующему. Вроде и не было неудачного опыта "восстановления" Золотых

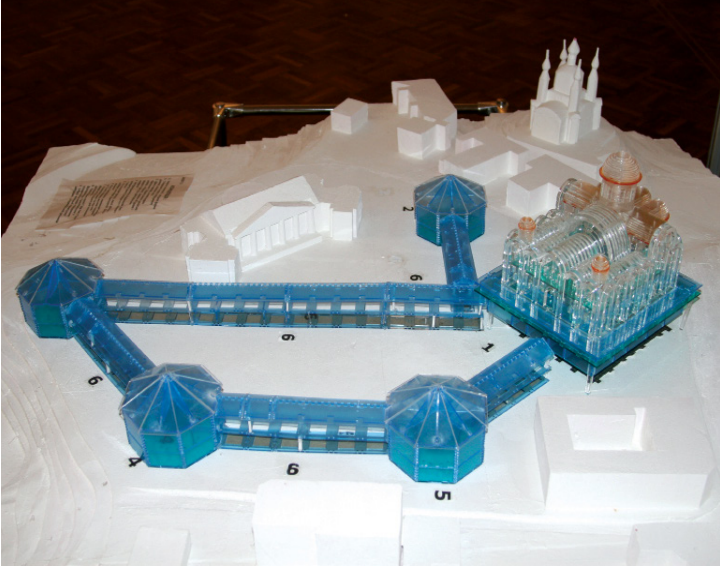
девиз 123321 Первая премия (2). Архит. А. Миргородский, А. Кислый, Е. Олейник

девиз 442011

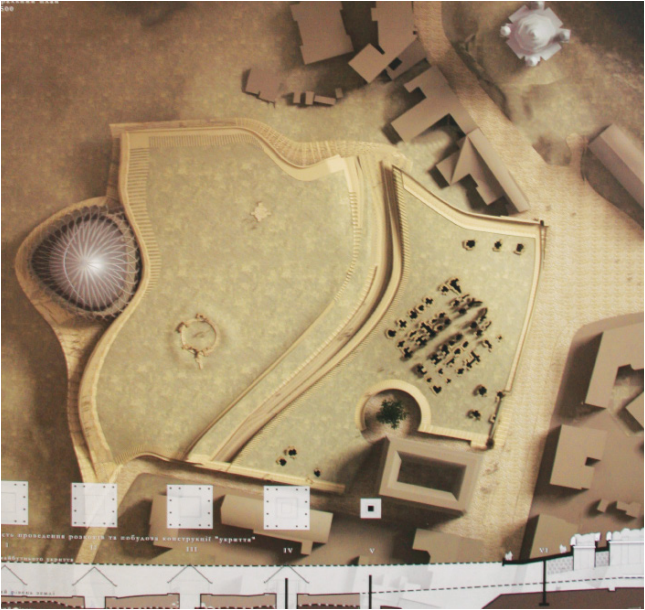

Вариант 2

Вариант 1

девиз 213312

девиз 020781

Вариант 1

Вариант 2

Ворот и Церкви Рождества на Подоле, подписания международных конвенций по охране исторического наследия, списка памятников ЮНЕСКО и деятельности ИКОМОСа. Вроде и страна уже самостоятельна как двадцать лет, а по ощущению ситуация ближе к началу XIX века. Многоголосый хор культурной ответственности слаб и невнятен. Действия УПЦ (МП) агрессивны и уверены. Сейчас историческое плато выглядит печально. Попасть туда с

Андреевского спуска не представляется возможным — ларьки загородили монументальную лестницу плотной стеной. Бывший раскоп завален мусором и загорожен покосившимся зеленым забором. Приземистая самостройная часовенка, похожая на виднеющиеся внизу киоски, стоит под охраной обслуживающих ее строительных вагончиков. В их тени пристроился Мерседес священника с неприметным охранником. Музей обветшал и облупился. Только поблескивают жалкие козырьки из кровельной

жести над головами скифских баб. Склоны заросли неопрятной щетиной непрезентабельной дикой зелени, закрыв друг от друга и от взора пешехода обе школы и Андреевскую церковь. На остатках газонов ребята играют что-то громкое, споря с зычным голосом священника, раздающегося из открытой двери часовенки. Пространство исчезло — осталась неблагополучная и неустроенная территория. И результаты конкурса не обещают ничего хорошего.

1. Энциклопедический справочник "Киев" / Под ред. А. В. Кудрицкого. К., 1982.
2. Субтельний О. Україна. Історія. К., 1991.
3. Архитектор Иосиф Каракис: Судьба и творчество (Альбом-каталог к столетию со дня рождения) / Редкол.: С. Бабушкин, Д. Бражник, И. Каракис и др. К., 2009.
4. Милецкий А. М., Толочко П. П. Парк-музей "Древний Киев". К., 1989.
5. Lovell S. The Soviet Union A Very Short Introduction. N.Y., 2009.
6. Зінченко О. Десятинна церква: проекти знищення історичної пам'ятки 17.05.2011 <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/05/17/38762/>

Осень (фото: Дмитрий КОБЕЦ, 2011)

архитекторы об андреевском

Владимир СМЕРНОВ, Юрий БОРОДКИН, Александр КОЛЕСНИКОВ, Дмитрий ВОРОНОВ, Александр КУТОВОЙ, Георгий ДУХОВИЧНЫЙ, Виктор ШИРЯЕВ, Лариса СКОРИК, Сергей ЦЕЛОВАЛЬНИК, Евгений ЛИШАНСКИЙ. Интервью готовили Борис ЕРОФАЛОВ, Елена НЕНАШЕВА, Наталья ЯРОШ

Владимир СМЕРНОВ, архитектор, реставратор, руководитель архитектурного бюро

Владимир СМЕРНОВ: Андриевский спуск в Киве — не вполне самостоятельное явление. В него вливаются и Воздвиженская, и Боричев ток, и улица Покровская. Это некий ареал, русло. Кстати, идея русла воплотилась в проекте А. Милецкого тридцатилетней давности: проезжая часть спуска так и выложена — примитивнейшим образом, в условиях отсутствия ливневой канализации. Визуально это работало так: огромные булыжники, и по ним с горы несется водный поток!

А+С: Спуск всегда был таким, с нервюром посредине?

В. С.: Да, это средневековая улица-то. Их не так уж много.

А+С: Ваше отношение к “реставрации” спуска к придуманному 1500-летию Кива?

В. С.: Номинально это был унифицированный труп. Улицы не жили нормально. Ужасные коммунальные условия. Туалеты во дворе, веранды жилые с цветными разбитыми стеклами. Было романтично. А декадентские художники рисовали кошмары, миниатюры всякие. Романтизация прошлого цвела густым цветом.

А+С: Незадолго до этого в Москве сделали пешеходный Арбат. Андриевский стал киевской репликой?

В. С.: В те времена А. Гутнов, И. Лежава и другие уже начинали заниматься ревалоризацией и всякими такими забавными делами. На торцах домов какая-то суперграфика. Появились новые слова, понятия, мода. Это был наш ответ Арбату, не вполне внятный. Потом появился ярлык “Монмартр”. Я помню ажиотаж, когда люди, умеющие держать карандаш и размешивать в стаканчике краску, быстро-быстро что-то рисовали, тиражировали, клепаи рамки и тащили туда, “на Монмартр”. Все расходилось как свежие пирожки, потому что на какое-то время это стало явлением. Как оно выглядело реально, никого не интересовало. Подкрашенное, подмазанное. Тем временем, постепенно, социальная структура менялась. Жильцы уезжали, дома разваливались, кто-то ремонтировался, кто-то реконструировался, кто-то застраивался полугальным способом. Кстати, самые главные фишки, например, “Замок Ричарда”, как был дохлый, так и стоит. Его хозяину это абсолютно неинтересно, невыгодно: не видит перспективы, с точки зрения менеджмента.

А+С: Пусть продаст...

В. С.: И продать хочет, и купить никто не хочет. Вот так все закрутилось, что этот спуск никому не нужен.

А+С: Но есть же маркетинговая составляющая?

В. С.: Имущество есть, популярность есть, а альтернативы нет. У Андриевского спуска нет альтернативы. Есть улица

Петровская — мертвая. Кияновский переулок — мертвый. Вознесенский спуск — мертвый. Олеговская... Это все трупы. Боричев ток — красивейшая променада. Красивейшая! Мертвая. Там что-то такое строится, не приведи Господь! Несистемно, нестильно, кое-как. Кто во что горазд.

А+С: Для того, чтобы жила улица, или лестница, она должна откуда-то и куда-то вести. В этом смысле Андриевскому спуску повезло, он “коммуникация”, пусть пешеходная — между Контрактовой площадью и Детинцем.

В. С.: Один раз в году, на День Кива, он действительно функционирует таким образом. Как любой тупичок, который перекрывают с 6 утра до 6 вечера и эксплуатируют для продажи овощей и фруктов. Спуск то же самое. Ни условий, ни галерей в реальном смысле... Ну, есть там пара-тройка заведений, которые выставляют искусство, так сказать, на достойном уровне. А в основном — такая кустарщина... И ничего за двадцать лет не изменилось. “Андриевский спуск” написано на обложке, но этого недостаточно — теперь надо открыть книгу.

К сожалению, Андриевский спуск лишь символ и не более того. У нас очень много таких символов. Например, Днепр — символ. На самом деле сегодня это болото. Но слово “Днепр” или “Борисфен” это что-то такое фундаментальное, космического масштаба. Золотые ворота тоже были когда-то символом, те. Сегодня они не символ. То есть тут одно из двух, или вообще не трогать и иметь романтику запустения, кладбища, пыль, паутину, все такое... Или браться и делать. Открывать первую страничку, брать ручку или карандаш и... Потому что Боже упаси использовать опыт под названием “Гончары и Кожемяки”. Этими стараниями уничтожена “обложка”. Теперь “Гончары и Кожемяки” на обложке не напишешь. Скорее, сам знаешь, что напишешь.

А+С: У них реклама: “Відродження аристократії”.

В. С.: Відродження Голохвастова, що мав циркулюю за канавой.

А+С: Но ведь раскуплено все!

В. С.: Как имущество, да. Но самих аристократов там не видно.

А+С: Потап и Настя спели песню “про лето” в этом антураже.

В. С.: Потап и Настя. Гончары и Кожемяки. Это нечто одно и то же.

А+С: Новая городская культура.

В. С.: И сожалеть не надо. Популярность определяется не качеством, а отсутствием выбора — некуда приткнуться. На Подоле раньше гуляли. Ну, где там сейчас гулять? В 1960–1970-е от полной тоски и безысходности подкинули “романтическую” тему. Полная чепуха! Но панельные новостройки уже осточертели, и

глаза отдыхали, а душа успокаивалась, когда гуляли по помойкам. Помню Воздвиженскую, медленно поднимающуюся вверх, по проезжей части которой шла огромная свинья, и за ней так же лениво в развалку шла овчарка. Кто кого куда вел, кто кого пас? Возможно, где-то хозяин с прутиком тоже присутствовал.

А+С: Там жили предки нашего известного архитектуровега Сергея Костевича Килессо, чем он искренне гордится.

В. С.: Ключевое слово — жили. И жизнь была такая. В какой-то момент она перестала быть объектом простых и дешевых решений, а стала ностальгирующим пульсаром. Все туда ходили и плакали, как на кладбище. Потом все было снесено. На градсоветах противоборствовали мнения: создать там прогулочный парк, напустить воду и пустить лебедей... Или построить микрорайон...

А+С: В 1981-м студентские стройотряды ломали, к 1500-летию, дома на Гончарах-Кожемяках, оставляя фасадную стенку. Ставились подпорки, и говорилось: все будет воссоздано...

В. С.: ...в современных материалах.

А+С: Мол, скоро здесь будут салоны художников, промыслы...

В. С.: ...кафе! Это “скоро” дожило до конца Советского Союза, потом десять лет полной разрухи, и в результате подпертые фасады просто не сохранились. Самую отрицательную роль в том, как сложилась новая структура Гончаров-Кожемяк, сыграла установка на ремесленный район. Мол, надо предусмотреть возможности экспонирования каких-то археологических находок. А находки это печи примитивнейшей глиняной конструкции. Причем: “тут будут работать гончары, тут кожемяки”. Какие кожемяки! Сегодня это заводское производство. Кто собирался заниматься этими делами? Абсурд! Не сложилось. Это ж деньги. Никто не хотел покупать это название для этого места.

картину: местные художники и приехавшие из разных мест на обыкновенной улице разложили свое добро. Мимы! Гимнасты! И эту тему с энтузиазмом поддержали жители: по всей улице, глядя на “праздник”, люди вытаскивали из домов всякое барахло. Им тоже было интересно выставить что-то и продать: ложки, рамки, какие-то тазы... Реликтовые вещи, забавные. То есть абсолютно спонтанно и естественно. А когда подобная барачка открывается мэром города как явление: бегом все туда, у нас там Монмартр! А там под копирку написанные марины, 54 экземпляра одинаковых в стандартных рамах.

Хорошо, если город хочет что-то создать. С одной стороны, это функция, а с другой — имущество. Кто будет платить? Город не в состоянии. У него нет ни средств, ни понимания того, что ему нужно. Главное, чтобы отцепились. Чтобы не приставали с этим идиотизмом: погибает Андреевский спуск! Да он уже давно... только не знает об этом никто. Не нужна реанимация, не нужно возрождение, нужно определиться с местом. Сегодня там нет жилья, мастерских художников тоже почти нет.

А+С: В 1990-х на спуске развернулась целая эпопея вокруг кооператива “Гончары” — их оттуда выкуривали, травили...

В. С.: Обрати внимание, это имущество принадлежало Худфонду потому, что город не знал, что с ним делать. Жильцов, в силу аварийности, переселяли на Троещину. Такая традиция в 1970-е

была, отгавать разруху художникам. Подвалы с крысами и чердаки. Платили символически. Оттуда и растут ноги.

А+С: Говорят, рядом с американским послом на ул. Покровской, на Боричевом току планируется российская резиденция?

В. С.: Как я понимаю ситуацию, все равно, какой функцией это все будет пронизано. Это имущество. Чья-то собственность. И для меня важно ее архитектурное лицо. У этих улиц есть старинная стратиграфия. И определенная миссия!

А+С: Спуск все-таки следует устроить для ходьбы?

В. С.: Надо решить инженерную модернизацию. И удобство пешеходов тоже чистейшая инженерия. А из чего будут сделаны эти удобные для хождения тротуары, не так уж и важно. И ограждения будут ли стеклянные или их там вообще не будет, потому что будет полное удобство. Имитация старины с руслом посредине — проехали эту романтику уже. В первую очередь должен быть ливневый коллектор, и куда-то его надо провести. Значит, надо решать весь прилегающий район.

А+С: Какими должны быть фасады Андреевского спуска, с точки зрения реставратора со стажем?

В. С.: Сознание разрывается, безусловно, между тем, чем сегодня занят институт реставрации. Левое полушарие за то, чтобы восстанавливать историческую правду, историческую справедливость, возвращая некую “19-вечную романтику” этих фасадов,

Вид с лесов Андреевской церкви: гора Детинка, ул. Воздвиженская, Замковая гора, Андреевский спуск, фото 1987

этих стен. А правое полушарие говорит, что это уже неинтересно, и Гончары-Кожемяки — образец того, что это неинтересно.

А+С: То есть, сохранив структуру и вставив в нее современные фасады, организм будет работать?

В. С.: Правильно. Только необходим список того, что составляет градостроительный феномен этой улицы, список требований. Если бы у того же современного здания были витрины на первом этаже, оно бы в большей степени соответствовало месту своего расположения. Есть нормы отношения здания к улице. У него есть зона доступности и недоступности. Его размеры, чередование разных элементов, это все закон, который необходимо вычленишь. Так бы делали “немцы”.

А+С: Грубо говоря, для улицы нужно создать свой регламент?

В. С.: Но мы ж не немцы и не французы. Там нет ничего этого. Кроме Андреевской церкви на спуске есть “Ричард”, это раз. Наверху дом-теремок, у которого когда-то была красно-белая крыша с ромбовидным покрытием, это два. И 1950-х годов постройки бывший гастроном, это три. Внизу доходные дома. Всё. Это контрапункты, которые надо было бы как-то осмыслить и заполнить остальное. Скажем, “Театр на Поголе” воспроизводит архитектуру XIX века. Может быть, на этом и надо было закончить. Есть феноменальное место: пересечение Боричева с Андреевским, “яма” так называемая (там бывшая фабрика “Юность”). Она не заполнена, а это ключ...

А+С: Есть еще одно феноменальное место, “седло”, пересечение Андреевского с Воздвиженской.

В. С.: Ну, это “седло” уже настолько засижено чужими задницами. Тот же отель омерзительного вида “Воздвиженский”. И как бы уже поезд ушел. Там все нарушено, и вкус и масштабы. А вы хотите Монмартр! Обяжите всех иметь там сдаваемые в аренду магазинчики, салоны и т. д. Пропишите все это. То же самое касательно зелени. Заниматься надо этим. А за какие деньги? Потому что строить деревянные лестницы... Боже мой, я в молодости... есть Кияновский спуск, у которого лестница, она уже наверное сгнила. Двадцать с лишним лет назад, зимой, рано утром, я видел там сидящую на ступеньках, замерзшую на-смерть бомжиху. Это ж народонаселение. Помню, на 1500-летие, когда красили столбы, их с Андреевской горы как тараканов...

Юрий БОРОДКИН, архитектор,
руководитель творческой мастерской

А+С: Юрий Николаевич, нравится ли вам Андреевский спуск в его нынешнем состоянии?

Юрий БОРОДКИН: Я не люблю эту улицу. В последние десять лет я вообще не могу ходить по Андреевскому спуску. Меня угнетает эта улица со всеми ее сегодняшними качествами. Она утомительна, вульгарна, некомфортна ни для чего. Все, что может быть плохого в городе — все есть там. Недавно моя знакомая, хозяйка сети кафе “Реприза”, спросила меня, стоит ли ей открывать заведение на Андреевском спуске. Я ответил: нет. Эту улицу вообще нельзя считать городской — после 9 часов вечера она не живет, там нечего делать. Возможно, к ней стоит относиться как к рыночной площади, которая работает только в часы базара.

А+С: Каким вы видите Андреевский спуск, приведенный в надлежащее состояние, “вернувшийся в себя”?

В. С.: Конечно, благоустроенный. Я даже не мечтаю о каких-то суперудобствах, а говорю всего лишь о благоприятной горизонтальной плоскости для стопы. Пешеходной. Коль скоро спуск выключен из транспортной ситуации. Хотелось бы, чтобы боковые стены этой “трубы”, в которой периодически возникают зеленъ — скверы, камни — здания, чтобы это ожило, стало доступным, чтобы ушли эти палатки, в которых пиво наливают. Я не против пива. Но хотелось бы там иметь более романтические условия. Чтобы вечером спуск принимал множество людей.

А+С: Что делать с артистами-художниками?

В. С.: Слово “Монмартр” я бы вообще исключил. Надо создавать свое киевское явление. А подкладкой этого явления должно быть настоящее искусство.

А+С: Зеленый периметр должен быть подсоединен к спуску?

В. С.: А он формально существует. Зеленые куски, выходы, паролы.

А+С: Сто метров за Андреевской церковью — и уже страшно.

В. С.: Это отдельная тема. И, может быть, даже актуальнее, чем сам Андреевский спуск. Это катастрофа. Когда я работал на Поголе в институте реставрации, все время слышал от оппонентов, что зеленъ киевских холмов — наша самая большая ценность. Да, с точки зрения кислородного обмена, возможно. И то это не самые эффективные в этом смысле зеленые насаждения. Их надо создавать, возвращать. Нигде в мире, где живет цивилизованное общество, нет бесхозных городских парков. В европейских городах парк это явление. А в Пекине парки платные. Плата копеечная, но она есть и к чему-то обязывает.

То, что мы имеем в Киеве на склонах, к паркам отношения не имеет. Ни по зеленому насаждению, ни по доступности, ни по удобству. Ведь можно ходить не только снизу вверх — могут быть какие-то серпантины. Пусть специалисты занимаются.

А+С: Что в будущем?

В. С.: Я верю, что пройдет вот это обжорство. Наверно, кризис полезен. Для того, чтобы осмыслить, оглянуться. За нами придет другая волна. А сегодня 20-летние, которые в строительных институтах, полные охламоны, но завтра вполне вероятно, что они нащупают настоящее.

А+С: Историки утверждают, что Андреевский спуск это летописный Боричев, который вел в Замок. Он был основной связью между Нижним городом и Верхним. В чем сегодня значение Андреевского спуска для города?

Ю. Б.: С семи до восемнадцати лет я прожил на Михайловской улице, но Андреевского спуска почти не знал. Когда нужно было спуститься на Погол, мы всегда пользовались фуникулером — за две копейки умудрялись несколько раз проехать, или серпантином на Владимирском спуске. Сегодня для меня Андреевский спуск это то место, где не хотелось бы жить. Даже оказываясь здесь в дни праздников и всенародных гуляний, я испытываю отвращение. Дешевая живопись, теснота,

Вид из “Замка Ричарда” на Андреевскую церковь, фото 1979

грязь — здесь невозможно ходить. Водки выпить с корешами еще можно, но не более.

А+С: Какой должна стать улица, чтобы ей можно было бы пользоваться?

Ю. Б.: Затрудняюсь ответить. Наверное, должна появиться какая-то альтернатива автомобильному транспорту. Быть может, нужно сделать конку или электротранспорт, чтобы было удобно подниматься пожилым людям.

Андреевский спуск был целостной улицей, пока ее не начали разрушать. Это не формат венской “Репризы”, это стиль “За двумя зайцами”. В общем, раньше здесь было стилистически намного чище и приятнее, чем сегодня.

Андреевский спуск не существует сам по себе — у него есть начало, конец, от него отходят разветвления — метастазы. В том числе рядом новоявленное урочище Гончары-Кожемяки — пародия на старину в камне и бетоне. Все вместе это контаминация, совмещение невозможного: разрушенного старого, которое подвергается насилию по сегодняшний

день, и построенного как бы старого заново. В итоге получился некий онкологический экстаз — противоестественное соединение. Я не могу там бывать.

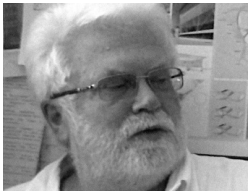
А+С: Как вы видите грядущую реконструкцию Андреевского спуска?

Ю. Б.: Тема реконструкции Андреевского спуска появилась в связи с идеей восстановления Десятинной церкви. Недавно прошел конкурс, который завершился парадоксальным решением жюри. Победили два проекта. Один по сути предлагает ничего нового не делать, оставить все как есть. Другой предусматривает на месте развалин строительство храма, который еще выше и более византийский, чем был. И Андреевский спуск должен стать пешеходной трубкой — некой связкой, которая завершится клерикальным муляжом, говорящем о святости этого места. Других архитектурных качеств я не вижу.

На мой взгляд, происходит неистовая вакханалия на месте археологического парка. Это продолжение того неприличного, что уже случилось в историческом урочище Гончары-Кожемяки.

"Хлеб" на Гончарах-Кожемяках: угол улиц Лаго Кецховели (Воздвиженская) и Гончарной, фото 1979

Александр КОЛЕСНИКОВ,
архитектор, руководитель ПТАМ

А+С: Александр Всеволодович, тридцать лет назад вы принимали участие в первой программе реконструкции Андреевского спуска, которой руководил Авраам Милецкий. Какое значение спуск имеет сегодня?

Александр КОЛЕСНИКОВ: Это загадочный сюжет для Киева. И загадочность его в том, что Андреевский спуск живет и развивается, несмотря на то, что во все времена все активно возмущаются его махровым мещанством... Есть такой анекдот. Сидит маленький мальчик в школьном коридоре, развалившись на подоконнике, попивает пиво из бутылки и курит сигару. Идет мимо учительница: "Что за безобразия!!! Прекрати немедленно! Какой класс?" Мальчик не спеша поворачивает голову и, выпуская очередное колечко дыма, отвечает: "Буржуазия, мэм".

Вот так примерно и на Андреевском: класс невысокий, но претензии большие.

А+С: Как начиналась первая реконструкция?

А. К.: Новая история Андреевского спуска началась даже не накануне 1500-летия Киева, а гораздо раньше. Еще в конце 1960-х появилась блестящая идея сначала построить музей археологии, а затем комплекс академических институций, расположенных по кромке тылов Б. Житомирской. Есть книга Петра Толочко и Авраама Милецкого, где достаточно подробно изложена эта программа. Первым этапом ее реализации стало: реконструкция улицы Андреевский спуск, благоустройство с исторической реконструкцией Старокиевской горы и Пейзажной аллеи. Именно этот кусок работы был завершен к дате 1000-летия Крещения

Руси. С моей точки зрения, это первая по масштабу стройка Киева в послевоенный период.

А+С: Как долго велись строительные работы?

А. К.: Это была очень лухая "стройка к дате". Строительство началось за полтора года. Там были все секретари горкомов и обкомов. Все происходило поразительно быстро и компактно. В рамках этой же программы планировалась реконструкция урочища Гончары-Кожемяки — превращение этого места в парк-музей. Считалось, что эту территорию можно отреставрировать в постройках усадебного типа XIX века и создать эдакую городскую этнографическую деревню, где, как индейцы в Аризоне, сидели бы наши художники: кожемяки бы мяли, ковали бы ковали, гончары — лепили и т. д. Интрига. Но не состоялось.

А+С: К счастью, покрасили Андреевский и сделали ретро-мостовую. Но почему там такие уродливые тротуары высотой 70 см? Может быть, чтобы машины не парковались?

А. К.: Нет. В этом есть историческая правда, но с некоторыми огрехами. Это классические подзоры, характерные для старой технологии мощения. То, что в некоторых местах они очень высокие, это последствия неправильной вертикальной планировки, которую в условиях сложного рельефа очень трудно делать, плюс дефект работы каменщиков и пр.

А+С: Хорошо, поставили фонари, покрасили дома, сделали мостовую. А что еще появилось нового?

А. К.: В том то и прелесть советского и постсоветского бытия, что порой достаточно помыть шею и надеть чистую рубашу, чтобы тебя перестали узнавать... В какой-то момент по заказу В. В. Щербицкого археологи назвали дату основания Киева, которую и решено было отметить. А работы по расчистке очень благодарные. Тогда же была проведена теплотрасса по улице Воздвиженской до Андреевского спуска, чтобы запитать в числе прочих и "Замок Ричарда", судьба которого по сей день покрыта мраком. Еще были сделаны лестницы, которые позволили максимально приблизиться к склонам, спуститься с Десятинного переулка в урочище Гончары-Кожемяки и другие.

А+С: Реконструкция Андреевского стала началом обновления всего Старого города, что послужило к этому толчком?

А. К.: Андреевский спуск со Старокиевской горой, Михайловской и Софийской площадями — это единый градостроительный комплекс. И хотя реконструкцию спуска и площадей разделяет более десятка лет, это один процесс.

Ранее геометрия Софийской, Михайловской площадей и прилегающих улиц была совсем иной. Как-то во время строительства Михайловского собора (колокольня поднялась на уровень второго яруса) мэр города А. А. Омельченко со свитой и представителями Киевпроекта направился на стройплощадку. Остановились на Трёхсвятительской и долго не могли перейти улицу. Я оказался за плечом мэра и, теряя терпение, в сердцах, сказал что-то вроде: "На фига строить собор, если к нему пойдешь невозможно?.." Тут он поворачивает на меня свой круглый глаз и спрашивает, что, собственно, я имею в виду. К этому времени я уже не один десяток лет занимался этой территорией и чувствовал ее. И я объяснил мэру, что, на мой взгляд, нужно переформатировать движение транспорта и пространство в целом.

Попытка была сделана, и я не считаю ее неудачной. Удалось отвоевать у автомобилей определенные городские территории и вернуть их пешеходам. Пока в Киеве это единственное место. Город изначально строился не для автомобилей, а для людей, и

все судорожные попытки адаптировать город для авто обречены на провал, если это просто урбанистическая геометрия. И это поняли уже не только мы. Примерно в это же время аналогичную идею вначале оформил на бумаге Ричард Роджерс, а затем осуществил Норман Фостер на Трафальгарской площади в Лондоне. Еще в мае 1980 года я десять дней бродил по этому городу, и представьте себе, видел, как ездили автобусы вокруг колонны Нельсона... Так что подобные идеи витали в воздухе.

А+С: В те годы Андреевский спуск сравнивали с Арбатом...

А. К.: Да, через какое-то время в Москве началось то же самое. Но Андреевский первым вскрыл нечто важное и рукою власти спровоцировал будующий "оранжевый майдан", только в строго культурологическом смысле. Тогда совершенно огичавшие от нищеты художники впервые вынесли свои картины на кривые тротуары Андреевского, и это вызвало культурный шок. Такого андеграунда никто не видел до сих пор.

А+С: Почему сегодня художников оттуда выжидают?

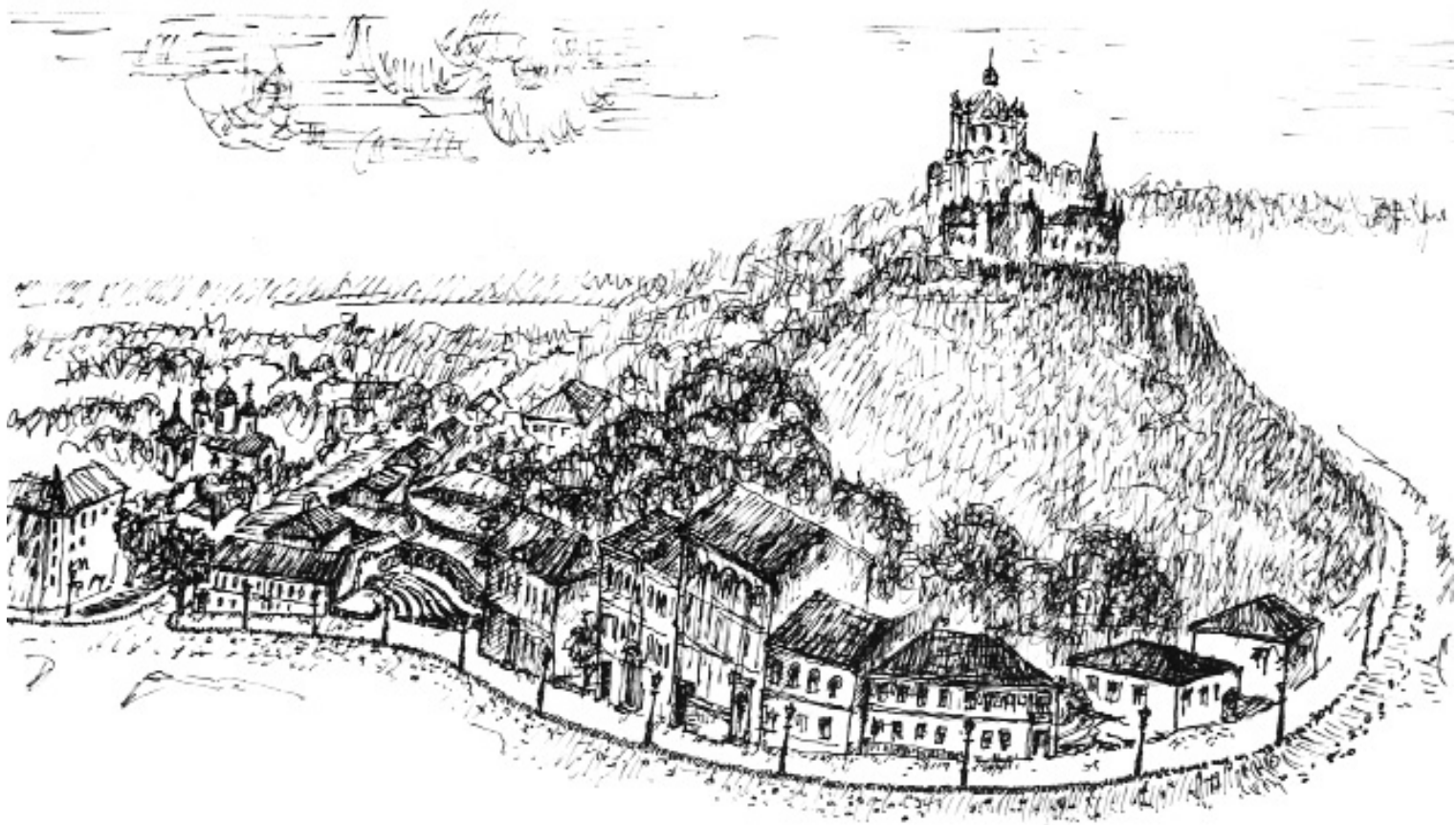
А. К.: На всплеске перестроечной эйфории большие площади по Андреевскому были розданы под мастерские художников. При этом злобные городские власти сказали, что ни одного стекла не только не вставят, но и не помогут. И не обманули. Логика простая — если ты художник, твори себе на здоровье, но и содержи в порядке недвижимость, расположенную в престижном месте. В свою очередь художники недоумевают, почему с них берут арендную плату за подвалы и чердаки, но помощи не оказывают никакой. С другой стороны, тот, кто тут же печет пирожки и варит кофе, исправно платит арендную плату и не задается вопросами. Сказывается социальная неурегулированность. Бедному всегда неуютно. Вопрос в привлекательности улицы для бизнеса. В Амстердаме или Мюнхене картины "на тротуаре" на порядок дешевле, чем точно такие же в салоне, но сертифицированные. Большая часть галеристов работает в закрытом режиме, им не нужны посетители с улицы, которые только натопчут и надышат, но ничего не купят. В этом отличие их бизнеса от торговли напитками и едой.

А+С: Так, может быть, Андреевский спуск это оптимальное место для торговли "с земли", для блошиного рынка?

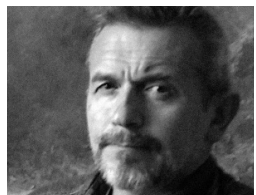
А. К.: Может быть и так. Это уже состоявшийся театр. В 1982-м Андреевский стал знаменит именно потому, что стал таким. И это высокая оценка. Это подольский андеграунд, которого не было со времен нэпа. Пусть сегодня спуск не выдерживает никакой критики относительно стиля, пусть мы там спотыкаемся и ощущаем дискомфорт, но это абсолютный прорыв.

А+С: Сегодня большинство владений выкупаются с целью получения прибыли, это исключает возможность барахолки?

А. К.: Возможны два варианта. Первый — оставить все как есть. На протяжении следующего десятилетия функция будет дрейфовать, и в итоге жизнь подскажет оптимальный вариант. Другой путь — разработать зонинг по немецкому образцу, который четко обозначит, где и что может быть на основании градостроительных расчетов и интересов города. Каждый участок имеет схему с полными характеристиками и четкое функциональное предписание. К примеру, жилой дом: на первом этаже булочная определенной производительности и полный перечень квартир. Плюс соглашение с городом об арендной плате на несколько лет. Таким образом, инвестор четко понимает, что ему нужно делать, уверен, что не прогорит, хотя и не получит сверхприбыли. Но это работа власти.

Андреевский спуск [рисунок: Дмитрий ВОРОНОВ, 1986]

Дмитрий ВОРОНОВ,
главный архитектор проектов, “Киевпроект”

А+С: Дмитрий Петрович, в каком году началась ваша работа с Андреевским спуском?

Дмитрий ВОРОНОВ: Я начал работать в Киевпроекте в 1980-м после окончания института и попал в мастерскую к А. М. Милецкому, который уже двенадцать лет занимался “Древним Киевом” — история парка-музея восходит примерно к 1968 году.

А+С: Что в этой работе было самым интересным?

Д. В.: Неприятно поразило другое: надо было каждый день ходить на работу. Но напряжение сглаживалось тем, что общались с интересными людьми и занимались нужным делом, которое захватывало, и вот — хватает до сих пор.

А+С: Вы попали как раз на пик работы по Андреевскому, именно в 1980–1981-м причисывали ситуацию на спуске и вокруг...

Д. В.: Очевидно, А. М. Милецкий где-то смог убедить — через Академию наук, с помощью академика Б. А. Рыбакова, — что нужно что-то сделать с “матерью городов русских”. И вот в 1981 году у нас есть задание главного архитектора города В. И. Ежова (в альбоме А. Милецкого это первый лист) на разработку супербыстрого форпроекта. Из официальных только одно это письмо. И в 1982-м работа была сделана.

А+С: Что в этой работе оказалось пионерным?

Д. В.: Впервые в Киеве произведена удачная попытка возвращения “городской декорации”. В том виде, в котором она была до революции, и в котором вдохновляла Булгакова всю оставшуюся жизнь.

А+С: Фасады, мощение и восстановление освещения?

Д. В.: Старые уличные фонари, имитация газового света...

А+С: Какие участки непосредственно попали в руки архитектору Воронову?

Д. В.: Самое главное — надо было сделать фонарь. Фонари не продавались в супермаркетах, как сейчас. И вообще никакие тонкие работы в духе старых ремесел не делались. Никто и не хотел...

А+С: Реконструкция производилась по образцам?

Д. В.: В основном по фотографиям. Хотя в Укрпроектреставрации хранился один старый уличный фонарь. Он был мелковат. Где-то когда-то стоял, тонкий, мелкий. Я восстановил как бы физические его параметры. Ну, и получился такой, как получился.

А+С: Получился “фонарь Андреевского спуска”, из алюминия?

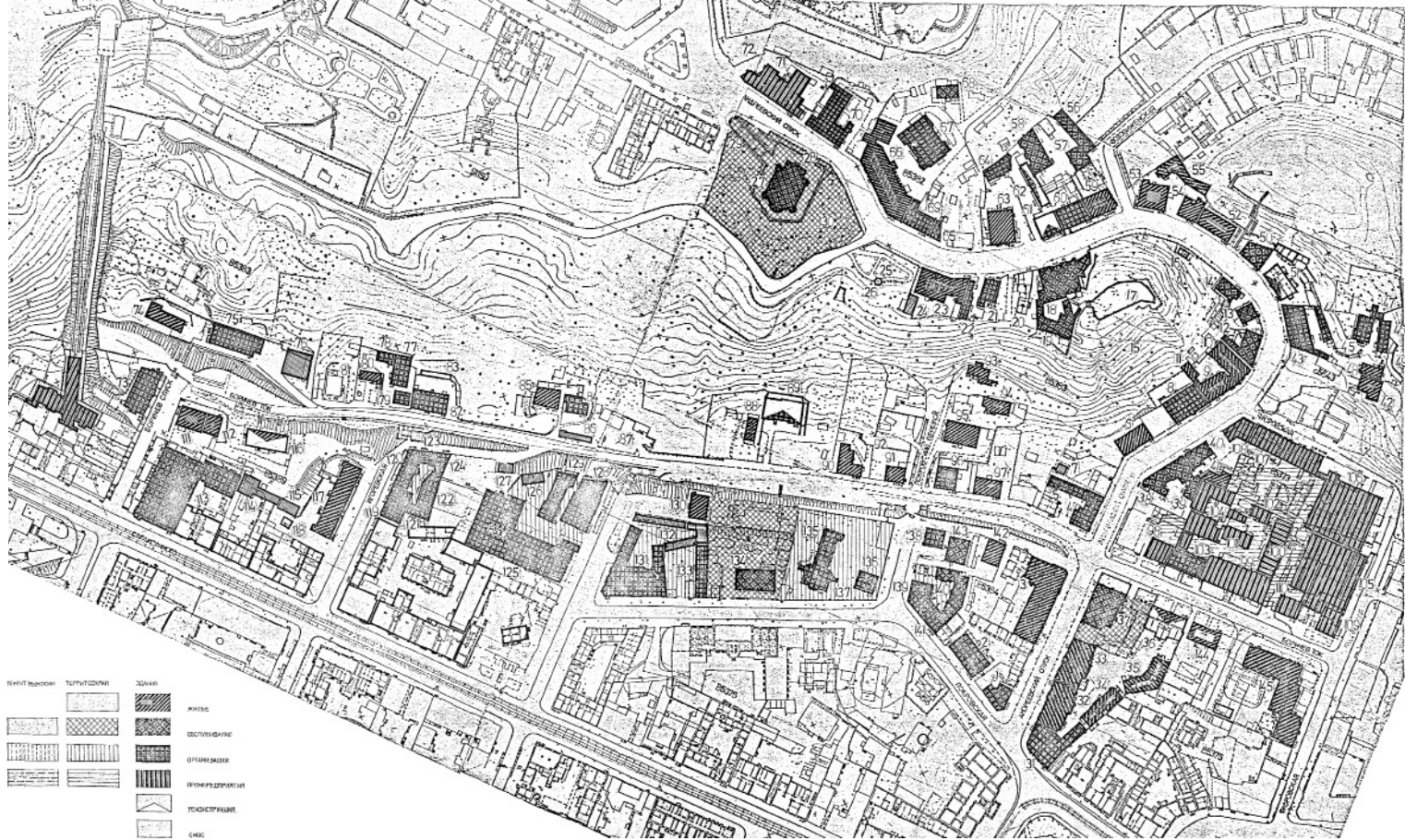
Д. В.: Нет, из чугуна. В Киеве никто не захотел его лить: ни “Большевик”, ни “Арсенал”. Делали в городе Малине, на Варшавском шоссе, в сторону Житомира. Я изготовил шаблоны. В наши времена работа такого рода делалась впервые, потому что практика шаблонов архитектурных деталей прекратилась в конце 1950-х, когда началась “борьба с излишествами”.

А+С: То есть спустя двадцать лет начала возрождаться традиция?

Д. В.: Милецкий, поскольку он это все понял, меня правильно ориентировал. А навыки у меня были еще с детства, я любил лепить, исследовать форму. Ну, и в Худинституте, и даже в армии много чего делал, отливал, чеканил. В том числе Ленина.

А+С: Фонари получились?

Д. В.: Получились. Но маленькая деталь. Поскольку по чертежам мастера тоже уже разучились делать, или не было желания, мы

Второй этап реконструкции Андреевского спуска и Боричева тока [опорный план: Киевпроект, 1985]

решили, что я сделаю эти модели сам. По чертежу, как положено, делался профиль определенной детали, потом из модельного пластилина лепилась симметричная деталь. Например, часть, поддерживающая сам светильник, из четырех частей. Пошел в Худинститут, взял у хлопцев пластилин... А формовал и отливал дома. Гипсовые модели были предоставлены на завод вовремя. По ним делали свою оснастку. У меня есть эти детали: чугунная и моя гипсовая, с которой они там колдовали. И пластилиновая сохранилась.

А+С: Среди завсегдатаев Спуска ходит анекдот, что после установки фонарей через какое-то время осталось всего два.

Д. В.: Думаю, врут — осталось больше. На Пейзажной аллее восстанавливали алюминиевые. Поскольку Реставрация почувствовала, что можно заработать. Они сделали копии, не спросив ни у автора, ни у малинского завода. И начали их из алюминия там клепать. И красить их в черный, который отлущивался.

А+С: То есть на спуске фонари аутентичные, как во время оно?

Д. В.: Да, чугун, а на Пейзажной аллее уже продолжение...

А+С: Как возникла задача доработки концепции Андреевского спуска в 1987 и 1995 годах?

Д. В.: Не совсем концепции. Но смысл был в том, чтобы продолжить работы по сознательной реорганизации улицы, по функции, назначению, декору, значимости. Более наукоемко. В 1981-м мы просто подновили жилой фасада...

А+С: То есть сделали обычный косметический ремонт?

Д. В.: Конечно. А тут уже с попыткой анализа и нахождения точной функций каждому дому и каждой подворотне.

Заказчиком работы был Горсовет, они как бы направляли. Тогда Киевпроект был еще силен — в 1986 году провели внутренний конкурс, в котором участвовало десять коллективов.

А+С: Каковы результаты работы 1986–1987 годов?

Д. В.: В принципе — никакие, с точки зрения реализации. Конечно,

проектирование продолжалось, но делалась Пейзажная аллея...

Андреевский спуск был первой ласточкой большой работы Парк-музей “Древний Киев”, с урочищем Гончары-Кожемяки и со всеми горами. То есть Советский Союз мыслил более масштабно... И если бы весь замысел довели до завершения, у нас был бы не только Спуск! Именно тогда вычистили Пейзажную аллею и вывели народ на “кромку оборонительных рубежей”.

А+С: Чтобы киевляне увидели всю красоту “изначального”?

Д. В.: Чтобы горожане вышли на Пейзажную аллею и сразу увидели, что находится на краю бесконечности. Горизонт.

А+С: Ну, и, наконец, 1995 год — что это была за работа?

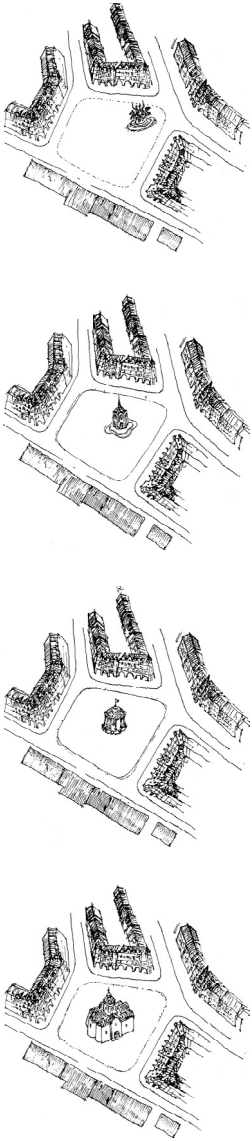
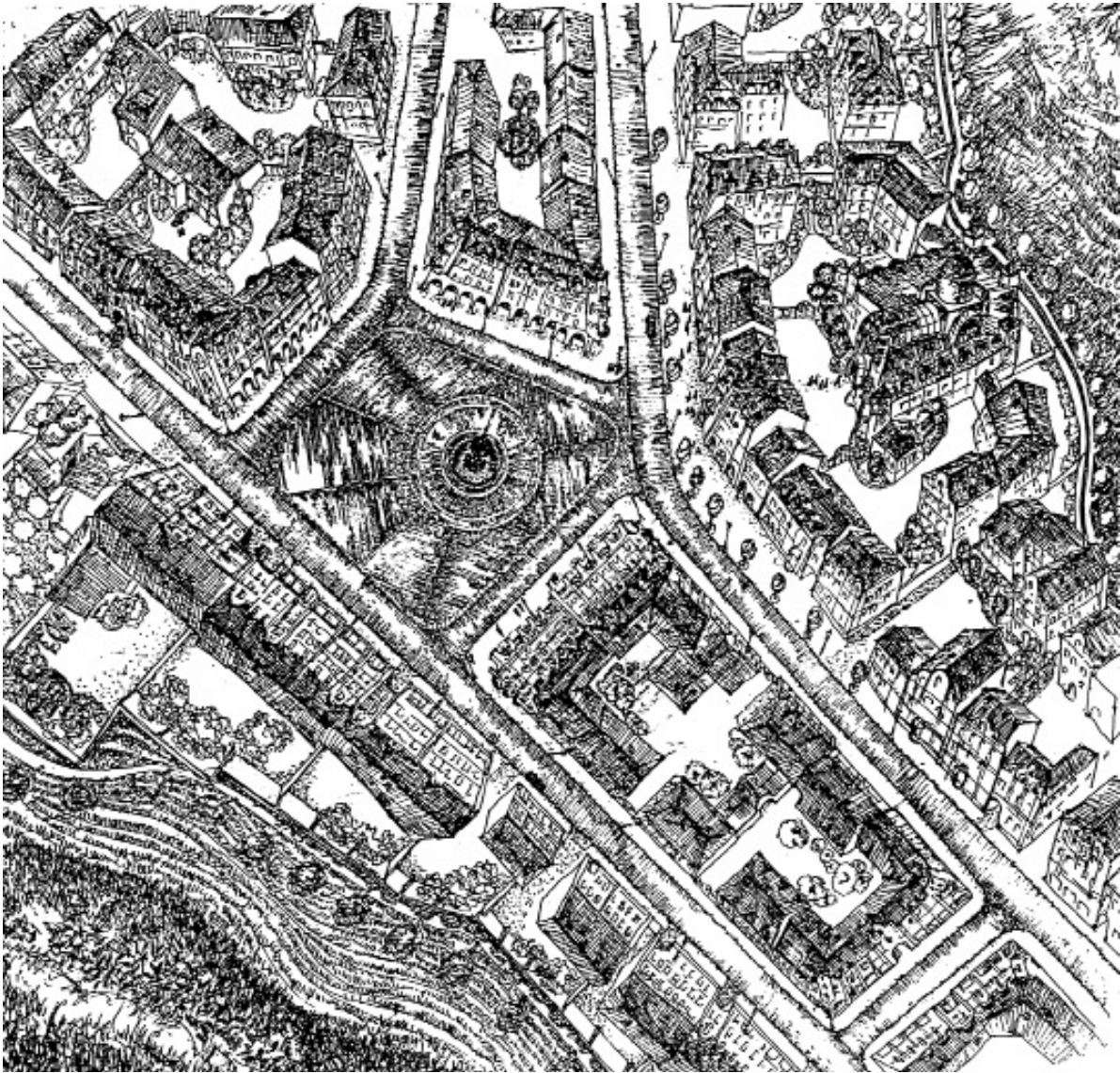
Д. В.: Ее инициировал Р. И. Кухаренко — очевидно где-то у них было записано, что с этим надо что-то делать. Мы сделали по Андреевскому спуску и Боричеву току рекомендации по всем адресам. Это называлось “Иллюстрированная программа-концепция, второй этап реконструкции”. Ток и Спуск.

А+С: Что вам кажется важным в работе 1995 года?

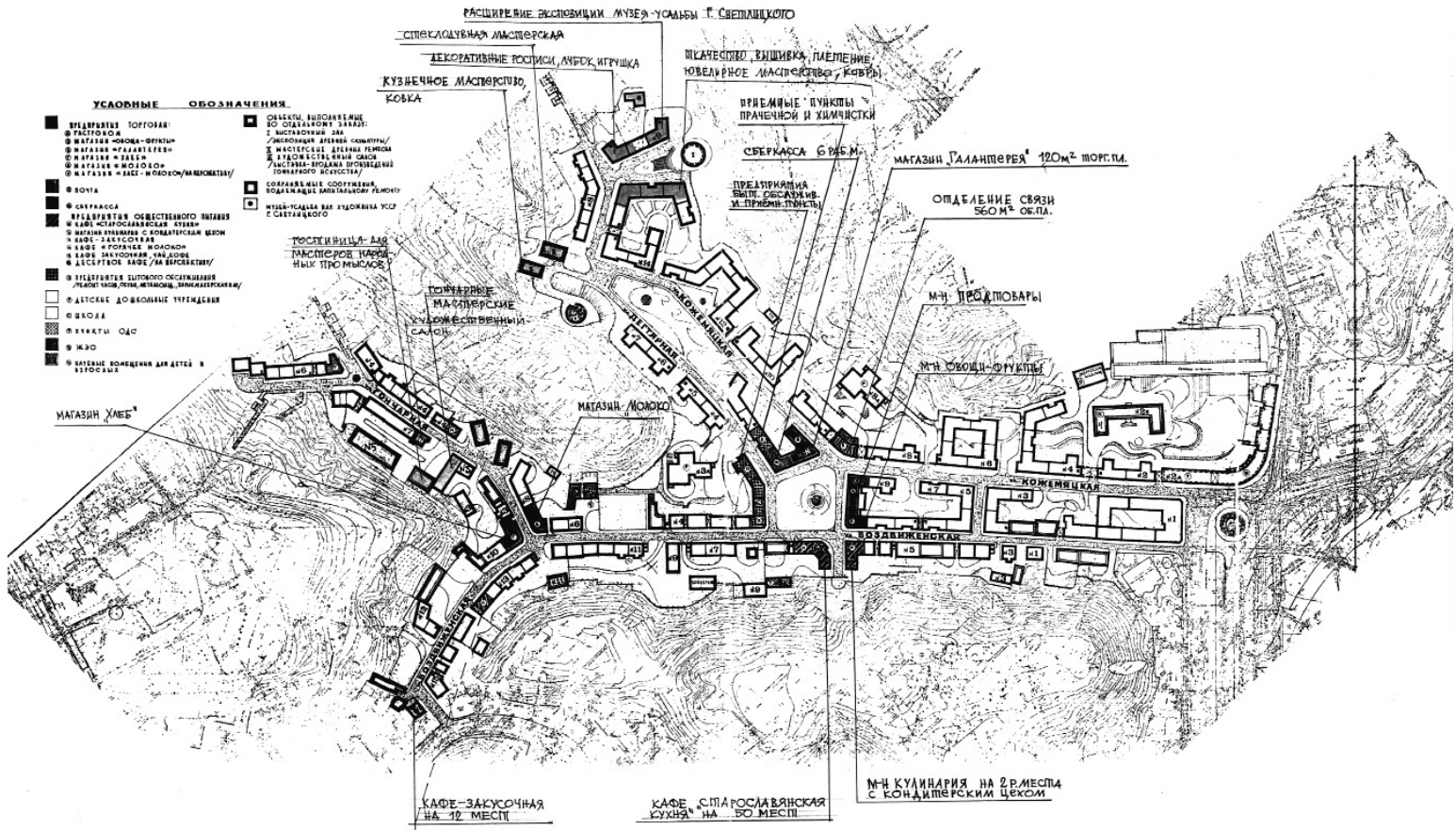
Д. В.: То, что она была сделана (но не была утверждена). Наверно надо было хотя бы сейчас, когда кем-то делалась очередная реконструкция, обратиться к нам, взять эти материалы и полистать. Участники той большой работы: Александр Колесников, Людмила Слогоская, Татьяна Добровольская — все в Киеве.

Ну, а я последние годы на Андреевский спуск не хожу. Как когда-то Анатолий Владимирович Добровольский нам говорил, что мимо Дома Художников он ходить не любит. Хотя на работу в Худинститут идти как-то надо! Но он обходил стороной. Потому что смотрит: и то, и это не так.

Сейчас на Андреевском спуске кто что хочет, то и лепит. А наша задача была сохранить лицо и вполне проявленный дух старого города. Теперь все больше гламура. С начал 1990-х годов “капитализация пошла”. Братки заказывали. И гламур там всю проявлялся.

Главная площадь урочища Гончары-Кожемяки, варианты [эскизный проект: Дмитрий ВОРОНОВ, 1985]

Парк-музей “Древний Киев”. Генплан реконструкции урочища Гончары-Кожемяки. Архитекторы А. Милецкий, В. Колесников, Д. Воронов, Т. Добровольская и др., 1985

[архив: Татьяна ДОБРОВОЛЬСКАЯ]

А+С: Как вы относитесь к застройке под Пейзажной аллеей?

Д. В.: Хотя говорят, что трудно убить Андреевский спуск и ландшафт вокруг... Но попытки есть, и сейчас равновесие на грани. Гончары-Кожемяки это тяжелый пример.

А+С: Что дискредитирует идею?

Д. В.: Нарушен масштаб. Дело в том, что там и заказчик, и подрядчик одно лицо. Им важно было все это продать, и побольше. Поэтому от хорошего замысла почти ничего не осталось. У этого проекта есть своя история, но это отдельный разговор. То, что в итоге реализуется, не соответствует ни генеральному плану, ни этажности, которые были разработаны, исходя из требований ревалоризации. И этому способствовали, в том числе, те же ребята, которые там проектировали все это жилье. Кушать ведь хочется. И след оставить...

А+С: Что на Андреевском следует сделать в первую очередь?

Д. В.: Осмыслить то, что есть. В принципе, нет безвыходных ситуаций. Я думаю, необходимо проанализировать результаты бездарного тридцатилетнего дрейфа и прийти к нужному решению. Что-то причесать, аляповатость Гончаров-Кожемяк присадить, увести больше в монохромность. Эта нарочито цветная покраска была специально создана, чтобы выделиться каждый дом. Может быть, просто в кирпиче оно и село бы лучше, и доминировала бы зелень или снег вокруг, лирические холмы.

Фонарь Андреевского спуска, чугу́н, литье [дизайн: Дмитрий ВОРОНОВ, 1981–1982]

А+С: А собственно Андреевский спуск?

Д. В.: Необходимо осмыслить сегодняшнее состояние. Найти формулу постепенного выхода из патовой ситуации. Определить точку нового отсчета, некое состояние “зеро”. Тем не менее, конструкция должна остаться живой. Время может добавлять свои поправки. Но за пределы некой заданной голубой линии выходить ни в коем случае нельзя.

Александр КУТОВОЙ, градостроитель, историк,
руководитель архитектурной мастерской

А+С: Александр Иванович, какова градостроительная функция Андреевского спуска?

Александр КУТОВОЙ: В индоевропейской традиции есть город-крепость и ремесленный посад. В Киевской Руси в частности — верхний город и нижний подол. Эти городские образования одно без другого существовать не могли. И древний спуск в любом случае связывал верх с низом, работая своеобразным “пищеводом”. Эта связка, я глубоко убежден, не могла быть единственной. Более того, спусков было, очевидно, много, ведь “верхний город” нуждался в ливнеотводах. Градостроительство есть ремесло проектирования и конструирования связей. П. Г. Смелянец совершенно точно определил, что вся планировочная структура Киева это структура линейно-узловая: линии и узлы в точках, определенных рельефом. А. Э. Гутнов нашел “генетический код” пространственной организации города: рельсовые дороги внутри городского транспорта, тальвеги, дно долины: “рчка в гору не течет!” И меня трудно сдвинуть с этой позиции.

А+С: По тальвегам лабды плавали. Но есть же еще водоразделы. Например, Черный шлях, между Бугом и Днепром, по которому татары ходили на Польшу, а поляки гнали татар назад.

А. К.: Водоразделы это аргумент. А тальвеги — функция, то есть результат! “А попід горою, яром-долиною, козаки йдуть”. Конница поверху, а пешаки и морпехи низом. Национальные украинские вооруженные силы это водники, так же, как норманны. Вот откуда происходит линейно-узловая планировочная структура.

А+С: Что следует оставить на Андреевском спуске?

А. К.: Наверно лучше романского слова “пассаж” ничего не ска-

жешь. Переход! За Андреевским спуском должна сохраниться функция перехода, сверху вниз и снизу вверх. Со всеми сопутствующими ему элементами. Я достаточно долго об этом думал, я на нем вырос, рисовал его со всех точек. На Андреевском спуске должно быть всё, что есть в Киеве. В своем лучшем виде. Может быть, инсценировано в какой-то игровой форме.

В 1988–1989 гг. ваш покорный слуга принимал участие в закрытом конкурсе на реконструкцию Андреевского. Все участники выступали под своими именами. Мы с Н. И. Ставиской вдвоем сделали проект и разделили третье место с бригадой Ю. А. Паскевича. И мы, и наши конкуренты (занявшая I место — бригада А. М. Милецкого, и II место — бригада И. П. Шпары с В. А. Розенбергом) сходились в одном: на Андреевском спуске функционально и жизнестроительно должны присутствовать все элементы исторического центра Киева. И торговля, и выставки, и места общения. Что такое город? Людей посмотреть и себя показать. Гений Виктора Иванова, режиссера фильма “За двумя зайцами”, в том, что он мастерски показал вот это жизненное витальное начало Киева. Извините за трюизм: “Когда б вы знали, из какого сора...” Как “клеимый националист” отмечу “граму”: в русском языке — “спуск”, мы спускаемся, а в украинском — “узвіз”, подъем. То есть по-украински эту улицу, в связи с ее функцией подъема, назвали живущие снизу — ремесленники, мещане. А по Татищеву, — “ремесла есть причина градам...”

А+С: Тысячу лет неубиваемое здесь мещанство?

А. К.: Да. Блестяще сформулировано Борисом Лекарем, что такое мещанский город. Это город, в котором меньше героического

и больше человеческого. Всё. Ну, живу я здесь, местный я! Вот таким он должен быть, Андреевский спуск!

Поїду краще до Варшави, / Я там вже тиждень не бував, / Гендльови зроблю свої справи, / А потім вип'ю кави, / І знов до дому — в Станіслав.

Андреевский спуск это место для того, чтобы там просто шляться. Почему город не имеет права на эти вещи? Вот Ю. С. Асеев на лекциях по истории архитектуры рассказывал, что у каждого города есть своя тайна, своя “формула города”, и как-то один из студентов спрашивает: Юрий Сергеевич, можно вопрос? — Да, пожалуйста. — А какая формула у Киева? — Господи, ну, это же ерунда. Киевлянам свойственно прогуливаться!

А+С: Асеев просто вырос на Бульварно-Кудрявской у Львовской площади, а прогуливаться в этих местах сам Бог велел.

А. К.: Мне тоже повезло: меня в шестилетнем возрасте привезли на Подол. После Северодвинска, после взятой Варшавы, Берлина и Пинска, после героических мест... Подол.

А+С: Упомянутый конкурс был неслучаен, это была точка наибольшей славы Андреевского спуска, его расцвета...

А. К.: К сожалению, наработки так и не были реализованы. Начался распад Союза. А потом уехал в Израиль один из отцов-основателей Спуска А. М. Милецкий. Его отсюда просто выжили.

А+С: Радует ли градостроителя современный Спуск?

А. К.: На Подоле бытовал вечный анекдот. По причине плохого обслуживания в парикмахерской клиент поднимает скандал, выбегает директор: Вы чем-то недовольны? — Я всем недоволен! — Так что вы с парикмахерской начинаете? (Сохранено Ю. А. Паскевичем).

Хотя, с другой стороны, Иисус пришел в этот мир с тремя тезисами. Тезис первый: мир лежит во зле. Тезис второй: со злом должно бороться. Тезис третий: начни с себя. Может быть, действительно, с парикмахерской и следует начать. Это такая амбивалентная истина. Но Андреевский спуск, с точки зрения градостроителей, было бы как минимум не профессионально изымать из контекста проблем города в целом, в то время как произошла подмена самого понятия “культура”. По телевизору идут бесконечные дискуссии: “от, занегбана українська культура, занегбана українська книжка”. Захожу в “Смолоскип”, у меня трясутся руки, я боюсь оттуда без штанов выйти. Какого уровня эта литература, эта книга! И никто не говорит о том, что ее никто не читает! Говоря об ущемлении украинской культуры, обсуждается, что Алла Пугачевой дают эфир, а Верке Сердючке дают, но меньше и под определенным углом. Дальше этого не идет. Мы прекрасно помним времена давления на все, имеющее прилагательное “украинский”. Тем не менее, именно при режиме Щербицкого было инициировано и республиканским, и городским издательствами — “Радянським письменником” и “Дніпром” — издание современной мировой литературы и классики на украинском языке. Знаю россиян, которые бросались учить украинский, чтобы читать Стриндберга и Франсуазу Саган.

А+С: Тем не менее, Андреевский спуск сегодня есть проблемная зона, за которую воюет капитализм...

А. К.: Ничем не могу помочь. Любого класса кутюрье, когда будет шить на хромом горбуна, фрак таким и получится. Общество сегодня большое. То, что за спуск идут войны, ну, это объяснимо действиями цивилизации сегодняшнего пригорода, которая метит и столбит за собой все знаковые места: я здесь, вот он я, Эмпайр Стейт Билдинг! Экономически бессмысленно, конструктивно тяжело, но я — торговый логотип вон там, наверху. Вот вам всем! Цивилизация пригорода. Украинское село, не переваренное городом. Мы живем на старте.

А+С: Украинское село не дошло до города?

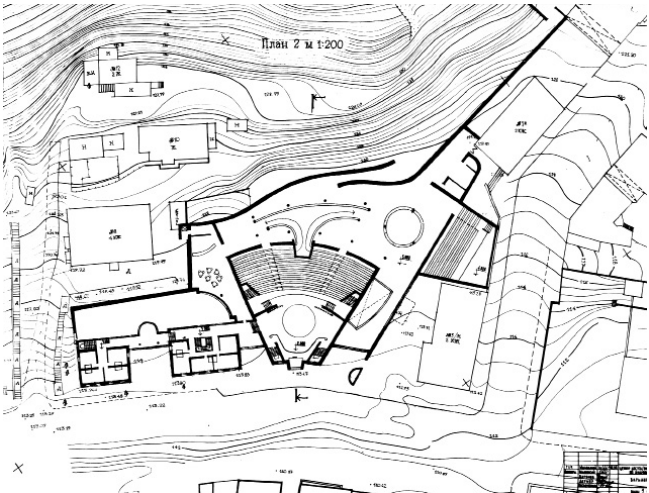
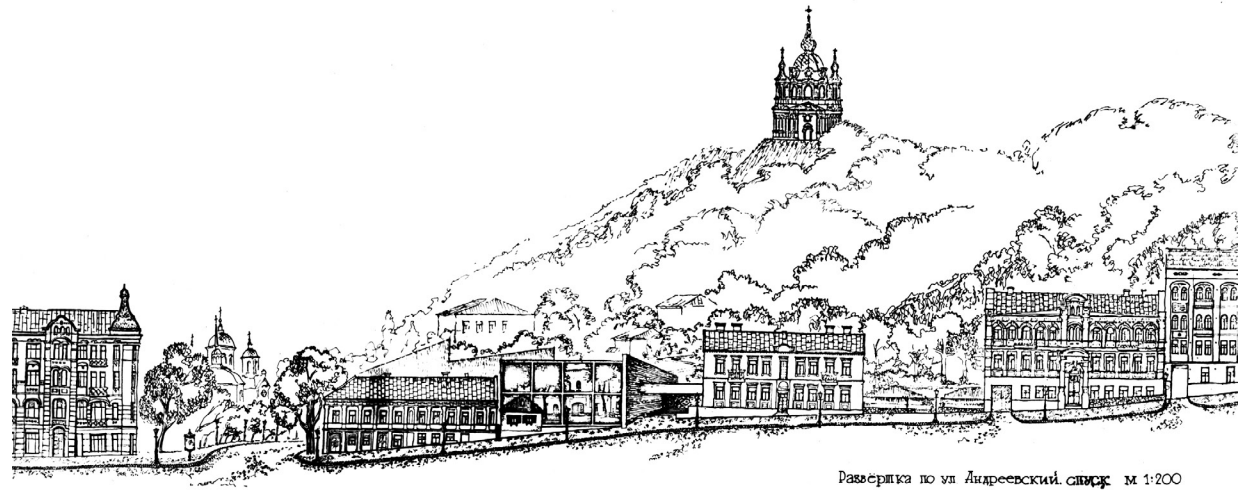
А. К.: Не могло прийти — оно уничтожено. Революциями, войнами, голодоморами, всем. Что касается города, последний памятник городской культуры есть первый памятник украинского современного литературного языка — “Энеида” Котляревского. Она написана языком городской ремеслухи. После этого украинского города уже нет: это либо полицейско-административной функции центр, либо ВПК, сначала имперский, потом советский. Когда нет города и нет села, как же может возникнуть полноценная культура? Она возникает только в диалоге этих двух форм. В чем родовое различие между городским и сельским воспитанием, гениально сформулировал Марк Блок: городское воспитание ребенка начинается в том возрасте, когда сельское уже закончилось. Все в поле, обезноженные старцы и ползающие младенцы остаются дома, в последних вставляют абсолютно чистую дискету: “можно — нельзя”, больше ничего. И когда оно встало на ноги, оно уже готово. Это один тип члена общества. Другой формируется в городе. В диалоге, в форме общежития и обмена они делают нечто совместное, и только тогда начинает развиваться культура.

А+С: Если чистая дискета — образ космически-сельской культуры, то каков образ воспитания городского?

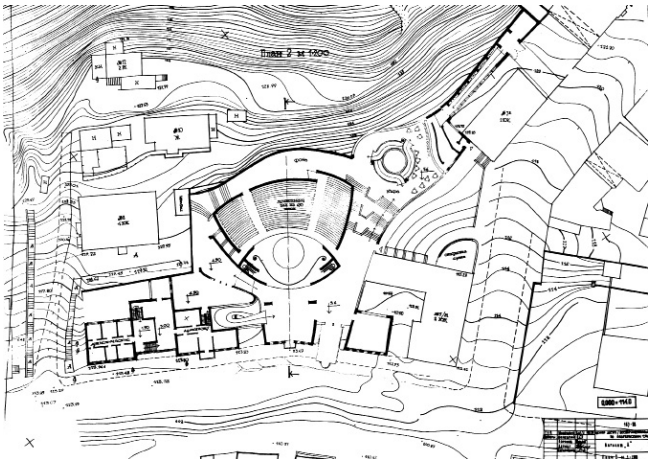
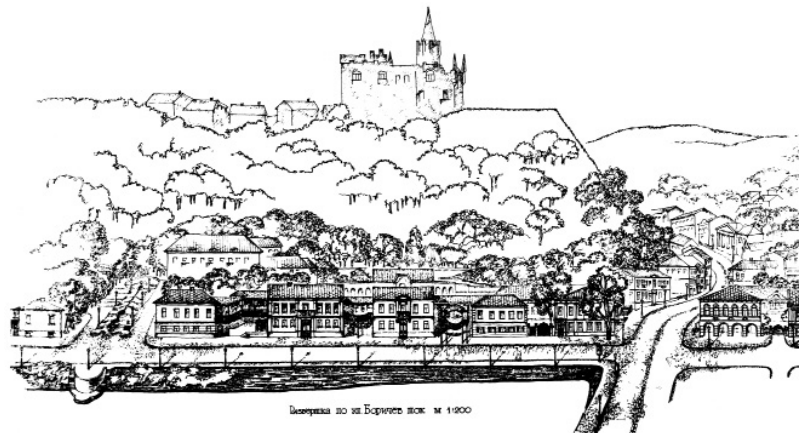
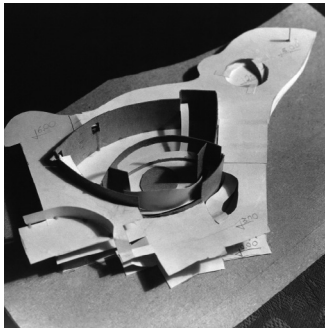
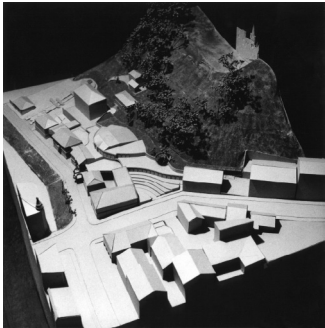
А. К.: В городе воспитывают в форме кодекса, сшитой книги, последовательно. С первой страницы перейти на шестую можно только, прочитав первые пять. И с аппаратом. Как говорят немцы: книга без аппарата это не книга (Das Buch ohne Kodex ist kein Buch). Это городская культура. А что такое сельская культура? Представьте, я призываюсь в армию со второго курса КГХИ, на три года в мотострелковый полк. Мне девятнадцать, сижу на стрельбищах в блиндаже “на мишенях”. В перерыве между стрельбами — перекур за бруствером. Единственный раз в жизни слышал, как над головой свистнуло. И сельский парень, дембель, одним сапогом кованым сразу по двум пяткам, по моей и соседа, и сам падает сверху. А над нашими головами в это время очередь из пулемета. Он по свисту понял, и ему понадобилось полсекунды, чтобы среагировать. Что такое настоящее село? Удар по косточке. В критический момент мужик принимает решение и делает, и только потом думает. Это пример обогащающего культурного диалога.

А+С: Вернемся из метаплана к камням Андреевского спуска.

А. К.: Я не ухожу от ответа, а пытаюсь обнажить проблему. “Последыши Второго Интернационала” в Европе уже давно не продают землю в городах, а предлагают готовые произведения. Городская коммуна, муниципия, заказывает генеральный план, под него сразу проект застройки. И на торг выставляется готовый к реализации проект: не хотите, не берите, возьмет следующий, но стоять здесь будет именно это и именно такой функции. Работая в свое время в Генеральном плане, я убедился на историческом материале, что в Советском Союзе ни один генплан ни одного города ни разу не был реализован согласно проекта. Они все были только приняты действующими администрациями для режима ручного управления. Откуда взялся феномен сатирического гения режиссера Георгия Данелия? Он окончил градостроительный факультет Московского архитектурного института и по распределению работал в ЦНИИПградостроительства, в отделе по анализу реализаций генеральных планов городов Урала и Западной Сибири. Когда на бумаге рисуется одно, а в натуре наблюдается другое, получается смешно, получается “Кин-дза-дза”, “ку!” Поэтому рисовать следующую, новую концепцию Андреевского спуска уже сегодня можно и нужно.

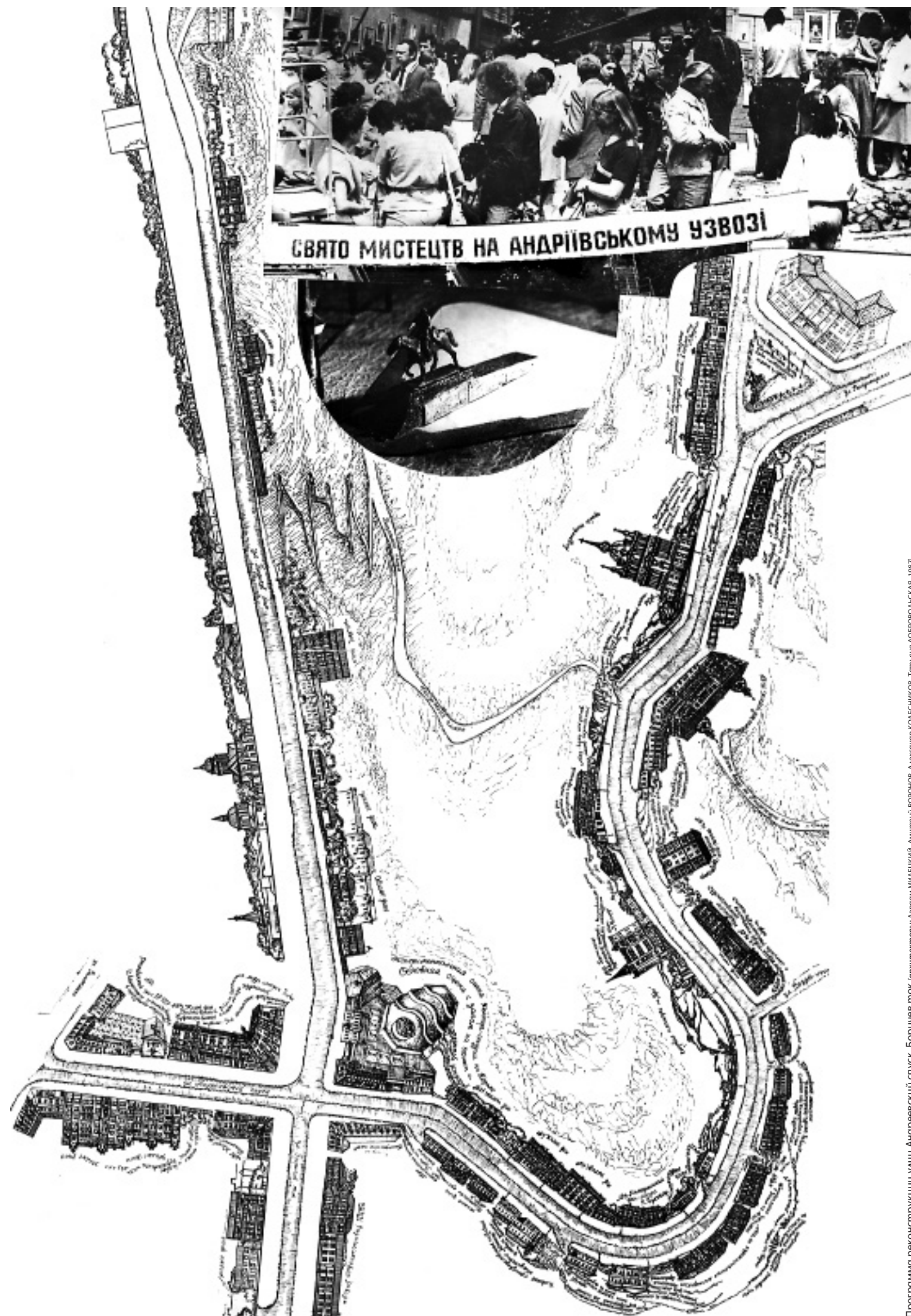

“Закрытый” вариант

“Открытый” вариант

Программа реконструкции улиц Андреевский спуск, Боричев ток (архитекторы: Ауром МИЛЕЦКИЙ, Дмитрий ВОРОНОВ, Александр КОЛЕСНИКОВ, Татьяна ДОБРОВОЛЬСКАЯ, 1987)

Георгий ДУХОВИЧНЫЙ, архитектор, вице-президент Национального союза архитекторов Украины

Андреевский спуск — это сегодня одна из немногих территорий Киева, которую (в отдельных частях) честно можно считать исторически сохранившейся. Поэтому его стоит хранить и лелеять. Первый шаг к уничтожению спуска, как городского коридора, был сделан в период первой реконструкции в 1980 году, когда ликвидировали заборы с калитками, чем и нарушили уличную структуру. Ворота и калитки можно было бы открыть для доступа пешеходов “в потайные двory”. Но не следовало полностью раскрывать фасады. При реконструкции Андреевский спуск не нужно стараться улучшить, его нужно корректно отреставрировать, как этого требуют европейские традиции.

Андреевский спуск вместе с Контрактовой площадью — это совершенно уникальный киевский фрагмент, где есть стилевая преемственность: здесь представлена архитектура XVIII–XXI веков. Андреевский в своем движении вверх — единственный градостроительный комплекс, который имеет начало, середину и конец. Начиная движение от устья площади, мы попадаем в удивительный мир Боричева тока начала XIX века в сочетании с настоящим модерном с противоположной правой стороны. Мы можем проследить этапы развития киевской архитектуры в чистом виде, от типового деревянного двухэтажного классицизма. Далее кирпичный стиль во всех его проявлениях. Затем, миновав Уздыхальницу, наблюдаем “Замок Ричарда”, попадаем в коридор деревянных домов в псевдорусском стиле и, наконец, Андреевская церковь — катарсис.

Если двигаться в обратном направлении, мы идем в никуда и видим только полуразрушенные двory и огромное зияющее пятно на месте бывшей фабрики “Юность”. И чем дальше спускаемся, тем страшнее становится... Но есть возможность создать достойный противовес, если правильно выстроить сюжет реконструкции территории фабрики...

Примерно десять лет назад ко мне обратились представители некой франко-швейцарской команды с предложением выступить экспертом проекта офисного центра, разработанного западными архитекторами. На тот момент заказчик уже выкупил фабрику “Юность”, сохранил и модернизировал производство, перенес его на Куреневку, так что никаких претензий, как к разрушителю социума, к нему не было. Тогда я впервые столкнулся с цивилизованным подходом к проектированию, который базировался на предварительно разработанной маркетинговой концепции — ее держали в страшном секрете. Ознакомившись с проектом, я пришел в ужас. Он предлагал сооружение 14-этажного объема, который не учитывал ни визуальные связи, ни существующие градостроительные акценты.

Очевидно, что в первоначальном виде проект не мог получить согласования, даже учитывая специфику нашей страны и то, что заказчик — один из богатейших представителей Европы. Мне предстояло найти аргументы, которые изменили бы направление мысли проектировщиков. Не вторгаясь в архитектуру, я поставил задачу изменить общую концепцию застройки. Взял карту Киева, обозначил главные визуальные связи и представил, как

будет выглядеть новая градостроительная единица, в том числе при движении по Андреевскому спуску. В итоге мне удалось убедить английских архитекторов понизить высотность здания в два раза и использовать особенности рельефа, а, учитывая, что рядом общественно активная территория, отказаться от сооружения тупиковой зоны. Затем эта тема затихла. Но я очень много отдал этой работе, поэтому не мог о ней не думать. Мне кажется, я придумал код обращения с этой территорией, потому что помню ее с трех лет — здесь прошло мое детство.

Через пять лет после всех пертурбаций оказалось, что проект не забыт и перегад Сергею Целовальнику, который предложил мне участвовать в проекте. Мне передали документацию — моих следов там уже почти не было. Единственное, что осталось — анфиладное построение дворовых пространств, которые диагонально ниспадают с углов Боричева тока и Чёрной грязи. С радостью отметил, что высота преобразована до семи этажей.

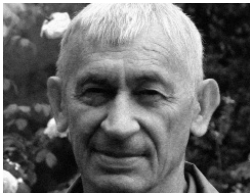
При представлении проекта на градсовете, я взял на себя функцию рецензента, поскольку понимал, что правильно выстроенная рецензия может ответить на многие возможные вопросы и переломить ход обсуждения. На тот момент было важно получить позитивный протокол градсовета. Благодаря общим усилиям совет прошел без скандала, и концепция была принята, острые вопросы оставались только по транспортной схеме — подъездных путей не было.

Дальше работать над проектом было возможно, только хорошо поняв европейский контекст реконструкций под офисные центры. С. А. Целовальник уже тогда работал с Энтони Бешу, и нам организовали поездку в Париж. Мы посмотрели очень многое: офисные здания в центре Парижа, на полпути к Дефансу, объекты смешанной функции — все это было очень профессионально, элегантно, но как-то очень стерильно — без эмоциональных вставок в историческую среду.

Примерно то же можно сказать о проекте “Андреевский Плаза” с участием Бешу. Долгое время он не приезжал в Киев, а присылал сотрудника румына, который привозил очередной ужас. Я видел, что мы движемся совсем в другом направлении. Наконец, приехал Бешу — абсолютно самодостаточный человек. И заявил, что он очень богатый и зарабатывает отнюдь не архитектурой. В свое время он изобрел складной картонный домик для беженцев и запатентовал. Теперь во всем мире в такие домики ООН поселяют беженцев. А архитектурой он занимается для души, чтобы не скучно было. Я видел очень много его работ, все очень профессиональные и хочется сказать: хороший ты парень, но не орел.

Киевский проект Бешу очень бы вписался в средиземноморский пейзаж со скалами и зеленью. Но у нас на Подоле совсем иная картина — Пирогоща, Андреевская церковь, Чёрная грязь...

Хочу отметить главное: это место для архитектора подарок и испытание одновременно. Это, пожалуй, лучшее место в Киеве и шанс, что, наконец, произойдет что-то интересное. На мой взгляд, здесь должен появиться объект по статусу и уровню не ниже, чем центр Помпиду в Париже.

Виктор ШИРЯЕВ, архитектор
директор института “Міськцильпроект”

Виктор ШИРЯЕВ: Я считаю, в Киеве есть три основные зоны, которые делают его историческим явлением: это Киево-Печерская Лавра, Подол и Андреевский спуск. Эти объекты практически равноценны по значению, но несут разную градостроительную и историческую нагрузку. Андреевский спуск связывает древний и современный Киев, и, если потерять эту связь, Киев вновь станет ничем не примечательным уездным городишком, каким он был в начале XIX века. В последние годы мы испортили многие киевские улицы тем, что увлеклись подделками под старое и тем самым ликвидировали подлинную старину. Не дай Бог, это повторится на Андреевском спуске! И такой прецедент уже есть: вновь построенное в старом стиле здание театра разрушает структуру улицы так же, как разрушило бы ее грубое современное здание. Лишившись контрастов, улица станет серой, а если рядом уживаются старые и новые здания — это интересно.

А+С: Застройка Киева удивительно не совпадает с канонами классицизма. Как отмечал еще Ю. С. Асеев, для Киева характерна “разновысокость”, и в этом особый вкус его улиц.

В. Ш.: Совершенно с этим согласен. Город, как живой организм, постоянно меняется и растет. Архитекторы точно уловили стиль и дух улицы, и хотя здания выросли, это не уничтожило общий ансамбль.

А+С: В такой логике, выходит, нет ничего страшного, если на Андреевском спуске появятся высотки?

В. Ш.: Андреевский спуск — не Крещатик. Это внутренняя улица, и здесь не может быть помпезности. Мне в целом представляется неправильным наше отношение к историческим частям города. Мы стараемся сохранить их, музеефицируя объекты, но это приводит к обратному результату. Запад идет другим путем, там памятники древности это абсолютно живые структуры, которые сегодня выполняют свою функцию. Возьмите, к примеру, Авиньон. Бок о бок живут по крайней мере три города: XIV–XV века, рубежа XIX и XX веков, а рядом — послевоенный город. И все прекрасно функционирует, современным образом. Я убежденный противник создания заповедников в границах Киева. Андреевский спуск нельзя превращать в музей, иначе мы его потеряем. Городская власть, имея общую концепцию, должна жестко контролировать любые действия на этой территории, но с тканью улицы работать можно и нужно. Но при этом не пародировать то, что было в этих формах 150 лет назад, а создавая нечто новое, современное.

А+С: Уместна ли артистическая функция Спуска?

В. Ш.: То, что на спуске в 1980-е появились художники, мелкая торговля, отели — очень правильно. Улица является туристическим маршрутом, и всё, что обслуживает туристов, здесь весьма кстати. Но не каждому туристу нравятся только “этнические” точки, оформленные лозой с казаками в шароварах и т. п. Современному человеку нужен современный сервис, а его создать в старых зданиях невозможно. Вероятно, здесь необходима не псевдоревавторизация, а модернизация с сохранением всех существующих качеств среды.

А+С: Место в этом ряду урочища Гончары-Кожемяки?

В. Ш.: Пример псевдоэтнического строительства, и в нынешнем виде эта среда не очень пригодна для жизни. Прилегающий к спуску квартал было бы разумно отдать под гостиничную территорию. Аналогичный пример есть на побережье Нормандии и Британии, где целые города предназначены для отдыха прибывающих паромом из Великобритании. Они состоят из небольших отелей и коттеджей для приема отдыхающих. Урочище, отстроенное в стиле “Диснейленд”, вполне бы подошло для туристов. Похожая ситуация в Шанхае. Почти ничего аутентичного не осталось, лишь пара кварталов колониальной застройки вдоль набережной. Рядом на территории восьми кварталов возвели колоссальный торговый центр, где в металле и дереве симитировали дворцовую китайскую архитектуру XVIII века. Потрясающий китч! Туристы толпой несутся в этот квартал, думая, что они побывали в старом Шанхае. И мало кто знает, что рядом, через забор, стоит подлинный дворец...

А+С: В ряду самых выразительных мест исторического Киева вы упомянули Подол. Именно здесь по вашему проекту построен комплекс “Ильинский”, одно из удачных решений в плотной исторической застройке. Как пришло такое решение?

В. Ш.: Это уникальный случай в моей жизни, когда заказ появился в 10 часов утра, а решение созрело уже в 11. В 12 заказчик с ним ознакомился и попросил неделю на размышление, поскольку на тот момент у него уже был утвержденный Управлением охраны памятников проект 9-этажного помпезного сооружения. А наш проект почти на треть увеличивал коммерческие площади. Подсказка к новому решению была простой: у нас был дореволюционный генплан этой части Подола с квартальной структурой 20 x 20 м по осям, которую мы и использовали в качестве модульной сетки. Комплекс включает три части: одна — реконструкция периметральной застройки с памятниками местного значения, в том числе прекрасный дом в ар-нуво по ул. Братской. Далее производственные корпуса, конструктивные части которых также были использованы. И третья часть — выход на улицу Борисоглебскую с ветхой застройкой 1930-х, которую снесли. Замысел был в том, чтобы на уровне первого этажа сделать открытые пространства с внутренними дворами, чтобы пешеходы “сквозняком” могли проникать через квартал на соседние улицы.

Через три дня после ознакомления с новым проектом заказчик пригласил нас на всемирную инвестиционную выставку в Мюнхен. Там в исторической части города он увидел застройку, аналогичную нашему варианту: с освобожденными первыми этажами. И был настолько этим впечатлен, что тут же дал согласие на изготовление рабочего проекта. К сожалению, реализовать в полном объеме замысел не удалось: вместо открытых кафе и магазинов на первом уровне появились банки.

А+С: Как вы оцениваете проект “Андреевский Плаза”?

В. Ш.: Проект наследует и продолжает нашу идею внутренних сообщающихся дворов. В целом, если всё построят в соответствии с задумкой автора, бюджет хорошо. На мой взгляд, эта идея очень подходит и для реконструкции Андреевского спуска.

Воссоздание Гостиного двора в “оригинальных формах” (фото: Дмитрий ВОРОНОВ, 1983)

“Откуда есть пошла Русская земля” — три камня из Теребовли Тернопольской области (архитекторы: Авраам МИЛЕЦКИЙ, Неонила СЛОГОДСКАЯ, Дмитрий ВОРОНОВ, 1987)

Андреевский спуск после реконструкции (фото: Дмитрий ВОРОНОВ, 1982)

Лариса СКОРИК, архитектор,
руководитель творческой мастерской

А+С: Лариса Павловна, что для вас значит Андреевский спуск?

Лариса СКОРИК: Это знаковая улица Киева. К несчастью, она очень многое утратила еще 30 лет назад в процессе первого облагораживания и благоустройства. Если рассматривать прилегающие к спуску территории, весь комплекс улочек между холмами, можно увидеть, насколько уникально по своей гармонии было это место, насколько органично структура ландшафта и антропогенная часть, застройка, дополняли друг друга. При этом строительство в ландшафтной среде было подчинено рельефу, но пространство и здания читались на равных.

Эта гармония была нарушена еще в 1980-х. Когда во время первой реконструкции, возглавляемой А. М. Милецким, я увидела, что случилось с комплексом “Ричарда”, который пытались приспособить под гостиницу, это был удар в солнечное сплетение. Дом “Ричарда” вместе с роскошным каретным рядом, партером, воздушными лестницами и мостиками был доминантой всей территории, но после реконструкции все это исчезло в одночасье. Я не могу сказать, что Дом был абсолютным шедевром, но его комплекс был настолько органичен, что казалось — это навсегда. Однако волей архитекторов все испоганили и уничтожили. Причем это произошло в то время, когда еще не было вопросов частной собственности. После этого, на мой взгляд, Андреевский спуск утратил 70 % своей органики, а все остальное это уже мелочи. Кроме того, там невозможно ходить. И при огромном количестве канализационных люков, совершенно невозможно пользоваться коммуникациями. Сейчас этим местом любят и восхищаются только те, кто не помнит, каким оно было раньше.

А+С: Как вы относитесь к возможности новой реконструкции Андреевского спуска?

Л. С.: Я никогда не считала, что спуск нужно законсервировать. Он не является уникальным ни с точки зрения градостроительства, ни в отношении архитектуры. Осталось лишь настроение и мнение, что это наиболее сохранившаяся историческая улица, хотя чистота стиля давно утрачена. Например, по значимости и чистоте архитектуры ул. Костельная гораздо интереснее. Наиболее ценным здесь является ландшафт, рельеф, топография, градостроительная функция и структура, которая сложилась изначально: по нему с древних времен спускались и поднимались к Детинцу Киева. А здания — это явление временное. Строить здесь можно и нужно. Но при этом должны быть сохранены неповторимая топография и функция Андреевского спуска. По правде сказать, здесь нечего реставрировать — так много раз там уже все перестраивалось. А некоторые дома следует просто убрать, поскольку они рушатся и валятся.

А+С: Что вы думаете о протестах общественности и призывах “не пущать” застройщиков на Андреевский спуск?

Л. С.: Это известная ситуация, когда определенные представители общественного движения ставят заборы, а потом получают соответствующую мзду от застройщика и снимают все вопросы. Это хороший способ заработать, как зарабатывают на политических манифестациях.

А+С: Каким образом следует реконструировать спуск?

Л. С.: Этому месту нужно придать функцию аттракциона в центре исторического города — сделать наиболее доступной прогулочную зону с ресторациями этнографического характера и прочим. Сегодня, кроме торговых точек, ничего аттракционного там нет, а есть провинциальное хуторянство. Когда там стояли мазанки, улица была более целостной, колоритной, сейчас это утрачено. Сейчас она больше напоминает консервацию 90-х годов прошлого столетия. Когда мы приводим сюда иностранных гостей и думаем, что они останутся в диком восторге — мы глубоко заблуждаемся. Экзотика это нечто другое. К тому же городская улица должна функционировать, она должна быть уникально насыщенной, и как это сделать в существующих условиях при существующей застройке, придумать очень сложно. Нужно что-то менять.

А+С: Как вы оцениваете проект строительства на месте фабрики “Юность”?

Л. С.: Я за то, чтобы здесь появился достойный современный объект, который изменил бы общее настроение запущенности и нищеты. Я видела проект этого комплекса около года назад, и он оставил весьма положительное впечатление. В нем есть и ансамблевость, и ландшафтность — террасная архитектура с зелеными крышами и открытыми дворами. Это очень хорошая идея, к тому же там много стекла, которое я очень люблю. Думаю, если бы наши предки имели в распоряжении такой стройматериал как стекло, обязательно бы его использовали. Я считаю, что стекло можно использовать везде, в том числе при реконструкции исторической среды, но только грамотно и деликатно, без подделки под старину, что само по себе непристойно. Кроме того, в проекте использовано много дерева, а это элегантно и традиционно.

А+С: Ваше отношение к идее воссоздания Десятинной церкви?

Л. С.: К сожалению, в наше время, именно в конце XX — начале XXI веков, получила распространение фальсификация — такого никогда раньше не было. На мой взгляд, фальшь — это самое страшное в искусстве: и в литературе, и в живописи, и в архитектуре. Нужно иметь мастерство и талант передать дух своего времени, показать его нерв, а не подыгрывать прошлому. Люди не имеют вкуса, не понимают, как старое может блестяще выглядеть на фоне современности. В итоге подделки выглядят несовременно, и старина утрачивает свою ценность. Сегодня я ничего не могу в Киеве показать студентам как положительный пример. Я считаю, фальсификация — это преступление.

И в первую очередь это можно сказать о проекте воссоздания Десятинной церкви.

Я выступаю категорически против того, что собираются строить на месте Десятинной. Это срам и позор перед мировой эстетической мыслью и цивилизацией. Я не могу понять, кто так хочет сегодня скомпрометировать Украину. Эта идея не новая, аналогичное предложение было еще при президенте Л. Д. Кучме, но его удалось убедить, что этого делать нельзя. Я надеюсь, что и нынешняя власть поймет, что это фантастическая “погстава”.

Сергей ЦЕЛОВАЛЬНИК,
главный архитектор города Киева

А+С: Сергей Анатольевич, с вашей точки зрения, что собою представляет Андреевский спуск сегодня?

Сергей ЦЕЛОВАЛЬНИК: Если вы спросите туриста из какого-нибудь Катманду, который побывал в Киеве, что он помнит, тот вам скажет: Андреевский спуск я помню. И не понятно почему! Может быть, это сродство с площадью Тертр на Монмартре — открытый контакт с художниками и коллекционерами. Это как Латинский квартал и набережная Сены, где продаются открытки, пластинки — всё, что хочешь. Таким и Андреевский в итоге должен быть. Его душа, *genius loci*, продолжает жить, несмотря на все усилия администрации, и Подола, и города, в недавнее время раздавить ее существо.

А+С: Что имеется ввиду?

С. Ц.: Я поясню. Всего несколько лет назад “командой молодых и ранних” была предложена такая схема, чтобы всех художников, которые размещаются на первых этажах и подвальных помещениях спуска, выгнать оттуда, прервав аренду под видом ремонта зданий. А после этого, когда ремонт будет сделан, туда заселяться Марк энд Спенсер какой-нибудь, Сейнсбери, Ягуар — ведущие марки, что угодно. Люди, которые шли этим путем, не понимали, что разрушают душу Киева.

А+С: Под командой молодых и ранних подразумевается команда мэра Л. М. Черновецкого?

С. Ц.: Не я сказал, заметьте... Но благодаря сильной позиции, сильного противодействия художников, которые собрались в общественные организации, и других культурных людей, писателей, кинематографистов, которые собирали подписи, Андреевский спуск отстояли. Вокруг Андреевского есть сплоченный коллектив, не только непосредственно участвующих, но и киевлян вообще.

А+С: Есть другая опасность, он стал просто разрушаться...

С. Ц.: Андреевский спуск разрушается не-вложением своевременных денег, не-производством ремонтных, реставрационных и прочих работ. Здания, через одно, в жутком состоянии, где-то покосившееся, где-то стройсетка. Знаменитый “Замок Ричарда” в каком-то неопределенном положении. Лестница деревянная рядом с ним — это просто аварийная структура. Театр на Подоле никак не закончится. В доме Булгакова проваливается пол...

А+С: А чем объясняется ситуация с “Заком Ричарда”? Это очень похоже на историю с гостиницей “Лейпциг”. Если здание не эксплуатируется три года, оно начинает сыпаться.

С. Ц.: И не только это. Происходит утечка водонесущих коммуникаций, в силу того, что их не ремонтировали тридцать лет. Они проложены еще во время реконструкции спуска по проекту А. Милецкого, когда подняли тротуары на 70 см. Кроме того, — подвижка склона, склон ведь живой, неравносесный. Более того, прямо от “Замка Ричарда”, вниз к дому № 9 на всех наших картах есть оползень, даже М 1:2000. Стабилизированный, но до поры до времени. За домом № 9 на горе поставлено несколько уровней подпорных стенок, которые его удерживают.

А+С: Они по сути удерживают Уздыхальницу?

С. Ц.: Да, однако пульпу держать невозможно. То, что делается с

Андреевской церковью, — те же, может быть, безрезультатные попытки удержать живущий склон... Обидно другое, охрана исторической среды остается у нас только декларированной. Ничего не делается для того, чтобы программно вкладывать бюджетные средства в своевременные работы по укреплению киевских памятников. Что здесь надо? Вот в экспертизе по сей день находится проект реставрации фасадов и реконструкции инженерных коммуникаций Андреевского спуска. Не знаю, когда он будет закончен. А суть такая. Мы хотели к ЕВРО-2012 привести вот эту нашу изюмину города в порядок. Для этого надо не просто подмазать и подчистить, но переложить коммуникации. Идеально было бы это сделать в проходном или полупроходном коллекторе, но не угасться: очень дорого. Поэтому в коллекторах просто будут проходить коммуникации, собранные в пучок где-то в центре проезжей части. Будут сделаны правильные, с соответствующими уклонами и примыканиями, канализационные отводы к зданиям. Всё это будет стабилизировано, потом переложено покрытие. И вот тут, думаю, может быть придется даже отказаться от существующего профиля.

А+С: Все равно невозможно понять смысл этих высоких тротуаров, очень неудобно...

С. Ц.: Поднятие тротуара связано с историческим профилем улицы. Каблуки точно ломаются. Ноги подворачиваются, у меня лично дважды. Потому что брусчатка на бортовых откосах тротуаров неровная, какие-то места поднялись или провалились, где-то выбоины, куски бетона, позже налитого. Высокий профиль был связан, прежде всего, с геологией. Выносом всего водой. Сделав нормальный профиль улицы с отводом воды, даже с какими-то реминисценциями историческими, можно более эффективно решить вопрос презентации художественных работ. С институтом Гёте и фондом Соколовского мы проводили конкурс по созданию общественных пространств на Андреевском спуске. Чтобы там, где это возможно, создать площадки для выступлений самодельных актеров, чтобы люди могли там отдыхать и общаться. Если мы обустроим такие места для туристов и горожан, Андреевский заживет более полнокровной жизнью. Например, художники сегодня ютятся на спуске, как ласточки на склонах реки, на клифе, мольберты ставят косо-криво, лишь бы между камушками и уклонами как-то усесться. Всё это настолько “умильно”. А если сделать нормальные субстраты, турист, не толкаясь и не ломая ноги, сможет с ними познакомиться.

А+С: То есть вы поддерживаете художественно-артистический характер Андреевского спуска?

С. Ц.: Абсолютно. Его надо не только поддерживать — развивать! В это надо вкладывать средства, невзирая на то, что городской бюджет сильно ограничен. Городская власть все-таки нашла бюджетные деньги, чтобы выполнить проект и работы с коммуникациями и дорожным покрытием. Тем не менее, сюда следует привлечь средства, например, паевых взносов, которые так или иначе дисперсно идут на весь город.

На одном из совещаний, посвященных перспективе развития Андреевского спуска, я предложил А. П. Попову эксперимент:

Перекресток Андреевского спуска и Боричева тока (фото: Дмитрий ВОРОНОВ, 1986)

Панорама с Замковой горы на Киевский гетинец (фото: Дмитрий ВОРОНОВ, 1981)

Праздник на Андреевском спуске (фото: Дмитрий ВОРОНОВ, апрель 1984)

средства, которые должны уйти как паевой взнос на развитие социально-инженерной инфраструктуры города, частично брать с застройщиков заранее, чтобы они могли быть использованы на благоустройство Андреевского спуска. Идея была подержана. По-моему, “Эста-холдинг” готов выделить средства для работ по всему Андреевскому, а не только “вокруг себя”.

А+С: Нужен ли при реконструкции Андреевского избирательный ретро-подход, старина во что бы то ни стало?

С. Ц.: Если мы реконструируем участок среды города XIX века (здания, которые сегодня сохранились на Андреевском — почти исключительно XIX век), то смешно делать мостовую XI века. Поэтому можно вернуться к нормальным профилям начала XX века. Фонари великолепные, их не надо менять. А если сделать газовыми, это было бы просто шикарно. Но по средствам — симитировать газовый свет цветом лампы.

А+С: Тротуар, по-видимому, вообще может быть, как на нью-йоркской набережной, современным. В данном отношении “модерность” каких-то услуг и вещей подчеркивает реальные фасады, природу и весь этот фантастический рельеф...

С. Ц.: Конечно. Более того, я считаю, что львиную долю средств надо обратить на реставрацию фасадов, но не так, как у нас привыкли — помазывать. А уделить внимание деталям, ставням, например. Как в любом западном городе. Ставни в Барселоне или во Франции почему-то ровные, аккуратные, покрашены и закрываются без щелей. А в открытом состоянии — из фасада выступает держатель, который красиво держит ставню...

А+С: У них это, скорее, “жалюзи” и длинная средиземноморская история.

С. Ц.: Жалюзи, они же и ставни. Например, дом Гауди в парке Гюэль, там и ставни, и жалюзи в полный рост присутствуют. Так вот, внимание к деталям, это первое, что надо на Андреевском делать. К сожалению, даже то малое историческое, что осталось, мы не в состоянии сохранить. Кирпичная киевская архитектура ведь проигрывает лондонской кирпичной архитектуре сразу, априори, на месте.

А+С: Почему? XIX века — нет, то, что из желтого кирпича...

С. Ц.: Из желтого сделано и покрашено потом в любой цвет.

А+С: Покрашено не понятно, зачем. Это наша культура.

С. Ц.: Я об этой культуре и говорю, она изначально проигрывает. В Лондоне из красного и черного кирпича сложили здание — оно по сей день стоит. Нигде не вывалилось, не выщербилось, не отвалилось.

А+С: Английский кирпич очень крепкий, похож на дореволюционный киевский. Наши Присутственные места, например из такого сложены.

С. Ц.: Не будем спорить. Нас рассудит любой зритель. Кирпич это превосходный строительный материал, как несущий, так и отделочный. Но у нас, из-за того, что гнали, вспомни метод киевских подрядчиков после 1875 года, когда построили Лозовую ветку и в Киев хлынул капитал, вот тогда только и начал Киев развиваться. Последняя четверть XIX — начало XX века, прекрасные экземпляры киевского модерна, это да, не спорю. Но мы об Андреевском. Уделить внимание фасадам, расчистить их, да кое-где, если возможно, сохранить кладочку. Уделить большое внимание деталям. Убрать любого вида современную рекламу с Андреевского спуска, оставив только в витринах первых этажей за стеклом.

А+С: Коллизия между рыночной экономикой, тем, что делала

“молодая команда”, и интересами горожан. Например, галерея “Триптих” ушла со спуска. Процесс выдавливания художников и прочих культурных функций все-таки происходит или он уже произошел?

С. Ц.: По-моему, уже не происходит. Но это не архитектурные вопросы. Тем не менее как гражданин в данном случае я считаю, должна быть составлена культурологическая программа, принятая на уровне, если не Кабмина, то хотя бы Городского совета, о сохранении духа Андреевского спуска. И тогда всех владельцев, которые есть, приглашать на переговоры.

А+С: А есть такие инструменты?

С. Ц.: Их надо создавать. Это называется преференция. Ну, например, есть пять собственников помещений первых этажей или зданий. Мы спрашиваем: что вы хотите здесь сделать? Ответ: публичный дом. Тогда мы говорим: не надо, давайте, мы вам дадим преференцию, будут меньше налоги и прочее, но вы посмотрите нашу программу и выберите что-нибудь. А в программе написано, например, историческая аптека. Только так, языком преференций. Нельзя всех только прижимать к ногтю, иначе получим полностью разрушенный Андреевский спуск, когда никто не будет там ничем заниматься. Собственники будут ждать, пока это всё не завалится, чтобы потом сказать: ну, что, доигрались, а теперь буду здесь строить то, что я хочу.

А+С: Что можно сказать об Андреевском спуске как некоем комплексе, лабиринте? На “захараченных” холмах вокруг спуска по идее должно быть нечто вроде Никитского ботанического сада, и по статусу, и по положению в центре города...

С. Ц.: Здесь правильное слово “шовная зона”, то есть связующая нить, ожерелье. Андреевский спуск как раз и позволяет всё это соединить и быть камертоном для развития близлежащих участков городской среды. Что для этого нужно делать? Как хочешь, назови, противным словом “дирекция”, но какое-то управление развитием Андреевского спуска необходимо.

А+С: Так есть ведь уже заповедник “Древний Киев”!

С. Ц.: Ну, что “Древний Киев”? Я не хочу критиковать людей, которые в нем работают. До сих пор кроме как превращения администрации этого органа в клерков, хранителей печати и подписи, ничего не делается. А я говорю о живом организме, который должен радеть, бегать, предлагать, выискивать. Дать им право основной деятельности, чтобы они могли зарабатывать на том, что делают. Тогда у них появится интерес. Есть города, например, Эдинбург, в которых город делегирует права какой-то компании, чтобы она в интересах города развивала тот или иной участок среды. И великолепно всё делается. Почему мы все время наступаем на огни и те же грабли? Создаем какие-то структуры, мертворожденные изначально, называем их государственными, заповедными... а они не работают.

А+С: Есть законодательство и права собственности. Как их побороть?

С. Ц.: Эти законы надо понять. Они есть, их некому выполнять. Нет тех структур, которые заинтересованы их выполнять. Ведь собственники, которые не являются участниками этих “заповедников”, а просто люди с интересом, они не знают, что им там делать. Придите к ним, заключите договора. То, что не запрещено законом, пусть делают под вашим руководством, под программу. Создайте эти программы. И не в программе суть, а в последовательных шагах, которые вы должны делать. Мы понимаем, что сегодня начнем красить фасады, а завтра

ковырять покрытие, чтобы починить утечку из канализации, поэтому надо последовательность работ хотя бы выставить, чтобы завтра к ним не возвращаться.

А+С: В контексте этих рассуждений, может ли “Андреевский Плаза” выступить в некотором роде локомотивом процесса обновления? Почему-то не хочется употреблять слова — “ре-конструкции”, “реновации”, “ревалоризации”...

С. Ц.: Почему? “Ревалоризация” достаточно точный термин.

А+С: По-моему, на Андреевском спуске сегодня наиболее уместно понятие “модернизация”?

С. Ц.: А мне кажется — “приведение в порядок”. Всегда, везде какая-то идея, сверхзадача должна быть. Ее нужно правильно поставить. Сверхзадача в отношении Андреевского спуска: сохранить дух места. Он сегодня есть? Есть. В чем он заключается? В том,

Евгений ЛИШАНСКИЙ,
архитектор-градостроитель,
гендиректор института “Міськцивільпроект”

А+С: Евгений Ефимович, почему Андреевский спуск нерядовое явление в Киеве?

Евгений ЛИШАНСКИЙ: Потому что эта улица представляет собой нечто уникальное. Потому что сегодня аналогичных ей в Киеве просто нет. Андреевский спуск сохранился почти в том же виде, что имел в середине XIX — начале XX веков. Другие места того же периода застройки сегодня все разрушены.

Для меня Андреевский спуск представляет интерес не столько как историческая застройка, сколько городская планировочная структура — трасса. Как свидетельствует летопись, именно здесь проходил путь, по которому в княжеские времена послы от притыки по Боричеву току шли вверх к двору княгини Ольги. И в этом основная ценность улицы.

А+С: Многие утверждают, что Андреевский спуск стал “киевским Монмартром” и именно поэтому заслуживает особого отношения?

Е. Л.: Лет 30–35 назад это была ужасная зачуханная улица, которой по идее А. Милецкого придали определенный вид, сделали косметический ремонт (насколько хороший — можно спорить) и отвели определенную функцию. Поскольку это единственная связь между Нижним городом и сердцем Верхнего города, улица стала популярным туристическим маршрутом и обросла соответствующей инфраструктурой. И только потом появились продавцы сувениров, художники и прочие. Но сегодня Андреевский спуск вряд ли может оставаться в современном статусе. Кто заплатит за то, чтобы сохранить улицу в теперешнем виде? Содержание объектов в копеечном режиме приводит к разрухе и запустению, и мы в этом уже убедились. Нужны большие средства для реконструкции, и в целом коммерческие площади в таком месте стоят очень дорого. Кстати говоря, по этой же причине на французском Монмартре сегодня нет художников — они там были, пока Монмартр был бедным.

А+С: Как вы относитесь к вероятности новой застройки Андреевского и как оцениваете движение, цель которого ни под каким предлогом “не пущать” сюда застройщиков?

что это место привлекает туристов. Почему? Потому что там художники, потому что там “искусства и ремесла”, потому что там можно “фли-маркет” какой-нибудь создать. Если это является привлекающим, значит давайте подумаем, как им там сосуществовать. Одной из приоритетных задач в стратегии развития Киева является туризм. А когда мы говорим о туризме, это не значит, что нужно пригнать сюда побольше туристических автобусов и побольше продать мороженого. Это значит дать возможность туристам что-то новое увидеть и где-то оставить деньги. Когда ставится задача: развитие туристической функции, за этим кроются гораздо более глубокие и широкие аспекты деятельности — создание среды. Не хотите это называть “ревалоризация”, тогда пусть будет “приведение в нормальный здравый смысл”.

Е. Л.: Если обратиться к истории, оказывается, что большинство центральных киевских улиц сформировалось в середине и конце XIX века. А в начале того же XIX века в Киеве было всего 49 каменных домов и столько же церквей. С тех пор не осталось почти ничего. Процесс смены старого и нового — естественный процесс. И вся прелесть Киева в том, что дорический стиль здесь соседствует с коринфским, переплетается с ионическим, готикой, модерном, и все это спокойно сосуществует. Именно это разнообразие греет нам душу и, не будь этого, Киев не был бы по-своему самобытен и уникален. Поэтому я совершенно спокойно отношусь к тому, что на Андреевском спуске появится нечто такое, что будет продолжать эту традицию.

Другое дело, что новое должно быть сделано деликатно, не вырывать по тектонике, членению пространства, глухих и остекленных плоскостей. По архитектуре это может быть все что угодно — главное, чтобы это было выполнено из качественных дорогих материалов и не вырывалось по высоте из общего контекста. А будет оно деревянное или каменное, стеклянное или металлическое — не важно. Именно так строятся “сити” — Лондон, Париж, Рим.

Кстати, старый Париж весь застроен новыми домами, но только во дворах, с главных фасадов этого не видно. Аналогичным образом можно застраивать и Андреевский спуск, и прилегающие к нему территории, в том числе участок, где было фабрика “Юность”.

А+С: По слухам, на Андреевском планируют построить семь гостиниц. Какие по функции объекты здесь могут быть?

Е. Л.: На Андреевском спуске не должно быть жилья и торговых центров. Городская администрация должна ввести систему сервитутов по функциональному наполнению. Однозначно первые этажи зданий должны быть отданы под общественную функцию: сувенирные лавки, музей, кафе. Также вполне возможны бутиковые гостиницы. Словом, здесь уместны все объекты, функция которых предназначена для фланирующих киевлян, проведения городских праздников и для обслуживания туристов.

**МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
ВРЕМЕННЫЙ
ЦЕНТР ДЛЯ МАССОВЫХ
ПРАЗДНИКОВ
Киев, Андреевский спуск**

архитекторы:
Александр БЫЛЬЧИНСКИЙ,
Татьяна ВЛАСОВА,
Андрей МОРОЗ
конкурсный проект:
в рамках Международного
Биеннале архитектуры
в Софии “Интерарх–87”

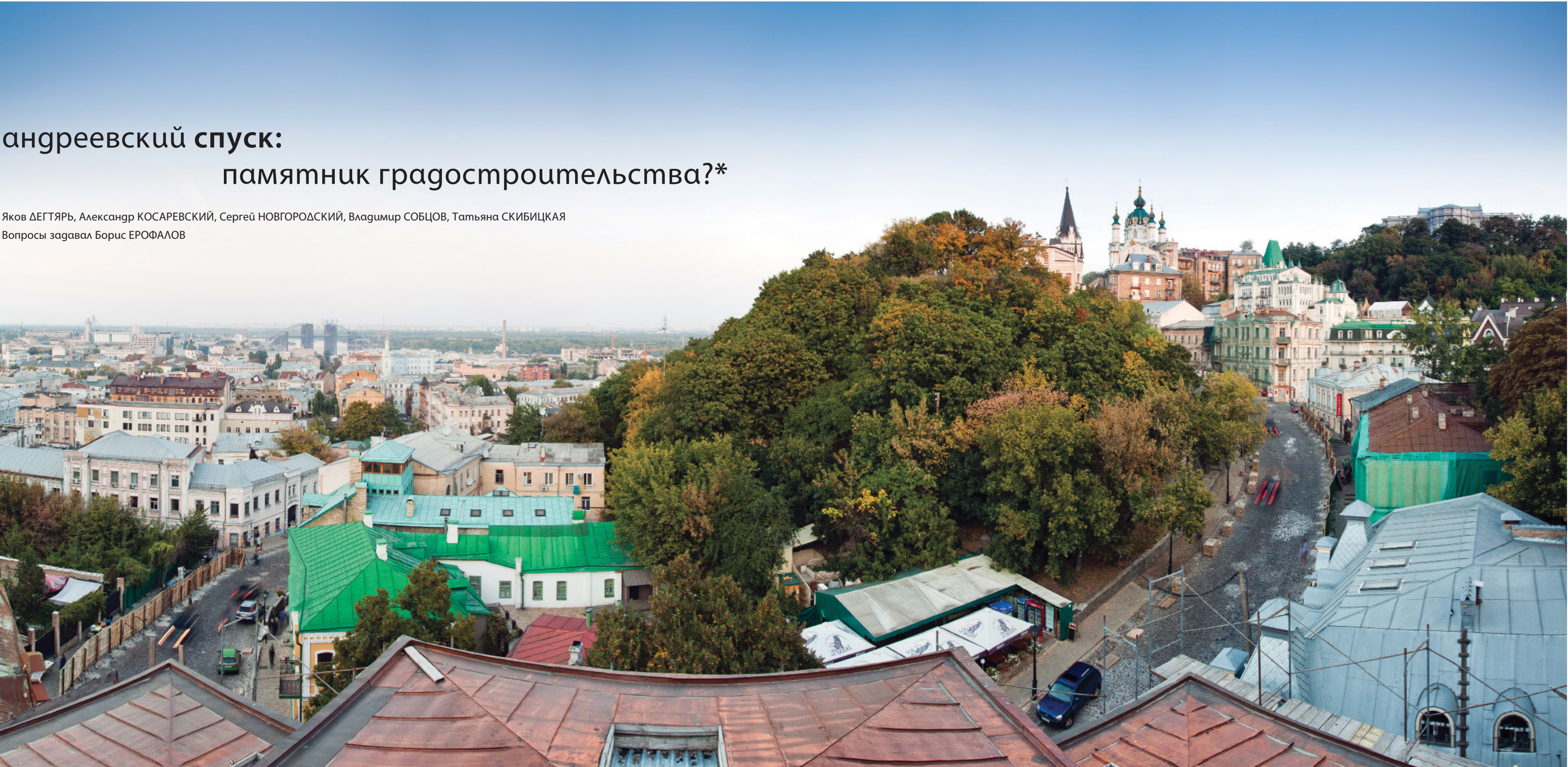
юма–2000

По идее авторов многоступенчатая подготовка события должна сплотить горожан. Оргкомитет избранных отбирает наиболее интересные идеи. Каждый киевлянин — участник социального почина. Кульминация — подписание горожанами Новогоднего послания Деду Морозу. Социальные принципы: город — наш общий дом; от малыша до старика — зрители и актеры; традиции и чудеса техники; сопоставление образов старого города и очагов последних достижений культуры.

ангреевский спуск: памятник градостроительства?*

Яков ДЕГТЯРЬ, Александр КОСАРЕВСКИЙ, Сергей НОВГОРОДСКИЙ, Владимир СОБЦОВ, Татьяна СКИБИЦКАЯ
Вопросы задавал Борис ЕРОФАЛОВ

* О ситуации со взятием Андриевского спуска на учет в Государственный реестр в качестве памятника градостроительства см. на стр. 136

Яков ДЕГТЯРЬ, начальник Главного управления
по охране культурного наследия при КМДА

А+С: Какое значение имеет Андриевский спуск для Киева?

Яков ДЕГТЯРЬ: Еще со времен стародавнего Киева, а я считаю, он был основан как минимум лет на пятьсот раньше официальной даты, Андриевский спуск является транспортной артерией, которая связывает нижний и верхний город. В старину по нему двигались конные повозки, и здесь были места, где можно было подковать кобылу, переночевать, перекусить, словом, имела необходимая инфраструктура. Как и весь город в целом,

Андриевский спуск жил и развивался в соответствии с требованиями времени, но, по сути, сохранил свое значение. Спуск находится в окружении исторических гор, он очень живописен сам по себе, даже без учета строений, которые там находятся и, безусловно, является ценнейшей достопримечательностью. Сегодня улица приобрела функцию популярного туристического маршрута, что повлекло за собой появление здесь соответствующих объектов инфраструктуры.

А+С: Как вы относитесь к идее реконструкции спуска?

Я. Д.: Беда последних ста лет это коммуникации. С одной стороны, это благо для людей, но с другой, беда для гидрологии, поскольку земельные участки, которые ранее имели только поверхностный контакт с влагой, насыщаются небывалым количеством техногенной водой. Кроме того, образующиеся во время дождя большие потоки воды способствуют вымыванию брусчатки. Здесь нужно делать современные эффективные

инженерные коммуникации, ливнеприемники необходимой мощности и пр. Проект уже готов, и в сентябре запланировано начало реконструкцию.

А+С: Очевидно, что заменой коммуникаций и пешеходного покрытия дело не закончится. Не секрет, что есть немало желающих построить на Андриевском свой объект.

Я. Д.: Несмотря на то, что я реставратор с большим стажем, считаю, что воссоздание спуска в прежнем виде не актуально —

требуется именно реконструкция. Мало того, я отношусь положительно к возможности нового строительства здесь. Ведь если бы спуск был законсервирован на начало XX века, здесь не появился бы “Замок Ричарда” или прекрасное современное здание под номером 3, да и другие, которые сегодня являются украшением улицы. Разумеется, нужно постараться сберечь старинные строения, но если какое-то здание утрачено, почему бы там не построить новое, соответствующего масштаба.

А+С: Не утихают споры по поводу “оккупации” этого места художниками. Не изменится ли после реконструкции нынешняя функция спуска?

Я. Д.: То, что там произошло активное заселение художников, и спуск стал первой художественной улицей — украинским Монмартром, совсем неплохо. И это изменить уже невозможно. Иначе спуск теряет свое современное значение. Спуск является составной частью основного туристического маршрута Киева, поскольку расположен между ключевыми историческими объектами. На пути от Св. Софии на Подол туристам необходимо где-то передохнуть, развлечься. Поэтому здесь, на Андреевском, необходимы галереи, магазины, кафе.

А+С: Будут ли приведены в порядок тротуары, построенные к 1500-летию юбилею города, с перепадом бордюров в 80 см, которыми сегодня пользоваться невозможно?

Я. Д.: К сожалению, на сегодняшний день я не видел проекта реконструкции, но надеюсь, что там будет учтено все, чтобы пешеходам было удобно гулять по спуску, не ломая ноги даже в темное время суток.

А+С: Есть разные мнения по поводу стиля застройки Андреевского спуска. В частности, Юрий Лосицкий считает, что если строить “под старину”, то это уместно именно здесь.

Я. Д.: Признаюсь, мне не хотелось бы видеть здесь подделки под XVIII век. К тому же Венецианская конвенция запрещает делать архитектурные подделки под стиль. Проект возрождения Андреевского спуска не должен делать один человек. Я считаю, что в первую очередь нужно четко определить линию застройки. Лучше бы было, если бы проект вообще не имел графической части, а включал лишь зонирование — обозначил участки по функции и объему объектов. Каждый заказчик объекта должен сам определиться со стилем, выбрать визуальный образ в соот-

ветствии с заданным масштабом и функцией. Тогда старые здания по-новому заиграют рядом с современной застройкой. Это позволит стать улице яркой и неповторимой. Аналогичная задумка была и при создании проекта возрождения урочища Гончары-Кожемяки.

А+С: Насколько удачно она реализована? И можно ли отстроенное ныне урочище, в котором даже приобретая жилье, люди не живут, считать примером для подражания?

Я. Д.: Изначально это была очень хорошая идея. Я был руководителем этого проекта до 2003 года, но потом потерял контроль над ним. Мне кажется, масштаб строительства там немного завышен, не очень нравится обилие башенок, опять же подражание XIX веку. Но есть и удачные здания. К тому же, чтобы увидеть красивую архитектуру, рядом должна быть разная. И не живут там только потому, что рядом продолжается строительство, а жить на строительной площадке некомфортно.

А+С: Сегодня в адрес Андреевского со стороны киевлян больше нареканий, чем позитива. Он стал чужим для горожан. Как исправить ситуацию?

Я. Д.: Думаю, киевлян раздражает “захараченность” улицы, беспорядочное расположение прилавков и выносных витрин-этажерок, которые загромождают все пространство улицы. Горожанам гулять там некомфортно, а туристам деваться некуда. Думаю, всю торговлю необходимо убрать с улицы и обустроить в помещениях на первых этажах зданий, продумать, как оформить и преподнести исторические “изюминки”. Нужно всё привести в порядок и сделать красиво. А красоту, думаю, поймут все, в том числе и “громадскость”.

А+С: По сути, на сегодняшний день концепцией реконструкции Андреевского спуска называют проект реконструкции коммуникаций и пешеходной части. Планируется ли продолжение проектных работ, быть может, на условиях конкурса?

Я. Д.: Сегодня заказчиком проекта выступает Подольская администрация. Далее работа над проектом будет продолжена, в каком направлении — пока сказать не могу. Сделать, как призывают некоторые, как было сто лет назад, невозможно, да и ненужно. Я бы даже сказал, что нужен проект модернизации Андреевского спуска, чтобы в итоге улица стала современной — современной и удобной именно для современного человека.

Александр КОСАРЕВСКИЙ, замдиректора КНМЦ (Киевский научно-методический центр по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и заповедных территорий)

А+С: Александр Иванович, по вашему мнению, Андреевский спуск достоин повышенного внимания как памятник истории и заповедная территория?

Александр КОСАРЕВСКИЙ: Я по профессии ландшафтник и градостроитель, поэтому я изначально, когда еще на Подоле ничего не застраивали, предлагал на территории урочища Гончары-Кожемяки, включая Вознесенский спуск, создать Санта Терру или Евролэнд, где должна была быть представлена вся история Киевской Руси. При этом я вспоминаю незлым тихим словом покойного Авраама Моисеевича Милецкого и ныне здравствующего Петра Толочко, которые в свое время сказали, что здесь будет музей археологии, и написали книгу, где представили известную концепцию. Их многие поддерживали, пока застройщики в урочище Гончары-Кожемяки не решили заработать “трохи генер” и соорудили то, что соорудили.

А+С: Какая роль отведена Андреевскому спуску?

А. К.: Многострадальность Андреевского спуска в сущностном признаке. Мы должны разделить его на отдельные зоны и определить сущностные признаки каждой. Подчеркиваю, именно сущностные — это есть сущность системного подхода, который выделяет этот спуск, как некую семантическую единицу в контексте понимания исторической сущности города Киева. Мы должны выбрать, с чем у нас ассоциируется Андреевский спуск.

А+С: Как бы вы ответили на этот вопрос?

А. К.: Это контекст — выражение определенного урочища, а в урочище есть фации, а само урочище является составной частью местности.

И мы должны определиться, с чем мы имеем дело! Что есть Андреевский спуск! Фация, урочище или местность...

А+С: Александр Иванович, пожалуйста, ближе к сегодняшним проблемам Андреевского спуска: что же в первую очередь нужно на нем изменить?

А. К.: А вот, что в первую очередь является лицом Андреевского спуска?

А+С: Как раз это я и хочу от вас услышать.

А. К.: Нет, это я вам задаю этот вопрос. Вы хотите, чтобы я вам все рассказал, что является лицом Андреевского спуска?

А+С: Конечно, ведь это интервью с вами...

А. К.: И что же является его лицом?

А+С: Да?

А. К.: Я внедряюсь в ваши извилины и пытаюсь вам подсказать решение, которое вы сами должны принять и сказать об этом. А я только, как Анна Ахматова, немного голову поверну, улыбнусь и вдруг вспомню, что еще не гостила кое-кому портянки... Это, кстати, помогало ей выживать и спасать сына... Спасибо меня научили этим приемам методологи... Прокуратура предпочитает со мной не общаться... Пока они поднимаются на следующий этаж, уже ничего не понимают, что я им тут объяснил...

А+С: Спасибо, я оценил ваш стиль беседы. И все же, в чем памятникоохранная проблема комплекса Андреевский спуск?

А. К.: Хорошо, я вам отвечу. Мой подход я опубликовал в своей диссертации, которая не защищена, но все разделы опубликованы. Я их публиковал вплоть до защиты дочери, чтобы сохранить преемственность. Единственно, я не опубликовал последний раздел, в котором расшифровывается спецификация пейзажей и особенности их формирования. К семиотике я не переходил, поскольку должен был от папы передать пейзажные принципы, которые я отрабатывал с Семёном Михайловичем Кожевым...

А+С: Вы все-таки отвлекаетесь...

А. К.: Андреевский спуск является частью градостроительного образования в виде некой улицы. И когда мы рассматриваем его в этой номинации, понимаем, что к Андреевскому спуску применимо понятие проекта застройки. Когда мы рассматриваем Генеральный план, мы путаем понятие схемы размещения

* Графические материалы подготовлены сотрудниками Управления по охране культурного наследия при КМДА

и Киевского научно-методического центра по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и заповедных территорий в 2009 году для предоставления статуса “комплексного памятника градостроительства, внесенного в Государственный реестр недвижимых памятников Украины”

Развёртка по чётной сторне Андреевского спуска (верхняя часть)

Архитектурно-градостроительный опорный план Государственного историко-архитектурного заповедника “Древний Киев”

объекта строительства с генпланом города, генплан детального планирования территории с генпланом детальной застройки, который на сегодняшний день отменен законодательством. Раньше еще были генпланы красных линий и генплан распределения территорий. Все они почил в Бозе. Сегодня у нас есть только схемы детальных планировок на уровне районов, Генеральный план города, план зонирования, правда, в испорченном виде и пр.

А+С: Какое влияние на судьбу Андреевского спуска оказывает историко-архитектурный опорный план города?

А. К.: На сегодня это тот документ, который зафиксировал исторические ареалы Киева.

А+С: И как это влияет на регулирование застройки, инноваций, охраны объектов?

А. К.: Влияет. В 8-м пункте постановления Кабмина о порядке организации исторического ареала и режиме его использования написано, что проектированию в зоне ареала должно предшествовать историко-градостроительное обоснование. А в следующем пункте значится, что результатом этого обоснования должен быть историко-архитектурный опорный план города. Ну, здесь есть свой абсурд, но Господь простит, тем более, что в Законе о градостроительном регулировании написано, что историко-архитектурный опорный план должен разрабатываться в границах исторических ареалов. На это

наш доблестный Минрегионбуд, не признавая, что в Законе некорректно написано, выпустил приказ с разъяснением по разработке историко-архитектурных планов. Что касается историко-градостроительных опорных планов, никаких инструкций нет. Таким образом, историко-градостроительный опорный план в законодательстве не присутствует, зато он присутствует в некоем другом нормативно-правовом документе под названием ДБН о порядке разработки Генеральных планов. Но для того, чтобы не было возможных сомнений в правомочности и возможности решать ситуации, компромиссным вариантом принята другая программа...

А+С: Прошу простить, что перебиваю. При разработке и обосновании различных проектов застройки на Андреевском спуске используется ли существующий историко-градостроительный опорный план Киева?

А. К.: Обычно он используется уже после разработки проектов.

А+С: А как в принципе историко-градостроительный опорный план может использоваться инвесторами и застройщиками, если, как утверждают ваши коллеги, он вообще нигде не опубликован?

А. К.: Историко-градостроительный план Киева является частью Правил застройки Киева. И, согласно с Законом о публичной информации, каждый может обратиться в Управление архитектуры или другой орган, где есть Правила застройки, и попросить его с документом ознакомиться.

А+С: Ну и как, знакомят?

А. К.: А это уже не ко мне вопрос.

А+С: Какое место в историко-градостроительном опорном плане занимает Андреевский спуск?

А. К.: Никакого. Он там обозначен как территория заповедника.

А+С: И что из этого следует?

А. К.: Ну, не то, что вы думаете — тут опять все непросто. Новое законодательство решило реанимировать понятие заповедной территории. Но при этом желательно не путать понятие “историко-культурный заповедник” с “историко-культурной территорией”.

А+С: Как же классифицировать Андреевский спуск и как с ним нужно работать? Сегодня главой Подольской администрации является заслуженный человек, в прошлом столяр-бетонщик, который является заказчиком проекта реконструкции Андреевского спуска. Под его опекой находятся еще несколько ценнейших архитектурных памятников мирового уровня. Как же ему разобраться в перечисленных вами многочисленных нестыковках?

А. К.: В этом особенность нашего законодательства.

Есть хорошая байка: известный прокурор, профессор на юридическом факультете, дает задание студентам на следующее занятие подготовить реферат о том, каковы будут действия в соответствии с данной статьей Кодекса. Студенты написали. Профессор быстро посмотрел и говорит:

— Ну что... всем двойки!

Студенты возмутились:

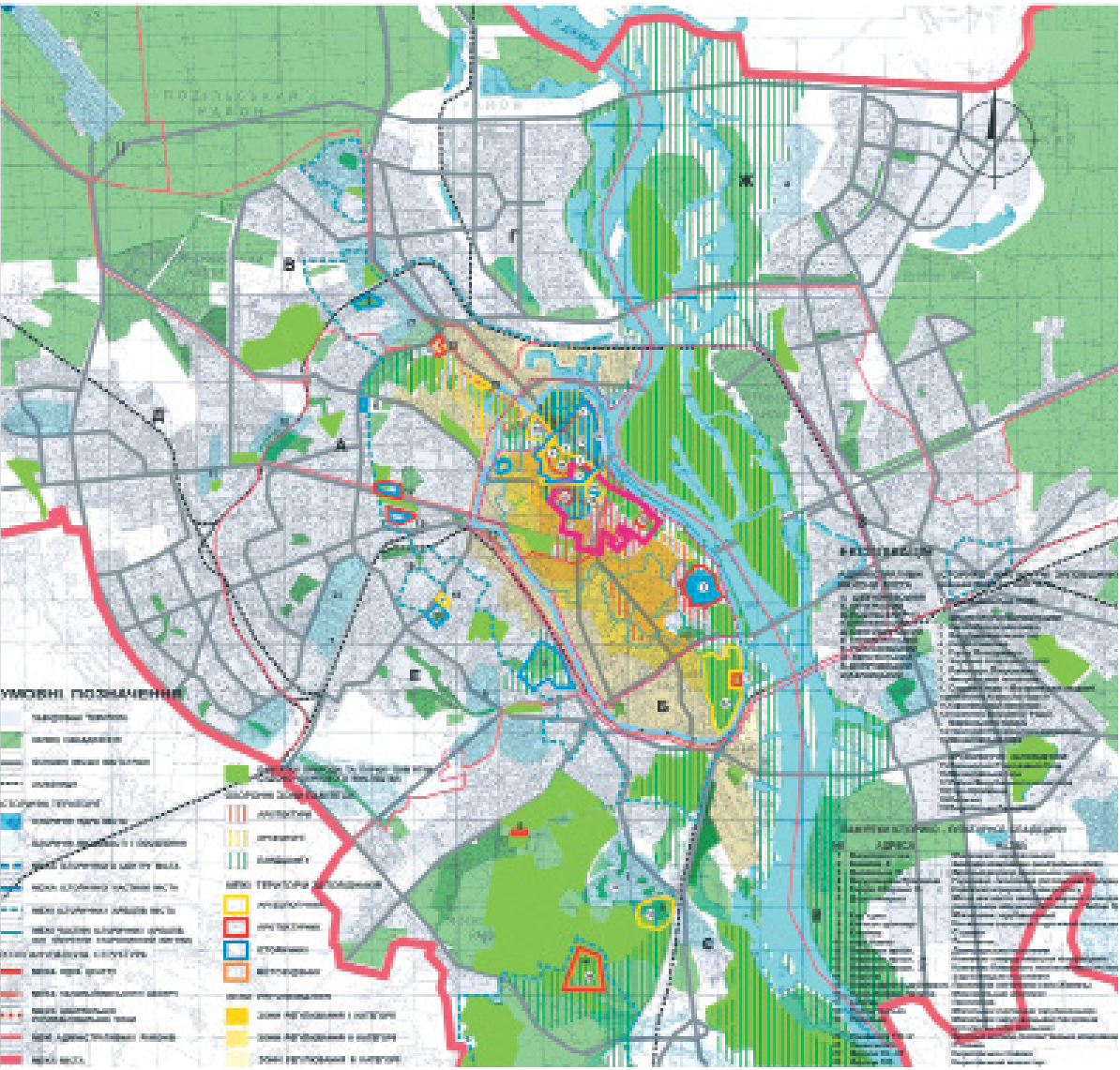
— Как же так, мы же все правильно написали!

— Вы правильно написали в соответствии со статьей 37-й, а посмотрите 54-ю.

Посмотрели:

— Так там же противоположное написано?

— Правильно, судьи тоже кушать хотят...

Историко-градостроительный опорный план Киева

Сергей НОВГОРОДСКИЙ, заместитель начальника ГУ по охране культурного наследия при КМДА

А+С: Сергей Александрович, вы наверняка помните время, когда Андреевский спуск ассоциировался с праздником и был значимым культурным событием в масштабе всей Украины. Какое ощущение он вызывает у вас сегодня?

Сергей НОВГОРОДСКИЙ: Как для архитектора, сегодня для меня это одна из самых болевых точек. Здесь много проблем, начиная от невозможности прохода из-за беспорядочной нелепой торговли, неухоженности фасадов и заканчивая разрушением знаковых объектов, таких как “Замок Ричарда”, который уже двадцать лет пустует. В отношении этого объекта нужно бить тревогу: если здание не эксплуатируется, оно неизбежно приходит в упадок. То же можно сказать и о других здешних памятниках истории и архитектуры, находящихся в аварийном состоянии. После окончания КГХИ в 1982 году я начинал помощником районного архитектора. Затем получил приглашение в Севастополь на должность главного художника города. Позже занимался практической работой, проектированием коттеджей, в том числе в стиле историзма. Когда я три года назад вернулся в Киев, обнаружил другой город. Появилось негативное ощущение, что за двадцать лет моего отсутствия Киев многое утратил с точки зрения духовности.

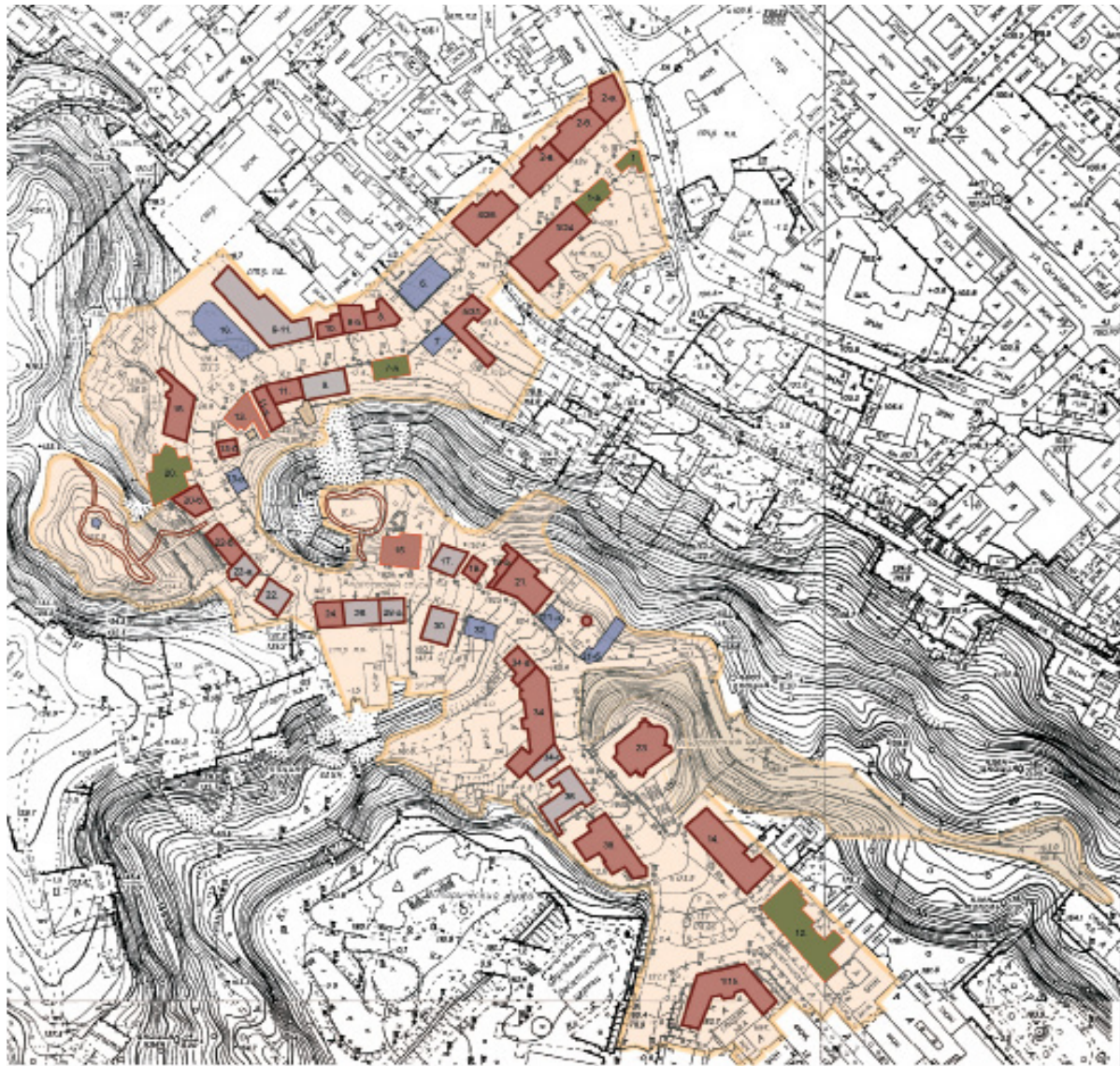
А+С: А как же построенные церкви, в частности, возрожденный Михайловский монастырь?

С. Н.: Строительство церквей — это социальная составляющая и в последние годы повсеместное явление, в том числе и в Севастополе. Но это не те знаковые объекты, которые свидетельствуют о подлинной духовности общества. Гораздо важнее отношение к подлинным памятникам истории и культуры.

А+С: Одним из которых и является Андреевский спуск?

С. Н.: Конечно. Это один из символов Киева, такой же как Киево-Печерская Лавра, София, Михайловский. Ровно полтора года назад наше управление инициировало погачу Андреевского спуска, как градостроительного образования, на рассмотрение Минкультуры с тем, чтобы внести этот объект в реестр памятников. Была проведена инвентаризация объектов, сделана планировочная часть, но работа приостановилась.

По инициативе Подольской администрации в 2009 году предпринята попытка приблизиться к ремонтно-реставрационным работам на Андреевском спуске, ул. Сагайдачного, Контрактовой площади. С 2009 года институтом “Укрпроектреставрация” по заказу Подольской администрации была

Предложения по реставрации и регенерации застройки Андреевского спуска

- Мемі основного напрямку реставраційних робіт.
- Планітти архітектури.
- Об'єкти, що не перебувають на обліку, але пам'ятні.
- Новобудова.
- Регенерація садів з відкритими.
- Підляють реставрації.
- Не підляють реставрації.

начата многоэтапная работа по созданию концепции, проекта реконструкции и приспособлению Андреевского спуска. Заканчивая проектированием отдельных объектов.

А+С: И что же помешало реализовать начинание?

С. Н.: Полумногого молчание Министерства культуры. За это время сменилась власть, сместился вектор приорите-

тов. Только в начале этого года концепция была впервые показана в Управлении архитектуры на консультационном совете в присутствии представителей общественности, депутатов и прессы. Но, к сожалению, работа не была принята. В ней не было собственно концепции — она тянула только на предварительные разработки, которые были сделаны на достаточно

высоком уровне, но не более того. По сути это были только предложения по ремонтно-инвентаризационным работам. Приоткрою вам некоторую завесу. На Андреевском спуске есть пустующие участки, на которые “положили глаз” некоторые инвесторы. По сути, они и явились инициаторами всей работы. Им нужны новые коммуникации, поскольку существующие расположены не очень удобно, к тому же они уже старые, ржавые. Сгнившие трубопроводы постоянно рвутся. Это и в интересах местной власти — Подольская административная желала бы иметь на своей территории бесппроблемный объект в плане коммуникаций. В проекте обозначались в основном локально конфигурация улицы и места подключения коммуникаций.

А+С: А что же исторические здания? В вашем проекте они обозначены как места регенерации.

С. Н.: О каждом из этих объектов можно рассказать отдельную историю, а по некоторым — даже легенду. Очевидно, не случайно, что за три года в Минкультуре так и не присвоили этим объектам статус памятника даже местного значения. Вероятно, на это есть причины, которые тормозят процесс — кому-то это нужно.

А+С: Вопросы собственности сегодня стоят за каждым объектом, где бы он ни находился. Это локальные проблемы. Но есть программы по охране памятников. Андреевский спуск соединяет Детинец с Подолом. Он имеет яркую историю. Это центровая звонкая точка, и она относительно невелика. Неужели невозможно сконцентрировать усилия и сделать так, чтобы спуск работал, как активная часть исторического центра? Почему этого не происходит?

С. Н.: Проблема в том, что в данном месте рассматриваются отдельные имущественные комплексы, отдельные здания. Если бы старинный взвоз на Старокиевскую гору был объявлен градостроительным памятником, с жестким регулированием и своей концепцией, это не пришлось бы обсуждать.

А+С: Так неужели некому прописать концепцию? Этот заказ должен исходить от собственников или от власти? Каково ваше видение будущего, ваши ожидания как гражданина, патриота, профессионала?

С. Н.: Я не могу быть пессимистом и с большой надеждой смотрю на то, как много неравнодушных людей сегодня объединяются. Вопрос реставрации Андреевского спуска остается открытым. Сейчас общество и власть не готовы к большему. Кроме того, считаю, что на данном этапе локальные работы, возможно, более приемлемы, чем генеральная перестройка. Подтверждение тому — урочище Гончары-Кожемяки, где все разрушили и уничтожили. И там возникло нечто третье, не имеющее отношение к истории. И не потому что не было других проектов. Но с финансовой точки зрения они были не столь доходными, а потому остались не реализованы.

Найти заказчика на социально значимый объект возможно только в богатом благополучном обществе. Для нынешней власти готовой к решительным действиям, гораздо важнее построить мост или транспортную развязку, нежели, к примеру, превратить Замковую гору в цивилизованный парк с дорожками. К сожалению, сегодня руки власть имущих дошли до Батурина, Арсенала и прочих исторических объектов, относящихся к времени казачества. А то, что было две тысячи и более лет назад, пока у нас мало кому интересно.

А+С: Владимир Михайлович, офис заповедника “Древний Киев” расположен на Андреевском спуске. Что сегодня здесь происходит, как чувствуют себя соседи-художники, чем вызван их массовый исход?

Владимир СОБЦОВ: Я родился в цивилизации “белых людей” в городе Потсдаме и с младенчества впитал в себя принципы ЮНЕСКО:

памятники, в том числе Киева, принадлежат человечеству и отвечать за них нужно перед человечеством. Но поскольку я являюсь членом Союза художников и Союза архитекторов Украины, буду говорить с позиции человека с мутированным сознанием. Как известно, Национальный союз художников Украины (НСХУ) это мутировавший орган, у которого сегодня не хватает средств для

Развертка по четной стороне Андреевского спуска (нижняя часть)

оплаты помещений, арендуемых под мастерские своих членов, что и повлекло за собой известный конфликт. Художественный фонд, который ранее имел свои средства и мог обеспечивать льготные условия членам Союза, ныне фактически упразднен. Впрочем, ситуация такова, что из 1400 членов Союза художников Киевской организации, реальных художников только половина. При этом на балансе у Союза достаточно своих помещений в гру- гих частях города, чтобы обеспечить мастерскими всех подлин- ных творцов. На Андреевском же спуске есть мастерские, распо- ложенные в помещениях, арендованных у города. Это имущество территориальной общины, отданное в управление Киевскому научно-методическому центру (КНМЦ), который в свою очередь и сдает их в аренду НСХУ. Как и ранее, Союз платит аренду, а с ху- дожников взимает лишь плату за коммунальные услуги.

А+С: И в чем же суть конфликта?

В. С.: Когда арендная плата была низкой, Союз без труда брал ее на себя. Сегодня ситуация изменилась. Кроме того, не все хотят признать, что помещения, расположенные в престижном исто- рическом месте, требуют особых условий содержания, а не только оплаты коммунальных услуг. В итоге помещения, кото- рые занимают художники, а сейчас это фактически только два–три дома, находятся в полуразрушенном состоянии. За тридцать лет аренды их обитатели палец о палец не ударили, чтобы привести их в порядок. Ведь очевидно, что если постоян- но подметать двор, в нем за десять лет не вырастет метровая куча спрессованного мусора. Если зайти в эти помещения, мож- но увидеть даже жилые интерьеры, оставшиеся с тех пор, как здесь был жилой фонд. При этом нынешние арендаторы продол- жают просить о помощи! Я считаю, что люди, которые получи- ли мастерские на Андреевском спуске, элементарно не выполня- ют свои гражданские обязанности. О помощи кричит тот, кто сам не хочет схватить соломинку, чтобы вставить в плот.

А+С: Тем не менее, можно ли представить Андреевский спуск без художников?

В. С.: Андреевский спуск стал символом благодаря художникам. Именно они и создали здесь оазис культуры. Выделенные поме- щения в виде галерей могли бы остаться связующим звеном между членами НСХУ и зрителями. Но для этого нужно прило- жить усилия. Сейчас со стороны НСХУ предпринимается очеред- ная попытка сохранить за собой оставшиеся здания, в том числе № 34. Но помимо арендной платы 120 тыс. грн в год, будет необходимо заказать и оплатить разработку проекта, приве- сти здание в порядок, за свой счет или найти спонсоров. Для этого нужна некая инициативная группа с правом ведения ком- мерческой деятельности, нужен менеджмент. Словом, нужна организация, в уставе которой будет указано “содействие творческой деятельности НСХУ и деятельности заповедника “Древний Киев”. НСХУ же не является коммерческой структурой, это не прибыльная организация, к тому же там не умеют рас- поряжаться деньгами, для этого нужно нанимать профессиона- лов, а это дорого...

А+С: Значит, такую инициативную группу нужно создавать, а остальные — на пленэр?

В. С.: Именно так, каждый должен заниматься своим делом. Но самые активные противники нововведений — балансовые ху- дожники, которые не работают как художники, но кричат боль- ше всех и организывают цветные навозные революции: рас- кидали навоз и исчезли, пить водку, а навоз за ними потом уби-

рать некому... Мы пытались найти вариант, чтобы дать воз- можность художникам существовать здесь комфортно. Не так давно нами с подачи Главного управления и совместно с Дирекцией художественных выставок была разработана кон- цепция. Она предлагала находящиеся в управлении КНМЦ здания отдать под художественный центр, в котором будут гости- ная, офсетная типография, пять-шесть пленэрных помещений, где художники бесплатно могли бы временно работать, к при- меру, накануне тематических фестивалей. Но дальше концеп- ции дело не пошло, и связано это с общей аморфностью отупев- шего общества, внутренней невозможностью к новшествам.

А+С: Как руководитель государственного заповедника, вы можете повлиять на ситуацию?

В. С.: Заповедник “Древний Киев” был создан в начале 1990-х. Как любой гругой музей, на основании Закона о музеях, помимо основ- ных выписанных функций, он мог бы вести коммерческую деятель- ность через структуры, не имеющие отношения к государствен- ному и городскому бюджету, в том числе реконструировать зда- ния. Однако Заповедник передан в оперативное управление КНМЦ и лишен статуса юридического лица. И все действия он может со- вершать только с благословения генерального директора КНМЦ. Как это ни парадоксально, Государственный заповедник фактичес- ки сведен к отделу КНМЦ. Фактически это лишь хозяйствующий субъект. Наши полномочия минимальны, мы можем разве что вы- звать милицию в случае, если кто-то разворачивает или разру- шает исторические постройки. А это бывает не редко.

А+С: Будучи представителем научной организации, как вы обозначаете статус и форму охраны Спуска?

В. С.: Наша научная деятельность сведена к мониторингу. Сегодня есть действия со стороны города — разработана кон- цепция реконструкции Андреевского спуска, хотя, по сути, речь идет о ремонте коммуникаций и дорожного покрытия. На ста- дии 70 % готовности к этой работе подключилось Управление по охране памятников и пришло к заключению, что изготовленный проект концепцией реконструкции улицы считать нельзя. Но определенная польза от него есть: материал был накоплен и проработан, что помогло определиться с первоочередными дей- ствиями и задачей, которую можно сформулировать для власть имущих. Это ремонт и замена инженерных сетей, приведение в порядок одежды улицы — пространства между домами и консер- вация фасадов. Авторы концепции также пытались показать пятна, где полузаконно собираются строить новые объекты. Их достаточное количество, чтобы уничтожить спуск.

А+С: Получается, что разработана концепция ремонта?

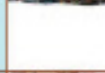
В. С.: Признаться, я ожидал увидеть хотя бы фирмы три, кото- рые на конкурсной основе предложили бы свои инженерные реше- ния. Ведь можно положить на Андреевском спуске трубу метро- вого диаметра, но войдет она на Подоле в трубу, диаметр ко- торой только 20 см, со всеми вытекающими последствиями. А можно применить новые технологии, скажем, вакуумный от- сос нечистот в космос. Но этого я не увидел.

А+С: Сегодня спуск не является предметом охраны, статус имеют лишь отдельные здания. Каковы перспективы градо- строительной и культурной единицы “Андреевский спуск”?

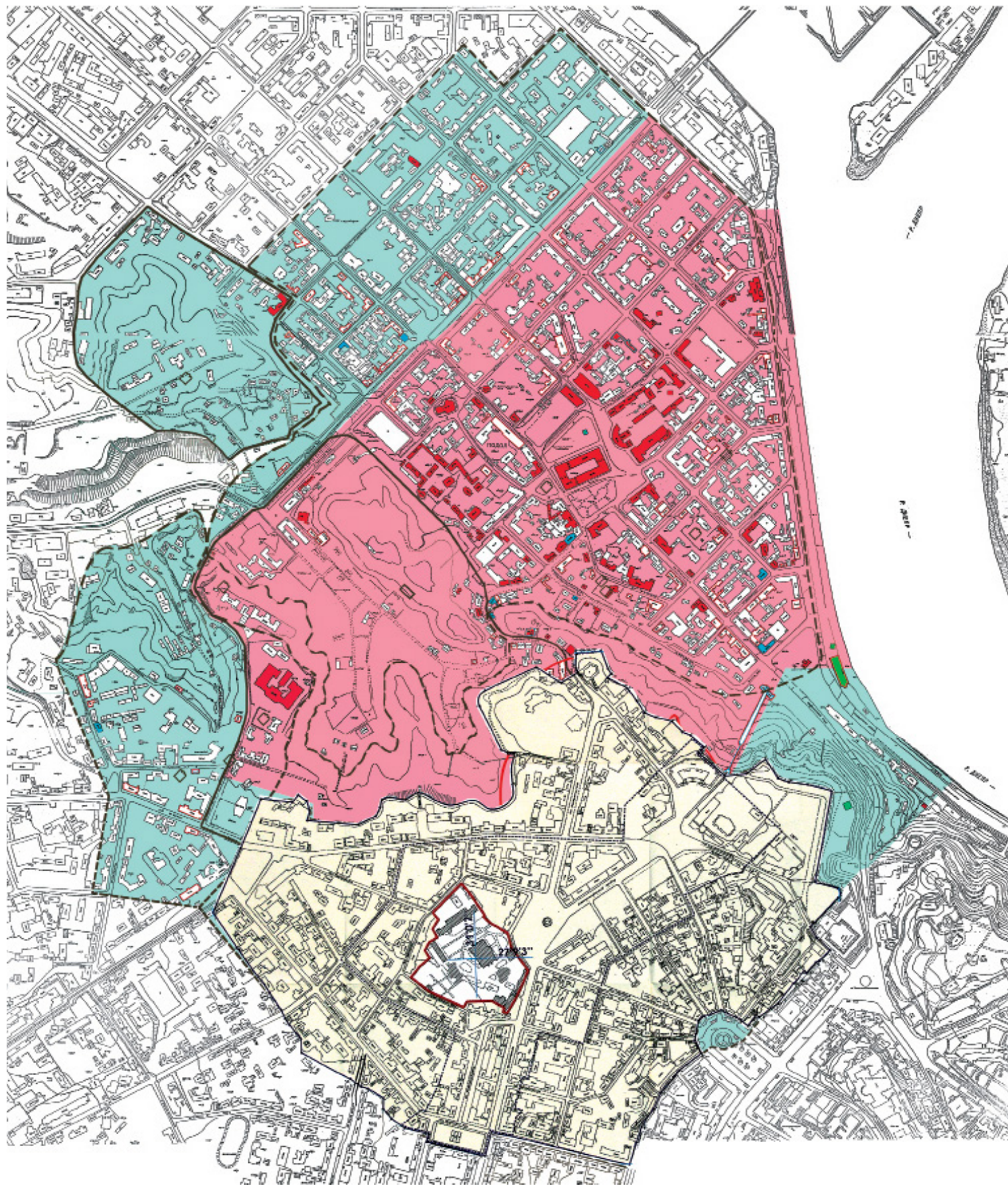
В. С.: На консультационном совете при обсуждении концепции был задан вопрос: нужен ли Андреевскому спуску отдельный ста- тус? И представитель проектировщика ответил следующее. Андреевский спуск входит в границы заповедника “Древний

№ будинку	Найменування	Вид робіт, що передбачено	Техніко-економічні показники			
			Площа будинку, кв.м	Вартість робіт, тис. грн	Напр. на будівлю, кв.м/год	Вартість, тис. грн
1	2	3	4	5	6	7
1	 Будинок №1 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	11,120	20,0	2	40,000
26	 Будинок №26 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	44,400	87,000	1	22,000,000
26а	 Будинок №26а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	44,712	100,000	2	200,000
3/24	 Будинок №3/24 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	16,600	17,112	1	40,000
4/26	 Будинок №4/26 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	30,000	60,000	1	120,000
5/31	 Будинок №5/31 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	30,000	27,000	1	120,000
6	 Будинок №6 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	31,120	45,000	2	90,000
7а	 Будинок №7а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	13,000	1	13,000
7	 Будинок №7 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12,000	12,000	1	12,000
8а	 Будинок №8а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	30,000	21,000	1	120,000
26	 Будинок №26 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	30,000	20,000	1	120,000
9	 Будинок №9 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	30,000	30,000	1	120,000
10	 Будинок №10 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	61,100	150,000	1	200,000
9/11	 Будинок №9/11 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	20,000	40,000	2	120,000
11	 Будинок №11 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	20,000	1	13,000
11а	 Будинок №11а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	21,100	31,000	1	40,000
13	 Будинок №13 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	13,112	1	40,000
13б	 Будинок №13б (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	90	14,112	1	120,000
13в	 Будинок №13в (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	30,000	30,000	2	120,000
14-16	 Будинок №14-16 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	18,000	7	7	120,000
18	 Будинок №18 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	31,120	1,000,000	1	1,000,000

Чего бы еще доброго сделать на Андреевском спуске, с точки зрения Гос. и-к. заповедника "Древний Киев"

1	2	3	4	5	6	7
19а	 Будинок №19а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	13,000	1	13,000
19б	 Будинок №19б (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12	100,000	1	40,000
20б	 Будинок №20б (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	27,000	1	100,000
21	 Будинок №21 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	13,000	1	13,000
22	 Будинок №22 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12,000	100,000	1	120,000
22а	 Будинок №22а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	25,100	100,000	1	120,000
23б	 Будинок №23б (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	21,000	210,000	2	120,000
24	 Будинок №24 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12,000	210,000	1	120,000
26	 Будинок №26 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	21,000	200,000	2	120,000
28а	 Будинок №28а (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12,000	100,000	1	120,000
30	 Будинок №30 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12,000	40,000	1	120,000
32.3	 Будинок №32.3 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	21,000	200,000	2	120,000
34	 Будинок №34 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	12,000	100,000	1	120,000
34б	 Будинок №34б (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	10,000	100,000	1	120,000
36	 Будинок №36 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	10,000	100,000	1	120,000
38	 Будинок №38 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	13,000	1	13,000
1/15	 Будинок №1/15 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	20,000	200,000	1	120,000
14	 Будинок №14 (вулиця Давидовича) - будівля з цегляного корпусу, який належить до складу будівель, що знаходяться на території заповідника. Будівля має цегляний фасад, дах з черепиці. Внутрішні приміщення мають цегляні стіни, дерев'яні підлоги. Будівля використовується як склад.	Реставрація фасадів	13,000	13,000	1	13,000
						1
						2
						1,000,000
						1,000,000

Смета прикладается (в рійей колонке)

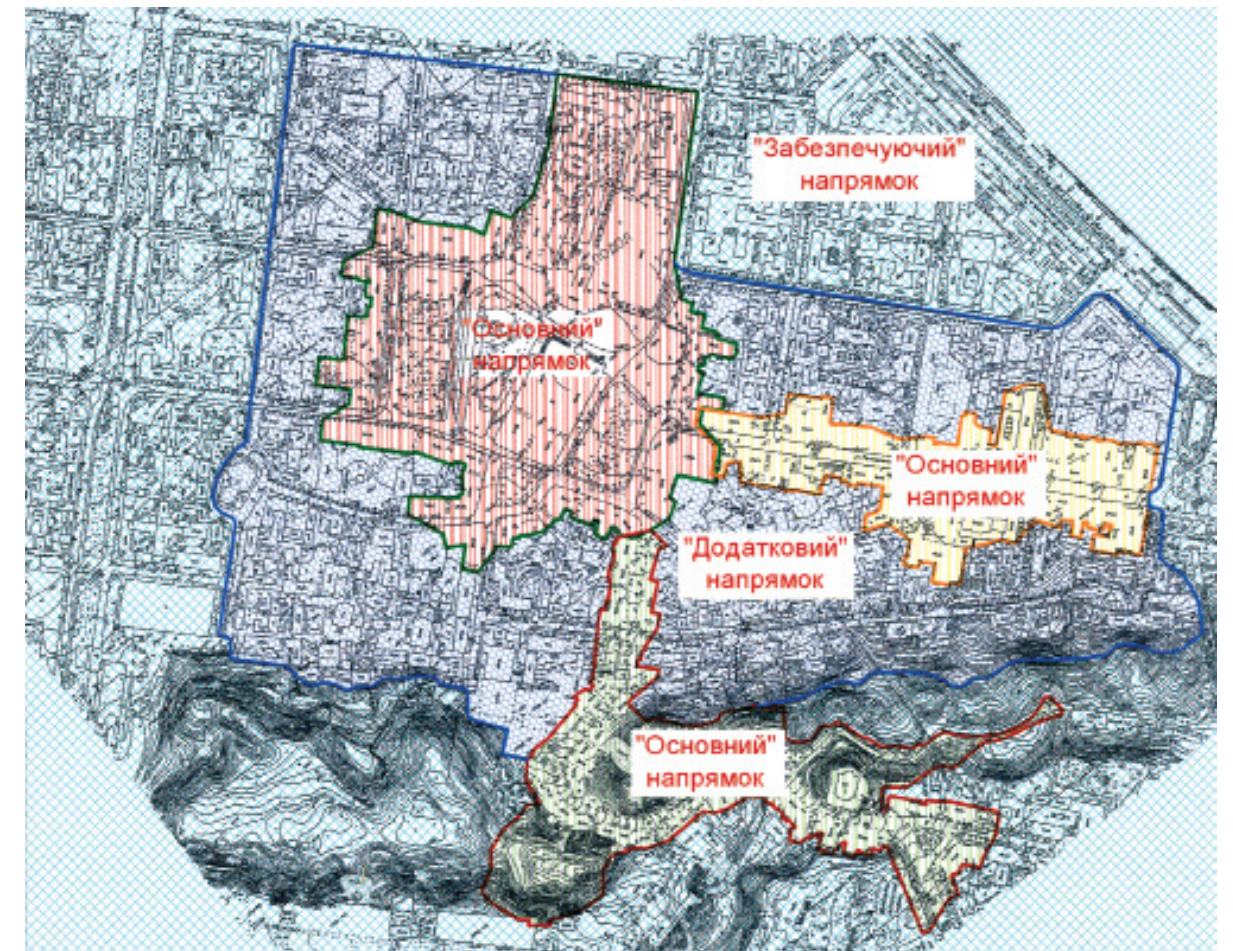

Границы Государственного историко-архитектурного заповедника "Древний Киев", проект

Киев", где строительство категорически запрещено. За исключением особых случаев, которые должны рассматриваться и утверждаться на ВР. Кроме того, верх улицы попадает в охранную зону Национального заповедника "София Киевская". Многие объекты здесь вроде бы имеют особый статус. Почему говорю "вроде бы", потому что в последнее время вышли новые законы, и в некоторых понятиях получилась нестыковка. Словом, территория Андреевского спуска защищена со всех сторон, и нога вандала сюда ступить не может.

А+С: Может быть, это и к лучшему, что нет всеобъемлющего проекта, который концептуально охватывал бы Старо-киевскую гору, Андреевский спуск и Борищев ток? Практика показывает, что как только подобные проекты появляются, означенные на них объекты безвозвратно исчезают, как в урочище Гончары-Кожемяки.

В. С.: Если сделают нормальную пешеходную зону, то Андреевский спуск будет жить. Объект существует до тех пор, пока есть субъект его созерцания.

Зоны реализации концепции, "которой нет"

Развертка по четной стороне Андреевского спуска с новостройками под №№ 14-16, 18, 20-А, 20-Б

Театр за углом слева и в перспективе прямо

Урочище Гончары-Кожмяки: ретро-новострой (фото: Дмитрий КОБЕЦ, 2011)

Татьяна СКИБИЦКАЯ, инспектор
ГУ по охране культурного наследия при КМДА

ЛИРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕЙ СТУДЕНТКИ

Андреевский спуск стал для меня таким же родным и судьбоносным как линия жизни на ладони — хорошо знакомые и изученные изгибы между холмов с ответвлениями боковых улочек. А все началось в давнем 80-м году прошлого века, когда студентам четвертого курса факультета теории и истории изобразительных искусств КГХИ кафедра синтеза искусств предложила, как одну из тем для будущего диплома, невероятную по тем временам тему — “История формирования и проблемы регенерации комплекса улицы Андреевский спуск в Киеве”.

В те годы, когда студенты-искусствоведы изучали в основном “Образ Ленина в советской скульптуре” или проблемы становления социалистического реализма, тема Андреевского спуска поражала своей смелостью, и колебаний относительно ее выбора у меня не возникло. Но тема была предложена неспроста — в 1982 году город готовился отметить свое 1500-летие, придуманное партийными идеологами для отвлечения от пятидесятой годовщины голодомора в Украине.

Немного пугала необъятность материала. В его отборе и систематизации помог мой руководитель — доктор архитектуры, профессор кафедры синтеза Юрий Сергеевич Асеев, вдохновил своим неусыпаемым оптимизмом и поэтическим видением города. Интрига диплома заключалась в том, что параллельно со мной по теме Андреевского спуска защищались студенты-архитекторы Михаил Жуков и Игорь Кузнецов — они решали тему регенерации в чертежах и макете. Надо сказать, что кафедра истории искусств несколько противилась моему выбору — “уходу на сторону”. Но именно так искусствоведам приобщали к “ансамблевой игре” с другими специалистами, преодолевая их изолированность среди творческих факультетов.

Все было ново и необычно. Тогда я открыла для себя, что “можно ходить на свидание с куском застроенного пространства, как с живой личностью”. Выбирать информацию о нем не только из книг, но из карт, справочников, старых фотографий, воспоминаний старожилов, из заложенных проемов и трещин в стенах домов. Значительно позже были написаны исторические записки почти на все усадьбы Андреевского спуска. А пока изучалась и фотографировалась еще не тронутая аутентичная застройка, где рядом с высотными доходными домами уживались хаты-мазанки, а на Уздыхальницю можно было подняться по открытой дворовой лестнице “Замка Ричарда”.

Диплом был защищен в 1981 году. В аудитории на удивление всем присутствующим — приемной комиссии и студентам — внесли планшеты с дипломным проектом М. Жукова и И. Кузнецова и на этом фоне прошли все выступления. Живым же фоном для диплома стал сам Андреевский спуск — его уникальный силуэт среди киевских гор с Андреевской церковью и “Замком Ричарда” неизменно открывается справа при входе в усадьбу института, вдохновляя студентов во все времена своим незабываемым киевским очарованием.

История, начатая дипломом, продолжилась почти через тридцать лет.

ТІЛЬКИ ФАКТИ, АЛЕ ВЖЕ БЕЗ ЛІРИКИ

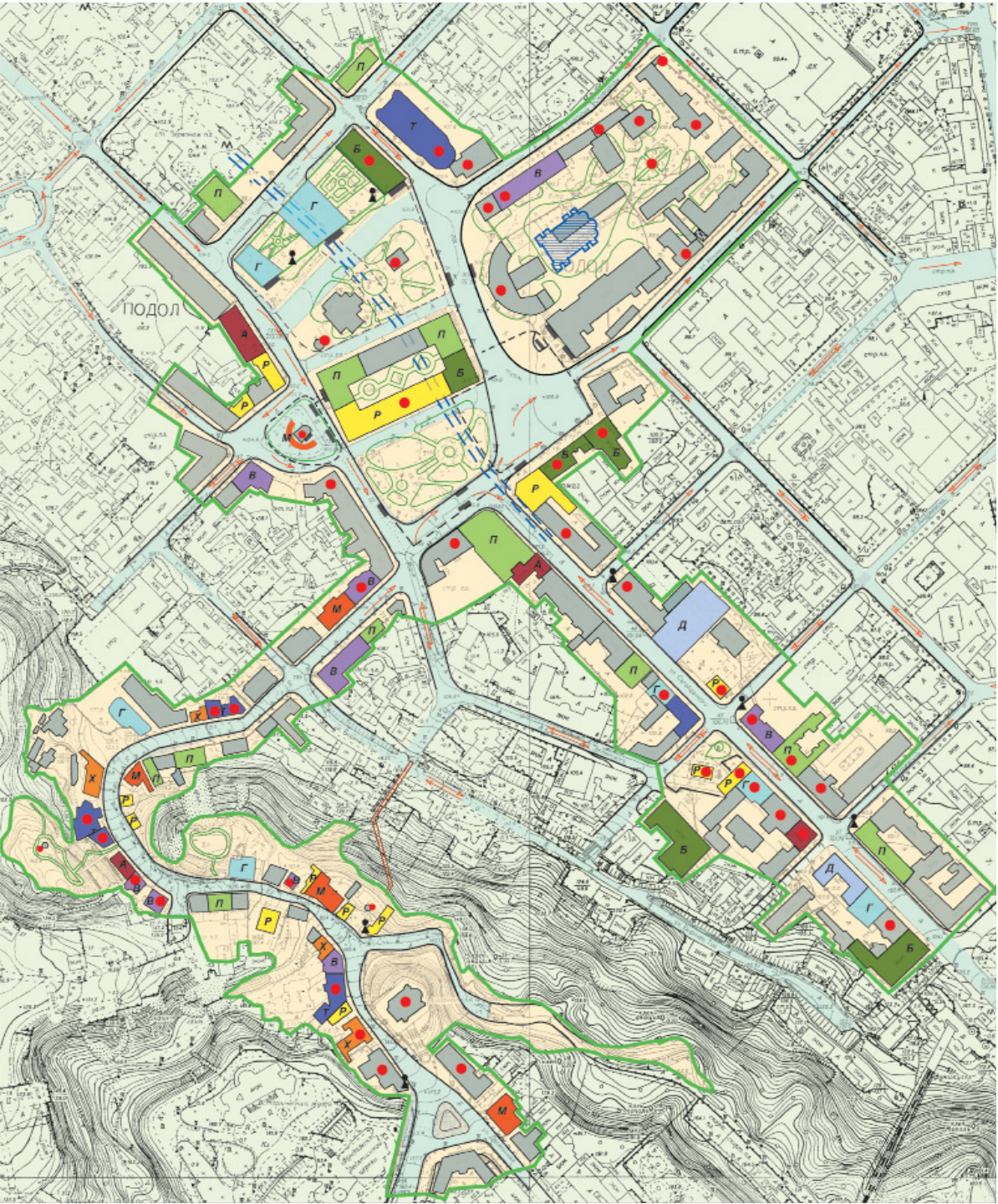
Першою в Києві та загалом у вітчизняній пам'яткоохоронній практиці комплексною пам'яткою архітектури та містобудування (зановим законодавством — містобудування), внесеною до Державного реєстру нерухомих пам'яток України, стала вулиця Костельна. Її невеликий цілісний ансамблевий комплекс з десяти історичних садиб був на час внесення добре вивченим і достатньо зрозумілим для надання йому статусу пам'ятки містобудування. Взяття на державний облік цього об'єкту прискорила розпочата у 2005 році діяльність ініціативної групи територіальної громади Києва, яку складали мешканці Костельної. Їх клопотання підтримала КМДА. З аналогічною ініціативою до Кабміну звернулася Римокатолицька релігійна громада парафії Святого Олександра в Києві. Роботи з підготовки облікової та проектної документації для цього проекту у 2006–2008 роках виконали спеціалісти КНМЦ по охороні, реставрації та використанню пам'яток історії, культури і заповідних територій ГУ охорони культурної спадщини м. Києва.

Значно складнішим став наступний містобудівний комплекс, знаковий для Києва — Андріївський узвіз. Підготовчі роботи з постановки на державний облік цієї вулиці як пам'ятки містобудування місцевого значення тривали впродовж 2009–2010 років і також велись колективом співробітників КНМЦ (С. В. Бутенко, К. Ю. Денисов, І. П. Мельников, О. Г. Мокроусова, Т. І. Новицька, Т. В. Скібіцька, І. В. Тарутінова, Ю. О. Тиж), якими були виконані:

- фотофіксація та натурне обстеження об'єктів;
- облікові картки та історичні довідки на щойно виявлені об'єкти культурної спадщини;
- доповнення до паспортів пам'яток (нова фотофіксація, схема розташування, додатки щодо зміни технічного стану і типології пам'ятки);
- попередня облікова картка та коротка історична довідка на вулицю як пам'ятку містобудування та архітектури з урахуванням та коротким аналізом історичних планів вулиці, планів окремих садиб, історичних панорамних видів (текстова частина та фотофіксація);
- підготовка та проведення науково-методичної ради, підготовка протоколу, акту передачі на всі об'єкти по вулиці;
- пропозиції для встановлення меж пам'ятки містобудування у відповідності до сучасної містобудівної ситуації;
- концепція меж пам'ятки, нанесення на сучасну підоснову меж історичних садиб Андріївського узвозу та прилеглих до нього Боричева Тока, частини вулиць Володимирської та Воздвиженської;
- нанесення на сучасну підоснову існуючих пам'яток архітектури та історії (національного та місцевого значення, щойно виявлених об'єктів, які будуть взяті на облік як пам'ятки місцевого значення), також пам'яток археології, які прилягають до Андріївського узвозу та новобудов;
- нанесення на сучасну підоснову меж існуючих охоронних зон та зони природного ландшафту;
- визначення на підставі попередньої роботи меж пам'ятки містобудування з урахуванням ландшафту та оточуючих пам'яток та нанесення їх на сучасну підоснову.

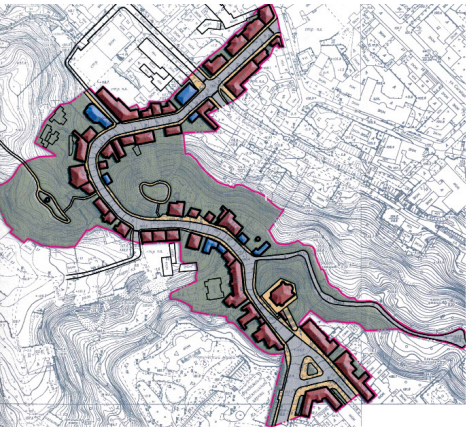
Пакет документів за встановленими вимогами був переданий ГУ охорони культурної спадщини по акту від 15.12.2009 р. до Держслужби з питань охорони культурної спадщини, для включення Андріївського узвозу до Держреєстру нерухомих пам'яток України. Документи перебувають без розгляду до теперішнього часу.

Довідка Тетяни СКИБІЦЬКОЇ та Олени МОКРОУСОВОЇ

В	- Художні галереї, виставки залів	Д	- Алтани
Р	- Заводи громадського харчування	Х	- Майстерні мистецтв
Г	- Галерії	Д	- Центри громадського дозвілля
М	- Музеї		- Нагірні та підземні переходи
Т	- Театри		- Громадські зібрання
Б	- Банки		- Сіт мережі транспорту
П	- Мистецтва		- Нагірний рух надземного транспорту
			- Види до підземного транспорту

Предложения по приспособлению застройки к туристической функции

УМОВНІ ПОЗНАЧЕННЯ			
Ч	- Частини забудови - I черга (реставрація, кошти, ремонт)	П	- покриття з бруківки
Б	- Частини забудови - II черга	П	- покриття з асфальтованої цегли
			- автоматична система об'єднання транспортних доступів
			- "вази"
			- майданчик для робіт

Проект реконструкції проїжджого частини і тротуарів Андреевского спуска

Карло Дольчи. Мученичество Св. Андрея, 1641

андреевский крест и храм на горе

Все видел и записал Абрам МНОГОМУДЕР

АПОСТОЛ АНДРЕЙ

Конечно, Андрей был рыбаком, ибо с братом Симоном (будущим апостолом Петром) родился в Вифсаиде, на берегу Генисаретского озера. Их отца звали Ионою. Уж не тем ли, что путешествовал в китовом чреве? Выросши, братья построили дом в Капернауме, что на Тивериадском море в Галилее, и продолжали рыбачить. Поэтому Андрею естественно было прибыть водным путем, по Борисфену, на кручи Боричева городища и объявить о будущей славе великого града христианского.

В Евангелиях пишут, что Андрей первым последовал за Христом,

а затем привел к нему своего брата Петра. Таким образом, Андрей стал первым из призванных учеников Христа, в связи с чем его называют Первозванным. Однако, и для наших «скифских» мест Северного Причерноморья значение апостола Андрея как крестителя северной земли первоначально, и житие его на Руси приравняют подвигу первокрестителя Св. Владимира. Вместе с остальными одиннадцатью Андрей следовал за Иисусом до последнего дня Его распятия и Воскресения. На пятидесятый день огненными языками снизошел на апостолов Дух Святой, наделив их всякими чудесными качествами и способностью

говорить на разных наречиях о великих делах Господа. Бросили апостолы жребий, кто в какую страну понесет свет учения Христова, и выпал Андрею север: Ахайя, Вифиния и Пропонтида с городами Халкидон и Византий, земли Фракии и Македонии, простирающиеся аж до Черного моря и Дуная, кроме того Фессалия, города Аминс, Трапезунд, Ираклия, Амастрида и земли Скифии...

КАК ЕГО РАСПЯЛИ

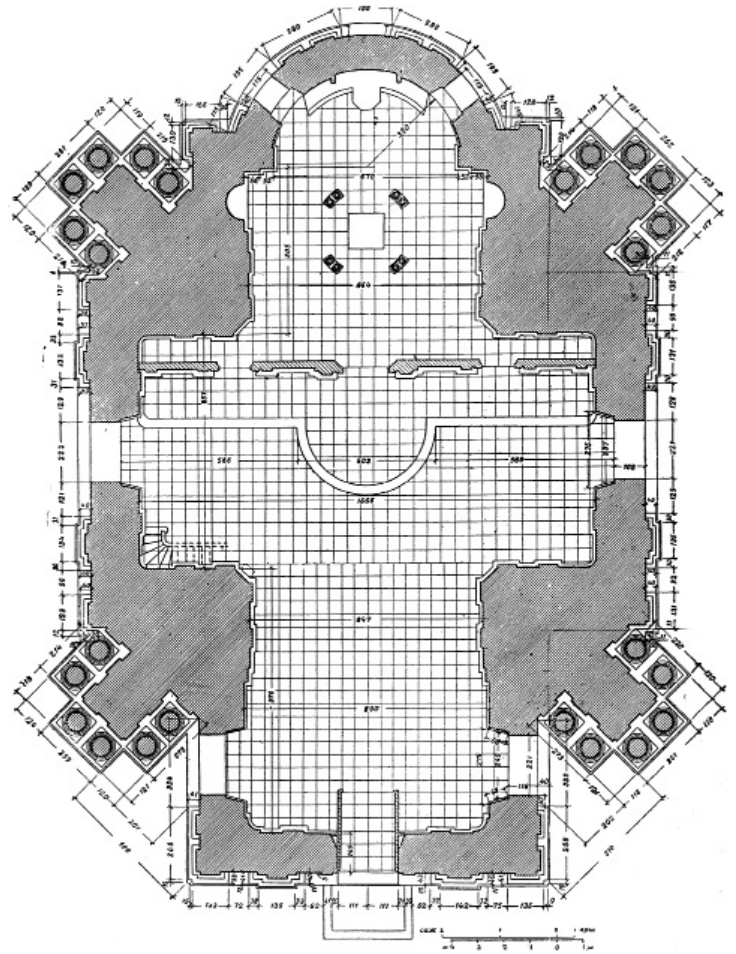
Очень любил Андрей на горы взбираться — влезет на очередную горку и поставит на ней крест. Так однажды взобрался он на Акрополь в Солуни, по нашему — в Салониках, и там крест воздвигнул. В Византии, будущем Царьграде, организовал церковь. Возле Никеи в Вифинии свалил прекрасную, но гнусную своим язычеством, статую Артемиды и взамен «поставил там животворящее изображение спасительного Креста» (по Епифанию) [1]. Продвинутые язычники считали это святотатством, и потому его отовсюду гнали. В Синопе его даже пытали. Так и добрался он до Трапезунда, Херсонеса, а оттуда уж и вовсе в глушь попал. Около 70 года по Рождестве Христовом Андрей принял мученическую смерть на кресте в виде двух диагонально скрещенных жердей. С тех пор «косой» крест называют Андреевским.

КТО ПРИДУМАЛ АНДРЕЕВСКУЮ ЦЕРКОВЬ?

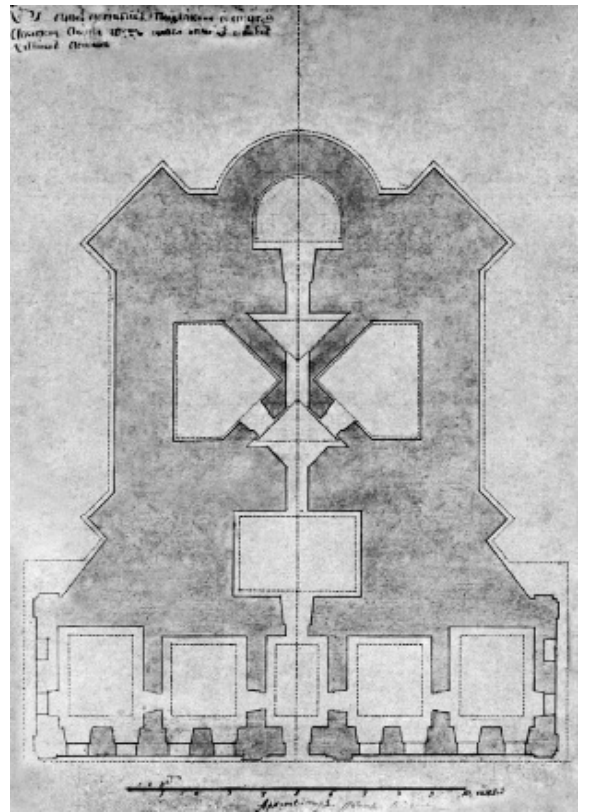
Легенда об Андрее Первозванном, покровителе Константинопольской церкви, активно развивалась в Византии. Таким образом, православие доказывало свою равнозначность Риму, ведь Андрей был *старшим* братом Петра.

По записи Нестора Летописца, будучи на киевских холмах, воздвигая очередной крест, Андрей произнес: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать». Первая церковь в честь апостола Андрея, Янчина монастырь, была построена в киевском городе Владимира в 1086 году трудами великого князя Всеволода Ярославича, сына Ярослава Мудрого. В 1215 году князь Мстислав строит в Киеве Крестовоздвиженскую церковь несколько юго-восточнее нынешней Андреевской [2]. Предположительно в первой половине XV века она была разрушена, но построена одноименная на Замковой горе (Киселёвке), которая через сто лет тоже обветшала и рассыпалась. В результате поп Лазарь перевел ее на гору Вздыхальницу, где еще оставалось «церковище» от первой Крестовоздвиженской. Посетив Киев в 1701 году, московский священник Лукьянов писал: «Где святой апостол Андрей крест поставил, и тот холм, в городской стене красовит зело; на том холме стоит церковь деревянная ветха, во имя апостола Андрея». Эта церковь простояла до 1724 года и развалилась «от великих ветров» [3].

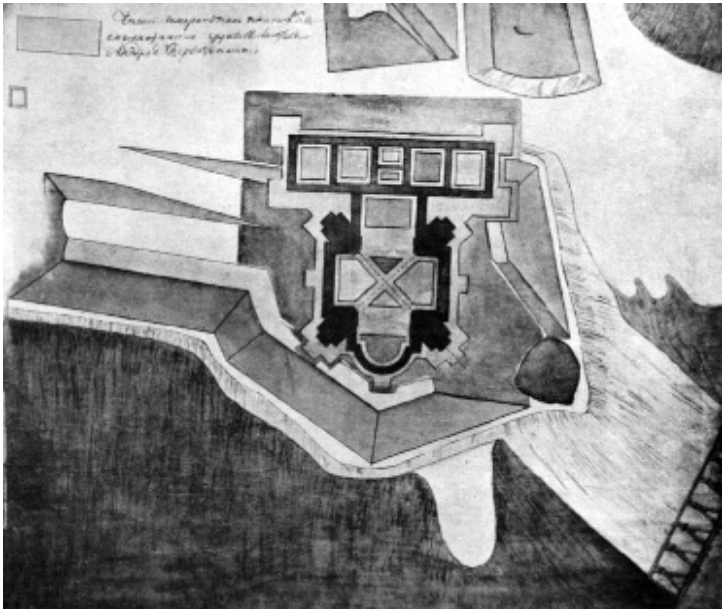
Наконец, в 1735 году, Магистратом было принято решение о строительстве каменного храма. Война с Турцией отсрочила работы, к тому же над Уздыхальницей досыпали новый земляной бастион. Лишь в 1744-м императрица Елизавета Петровна, посетив Киев, заложила камень в основание церкви. Проектирование храма поручили автору знаменитой Лаврской колокольни И.-Г. Шегелю и инженер-подполковнику Де-Боскету. Предоставленный ими в Петербургскую канцелярию проект однокупольной церкви был признан неудовлетворительным. И составление чертежей поручили придворному обер-архитектору В. В. Растрелли.

План первого этажа, обмер 1948 года

Архитектор И. Ф. Мичурин. План подземного этажа храма, 1747

Архитектор И. Ф. Мичурин. План подземного этажа храма с западной пристройкой

Говорят, Елизавета настаивала во всем придерживаться форм гопетровского зодчества [4]. Но Растрелли создал безусловный барочный шедевр.

АНДРЕЕВСКИЙ КРЕСТ В ОСНОВАНИИ

Здесь мы подходим к самому интересному. Откуда взялись эти вытянутые контрфорсы между ветвями креста в плане?

Контрфорсы в уровне первого яруса изящно оторочены пучками по шесть коринфских колонн. Эти конструктивно почти бессмысленные выступы во втором ярусе продолжаютс в виде глухих башен, из четырех таких же стройных колонн каждая, как пинакли в готике. И выше эти башни венчаются самыми настоящими куполами. Церковь пятиглавая!

Оказывается, Растрелли заложил в объемно-пространственную конструкцию церкви Андреевский крест. Диагональный крест хорошо читается в плане, он как бы перечеркивает широкий вытянутый крест основного объема здания, составленный нефом и трансептом. В итоге западающие углы этого основного креста оказались заполнены теми самыми ризалитами — выступами креста Андреевского! Решение более чем символическое.

Много лет удивляюсь, почему никто и никогда в XIX и XX столетии не заметил этой очевидности: Андреевский крест положен в план и в основание пространственной композиции всей Андреевской церкви. Даже многоопытный исследователь С. Безсонов обратил внимание лишь на то, что в каждом этаже цоколя посередине есть какая-то странная комната, видимо, из символических соображений “разделенная в середине стенками с проходами наподобие Андреевского креста” [5]. И всё, ни слова более. А ведь это фундаментальное, в прямом и переносном смысле слова, качество киевской Андреевской церкви.

УДИВИТЕЛЬНОЙ СТРОЙНОСТИ И КРАСОТЫ

Всеми признанное мнение, мол, Андреевская церковь — самое скромное сооружение Растрелли, но она превосходит все сделанное им по изысканности и грациозности композиции [6]. И, по-видимому, Растрелли это понимал, но повторить буквально в других храмах не мог, ибо они попросту не были Андреевскими. “В Андреевском соборе Растрелли отказывается от принятой до него базиликальной композиции храма и дает план равностороннего греческого креста. Он отказывается от восьмигранно-

го барабана предшественников и переходит к традиционному круглому, благодаря чему достигает единства внутреннего пространства. По углам здания, вокруг центрального барабана, Растрелли ставит четыре главки на фальшивых столбах, завершая храм традиционным пятиглавием. Благодаря пропорциональности частей храм кажется легким, взлетающим вверх, связанным с окружающей природой, красивым силуэтом, царящим над городом” [7], — констатирует Безсонов. Все верно в отношении последствий, но не исходных посылок. Столбы не фальшивые сами по себе или ради композиции. Они есть продолжение и выведение Андреевского креста из основания храма — в его объем. И сила Андреева креста такова, что объем, на самом деле, становится захватывающим, восхитительным. Действительно на горах сих воссияла благодать Божия!

СПУСК ВМЕСТО УЗВОЗА

Архитектор Растрелли, я гумаю, понимал эти выдающиеся качества Андреевской церкви. И даже стремился их транслировать, воспроизвести в других своих работах. Он построил пятиглавую церковь Царскосельского дворца, пятиглавый же собор Смольного монастыря, но нигде не добился удивительного эффекта киевской церкви. Ну, нельзя же, в самом деле, везде возводить фальшивые башни. И, в результате, везде в остальных его церквях четыре малых купола были реальными, нефальшивыми, со световыми барабанами. И композиция сразу утрачивала в своих пропорционально небесных достоинствах. Даже Смольный монастырь, который призван был стать непревзойденным шедевром Санкт-Петербурга, со 140-метровой колокольной, не победил изящества киевского Андреевского креста.

Однако, насколько же неоправданны эти диагональные контрфорсы в киевской церкви? Смеею предположить, что и конструктивно они были уместны дважды: скрепляя фундамент на неустойчивом насыпном основании бастиона и работая в пространстве действительно как контрфорсы, буквально не давая распозаться вытянутому вверх объему на небольшой площадке. Предположение подтверждается многовековой устойчивостью здания, не взирая на периодически появляющиеся то здесь, то там трещины, и на более чем экстремальную постановку на краю Старокиевского плато. Ну, а в структуре церкви Андреевский крест уместен еще и композиционно (то есть уже трижды). Таких тянутых малых куполов, так ладно соединенных с главным куполом, вы не найдете нигде в мире.

Русский гарнизон, отсылая в 1730-е бастион, на котором вскоре встала Андреевская, и перенося градостроительную активность снова в Верхний город, помимо воли выказывал отношение “свысока” киевским мещанам, обильно ютившимся со своим магистратом и самоуправлением на Подоле. Мещане, естественно, в Верхний город поднимались — по взвозу. Гарнизонные же москали на Подол спускались — по Андреевскому спуску.

1. *Карташёв А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 43.
2. *Максимович М. А.* Собрание сочинений. Т. 2. К., 1877. С. 129.
3. *Безсонов С. В.* Архитектура Андреевской церкви в Киеве. М., 1951. С. 6.
4. *Мироненко О. К.* Андріївська церква (історико-архітектурний нарис). Вуг. 3. К., 1978. С. 18.
5. *Безсонов С. В.* Там же. С. 9.
6. *Мироненко А. К.* Андреевская церковь. Фотоочерк. К., 1980. С. 4.
7. *Безсонов С. В.* Там же. С. 18.

Андреевская церковь, гравюра XIX в.

Петро Борисполець. Проповідь апостола Андрія, 1847

андріївська церква: інженерний шедевр XVIII ст.

Жанна ЛИТВИНЧУК, завідувач відділу “Андріївська церква” Національного заповідника “Софія Київська”

Андріївська церква у Києві — пам’ятка архітектури середини XVIII століття — дійшла до наших днів без значних змін, перебудов та пошкоджень, в цьому її виняткова цінність. Церква відіграє видатну роль у київському ландшафті. Вона вказує на місце, яке, за літописним переказом, було освячено апостолом Андрієм, і з якого бере свій початок Древній Київ.

Довершеність архітектурних форм, твори живопису та багатий декор, органічне поєднання споруди з ландшафтом принесли пам’ятці всесвітню славу. Вона є однією з чотирьох пам’яток України, що занесені до каталогу скарбів людства п’яти континентів [1]. Враховуючи надзвичайну цінність пам’ятки, Україна надала пропозиції щодо внесення Андріївської церкви до Списку Всесвітньої Спадщини ЮНЕСКО.

Церква будувалася на замовлення імператриці Єлизавети як складова частина Київської царської резиденції. Збудована у 1747–1762 роках за проектом видатного В. В. Растреллі. Будівництвом керував архітектор Московської гоф-інтенданської контори І. Ф. Мічурін.

Поставлено Андріївську церкву на значній відстані від Царського (Маріїнського) палацу на стрімкому відрозі Старокиївського плато (87,3 м над рівнем Дніпра), на дуже складному в геологічному відношенні зсувному пагорбі, який розмивається джерельними й ґрунтовими водами. Архітектор І. Мічурін розробив робочі креслення, плани й профілі пагорба і виявив, що на глибині 13–14 м залягає міцний материковий ґрунт, а вище — насипні ґрунти, просякнуті водами підземних джерел. Щодо матеріалу й глибини залягання підмурків стилобату, існували різні думки, але останні дослідження 2008 року за допомогою зондажів переконливо свідчать, що підмурки складаються з природного буттового каменю, який чергується з цеглою на вапняному розчині, а глибина їх закладання різна — 3,5 м від підлоги стилобату зі східного боку, 2,5 м — посередині споруди, 4,8 м із західного боку. В плані церква має форму хреста, північна й південна гілки якого значно коротші західної та напівкруглої східної: довжина споруди — 31,7 м, ширина — 20,4 м, висота від паперті разом з хрестом на бані — 47,5 м.

В оформленні фасадів Андріївської церкви Растреллі вперше застосував декор з чавунного литва, який ніким і ніколи до нього для культових споруд не застосовувався. Чавунні капітелі, орнаментальні прикраси для фасадів відливалися на тульських металургійних заводах із уральських руд. Загальна вага чавунного литва Андріївської церкви складає 97,85 т [2].

Одночасно із зовнішнім оздобленням храму здійснювалися опоряджувальні роботи в інтер’єрі. Підлогу було вистелено чавунними плитами. За кресленнями Растреллі спорудили каркас іконостаса. Для прискорення робіт різьблені деталі іконостаса, надпрестольну сіль, проповідницьку кафедру, царське місце (яке, на жаль, не дійшло до наших днів) було виготовлено в Петербурзі. Різьбленням по дереву для декору Андріївської церкви займалися майстри Йосип Домаш, Андрій Карловський, Матвій Мантуров, Давид Устарс, Христофор Орейдах, Йоган Грот; позолотні роботи виконували Франсуа Лепренс та Іван Євстифєєв. Живописці Петербурзької канцелярії від бугівель у 1751–1752 роках написали ікони для іконостаса. Під керівництвом І. Я. Вишнякова над створенням ікон працювали Олексій Антропов, Андрій Єрошевський, Петро Семенов, Олексій Бельський, Олексій Поспелов, Іван Фірсов. Будівництво церкви розтяглося на багато років, освячення її відбулося 19 серпня 1767 року.

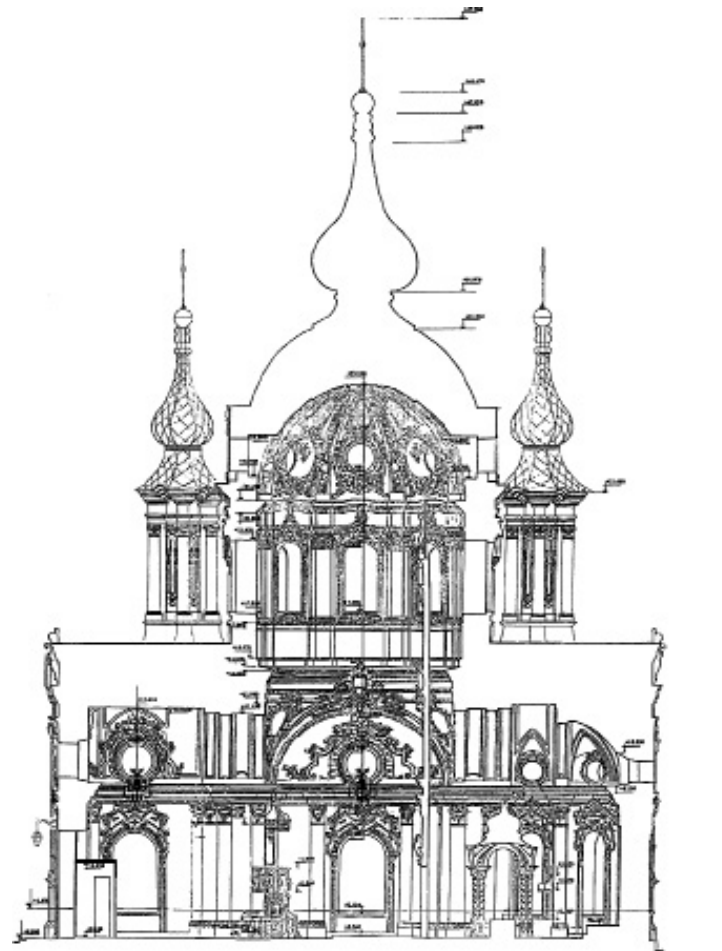
Андріївська церква не зазнала значних змін і перебудов, хоча ремонтувалася багато разів. Вже у XVIII ст. стан бугівлі викликав занепокоєння: ґрунтовими водами розмивалися підвалини, відбувалися зсуви ґрунту на схилах пагорба, покрівля пропускала воду, в стінах храму з’явилися тріщини, частково зіпсувався декор. І тільки у 1785–1786 роках Київська Дума, якій після втрати опіки царського двору було передано церкву, на кошти міста проводить перший капітальний ремонт Андріївської церкви [3]. На початку XIX ст. через бурі й негоди церква втратила декор верхів бань і маківок. Ремонтні роботи 1826–1829 років виконувались за проектом та під наглядом архітектора А. Меленського. Під час цього ремонту на центральній бані церкви з’явилися декоративні прикраси у вигляді зірочок з білої бляхи, а з боку Андріївського узвозу було зведено підпірну стінку стилобату [4]. За проектом київського єпархіального архітектора П. Спарро у 1844–1845 роках було здійснено ремонт храму, паперті, стилобату, сходів. У цей час дерев’яні сходи до церкви було замінено на чавунні, паперть вкрито чавунними плитами, встановлено чавунну огорожу навколо паперті [5].

До сторічного ювілею церкви, який відзначався у 1867 році, знову було проведено капітальний ремонт. Загроза для споруди полягала в тому, що внаслідок весняного танення снігу відбулися великі зсуви ґрунту, утворилися вибоїни, які доходили до стін церкви. Було збудовано водозбірник, що перехоплював підземні джерела, замінено плити паперті, з північного боку під тумбою огорожі збудовано контрфорс. Пагорб очистили від різного роду бугівель, а на схилах розбили невеликий сад. Струхлявілі дерев’яні крокви було замінено новими, перекрито дах і бані, пофарбовано фасади, орнаментальні прикраси позолочено. В інтер’єрі відновлено позолоту кафедри, царського місця, ліпного декору [6]. Ініціатором ремонту храму був А. М. Муравйов (письменник, поет, церковний діяч), особистий внесок якого у збереження Андріївської церкви дуже відчутний. Йому вдалося умовити царський уряд виділити з казни значну суму грошей на ремонтні роботи, які тривали кілька років.

У 1858 та 1864 роках у стилобаті було влаштовано храми

на честь святих Захарія і Єлизавети, а також Сергія Радонежського, де проводилися богослужіння у холодну пору року. Опалювальну систему, спочатку калориферну, а пізніше водяну, було змонтовано в Андріївській церкві у XX ст. За бажанням А. Муравйова його поховано в підземній церкві Сергія Радонежського, де і зараз знаходиться надмогильна плита цього ктитора Андріївської церкви.

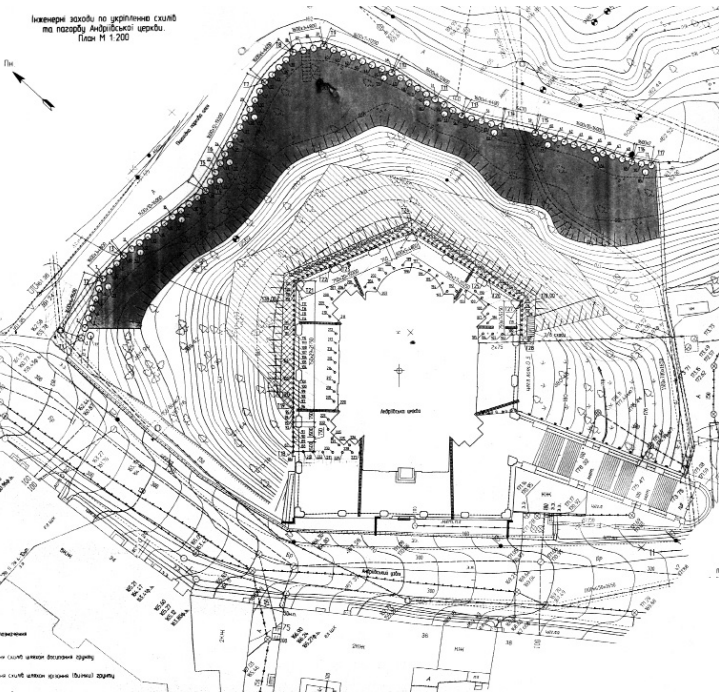
За сприяння Муравйова до ювілейної дати в церкві з’явилися дві картини XIX ст.: “Проповідь апостола Андрія” художника П. Бориспольця та “Вибір віри князем Володимиром” художника Й. Еггінка. Вони викликають інтерес своїми сюжетами і виконанням. Полотна написані в стилі класицизму. Картина “Проповідь апостола Андрія” відтворює один з літописних переказів про заснування Києва, який наводить Нестор-літописець у “Повісті временних літ” [7]. Літопис описує подорож апостола Андрія з Корсуня до Рима через Руську землю, розповідає про те, як він провістив виникнення “осіянного Божою благодаттю” Києва. Богословський варіант переказу про апостола Андрія знайшов своє широке застосування у церковній та світській ідеології. Саме з XI ст. у гострій боротьбі з Константинополем і Римом Київська Русь прагнула утвердити свою релігійну самостійність, підкреслити наявність власних заступників перед Богом, заявити про незалежний політичний курс. Не тільки релігійне, але й політичне значення оповісті про Андрія Первозванного добре розумів Петро I, за часів якого в 1669 році було засновано найвищу нагороду Російської імперії — орден Андрія Первозванного, а на кораблях військового флоту з’явився біло-блакитний Андріївський стяг. Варто зазначити, що другою особою, угодженою ордену Андрія Первозванного, був український гетьман Іван Мазепа. Політику незалежності православної церкви і держави

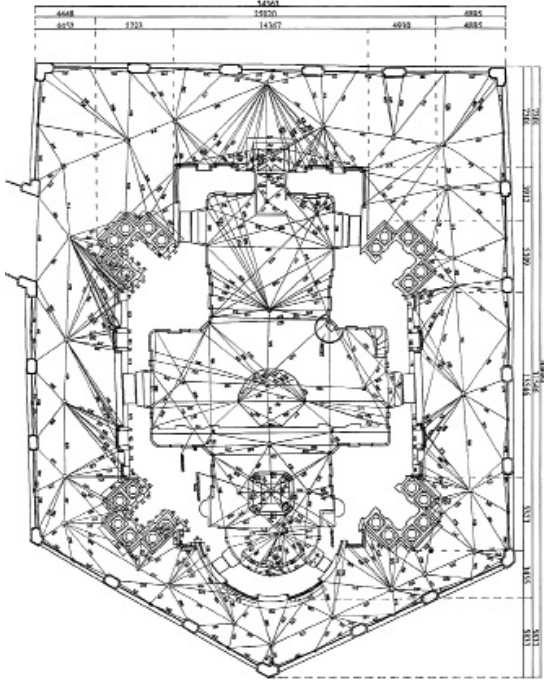
Андріївська церква, обмір 2009 року

продовжила дочка Петра І імператриця Єлизавета, на замовлення якої і збудовано в Києві церкву Андрія Первозванного. На початку 1890-х років церква знову потребувала ремонту. Після удару блискавки (1892), яка пошкодила маківку центральної бані, проектну документацію на ремонт верхів Андріївської церкви підготував єпархіальний архітектор, академік архітектури В. Ніколаєв. На жаль, під час ремонту 1894–1895 років, коли дерев’яні конструкції замінювалися на металеві, обриси центральної бані частково було змінено. Через відсутність проектних креслень Растреллі, які “старший чиновник особых поручений при губернаторе” А. Мердер з великою відповідальністю розшукував в архівах, бібліотеках і приватних зібраннях, повторний ремонт верхів храму позитивних результатів не дав. В цей час здійснено ремонт паперті й сходів. Фото початку ХХ ст. дає уяву про покриття паперті двоколірними пірогранітними плитками, викладеними у шахматному порядку. Протягом ХХ ст. в пам’ятці кілька разів здійснювалися ремонтно-реставраційні роботи. У 1923–1926 роках навколо церкви споруджується обвідне кільце дренажної системи з розчищенням та використанням уже існуючих колодязів. У 1930-х роках було капітально відремонтовано дах, фасади споруди, заново отиньковано стіни, пофарбовано бані, з північного боку перекладено підпірну стінку [8]. Співробітниками Інституту історії і теорії Академії архітектури УРСР у 1946 році вперше на професійному рівні було здійснено обміри Андріївської церкви, які наводяться гійсним членом Академії архітектури УРСР С. В. Безсоновим в книзі “Архитектура Андреевской церкви в Киеве” [9]. Точніші обміри церкви виконано у 1978 році архітектором інституту “Укрпроектреставрація” В. І. Корнєєвою, яка впродовж тридцяти п’яти років (1965–2000) була автором проектів реставрації Андріївської церкви. Протягом 1949–1950 років ліквідовувалися наслідки війни: ремонтувалися металеві каркаси бань, чавунні сходи, огорожа, паперть, укріплювалися хрести на маківках; дах і бані, де були

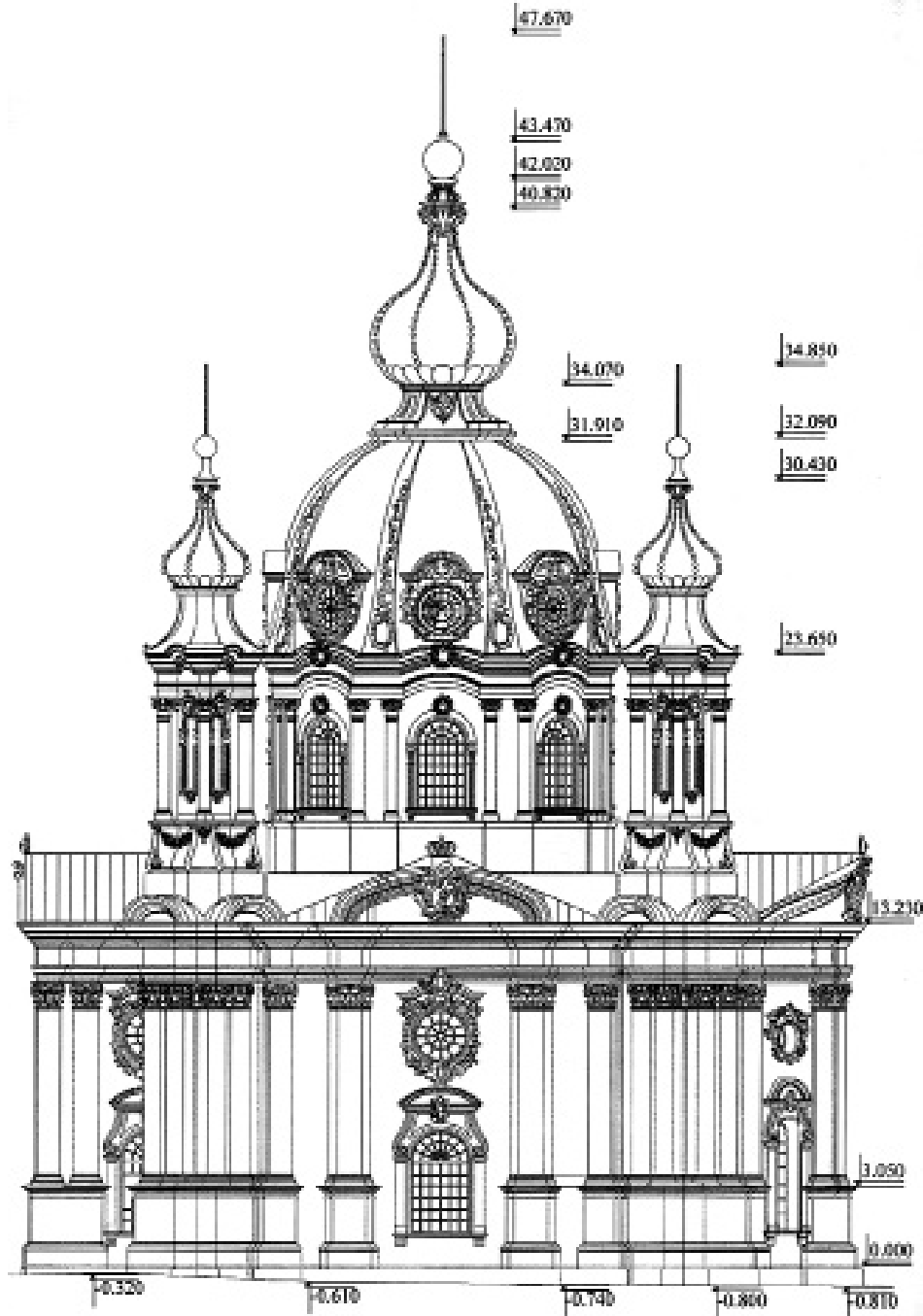
вибоїни від куль, перекривалися листовим залізом; перекладалися ушкоджені гілянки цегляного мурування стін; фасади тинькувалися та фарбувалися; здійснювався капітальний ремонт цокольної будівлі церкви; реконструювалися системи опалення і вентиляції. У 1950 році вздовж західної підпірної стіни сходів зведено одноповерхову прибудову, яка примикає до південного фасаду церкви. Розкриття старих й наявність нових тріщин на споруді, відокремлення в північно-західному куті підпірної стіни від фасадної стало поштовхом для проведення досліджень гідрогеологічних умов пагорба та гільниці Андріївського узвозу біля церкви. Внаслідок було укріплено пагорб, бугівлю церкви, стилобат, здійснено озеленення території. Після передачі у 1968 році Андріївської церкви в статусі музею Державному архітектурно-історичному заповіднику “Софійський музей” (нині Національний заповідник “Софія Київська”) було виконано значні науково-дослідницькі та реставраційно-консерваційні роботи. Через зсув ґрунту, що стався в 1970-х роках, схили пагорба закріплено напівкільцями буронабивних залізобетонних паль заглубшки до 20 м, на яких змонтовано підпірну подушку. У 1978–1979 роках було віновлено у первісних формах верхи церкви на основі автентичних креслень Ф.-Б. Растреллі, фотокопії яких надійшли з Віденського музею “Альбертина” (автор проекту реставрації — архітектор В. І. Корнєєва). Після реставраційних робіт, що провадилися за кресленнями Растреллі, Андріївська церква набула зовнішнього вигляду, як вважають спеціалісти Укрпроектреставрації, передбаченого авторським задумом [10]. До Тисячоліття прийняття християнства, яке відзначалося у 1988 році, було виконано роботи з гідроізоляції паперті та сходів й перекладено покриття паперті. Протягом 1992–2000 років знову проводилися значні ремонтно-реставраційні роботи: укріплено ліплення, замінено несучу балку іконостаса, перекладено мармурову підлогу, проведено зміцнення колон, ремонт сходів, паперті, стилобату.

Укріплення пагорба

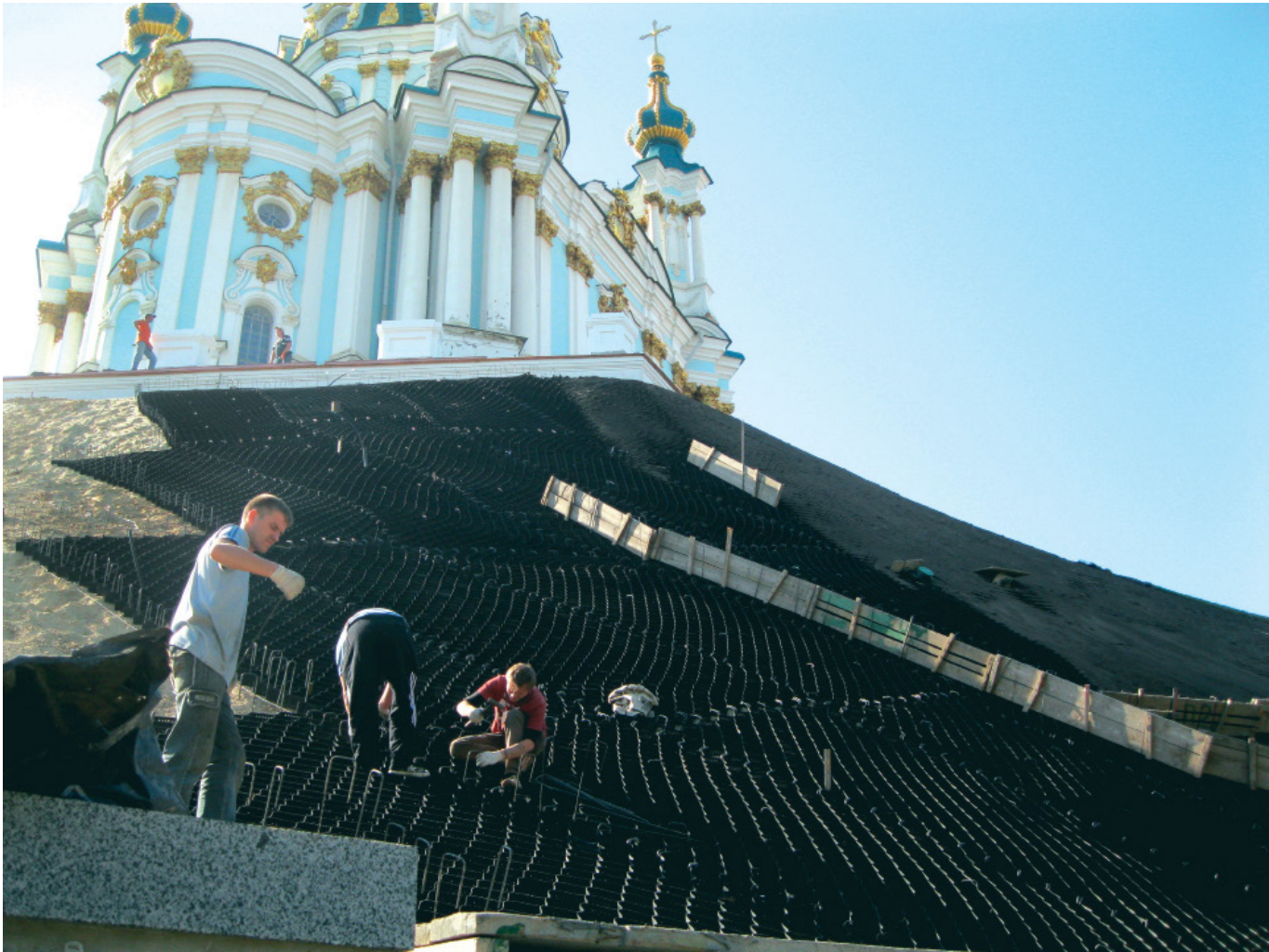
Андріївська церква, обмір 2009 року

Андріївська церква, обмір 1979 року

Реставрацію живопису та різьблення Андріївської церкви протягом десятиліть виконують спеціалісти корпорації Укрреставрація та Національного науково-дослідного реставраційного центру України. В червні 2007 року комісія у складі представників Національного заповідника “Софія Київська”, Інституту геологічних наук України, Інституту УкрНДІпроектреставрація, науково-дослідного Інституту будівельних конструкцій провели комплексне обстеження технічного стану споруди Андріївської церкви та пагорба, на якому збудовано церкву, у зв’язку з прогресуючими проявами деформацій несучих конструкцій як церкви, так і стилобату. Аналіз результатів багаторічного геодезичного та гідрогеологічного моніторингу показав активізацію ерозійних процесів, перезволоження ґрунтів, що призводить до опливання й зсувів схилів пагорба, нерівномірного просідання бугівлі церкви, що, в свою чергу, може викликати її руйнацію. Обстеження пам’ятки й території навколо неї виявило збільшення старих і появу нових тріщин в стінах церкви, стилобату, клінкерного покриття паперті, оголення конструкцій бугівлі [11]. Через реальну загрозу зсуву Андріївської церкви в бік Подолу,

Міністерство надзвичайних ситуацій та міська постійна комісія з питань техногенно-екологічної безпеки визнали стан гілянки біля Андріївської церкви як гостроаварійний, що потребує невідкладних протиаварійних заходів з укріплення пагорба і реставрації будівлі церкви. Було складено відповідну програму робіт, реалізація якої потребувала забезпечення проектною документацією та чималих державних коштів. Проектну документацію з укріплення пагорба й конструкцій будівлі було підготовлено фахівцями СП “Основа-Солсіф”, а з благоустрою пагорба і реставрації церкви — архітекторами інституту УкрНДІпроектреставрація. Для опрацювання проектних рішень спеціалістами інституту у 2009 році виконано детальні обміри Андріївської церкви. Перший і головний етап робіт — ліквідація аварійного стану споруди церкви — вже здійснено. Комплекс заходів з укріплення пагорба передбачав вісімдесят п’ять велетенських буронабивних паль діаметром 1020 мм та довжиною 18 м, які виконано біля підніжжя пагорба вздовж паркової алеї. Оголовки паль зв’язано залізобетонним ростверком, підпірну стінку облицьовано бутовим каменем. Для закріплення від локального сповзання

Благоустрій пагорба

поверхневих шарів ґрунту виконано укріплення пагорба нагелями зі сталевими стрижнями довжиною 6 м. По кільцю підшошви пагорба влаштовано дренажний трубопровід діаметром 200 мм. Пагорб з боку Андріївського узвозу також зміцнено рядом бурових паль під церковною огорожею.

Для підвищення стійкості погіюму церкви та пагорба в цілому було збудовано бетонне підпапертне приміщення, підпірки стін і колон якого опираються на ростверки бурових паль (250 паль діаметром 300 мм із заглибленням до 12 м).

Укріплення ґрунтової основи під підмурками церкви й стилобату виконано за рахунок жет-колон діаметром 600 мм, підшошва яких знаходиться нижче ґрунтових вод на глибині 8–14 м від підлоги стилобату. Для підвищення просторової жорсткості стін стилобат охоплено металевим поясом [12].

Усі ці роботи виконувалися спільним українсько-французьким підприємством “Основа-Солсіф”, що виграло тендер на проведення укріплення пагорба й зміцнення конструкцій церкви.

Великі роботи проводяться на паперті церкви: із західного боку влаштовано бетонну плиту, яка повинна зміцнювати склепіння та утримувати стіни стилобату від розповзання, а технологія гідроізоляції паперті передбачає утворення захисного екрану, що перешкоджає проникненню вологи в конструкції бугівлі. Паперть буде вимощена клінкерною цеглою.

Одночасно проводяться роботи з благоустрою пагорба. Виконується його профілювання, трмбування ґрунту, покриття георешітками, чорноземом і травою у вигляді дерену [13]. Благоустрій пагорба виконує відверто професійна підгряня організація, але з дивною назвою — ТОВ КМСНРПВУ. В 2009 році після

розчищення пагорба від дикорослих насаджень з паперті церкви значно покращився дивовижний краєвид на Поділ, Дніпро і Задніпров’я.

Після завершення зовнішніх укріплювальних робіт передбачено реставрацію екстер’єру й інтер’єру церкви, ремонт сходів, стилобату, перекладання комунікаційних мереж, монтаж водовідвідної системи, організація художнього освітлення пам’ятки. Роботи планується завершити до початку Чемпіонату Європи з футболу 2012 року.

1. 1000 Weltwunder / Fridemann Bedürftig. Köln, 2002. P. 220.
2. Дегтярьов М. Г., Корнєєва В. І. Андріївська церква. К., 1999. С. 32.
3. Мердер А. Киевский храм св. Ап. Андрея Первозванного. К., 1898.
4. ЦДАУ. Ф.127, оп. 1024, спр. 4297, арк.145, 250, 303.
5. Киевский храм св. Ап. Андрея Первозванного. К., 1898; ЦДАУ. Ф. 127, оп. 875, спр. 161-А, арк. 4.
6. ЦДАУ. Ф.725, оп. 1, спр. 81, арк. 2.
7. Літопис Руській / Пер. за Іпатським списком Л. Махновця. К., 1989. С. 3.
8. Соціалістичний Київ, 1936, № 1. С. 48.
9. Безсонов С. В. Архитектура Андреевской церкви в Киеве. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. М., 1951, табл. 12–20.
10. Дегтярьов М. Г., Корнєєва В. І. Андріївська церква. К., 1999. С. 87.
11. Акт від 15.06.2007 р. Національний заповідник “Софія Київська”.
12. Протоколи оперативних нарад проведення “Протиаварійних та ремонтно-реставраційних робіт по Андріївській церкві”. Національний заповідник “Софія Київська”.
13. Там само.

андреевский погъём

Андрей ПУЧКОВ, архитектуровег

На пиратских картах место, где зарыто сокровище, обозначалось либо знаком “плюс”, либо буквой “хер”. Непривычный к письму конкистадор ставил +, привычный к лукавству грамотей это место херил. Андреевский крестообразный фундамент Андреевской церкви — труд грамотея.

Как кружево слов плетется вокруг сюжета, создавая впечатление пышности и таинственной связи между текстовым обрамлением рассказываемого, — так планировочный материал Киева середины XVIII века ткался вокруг старых церквей и новых главных улиц, с оглядкой на постройки и приглядкой за булыгами. Когда губернатор Иван Фундуклей замостил Андреевский спуск, и по нему стало невозможно ходить, киевляне обратили на эту улочку внимание. Похеренный диагональным крестом св. Андрея Первозванного, крестообразный фундамент Андреевской церкви, будучи заложен рукою государыни Елизаветы Петровны в 1744-м, помечал и на Андреевской горе, и на карте города место, где Расстреллиева барочная скороговорка выбалтывалась деревянному Поголу до упрямой веселости. Барочность всегда признак невроза.

В “Повести временных лет” не сказано, на какой именно горе св. Андрей воздвиг крест, приговаривая: “видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божья, будет город великий, и воздвигнет Бог многие церкви”. То есть, стоя на одной горе, апостол указывал на окружающие. Гор в Киеве много, и для по-

вседневной ходьбы город неудобен: то вверх, то вниз. Поскольку — небольшое исключение — улица Владимирская самая прямая и по тем временам самая глинная, она выпростывается к склонам и горе, ближайшей к днепровской водичке. Там, на переломе пространств, и решили строительно повторить Андреев пог-виг. “Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру”. Хотя у Нестора здесь очевидная географическая несогласованность намерений апостола, проповедовавшего по окраинам римо-византийского мира, для киевлян важно, что “пришел он и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам [о горах и богатости]. И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх” [1]. Исторически неважно, действительно ли св. Андрей добрался до Киева, — культурно значимым было Нестерово свидетельство.

Культурно-историческое не столько значение, сколько место Киева Мирон Петровский отметил тремя вешками. Во-первых, Киев раскинулся на холмах, которые контролировали великий днепровский путь, соединяющий этносы, народы и страны. Во-вторых, Киев расположился на границе леса и степи, западного и восточного славянства. В-третьих, Киев это ворота и перева-

Бартоломе Эстебан Мурильо. Мученичество святого Андрея

лочный пункт исторических культурных влияний, идущих сквозь время и пространство из Греции и Византии в Русь [2]. Место, “откуда есть пошла русская земля” (“откуда пить” — не сказано), у Нестора обозначено расплывчато, но дело не в летописной точности, а в том, что не следует платить за что-то больше, нежели оно стоит.

Приобретши реальные очертания, то есть когда слово материально воплотилось в конкретном строении, это слово вернулось киевлянину через градостроительную дверь: подчеркнули не только твою собственную значимость как члена городского организма, но и маркировали место, которому нужно поклоняться, поскольку о нем было слово. Где такое видано? Полунищий, планировочно неудобный провинциальный городишко с ветхими развалинами, предположительно клерикальными, да несколькими страничками “воспоминаний”, о которых ведают лишь пара излишне внимательных читателей, и — церкви барочные стром. Мало кто из нас так добротнo устроен, что может сослужить кому-нибудь службу и не вменить это себе в заслугу. Вот и Нестор просто записывал что слышал, ни на что не рассчитывая. Он не погражал англичанам, которые вывихивали язык, стремясь выражаться как иудейские пророки. Однако за его словом последовало историческое дело гругих.

Если всмотреться в планировочный каркас Верхнего города, непременно заметишь, что улица Владимирская — глинная-предглинная, — начинаясь (вопреки правилу нумерации домов) от привокзальной улицы Боженко на юге, заканчивается Андреевской церковью на севере. Эдакий бунчук с конским волосом спуска, или — лучше — наколотая на конкретный Владимирский шесток метафора сперматозоида: головка — овальный план Андреевской церкви, жгутик — Андреевский спуск, извивно крадущийся к церкви с Подола.

Андреевскую церковь породила “Повесть временных лет”: благодаря бумаге сложились камни. Это оттого, что воображением человек пытается возместить якобы утраченное. Подавляющее число книг не стоит того, чтобы их читали больше одного раза — “Повесть” переписывали в течение первого трехсотлетия

Знак ордена св. Андрея Первозванного с бриллиантами

русской письменности, а остальные четыреста внимательно перечитывали. Книг о прошлом тогда было немного, и каждый неглубокий человек старался пригавть прокравшемуся сквозь вековую муть свидетельскому слову побольше важности. Важность, черпавшаяся в слове, отражалась не в слове же, — для пространственного оттиска существовал еще один долговечный инструмент: стройка.

Святой Андрей и святой Владимир — бугто братья. Неважно, что между ними столетия, что один едва летописен, а второй просто легендарен. Важно, что их имена, записью сохраненные, зачастили в городской топонимике. Андреевское, поскольку незапамятнее, поминается реже, владимирское, поскольку чуть моложе, поминается чаще. Поблизости расшаркивают осеннюю листву архангел Михаил и княгиня Ольга.

С именем Владимира в Киеве связаны не только памятник князю, Университет, Владимирская горка, Владимирский спуск, Владимирский собор, июльский крестный ход и учрежденный Екатериной Великой орден св. Владимира, но и улица Владимирская, с расположенным на ней Университетом, выкрашенным в красное и черное — цвета орденской ленты. Улица Владимирская, изламываемая Владимирским же проездом, — основание “креста св. Владимира”, который гонине прочитывается в городском каркасе. “Владимирская улица и Владимирский проезд — фуникулер (ведущий к набережной)” и “Андреевская церковь — Владимирская горка” — две перекладины, скрещивающиеся у Михайловского собора: планировочный стух immissa vel capitata латинского образца. В “основании” этого креста как бы дислоцировано здание Университета — рассадника высших знаний. “Слева” — маячок Андреевской церкви. Просвещение и вера одного корня.

Эллинство дышит в этой фигуре. Скажем, читая лекции о Риме, киевский профессор Юлиан Кулаковский в начале XX века потому писал о Византии, а киевский писатель Михаил Булгаков, мысля о языческом Риме, потому писал о христианском Киеве, что сама городская топонимика первому подсказывала точку отталкивания, второму — точку притяжения. Кулаковский нес свой крест по Владимирской улице в Университет, Булгаков — по тексту “Белой гвардии” — в мировую литературу [3]. Мне нравится такое умозаключение, хотя на эту тему нельзя сказать ничего нового, что стало бы правильным, и ничего правильного, что было бы новым. С самых давних пор люди собирались у костров, кутаясь в шкуру убитого медведя, или сходились кучками на рыночной площади, огнедыша чесноком, чтобы послушать, как рассказывают. Так строительный камень возвращается культуре посредством слышимого слова.

Верно, здесь стоит сказать о колорите киевских улиц, которые питались колоритом расцветки царских фалер: лазоревыми тонами Андреевской цепи петровской и черно-красной екатерининской — ордена св. Владимира. Андреевская церковь и здание Университета — документальные подтверждения. Но архитекторы начала XX века полагали иначе. По воспоминаниям Василия Витальевича Шульгина, зодчий Алёшин считал, что в “общем ансамбле Киев должен был быть белостенным с золотом. Чутьочку золота в узорах, хорошо выработанных историей, узорах, положенных на простые гладкие белые стены. На этом фоне киевские темнолистые тополи будут упоительны” [4]. Здесь всё не так: Алёшин был хороший архитектор, но старомодный. Тополям все равно, что их оттеняет, большинству людей все

Андреевская церковь. Вид с улицы Владимирской, фото конца XIX века

равно, в чем они живут. Но уникальные объекты — церкви и университеты — должны держать марку державного устройства, допустим, по двум высшим орденам Российской империи, хотя бы цветом, если больше нечем, подчеркивая антипровинциальность.

А ведь и вправду симпатичные, убедительные были в России ордена — от первого, св. Андрея (1689) до Анны и Станислава (1831): долговечные ювелирные изделия фабрик Ивана Чучелова и Дмитрия Осипова.

При всей законопослушности нас тешит, когда власть остается в дураках (С. Моэм) — у другой власти. Александр Фёдорович Керенский, вспоминая, как сановных государевых слуг в марте 1917-го по его приказу заточали в Петропавловской крепости, поведал смешное об Иване Логгиновиче Горемыкине, дважды премьер-министре России. “Где ваш орден? — спросил я. — Сильно возбужденный и смущенный старик что-то забормотал, как застигнутый с поличным школьник. — Вы его сняли? — попытывался я. — Нет. — Но где же он? — Бедняга знал, что ему не позволят взять с собой лишние предметы, но был не в силах растаться со своей игрушкой; наконец он решился растянуть пиджак и жилет, начал вытаскивать спрятанную под рубашкой цепь. Я сделал для него исключение, разрешив оставить орден” [5]. Орден Андрея Первозванного “За веру и верность” был вручен Горемыкину в 1915-м, и 78-летний действительный тайный советник первого ранга не успел им набаловаться.

Профессиональный законник Горемыкин не был лишен вкуса: цепь и знак ордена св. Андрея действительно образцы ювелирности, не только изысканно сочиненные, но и державно значимые. Барочная расческа городской ткани, городская буκля Андреевской церкви, верткие формы улиц и не совсем гиблое дело дальнейшего роста — символический съем Киева рубежа наших веков. Нестор написал — мы читаем. Растрелли построил — глядим. Если будем способны совместить летописное с конкретным, сможем понять: оттого ли нет колоколов на Андреевской церкви, что при первом же ударе днепровская вода, якобы спрятавшаяся в Андреевской горе, проснулась бы и залила Киев с Левобережьем? Явленная Нерушимая стена Св. Софии и неявленный Андреевский колокол, хранящие Киев sola fide, — две тонкие духовные конструкции, позволяющие увериться в непоколебимости хода истории: нарушь — не увидишь, что будет.

1. Изборник: Сб. произв. литературы Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачёв. М., 1969. С. 31.
2. Петровский М. Городу и миру: Киевские очерки. К., 1990. С. 95.
3. Пучков А. Рим Кулаковського і булгаковський Київ: Екстериторіальні розбіжності у контексті історії та культури // Мистецтвознавство України. К., 2010. Вип. 11. С. 260.
4. Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 62.
5. Керенский А. Ф. Русская революция: 1917. М., 2005. С. 47.

дом на андреевском спуске

Анатолий КОНЧАКОВСКИЙ, первый директор Литературно-мемориального музея Михаила Булгакова

*Дом есть маленькая копия отечества, в которой
умещаются рождение и младенчество, детство
и юность, зрелость и старость, дряхлость и смерть.
Борис ВАСИЛЬЕВ*

Культовый киевский писатель
Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940)

Не секрет, что каждый, кто оказывается в городе на Днепре, считает своим долгом посетить Киево-Печерскую лавру, побыть на службе во Владимирском соборе, увидеть Оранту, прогуляться аллеями Владимирской горки, а также хоть немного побродить по крутым киевским улочкам.

Ранней весной 1968 года мне довелось принимать московского

гостя — известного литературоведа, крупного исследователя и знатока французской литературы, доктора филологических наук Ф. С. Наркирье́ра. В добрых отношениях с Наркирье́ром я был еще с тех пор, когда увлекся творчеством блестящего автора романизированных биографий Андре Моруа. Фёдор Семёнович не раз встречался с Моруа в Париже, подготавливая

его романы к печати на русском. Ну а мне, в свою очередь, было известно, что гость из Москвы неплохо знает и нежно любит наш город. После надоедливой и затяжной зимы в столице, Фёдор Семёнович покинул Москву и отправился в Киев встречать весну. Отдав должное главным достопримечательностям, перед отъездом он решил оставить время для прогулки по “защитным” местам. Позвонив из гостиницы, мой приятель предложил составить ему компанию, и я охотно согласился. День выдался на удивление погожим. В назначенное время я с женой Светланой подошел к крутой металлической лестнице, ведущей на живописный Андреевский холм с церковью Растрелли. Там мы и встретили элегантного Фёдора Семёновича в отличном настроении. Полюбовавшись Заднепровскими далями с верхней площадки вокруг знаменитого храма, мы сбегали по гулким ступеням вниз к мощенному кирпичом тротуару и зашагали по Андреевскому спуску к центру древнего Подола.

Тем временем наш гость извлек из портфеля голубой томик “Нового мира”, заметив, что в нем помещен очерк нашего земляка Виктора Некрасова “Дом Турбиных”. Мол, еще в Москве он мечтал посетить киевское гнездо Булгаковской семьи и теперь, оказавшись в городе на Днепре, решил вместе с нами отыскать дом “постройки изумительной”, который в грозные годы гражданской войны приютил благородных героев пьесы Михаила Булгакова “Дни Турбиных”. Тот дом, который с 1906 по 1919 годы дал кров семье профессора Киевской Духовной академии имени Афанасия Ивановича Булгакова.

Вскоре мы оказались у подошвы летописной горы Уздыхальницы, на откосе которой приютился несколько усталый двухэтажный дом с красовавшейся на фасаде табличкой с № 13. И хотя дома на этой исконно киевской улице мало чем отличались друг от друга, как и большинство их в самом городе, любовь и привязанность писателя к этим близким и родным сердцу местам преобразили его, сделав “изумительным”.

Первая наша попытка попасть в дом оказалась неудачной. Парадная дверь была заколочена. Однако, немного поднявшись вверх, мы обнаружили в деревянном заборе массивные ворота. Они-то и впустили нас в “маленький уютный покатый дворик”. Неторопливо осмотрев небольшую территорию и террасный сад на склоне крутой горы, мы направились к дому с застекленной верандой на “курьих ножках”. Через узенький мостик справа обнаружились две двери. Ни звонки, ни сотрясение кулаком дверных полотен не дали желаемого результата. Никто не открыл. В

Андреевский спуск № 13

доме никого не было, на праздники его обитатели уехали за город к родственникам.

Огорченные неудачной попыткой заглянуть в покои “Дома Турбиных”, оставив двор и направляясь по Андреевскому спуску вниз, между домами под номером “13” и “11” мы обнаружили ту самую щель, где Николка Турбин прятал коробку с оружием, и сфотографировали здесь нашего раздосадованного гостя.

Проводив Фёдора Семёновича в Москву и ознакомившись с поэтическим очерком Виктора Некрасова, я вскоре вернулся к этому дому. Андреевский спуск в ту пору еще сохранял ауру прежних времен. Почти все дома стояли на своих местах, хотя часть из них была в плачевном состоянии: небеленые, без какого-либо ремонта, с облупленной штукатуркой не только со стороны двора, но и с главных фасадов. Еще не появились горе-реставраторы, которые позднее небрежно раскопали древнюю улицу и вывезли куда-то шифованную брусчатку, заменив ее необработанным камнем с острыми краями, по которым и поныне передвигаться непросто.

Подойдя к обшарпанному, серому, явно требовавшему капитального ремонта дому, я обнаружил, что парадная дверь все еще заколочена. Но на стене слева можно было разглядеть нацарапанную острым предметом надпись большими буквами: Дом Булгакова. На стене и тротуаре потеки краски — кто-то пытался замазать эти слова. Однако краска не помогла, и буквы просвечивались сквозь свежую желтизну.

С тех пор не однажды я заглядывал в небольшой аккуратный зеленый дворик, прежде чем решился постучать в дверь, к которой можно было попасть через мостик, перекинутый над “мрачным подземельем”. Переступив порог, я очутился, как мне показалось, в знакомой обстановке. В сравнительно большой комнате, которая была преобразована под кухню, у белоснежной изразцовой печки пожилая женщина что-то готовила. Выяснив цель моего визита, она, оставив работу, пригласила в свою комнату — за дверь с высоким порогом, в уютное помещение с двумя окнами на улицу.

К визиту я был подготовлен очерком В. Некрасова и с первых шагов начал догадываться, кто перего мной. Действительно, моя собеседница назвала себя Инной Васильевной, дочерью бывшего хозяина дома Василия Павловича Листовниченко, у которого семья Булгаковых снимала квартиру. Разговорившись, я был приятно удивлен тем, что Инна Васильевна сменила свою девичью фамилию на “мою” и давно носит фамилию мужа, Николая Ивановича Кончаковского.

Студент Миша Булгаков,
1909 и 1913 годы

Михаил Булгаков, 1930-е

Мемориальная доска
на доме № 13 [скульптор:
Анатолий КУЩ, 1981]

То ли общая, не очень распространенная фамилия, то ли взаимная симпатия, позволили мне сразу почувствовать себя уютно и впоследствии нередко бывать в этом доме. Инна Васильевна охотно рассказывала об отце, гражданском инженере и архитекторе, которого просто обожала, и никак не походившего на несимпатичного Василису из романа Булгакова “Белая гвардия”. Она с волнением вспоминала о визитах к ней Некрасова и сокрушалась, что в известном на всю страну журнале он так нехорошо описал их первую встречу, а главное, что в качестве прототипа Василисы “осмелился” назвать ее отца.

Она много рассказывала о семье “квартирантов Булгаковых”, которые занимали второй этаж дома (домовладельцы жили на первом), о дружбе с младшими их детьми, а также о скромной свадьбе старшего их сына Михаила с приехавшей из Саратова Татьяной Лапа, показывала фотографии из семейных альбомов. Среди любительских снимков нашлось и оригинальное фото семьи Булгаковых на ступеньках их дачи в Буче.

Инна Васильевна показывала комнаты, которые занимали их прежние квартиранты, вспоминала меблировку каждой из них. А однажды познакомила меня с соседями, которые проживали на втором этаже, рядом с ее семьей. Соседи занимали две угловые комнаты, окна которых выходили в знаменитую щель и просторную кухню. У соседей в передней стояло большое в деревянной раме зеркало из меблировки Булгаковской квартиры.

Инна Васильевна, вспоминая о семье Булгаковых, всегда выделяла Варвару Михайловну, мать писателя, говоря о ней, как о воспитательнице, обладавшей незаурядным умом, и о ее умении вести большой дом...

Перечитывая роман “Белая гвардия”, я ощутил совпадение всего, что показывала хозяйка квартиры, с тем, что описал Михаил Булгаков, — и захотелось увидеть на Андреевском спуске не просто уютный дом с жилыми помещениями, а Музей писателя Булгакова. Исподволь я начал думать, как осуществить эту непростую идею.

Первым делом попросил Инну Васильевну разрешить переснять из ее семейного альбома некоторые фотографии. Она любезно откликнулась на мою просьбу.

Узнав, что я по служебным делам собираюсь на Кавказ, Инна Васильевна попросила навестить в Туапсе Тасю — первую жену писателя, Татьяну Николаевну Кисельгоф. Она хорошо помнила Тасю, писала ей, но переписка как-то не сложилась. Признаюсь, я был несказанно рад просьбе и, посетив в конце 1970-х Туапсе,

познакомился с Татьяной Николаевной. Тогда ей было за восемьдесят. Несмотря на возраст, выглядела она богдро. Без посторонней помощи управлялась с нехитрым хозяйством в стандартной однокомнатной хрущевке. По утрам регулярно ходила за покупками, посещала кинотеатры и живо интересовалась событиями в стране и за рубежом. К счастью, она сохранила хорошую память и рассказывала много интересного о своем первом муже, Михаиле Булгакове, тогда еще неизвестном широкой публике, об их совместной жизни во время революций, многочисленных переворотов и войн.

В один из моих визитов Татьяна Николаевна подарила мне бронзовую настольную лампу, под светом которой создавался роман “Белая гвардия”. А позже — “сухарницу”, на которой молодым, Татьяне и Михаилу, в день их венчания 26 апреля 1913 года были поднесены свадебные подарки. Тогда же хозяйка дома решила расстаться с оригинальными, чрезвычайно редкими фотографиями из своего ветхого семейного альбома, надеясь, что в ближайшем будущем на родине писателя, в Киеве, будет обустроен его Музей...

Как-то в Москве я посетил вечер Галины Панфиловой-Шнейтер, проходивший в музее МХАТ. Несмотря на неблагоприятный для “запрещенных писателей” климат застойных годов, она очень смело и интересно говорила о булгаковской драматургии и о сложных взаимоотношениях “писателя из Киева” с властью. Мы познакомились и с тех пор поддерживали дружеские отношения. Оказалось, что Галина Георгиевна была близкой подругой Любови Евгеньевны Белозерской — второй жены Михаила Булгакова — и свои рассказы о писателе основывала, отчасти, и на почерпнутых от нее сведениях. Уже после смерти Любови Белозерской Галина Георгиевна передала мне несколько книг из библиотеки писателя, доставшиеся ей от подруги, и некоторые личные вещи Булгакова.

Знакомство с женами великого писателя, Татьяной Николаевной и Любовью Евгеньевной, и его племянницами, Еленой Андреевной Земской и Варварой Михайловной Светлаевой, позволило мне расширить свои представления о выдающемся киевском писателе и создать настоящую коллекцию булгаковских реликвий.

Так, шаг за шагом, охота за редкими сведениями и свидетельствами о Михаиле Афанасьевиче стала настоящей моей страстью. Часто заезжая в Москву, я встречался с грузьями и приятелями великого Булгакова. С Марикой Артемьевной Чимишкян, Натальей Абрамовной Ушаковой, Сергеем Александровичем Ермолинским. К счастью, в Киеве здравствовали уже далеко немолодые сестры Кудрявцевы, дочери коллеги (по Киевской духовной

академии) отца Булгакова, которые помнили юного Михаила. Они делились воспоминаниями о писателе, передавали для музея уникальные фотографии и книги из отцовской библиотеки. Внук хозяина дома по Андреевскому спуску 13, Валерий Кончаковский подарил музею два старых подсвечника, стулья и диванчик из домашней обстановки прежних квартирантов своего гедга. Скоро об увлечении узнали приятели и грузья. В результате, на огонек ко мне заглядывали почитатели творчества Михаила Булгаковаизсамыхразныхгородовбольшойстраны.Заканчивались 1970-е. Коллекция вполне могла послужить фундаментом будущего музея, и я обратился в городские инстанции, ведавшие “культурой”, с предложением безвозмездно создать на ее основе Музей Булгакова. Как и следовало ожидать, мне отказали, сославшись на то, что экспонатов мало, да и сам дом на Андреевском спуске ветхий, не выдержит не только посетителей, но и мемориальной доски. Тогда мне было неведомо, что в обращениях ко власти имущим я был не одинок. Но как водится, на всякие инициативы у чиновников имелись стандартные отказы.

Наступил 1981 год. Управление культуры города все же решило отметить девяностолетие со дня рождения известного всему миру писателя-киевлянина и установить мемориальную доску на доме, где в начале XX века жил Михаил Булгаков. Киевский скульптор Анатолий Куц в короткий срок создал оригинальный памятный знак с портретом писателя. К сожалению, в юбилейном году доска не была установлена. И только в следующем, 1982 году, ее водрузили на фасаде дома по Андреевскому спуску № 13, без официальных церемоний. И хотя основные “карнавные” события на Андреевском спуске еще не начинались, власти Подольского района были не против открыть на первом, уже отселенном этаже дома театральную выставку по произведению знаменитого земляка.

В Киеве еще нашлись люди, которые были готовы поделиться своими семейными архивами ради создания музея любимого писателя. Кира Питоева сохранила переписку своего отца с Надеждой Афанасьевной, сестрой писателя, а также театральные афиши, программки, билеты — летучие знаки эпохи. Татьяна Rogozovskaya собрала афиши булгаковских театральных постановок, прижизненные издания писателя и книги Булгакова, вышедшие за рубежом.

В 1989 году, на излете Перестройки, отцы города, понимая, что в обществе таки происходят коренные перемены, приняли решение создать при Музее истории Киева “Литературно-

мемориальный музей Михаила Булгакова”. Таким образом, в преддверии столетнего юбилея автора романа “Белая Гвардия” (это знаменательное событие было не за горами) все наши единомышленники, участники проекта, принялись за работу по восстановлению рогового гнезда писателя и одновременно — места, из которого разворачиваются все действия знаменитого романа. Возглавила ее Тамара Евгеньевна Хоменко, директор Музея истории Киева, при активной поддержке первого секретаря Подольского райкома партии Ивана Николаевича Салия. В штат создающегося музея сразу были приняты высококвалифицированный инженер-строитель и киевовед Дмитрий Васильевич Малаков, а также автор этих строк. Вместе с реставраторами мы приступили к восстановлению дома по Андреевскому спуску и приспособлению его под музей.

Автором проекта реставрации стала Ирина Магомедовна Малакова, главный архитектор проектов института Укрпроектреставрация. По ее замыслу следовало восстановить первоначальную планировку квартиры на втором этаже. Непременным условием было также сохранение главного фасада, паркетных полов, дверей, кафельных печей, ступеней парадной лестницы. Следуя маршрутами передвижений по квартире героев романа “Белая гвардия”, можно было получить точные координаты почти всех помещений в доме. В надежде восстановить следы прошлого были тщательно обследованы стены, каждый дверной и оконный проем. И поиски увенчались успехом — многое удалось отыскать.

Уже “на половине Тальбергов”, на стене в правом углу у окна, был обнаружен небольшой заштукатуренный крюк, на котором прежде была укреплена икона. Значит, автор романа “Белая гвардия” не фантазировал, а изобразил на страницах существовавшие в доме реалии: Елена стоит в своей комнате на коленях перед иконой Божьей матери и отмаливает Алексея...

Многочисленные гости Андреевского спуска у излучины этой самой мистической киевской улицы, возле дома № 13, как правило, замедляют шаги, рассматривая недавно установленный здесь памятник Михаилу Булгакову, а затем обзревают “дом постройки изумительной”, с двумя памятными досками на фасаде. А желающие увидеть “семь пыльных и полных комнат”, ощутить все, что происходило здесь, когда в нем “жили” доктор Алексей Турбин, его сестра — рыжая Елена, и их младший брат юнкер Николка, — могут взлететь по той же крутой парадной двухмаршевой лестнице и подняться на второй этаж.

мой андреевский спуск

Виктор КИРКЕВИЧ, киевогег

Смело утверждаю, — ни одна из киевских улиц не имеет такого четкого предназначения, как эта. Даже Крещатик, который специально предназначен для прогулок в воскресные и праздничные дни с запретом проезда транспорта, Андреевскому спуску не конкурент. И это потому, что центральная улица нашего города, как ни старались ее преобразить и насытить, вместе с Майданом Незалежности, памятниками, скульптурами и другими разными “финтифлюшками”, не получилась местом массовых прогулок и проведения экскурсий. Только какой-нибудь заезжий рок-концерт может собрать здесь толпы молодежи. Сразу оговорюсь, что “Оранжевая революция”, в которой я принимал активное участие, — особый случай.

КИЕВСКИЙ МОНМАРТР

Став местом встреч художников, творческих людей, а то и просто интеллигенции, Андреевский спуск стал притягивать киевлян и гостей города своими многочисленными лавочками, распродажами различных предметов искусства и коллекционирования. Вот и потянулись сюда люди, чтобы приобрести какие-нибудь сувениры, а то и просто поглазеть, публично заявить о своей “культурности”. А потом в кругу домочадцев рассказать об увиденном. Это явление особенно усилилось после подорожания билетов на культурные мероприятия.

Благодаря толпам зевак, группам экскурсантов, иностранцев, персонам, специально пришедшим сюда, чтобы что-то приобрести, заказать картину или другое произведение искусства, можно смело говорить об Андреевском спуске, как о “Киевском Монмартре”. Побывав не раз в известном месте в Париже, могу заявить, что тому прославленному району далеко до нашего Андреевского — его слава в прошлом! Слово “сувенир” также к нам пришло из Франции, что означает “напоминание”, “воспоминание об увиденном”. И когда начинаешь прогулку по живописной, а иначе не назовешь, улице, протискиваешься, словно корабль среди льдин, между толпой продавцов этой сувенирной продукции.

“Художническое” предназначение спуска проявилось двадцать лет тому, с первыми проявлениями демократии. Подобное было невозможным в советском обществе, поэтому с каждым годом становится здесь толпа многочисленнее, особенно во время больших празднеств и народных гуляний. Вот почему утверждаю, что улица связана не только с возникновением Киева, но и с получением Украиной государственности. Поэтому раз в году она становится центром города, местом, где проходит празднование Дня Киева, — раз в год, в последнюю субботу и воскресенье мая. В эти дни здесь проходят основные концерты, шествия, маскарады. Одно время даже президенты, когда играли в демократию, проходили по Андреевскому спуску. Празднует весь город, да что там — вся страна! И отовсюду приезжают сюда художники, народные умельцы — производители сувенирно-безделушной про-

дукции, заранее с пятничного утра занимают места — надеются на какой-нибудь прибыток. Но вкусы потребителя меняются, а покупательная возможность падает. Да и сколько можно покупать эти примитивные изделия из дерева или глины!

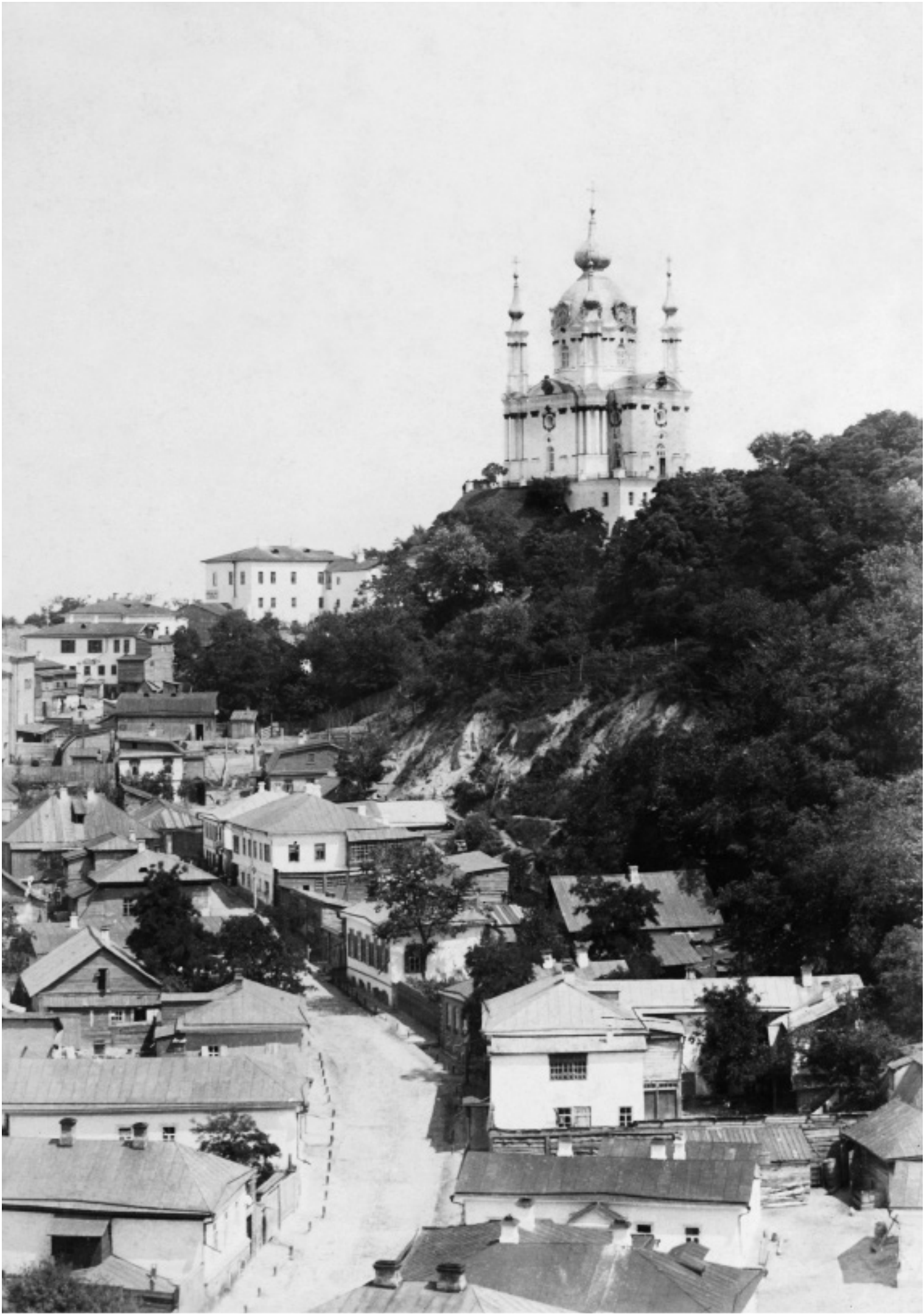
Когда все разъезжаются по своим городам и весям, после уборки мусора на Андреевском спуске остаются постоянные торговцы сувенирами, кучкующиеся, в основном, у церкви св. Андрея. Но празднество — раз в году, а в остальное время, невзирая на погоду, по спуску ходят группы туристов, влюбленные парочки или добροжелательные жители показывают любознательным гостям “самую киевскую улицу”.

Андреевский спуск более всего любят творческие люди. И не потому, что здесь расположены их мастерские или можно выгодно продать свою продукцию. В первую очередь эта извилистая улица вдохновляет на творчество, заставляет создавать прекрасное. И эта особенность сложилась давно, поэтому здесь много музеев, выставок, художественных и антикварных салонов, лавок, концертных площадок, театр, и еще... много всего, что душа интеллигента пожелает. А для широкой публики здесь расположены уютные кофейни, пивные бары.

Еще до, слава Богу, ушедшей яростной борьбы партийной номенклатуры с потреблением алкоголя, в укромном уголке с простой, незатейливой надписью “Під липою”, можно было опрокинуть заветные сто грамм водочки, да закусить бутербродиком с салом и чесноком, и запить все это стаканом томатного сока. Покупали этот “набор” в ограниченном количестве. Ах, что это я об этом, но иначе нельзя — какая же прогулка по Андреевскому спуску без чарочки. Уверен, что бороться с пьянством, ограничивая доступ к водке — это то же самое, что бороться с поносом — ограничивая доступ к сортиру.

Мне, коренному киевлянину, хочется рассказывать об Андреевском спуске как душа прикажет. Я-то знаю, что улица давно известна во всех уголках Земного шара. Кто хоть раз бывал в Киеве, прошел по ней, никогда ее не забудет. А потому не важно, стоит ли на видном месте или валяется в ящике стола, который никогда не открывается, купленная здесь какая-нибудь вещица. Именно на Андреевском спуске ощущаешь какую-то особенную неповторимую ауру — нужно иметь лишь желание ее почувствовать. И в этом поможет Киев: если каждая его улица — мелодия или музыкальная фраза, то сам город соединяет их в величественную симфонию!

Извилисто протекая среди летописных гор, улица создает какое-то особенное настроение, после каждого ее посещения дает возможность ощущать праздник. Возле Андреевской церкви понимаешь значение слова “пребывание”, потому что корень, суть этого слова — в “бывании”, бытии. С киевских гор умудряются не только предсказывать (они к этому привычны), но и даже полететь, потому что, взойдя на них, можно почувствовать “магию места”, сокровенность древнего города. Но даже если ваши чувства

Андреевский спуск, фото 1890-х гг. (архив: ГНАСБ)

Верхи и низы Андреевского кафедрального собора, фото 1920-х гг. [архивы: НЗ "София Киевская", НДФ 3924, 3916, 3902, и ГНАСБ им. В. И. Заболотного]

притупились из-за житейской суеты и постылого окружения и не раскроются для романтического восприятия, то воспользуйтесь фотоаппаратом или кинокамерой и фотографируйте, снимайте великолепные пейзажи, которые открываются перед вами. А если у вас дар художника, то рисуйте, пишите картины.

Это лирическое настроение навеяно Андреевской церковью — самым изящным из киевских храмов, особенно, если смотреть на церковь снизу, со стороны Подола. А кто на возлюбленных смотрит свысока? Глядя вверх, особенно ощущаешь всю ее архитектурно-художественную законченность. Принято считать, что эта прелестная красавица построена на том месте, где св. Андрей вогурил Крест с пророческими словами, именно там, где и была поставлена в XI веке Крестовоздвиженская церковь.

Его назвали Первозванным, потому что он первый призван провозгласить святость Иисуса. Когда во время странствий Андрей добрался на север Скифци, то спросил у местных жителей, желавших стать христианами: “Чем вы укрепляете свою веру в Господа? Где ваша самоотдача? Почему я не вижу самобичевания или иных подвигов по покорению плоти?” Местные жители, желая продемонстрировать преданность новой вере, повели его в баню, где он увидел голых людей, которые, обливаясь кипятком, хлестали себя вениками. Это зрелище привело апостола в трепет, не веря своим глазам св. Андрей подошел, чтобы убедиться, правильно ли все он понял и хорошо ли разглядел. Тут и его окатили горячей водой. Он в ужасе возопил “Россика!” (“горячая вода” по-гречески). Так объясняет происхождение названия нашей страны Павел Алеппский, в 1653 году побывавший в Киеве. Святой апостол Андрей впоследствии пояснял, что люди живущие у края Земли, — украинцы, — люди мужественные и не жалеют себя во славу Господа. С приведенным рассказом можно познакомиться в апокрифе об апостоле Андрее Первозванном, который получил распространение на Руси.

На месте ветхой Крестовоздвиженской в 1744 году императрица Елизавета выказала желание построить новую церковь. За основу было взято предложение В. Растрелли соорудить церковь в стиле барокко. Вся масса церкви, построенной на склоне непрочной горы, опирается на двухэтажное здание-стилобат, являющееся ее фундаментом, с восемью комнатами на каждом этаже. Высота церкви — 60 м, без стилобата — 40 м, в плане — 30 x 23 м. Экскурсанты любят спрашивать: “Сколько золота потрачено на купола?” Поэтому сразу отвечаю: 1590 книжек и 20 листов золота. Все внутреннее оформление выполнено в стиле рококо, разработанное также Растрелли.

Церковь, несмотря на изящество и кажущуюся легкость, стоит в очень ненадежном месте, склонном к просадке грунта и сдвигам. Это создает опасность для проведения массовых мероприятий и концертов. Храм постоянно ремонтируют. Фундаментальная реставрация была проведена в 1979 году. На основании найденных в венском музее “Альбертина” чертежей, храму был возвращен его первоначальный вид, позолота и декор. Не все из запланированного Растрелли было завершено к освящению церкви в 1767 году, так как Екатерина II не выделила достаточного средств. По сути, оформление храма закончили современные реставраторы.

В Андреевском храме в 1916 году крестили моего отца. Там же в послереволюционное время до запрета проводилась служба Украинской автокефальной церкви, а в 1942 году церковь была даже Кафедральным собором. Ее конфессиональное предназначение возобновлено и в наши дни. Во время войны оккупационная

нацистская власть запрещала принимать сан, посвящать новых священников, поэтому в 1942 году тайно в теплой, нижней церкви произошло “рукоположение” в епископы племянника Симона Петлюры Мстислава, позднее ставшего первым патриархом УАПЦ. Об этом событии говорит памятная доска, расположенная в помещении, где ныне действует семинария УПЦ КП. В одной из комнат подземной церкви находится захоронение одного из благодетелей Киева и его церковей Александра Николаевича Муравьева. Даже сегодня, открывая его книги, чувствуешь, как сердце переполняется христианской любовью к людям и почитанием святых. Имея на Андреевском спуске свой дом, Андрей Николаевич много сделал для благоустройства улицы. Досужие журналисты любят подчеркнуть, что благодаря непреклонной позиции Муравьева, с Андреевского спуска убрали дома терпимости и вообще из центра города жриц любви. К западному входу в храм под углом улицы ведет крутая чугунная лестница. У многих в памяти остался главный герой фильма “За двумя зайцами” господин Голохвастов в великолепном исполнении Олега Борисова. Эта роль принесла ему всенародное признание. Вскоре он покинул Киев, где играл ведущие роли в театре им. Леси Украинки и переехал в Москву. В финальной сцене фильма по пьесе М. Старицкого незадачливого жениха Свирида Петровича спускают с лестницы. Тут у нее начала и была поставлена городская скульптура с персонажами. Так как Андреевскую церковь всегда любили, то эта бронзовая парочка — Голохвастов на коленях, делающий предложение Проне Прокоповне — стала привычным местом фотографирования молодежи. К слову, вынужден с сожалением констатировать, что Андреевский спуск — это место, где, не выезжая в Брюссель, можно повсюду увидеть писающих мальчиков — много пива, а туалетов нет!

БАЛЮСТРАДА

Андреевскую церковь окружает балюстрада, с которой, восхищаясь прекрасными видами, смотрели вдаль именитые гости Киева, такие как Василий Жуковский, Николай Гоголь, Михаил Погодин, Михаил Максимович и многие другие. Максимовичу это святое место настолько понравилось, что он решил остаться жить в Киеве и стал первым ректором Университета св. Владимира. В своих письмах к М. Погодину он рассказывает об одном случае, происшедшем на балюстраде. “Вместе с Гоголем мне удалось, только на другой день приезда, побывать у Андрея Первозванного. Там, отлучась по делам, я оставил его на северо-западном углу балкона. А когда вернулся я, нашел его возлежащим на том самом месте. Я помню, что из представляющейся оттуда обширной панорамы Киева, тебе, и Тургеневу Александру Ивановичу (проезжающему через Киев в январе 1835 г.), и другим, с которыми я бывал там, всего более нравился вид на Подол и Днепр. Но Жуковский (в октябре 1837 г.) пристальнее всего вглядывался в ту сторону, где Вышгород — град Ольгин, и срисовал себе тот вид. А Гоголю особенно полюбился вид на Кожемяцкое устье и Кудрявец. Когда же мы снова обходили с ним вокруг тех мест, любясь ненаглядной красотой киевских видов, там стояла неподвижно малороссийская молодница в белой свите и намитке, опершись на балкон и глаза на Днепр и Заднепровье. “Чего ты глядишь там, голубко?” — мы спросили. “Бо гарно дивиться!” — отвечала она, не переменяя своего положения. И Гоголь был очень доволен этим выражением эстетического чувства в нашей землячке”.

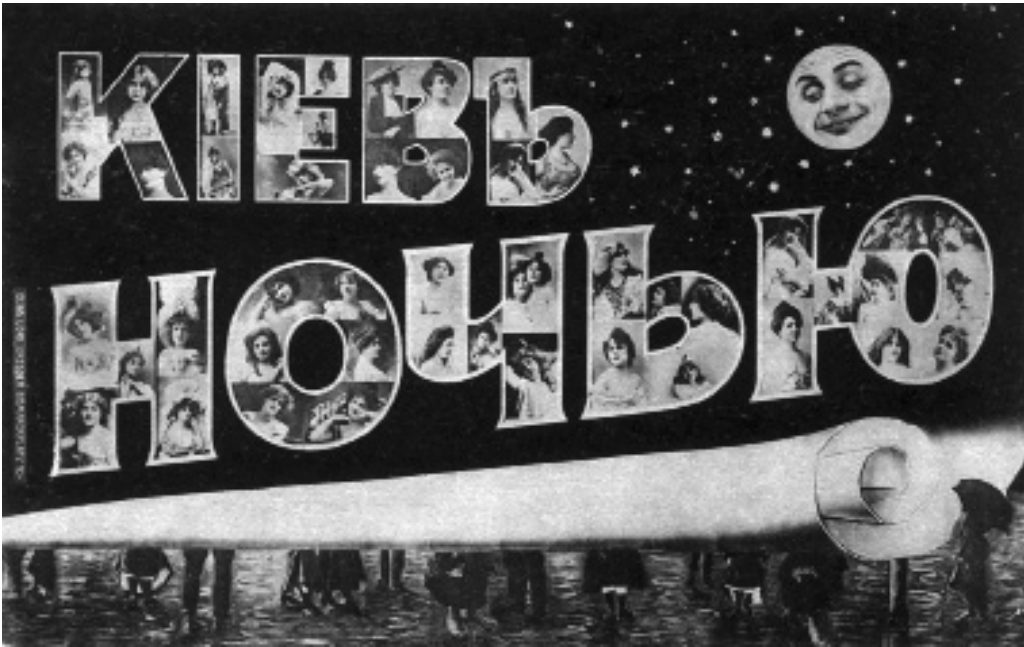
андрей незванный погле первозванного

Михаил КАЛЬНИЦКИЙ, любитель киевской старины

Андрей Муравьев как “пржекторперисхилтон”

В истории Андреевского спуска сыграл заметную роль Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874). Лет полтораста назад известность Муравьева была очень широка благодаря его популярным сочинениям на духовно-исторические темы. Склонности его были своеобразны: родовитый аристократ, он испытывал искреннюю привязанность к религии и ревностно соблюдал все церковные установления. Последние годы жизни Муравьев провел в Киеве. Здесь он приобрел усадьбу прямо перед Андреевской церковью — храмом во имя своего небесного покровителя, апостола Андрея Первозванного. Бывший дом Муравьева по Андреевскому спуску, 38 сохранился донныне. Андрей Муравьев располагал высокими связями в столице, вплоть до царской семьи. Порой он использовал свое влияние для пользы Киева. Так случилось, к примеру, после того, как военное начальство задумало сделать город на Днепре центром обороны обширного юго-западного региона и для этого расширить здешнюю крепость, без того не маленькую. Стратеги в генеральских эполетах собрались использовать для размещения артиллерийских батарей Старокиевские высоты в районе Святой Софии и Андреевской церкви. Мало того, что при этом подвергались риску древние святыни, — многие улицы Верхнего города исчезли бы или потеряли свое значение. Муравьев со всем пылом вступил в единоборство с военным ведомством. Когда военный министр Дмитрий Милютин навелся в Киев, чтобы лично обозреть будущие плацдармы, — Андрей Николаевич добился встречи с ним и, в конце концов, убедил не трогать былинные земли, отстоял киевские горы от артиллерии. Однако, несмотря на его бесспорные заслуги, Муравьева в городе недолюбливали. Слишком уж активно он вмешивался в разные дела, требовал во всем формального соблюдения порядков и законов. Киевляне поговаривали, что напротив Андрея Первозванного поселился Андрей Незванный. Но зато посмертно

Муравьеву оказали высокую честь. Его прах покоится в цокольном строении под Андреевской церковью (на реставрацию которой он, кстати, пожертвовал немало личных средств). Едва ли не самой существенной помощью, оказанной Муравьевым “своему” Андреевскому спуску, была его настойчивая борьба против засилия публичных домов, которые к середине позапрошлого столетия плотно обосновались тут. “Розовый квартал”, понятное дело, отличался всякими ночными буйствами, дебошами, пьяными песнями. Полиция, загобренная щедрыми подношениями, глядела на вопиющее безобразие сквозь пальцы. Мирные жители просто не знали, куда им деваться. Ревнитель благочестия не мог этого вытерпеть. Изогня в день Муравьев хлопотал перед властями — генерал-губернатором Илларионом Васильчиковым и его преемником Николаем Анненковым, полицмейстером Федором Ивенсеном (Ивенсоном) и другими. Благодаря его энергичным усилиям в течение короткого времени с притоками на Андреевском спуске было покончено. Их перевели “за канаву” — в бедную и непривлекательную Плоскую часть, расположенную за Нижним Валом. Сам Муравьев оставил колоритные воспоминания, в которых описаны его усилия по “моральному оздоровлению” Андреевского спуска.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

...Первые два лета имел я помещение в Митрополии Софийской, так как еще не было мне приюта на своей усадьбе. Огна вещь мне была тут невыносима. Вся улица Андреевская сверху и внизу издавна сделалась сборным местом всех непотребных домов города, так что священная гора сия сделалась предметом общих насмешек и как бы позорным именем клеймила названием Андреевской всё непотребное в Киеве. Всякую ночь оглашалась она кликом развратных песен, и часто происходили на ней гра-

ки, так что порядочные люди совестились ходить по ней вечером. Когда помещик Грабовский, купив себе место на горе, узнал, в какой попал он вертеп, он хотел его продать, потому что сделался предметом общих насмешек и чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что я рядом с ним купил себе место... Не мог я оставаться равнодушным к такому поруганию близкой мне по сердцу святыни и всеми средствами старался я удалить соблазн, но при нынешних равнодушных к тому правителях мне бы это никогда не удалось. Когда, бывало, Князь и Княгиня Васильчиковы посещали меня в моем высоком тереме, прямо против которого находились все сии места разврата, я всякий раз обращал их внимание на это беззаконие и показывал окрестные церкви, особенно женскую обитель и семинарию, в совершенной с ними смежности, спрашивал, можно ли терпеть в христианском городе такое беззаконие? Также нагоедал я и губернатору, и полицмейстеру, для которого это служило источником дохода, а он, видя мою связь с Начальником края и с властями столичными, несколько уважал меня; однажды, чтобы отвязаться от моих настояний, он так выразился: “Не будь я Ивенсон, если не прогоню их”. Но при всем этом действовал лукаво, закрывая только те дома, которые были на виду из моих окон. Наскучив этим, я наконец решился его спросить: “Скажите, как Ваша фамилия? Вы уже теперь не Ивенсон!” Этот упрек подействовал. Все дома были переведены за канаву к чрезвычайной радости жителей Андреевской горы, которые приходили меня благодарить, хотя это не было на радость заканавным обитателям, но по крайней мере там не столько соблазна, ибо нет близко церквей. Однако не вдруг прекратился он и на Андреевской горе: сперва продолжались эти заведения только инкогнито, без музыки и с закрытыми ставнями, потом возобновлялись иногда в отдельных домах на время контрактов; даже главная их содержательница ездила в Петербург жаловаться на меня министру Внутренних Дел, и Валуев сделал даже формальный запрос Генерал-Губернатору Анненкову: по какой причине дома сии были выведены с Андреевской горы, когда они отстояли более чем на 50 сажень от церкви? Спасибо Анненкову, что он отстоял, но дело тогда только упрочилось, когда сам министр при посещении Киева убедился, до какой степени было это неприлично. Расскажу по сему случаю смешной анекдот. Однажды я ехал с Генералом Фитингофом, весьма благочестивым немцем, на так называемом “петухе”, т. е. одноконном извозчике. Добрый старик стал давать родительские наставления молодому извозчику, внушая ему, чтобы он не пил водки и был честен, так что тот, наскучив его советами, спросил: “Да куда Вас везти?” — К Муравьеву, — сказал Фитингоф, — ты знаешь ли его? — Знаю, у Андрея, — отвечал он. — А добрый он человек? — спросил опять Фитингоф. — А кто его знает, — резко отвечал мальчик, — одно только знаю: смерть б... не любит, всех разогнал с горы. Смутился добрый немец: “Ах, как ты так можешь говорить о Киеве! — сказал он. — Это такой святой город!” — И, барин, — возразил извозчик, — здесь только огни стены святыи, а все люди поганыи. И действительно, это справедливо. От последнего непотребного дома, который оставался по соседству церкви, уже не на улице, а на крутизне в глухом месте, избавило нас не распоряжение нынешнего начальства, равнодушного ко всем бесчиниям (начиная с Шато-де-Флер, где кутят под всякий праздник), но

осенний обвал самой горы, который бы задал на месте всех беззаконных жилищ, если бы это случилось ночью. Вслед за тем снесено было с горы шесть мещанских домов, и на гнях мне говорил один из жителей, что их наказал Апостол за то, что терпели в своем соседстве такое беззаконие.

Из мемуарных записок Андрея Муравьева

Так Муравьев обеспечил себе и своим соседям подходящую “ауру”. Впоследствии она производила должное впечатление на гостей “Андрея Незванного”, посещавших его дом. Среди них был и поэт Фёдор Тютчев, побывавший в Киеве в 1869 году. Он написал стихотворное посвящение Андрею Муравьеву:

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь — очам на гиво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, —
К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там — не праздный житель, —
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без удивленья
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?..

Трудно вообразить себе — прозвучали бы эти строки столь же высокомерно, если бы ко времени приезда Тютчева у подножия Андреевской церкви еще сохранялись дома терпимости? Но великий лирик был своевременно избавлен от лицецерения киевской “клубнички”.

Начало Андреевского спуска, фото 1920-х гг. — дом № 2-Б, в котором находится “Музей Одной Улицы” (архив: Музей Одной Улицы)

музей одной улицы

Дмитрий ШЛЁНСКИЙ, директор Музея

МУЗЕЙ: УЛИЦА

Бывают разные города, бывают разные улицы, бывают разные музеи. Музей Одной Улицы — явление уникальное не только для Киева. Отечественная и зарубежная культура знает огромное количество музеев. Но посвященных истории только одной улицы нет нигде в мире, кроме как в Киеве. Музей Одной Улицы был создан в 1991 году общественной организацией — Творческим объединением “Мастер” на волне демократических преобразований украинского социума. Общественная инициатива на рубеже 1980–1990-х годов заложила своеобразный фундамент открытого гражданского общества. Не стала исключением и деятельность Творческого объединения “Мастер”. В 1988 году тогда еще молодежная формация стояла у истоков Музея М. А. Булгакова. Многие до сих пор вспоминают выставки “Киев Михаила Булгакова”, “Михаил Булгаков и Белая Гвардия”, “Господа гимназисты”, проходившие в усадьбе № 13 по Андреевскому спуску. Благодаря этому Дом Турбиных привлек внимание государства и в 1991 году был открыт мемориальный Дом-музей М. А. Булгакова.

А Творческое объединение “Мастер” направило свои усилия на создание музея, в котором рассказывалось бы о среде, микрокосме, воспитавшем и взрастившем не только великого киевского писателя Михаила Булгакова, но еще многих и многих известных деятелей отечественной культуры и науки. Впервые Музей Одной Улицы распахнул свои двери в День Киева 1991 года в доме № 22-Б по Андреевскому спуску. А в декабре 1998 года музей переехал в новое помещение по Андреевскому спуску, № 2-Б. Здесь, в обновленной экспозиции воплощены переговые, во многом неожиданные идеи, которые весьма нехарактерны для всего постсоветского музейного дела. Но именно “извечная жажда новизны” и привлекает в музей все новых и новых посетителей. С путаных, неправдоподобных и романтических рассказов о Киеве для многих начиналось настоящее увлечение историей. Легенды живут на Андреевском спуске издавна — ведьмы и языческие боги, крещение Руси и средневековый Замок, иезуитский коллегиум и Андреевская церковь, Замок Ричарда и Дом-терем.

ЛЕГЕНДА О НИЩЕМ

Народная молва связывала с Андреевской церковью множество легенд. Так, одна из них гласит о том, что под престолом есть источник, где ангелы играют с водой, поэтому раз в год туда опускают целый воз шерсти, чтобы чудесный рогник не смог затопить весь Киев. Об одном из нищих, побравшемся на паперти Андреевской церкви, сложили целый миф. Одетый в невообразимое тряпье, он сидел на чугунных ступенях не один десяток лет. Его внешний вид вызывал у прихожан столько сочувствия, что подавали ему хорошо. После смерти легендарного нищего выяснилось, что “промысел на ступенях церкви” принес ему барыши, позволившие открыть на Шулявке публичный дом, доходы от которого сделали его дочь богатой невестой.

МУЗЕЙ: КОНЦЕПЦИЯ

В основу концепции музея положены несколько принципов. Один из фундаментальных — максимально приблизить историю улицы и города к Личности. С этой целью в оформлении интерьеров и экспозиции музея использованы стилизованные художественные формы конца XIX — начала XX века. Этот прием позволяет приобщить посетителя музея к тому недавнему периоду истории, который тесно связан в подсознании наших современников с жизнью родителей, бабушек и дедушек.

ЛЕГЕНДА О ТЕРАПЕВТЕ

Однажды в лихие годы гражданской войны знаменитого киевского терапевта Феофила Яновского, который начинал свою практику в доме № 17 по Андреевскому спуску, ночью остановила и ограбила шайка налетчиков. Среди украденного были рецептурные бланки и печать доктора. Видимо, не случайно, на следующее утро украденные вещи были возвращены всеми любимому и известному доктору вместе с записочкой, в которой глава шайки приносил свои извинения за причиненные неприятности.

МУЗЕЙ: ВЕЩИ

Отдельно стоит отметить внешние витрины музея, которые представляют собой прообраз коммунальных квартир — здесь работает подольский портной, читает газету заказчик и мирно кто-то спит, вытянув ноги прямо под столик с кипящим самоваром. Рядом “барышня из пенсионера” разучивает на “форте-пьянах” популярный романс. Вход в музей также необычен. С одной стороны, мы как бы стоим еще на улице, где нас поражает обилие торговых вывесок, находившихся в свое время на Андреевском спуске, и встречаются несколько колоритных парочек-фигур, прогуливающих по спуску, а также вездесущий дворник, традиционно метущий мусор прямо на нас. С другой — уже царство домашнее. Здесь подлинная конторка и иллюзорное зеркало со старинной улицы из Зазеркалья. А с потолка несетя на нас коляска с парочкой влюбленных, лающие собаки, негодующие франты, изломанные фонари и дома, так напоминающие загадочные картины Марка Шагала. И уже на самом входе в экспозицию, в простенках — два зеркала создают потрясающий эффект раздвижения стен, показывая бесконечность истории и бытия. Своеобразным ходом являются и “кладовки с забытыми вещами” — на антресолях посетители увидят загадочно белеющий череп тура и древнегреческую амфору, в крохотной археологической витрине мелькнет фрагмент детской игрушки времен

Ярослава Мудрого, нарочито и гордо проплывет прялка с нитями языческой богини Мокоши. На уровне же экспозиции мир вещей представлен витринами с интерьерами киевских домов — кому-то понравится будуар с полным набором предметов и элементов дамского туалета прошлых веков, для кого-то интересным покажется столовая с сервированным столом, а для почитателей коммерции в полном великолепии предстанут интерьеры мастерских и лавок Андреевского спуска. Этот предметный мир условно разделяет экспозицию музея на две части — мир женщины и мир мужчины. Для мира женщины характерны забота о внутреннем устройстве дома, создание уюта и комфорта — художественное и образное решение первого зала вводит посетителя в мир домов Андреевского спуска.

ЛЕГЕНДА ОБ ИСТОРИКЕ

Одной из самых романтических историй, которые помнит Спуск, был роман известного историка Николая Костомарова и пианистки Алины Крагельской. В 1847 году Костомаров поселился в доме Монькиных возле Андреевской церкви и начал приготовления к свадьбе. За день до назначенной даты его арестовали как участника Кирилло-Мефодиевского братства. Не желая связывать с Алиной свою “уже пропадающую жизнь”, ученый разорвал помолвку и вскоре отправился в ссылку. Но через 26 лет он возвратился в Киев, встретился со своей старой возлюбленной, и вскоре они обвенчались.

МУЗЕЙ: ФРИЗ

Мир мужчины направлен вовне — путешествия, ремесло, коммерция, войны и скитания, вечные спутники истории любого народа. Этим образам отдано предпочтение во втором зале. Так современная философия постмодернизма пронизывает каждый уголок и каждую витрину этого музея. Любой посетитель сможет самостоятельно выстроить обзор, отдавая предпочтение изучению документальных витрин либо осмотру интерьеров. И даже загадать желание. В музее хранится подлинная оконная рама-решетка веранды дома Булгакова. Достаточно подержаться за нее рукой и все ваши заветные желания исполнятся. Объединяет экспозицию в единое целое “фриз” — стилизованная компиляция из киевских рекламных текстов начала XX века. Этим авторы экспозиции делают четкий акцент на предпринимательстве — основе любого общественного благополучия. Внешняя оболочка призвана лишь оттенять ценность основных экспонатов музея — материалов о возникновении и развитии Андреевского спуска, истории его застройки, фотографий, личных вещей, документов и архивов людей, которые здесь жили. Интерактивность музея позволяет посетителю почувствовать себя неотъемлемой частью истории. Любой киевлянин может принести сюда какой-либо экспонат и тем самым прикоснуться к созданию новой экспозиции. Многие люди, принявшие участие в подобном эксперименте, надолго остались здесь и сформировали кружок так называемых волонтеров — грузей музея, помогающих и работающих на добровольных началах. Кстати, практика волонтерства отражает именно европейский характер деятельности Музея Одной Улицы. И не случайно в 2002 году, на конкурсе Европейского Музейного Форума честь нашей страны защищал Музей Одной Улицы и стал его почетным номинантом.

архитектор, работай с пространством!

Юрий КОВАЛЕНКО, бутафор-декоратор, председатель киевской организации “Китай Клуб”

Мы смотрим на Андреевский спуск как на сформированное веками функционирующее ландшафтно-историческое пространство. Изначально спуск — золотая жила для Киева, связующая нить между Верхним городом и Подолом, функциональный жизнеобеспечивающий поток. Прежде всего, поток товаров и информации, то есть экономическое, культурное, информационное пространство, которое питало Киев, а из Киева питалось государство. Верхняя и нижняя точки спуска представляли собой площади, базары и перекрестки, были функционально наполнены и оживляли спуск, который естественно реагировал на то, что происходило в этих точках.

Сегодня Андреевский спуск превратился в улицу без начала и конца, нигде не ведущую: вверху автостоянка, внизу тупик, по всему спуску сквозняк. Фактически это переулок. И неуютно там потому, что переулком он никогда не был, а был довольно разветвленным пространством, овеиваемым ветрами. Наподобие извилистого русла с притоками, уступами и порогами. И изначальные разветвления сохранились до сих пор, но на них поставлены “заплатки” в виде всяких пристроек и заборов, ведомственных и частнособственнических. Таким образом, пространственная целостность спуска нарушена, фэн-шуйные карманы закрыты, а между верхом и низом потеряно гармоничное взаимодействие.

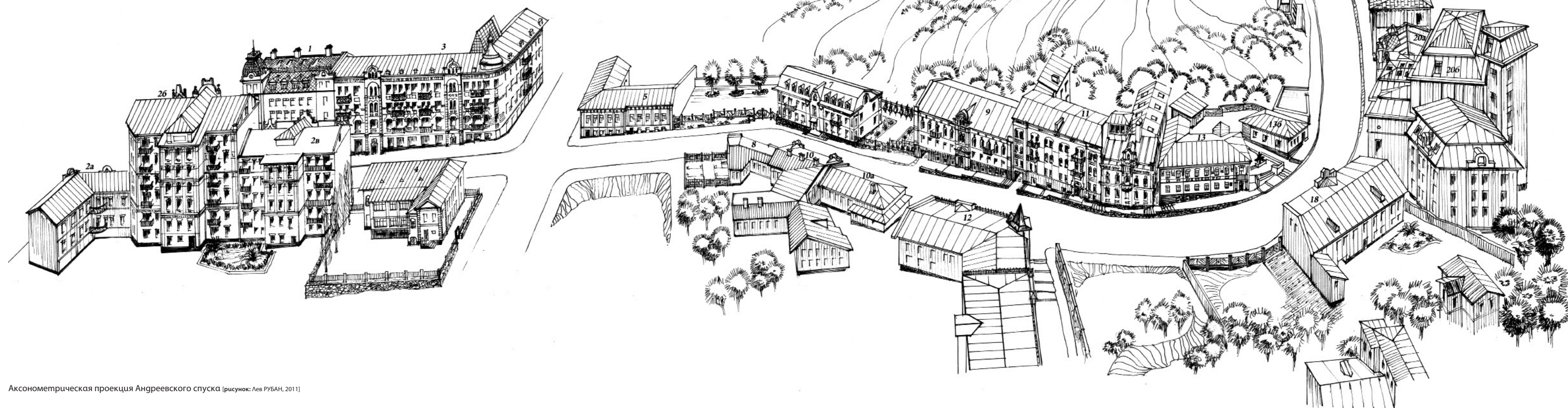
Древний человек, строя свой шалаш, считал жилищем не только само строение, в котором он проводил минимум времени, а пространство, которое он формировал, вписывая строение в ландшафт. С развитием городов функции усложнялись, но суть жизненного пространства оставалась. Со временем, когда

уровень комфортности строений возрос, в человеческом сознании понятие “жилище” как защита стало ассоциироваться исключительно с домом, квартирой, комнатой. Нынешнее состояние Андреевского спуска отражает именно такой, дискретный, подход: спуск воспринимается застройщиками не как цельное контролируемое пространство, а как механический набор независимых “заплаток”.

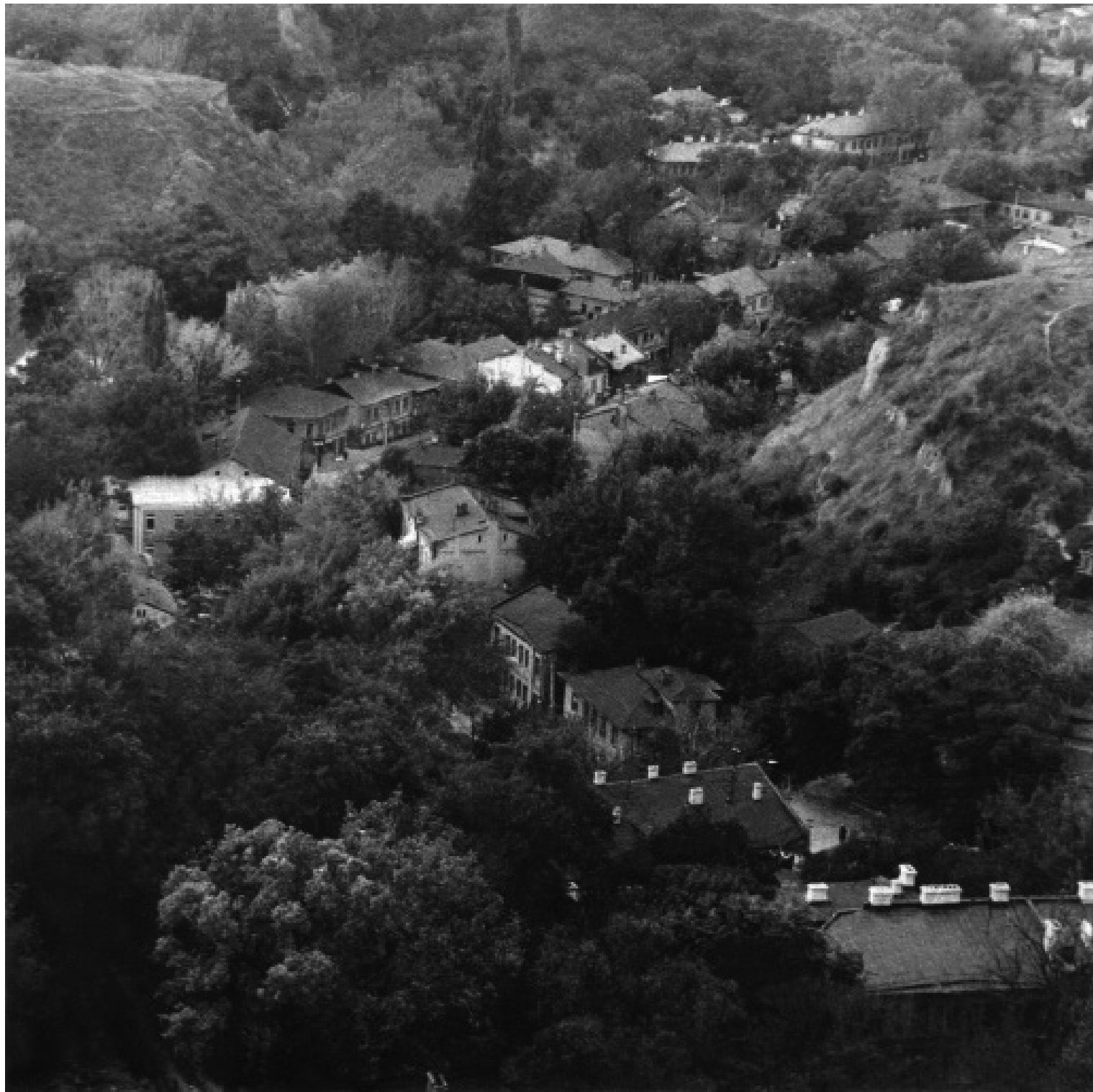
Сегодня мы видим лишь остатки древнего Киева и его изначального пространства. Если говорить о сохранении или восстановлении историко-культурной среды, восстанавливать нужно, прежде всего, это культурное пространство, а не только реставрировать отдельные здания или какой-то интерьер.

Взгляд на Андреевский спуск как на функционирующее пространство, как на поле взаимодействия между точками, вызывает необходимость оживления этих точек, то есть восстановления на спуске естественных процессов. Вверху должен быть прием туристов. Внизу — функциональная зона, где завершается их путешествие по спуску. Тогда будет смысл идти вниз. А пока, находясь на площади перед Андреевской церковью, непроизвольно считаешь упущенную выгоду муниципального бюджета от использования уникальной площадки в качестве тривиальной автостоянки. Туристы же, бросив взгляд на церковь, возвращаются в автобус. Вниз они не идут. Это и понятно: когда попадаешь на Андреевский спуск, сразу ощущаешь, что он сильно напряжен. Отдохнуть там нельзя даже в хорошую погоду. Площадей и скамеек нет, присесть негде, сидят только торговцы на ящиках. Дойдя до конечной точки спуска, чувствуешь усталость, потому что прошел по одной сплошной “торговой

точке”. Все одинаковое: что та матрешка, что эта. Спуск замыкает торец Дома детского творчества Подольского района, в который упирается каждый спустившийся, и, повернув на Контрактовую площадь, попадает в противоположную Андреевскому зону. Но спуск должен не просто соединяться с Контрактовой площадью, а продолжаться на этой площади. Вечером движение здесь возможно перекрывать и устраивать променады, концерты, танцы. Почему бы в Гостином дворе не организовать гастрели малых московских театров? Фестивали? И люди будут приезжать сюда. Не только в Киев, а именно сюда. Конечно же, спуск должен быть пешеходной зоной. Если он не загружен транспортом, его проезжая часть не требует изоляции от дворов. Поэтому естественным кажется раскрытие дворовых пространств в сторону мостовой. Вместо этого сегодня наблюдается обратная тенденция: разрывы между зданиями

Аксометрическая проекция Андреевского спуска [рисунок: Лев РУБАН, 2011]

Аутентичная среда географического истока Киева в 1970-е: улица Воздвиженская, Замковая гора и Андреевский спуск с еще обитаемым "Замком Ричарда"

Разряженная застройка участков №№ 14–16 [аэрофото: Борис МИНДЕЛЬ, 1980]

застраиваются, образуя улицу-коридор. Открыв их, можно во многом оживить пространство по всему спуску. Вверху Андреевский спуск начинается с перекрестка, с пересечения двух потоков энергий "фэн", которые подобно ветру проносятся по двум древнейшим киевским улицам. Один поток движется на север, вдоль ул. Десятинной, и вливается на спуск по прямой. Направление другого задает ось ул. Владимирской. В своем естественном движении на северо-восток, в сторону Днепра и Подола, этот поток встречает преграду в виде периметральной застройки площади перед Андреевской

церковью, и поскольку другого выхода нет, он соединяется с первым потоком, усиливая его в северном направлении. Другими словами, происходит столкновение, которое сквозняком отражается по спуску. Таким образом, в верхней части спуска образуется довольно сильный прямолинейный и нисходящий энергетический поток, а это несет в себе много неприятностей. Одна из них очевидна: оползни Андреевской горы и перманентно аварийное состояние церкви. Как известно, ни укрепление склона, ни дренажные системы эту проблему до конца не решают.

"Туннель" на этом участке создается мощным двухэтажным стилобатом Андреевской церкви, линейной застройкой четной стороны улицы (№№ 34, 36, 38) и закрытием изначальных фэншуйных карманов (дворов и разрывов между зданиями), которые разнообразили бы пространство, придавая ему глубину, извилистость и ослабляя негативное энергетическое воздействие ("шаци") узкой и прямой проезжей части. Восстановлению этих карманов есть смысл уделить особое внимание. В первую очередь таким карманом мог бы стать живописный двор Министерства по делам семьи, молодежи и спорта

Каньон на Андреевском между № 34 и № 36 [фото: Юрий КОВАЛЕНКО, 2011]

(ул. Десятинная 14), откуда открывается непривычный для киевлянина ракурс на Андреевскую церковь: профиль апсиды и южный фасад фронтально, причем с такого близкого расстояния, что сокрушительный визуальный эффект обеспечен. Этот пустующий, со старыми липами двор, куда изредка выходят на перекур клерки учреждения, — идеальное место для камерных концертов, например барочной музыки, а естественным задником сцены послужит сама Андреевская церковь. Кроме того, “запрещенный посторонним” вход во двор находится как раз на продолжении оси ул. Владимирской. Открытие двора будет акцентировать эту ось между зданиями церкви и министерства и освободит путь природному движению энергии, уводя один уличный поток в круговой обход Андреевской церкви и замедляя избыточную “ша-ци” вдоль спуска. Таким образом, открытие в верхней точке спуска проходов для людей и для воздушных потоков разрядит обстановку на самом спуске, сделает его более спокойным, уменьшит сквозняки. Церковь и министерский двор тем самым включаются в естественные потоки и пространство улицы. Аналогичная ситуация с внутренними дворами напротив, которые еще недавно сообщались со спуском и друг с другом, что создавало дополнительный прогулочный маршрут под самым склоном Старокиевской горы. Теперь одноэтажная пристройка-магазин полностью перекрыла разрыв между домами № 36 и № 38, а двухэтажная пристройка-кафе сузила на две трети вход во двор между № 34 и № 36. На первый взгляд, эти вставки как бы незаметны, но они радикально меняют пространственные характеристики места и поэтому являются инородными, несмотря на стремление владельцев вписать их в общий стиль и контекст.

Идущий сверху поток раздваивается на повороте и наполняет

сквер с удачно расположенной в нем беседкой Кокорева. Но это пространство сегодня перегружено монументальной скульптурой, заслонившей и беседку, и сквер. Крупные монументы, несопоставимые участку, сужают поток и провоцируют сквозняк, от которого сооружен щитовой заслон со стороны летнего кафе, чем окончательно это место “убито”. И как закономерный результат — отсутствие посетителей на летней площадке. У дома Булгакова (№ 13) спуск делает поворот на восток, а на север открывается визуальный прострел на Замковую гору и ул. Фроловскую благодаря отсутствию построек на участках № 14 и № 16. Последнее не случайно, поскольку это место идеально подходит для площади и сквера. Основной поток идет вниз, а здесь образуется “заводь”, которая снимает напряжение спуска в его средней части. Судя по фотографиям и планам, активной застройки этих участков никогда и не было. Если максимально открыть гору, она обрамит площадь естественным лесным амфитеатром, и получится шикарное террасное пространство, защищенное нижним кварталом от холодного потока со стороны реки. И, наоборот, любые нагромождения усилят здесь ветер, в чем можно убедиться на примере глинного забора вдоль ул. Фроловской. Таким образом, между усадьбой № 18 и фабричным кварталом должно быть открытое общественное пространство. Оно будет иметь уникальные визуальные характеристики и объединять актуальные городские функции. Прежде всего, это расширение прогулочной зоны для общения и взаимодействия людей, так как на Подоле гулять сегодня негде, проведение общественных мероприятий, в том числе концертных или музейных, поскольку это фактически площадь перед домом Булгакова, так и не ставшего Меккой современной литературы, и так далее. Где сегодня ютятся начинающие драматурги, поэты, писатели? Почему же пусто в некогда уютных живых местах? Как получилось, что в развитии исторической столицы мы потеряли, а не приобрели этот уют? Старожилы помнят, как проходя по Андреевскому спуску, можно было легко встретить знакомого. Что же теперь: Киев превращается в безликий муравейник прямо на наших глазах. Современный горожанин фактически выталкивается из своего естественного, а в случае с Андреевским спуском — и из историко-культурного пространства в рукотворные интерьеры, кафе-клубы, в которых формируется и которыми ограничивается его сознание. В то время как и сам Андреевский спуск, и прилегающие лабиринты дворов могли бы быть заполнены и оживлены. Использование трансформирующихся конструкций давным-давно вещь тривиальная. Что стоит протянуть на тросах легкие перекрытия, устроить пассажи и организовать клубы по интересам: пусть декламируют стихи, звучит музыка, проходят занятия, например, по йоге, ушу, цигуну или что-то еще. И тогда человек начнет путешествие по пространству спуска. За один день он все не обойдет, но он запомнит: я туда не успел! Таким образом, живой трансформирующийся Андреевский спуск имеет все шансы жить круглые сутки насыщенной культурно-общественной жизнью. Перспективы Андреевского спуска таковы. Или мы будем иметь одну глинную нездоровую торговую улицу, ориентированную на продажу расписных лаптей, или полноценное природное и городское пространство, разбитое на секторы, в которых идет чередование функций, пространство, способное обеспечить различные нужды как гостей города, так и киевлян.

духовые зоны спуска и окрестностей

Варел ЛОЗОВОЙ, член-корреспондент Международной академии фронтальных проблем им. Е. Золотова

СПУСК

Итак, каковы же “фронтальные проблемы” Андреевского спуска? “Спуск” можно произносить как “спуск”. Потому что само понятие “спуск” уже обречено по определению. Это то, что вынуждено спускаться. На Спуске, я думаю, в будущем запустят эскалатор. Один — вверх, другой — вниз. Тот, что вниз, будет из экономики энергоресурсов не работать. Спускаться будем пешком. Спуск течет вниз извилисто, и там, где полноводное русло во что-то упиралось, исторически образовались “зуботычины”, “щербини”, “пазухи” и “промоины”. Застройка этих мест волею судеб была разрушена и образовались площадки Андреевского спуска, которые, так или иначе, обыгрываются. Самая мощная и обширная, безусловно, та, которая напротив дома Булгакова. Она образовалась, но не “легализовалась”. Там за забором происходит что-то непонятное. Русло Спуска здесь изгибается, берет вправо, вниз к Подолу, а “прана” по инерции прёт вперед. Она-то и высвободила это место. Там бы площадь создать! Нормальную, городскую, “готическую” площадь, которая будет всем: и рынком, и местом встреч, и общепитом... Эдакой афинской Агорой! Спуск просто нуждается в ней. Он в силу своей “спускаемости” постоянно движется, соскользает, и у него мало мест для задержки движения, “зацепливания”. Где народ бы поварился-покружился погуще, где “прана” бы накапливалась, капсулировалась и трансформировалась в замкнутом алхимическом тигле. Вот что очень важно. Еще одна историческая “пазуха” — выше, напротив гостиницы “Андреевская” и “Ателье Карась”. Но она сквозной перекресток, и там зацепиться “пране” трудно. Некогда здесь было кафе со своей площадкой. Но его смыло течением времени. Иногда, конечно, сам Женя Карась за столиком сидит на крылечке своей галереи, но не более того. Следующая свободная площадка — с беседкой Кокорева, та, что возле мастерской Кавалеридзе. Тут диагноз иной, потому что это не “зуботычина”, которая образовалась в результате разрушений 1970-х и прочих годов, а исторический сквер! Тут пестрит элемент городской мифологии. Это история, связанная с Кокоревым, русским промышленником, банкиром, миллионщиком, который не поленился отстегнуть бабки на благоустройство города. Выделил сумму на постройку беседки, которая тридцать лет провалялась забытая в банке, наращивая при этом проценты. И городской управе хватило честности не разбазарить эти бабки на премии чиновникам, а возвести уже не одну, а две беседки. Они, в общем-то, расположены симметрично по массиву горы, соблюдая идеальный “фэн-шуй”. Одна — на площадке под фуникулером, вторая — здесь, под пятой Андреевской церкви. Ажурная структураковки сильно подвержена коррозии. Но они выжили обе из-за правильного, адекватного расположения! Место это непростое и “фронтально” очень важное. Тут как раз Спуск прорывается между Андреевской церковью и домом № 34. “Горная река” набирает силу, журчит по камням, катит их, и, вырвавшись на приволье, растекается.... А тут — альтаночка, беседочка! “Вода” приутихает, образуя водоворот. Его еще, кстати, нужно обыграть, потому что там сейчас царит некий хаос. Идет реконструкция “Аппендикса”. Вдобавок, на

площадку “наезжают” цыганские шатры всяких кофейно-алкогольных сегалищ. Место еще не организовано космически, не устаканено. Там должен быть свой тортик, свой круговоротик, своя божья симметрия. Душевное место! Это всё мы, получается, ходим, по “потешным зонам”. Архитектура, застройка — это всё зоны, по Золотову, “густотные”. А здесь зоны — “пустотные”. Здесь пустота царит. Но вот как раз она и заполняема “живой жизнью” — людом всяким фланирующим, лотошниками, туристами, уличными музыкантами, клоунами, фокусниками... И более того, она позволяет менять ракурс взгляда на сам Спуск. Ты можешь как бы выйти за его пределы, как гуша, на время покинувшая тело для inferнального обозрения, одновременно оставаясь в нём. Если упомянутые площадки — естественные, “фэн-шуйной праной” пробитые, то напротив мастерской Кавалеридзе — поляна, которая представляет собой “пустой карман”. Здесь “воды и ветра” мало, и они — спокойные. Когда с “Аппендикса” обограла асфальт и засыпали новым гравием, лотошников из него переселили сюда и образовали лабиринт рядов. Увы, очень неприглядно! Сюда просится сквер со скамьями и фонтаном. Здесь идеальная зона релаксации. В общем, Спуск работает как трансмиссия. Это изначально, исторически сложившееся, перемещение “верхней праны”,

Кокоревская беседка [гравюра: Николай СТРАТИЛАТ, 1984]

великокняжеского “гэ” (по-китайски “воля”, “закон”) и распространение его вниз — на народ, для получения от него “гзин” (“благодати”). Верхний город — это власть княжеская. Нижний — это порт, торговля, ремесло. Вот это самая прямая транс-миссия: из града Владимира — в город Подол, и обратно. А Андреевская церковь — это собор-ракета! Для транспортировки духа. Она же, как четырехкрылая ракета, взлетает. Крылья — вот эти башенки. Нуль-транспортничка там как раз и вершится... Вопрос — кого она везет на самом геле? И хорошо бы построить канатную дорожку с вагончиками. Спустить ее со Старокиевской горы, над Спуском. Двухчастную, с “залётом” — на Замковую гору или Уздыхальницу. А потом — на Подол. Как в нормальном курортном городе, который одновременно и герой. Город — герой и курорт!

ЗАМОК

Окраса и логотип Андреевского спуска. Легендарный, острошлемый дом-рыцарь в романтическом стиле английской псевдоготики, возведен в период строительного бума 90-х, в позапрошлом веке. Известный в народе как “Замок Ричарда Львиное Сердце”. На самом геле, к одноименному английскому королю из династии Плантагенетов, герою третьего крестового похода, прямого отношения не имеет. Исключительно опосредованное. Дом под номером “15” заработал свое рыцарское нарицание благодаря одному из своих обитателей — Ричарду, вернее, Рышарду Н., киевлянину польского происхождения. Его семья вошла в состав домовладельцев доходного здания. “Ровесник века”, он прожил в его стенах почти всю свою долгую жизнь. Вплоть до конца 1980-х, когда дом по волево-му решению горсовета решили реконструировать и отвести под гостиницу одного из творческих союзов. А жильцов, естественно, выселить

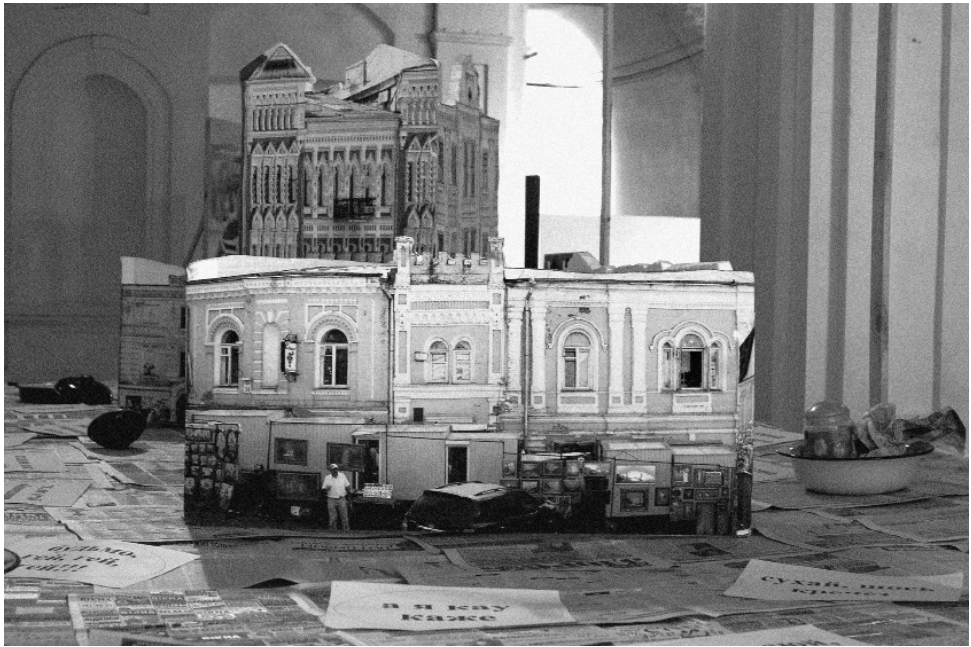

“к ядреной фене на кулички”, в разрастающееся типовое Троещичарствие. Но после выселения Ричарду все же удалось “трудоустроиться” сторожем пустующего здания. Родовые пенаты ему пришлось покинуть и перебраться во флигель, где он и определился “в первом этаже”, в весьма скромных апартаментах. Ричард отличался нравом общительным и хлебосольным, и, будучи пенсионером весьма преклонного возраста, не гнушался испить чару-другую портвейна в компании многочисленных грузей и знакомых из культурных слоев творческой общественности, которые запросто заваливали к нему “на чай”. При этом часто любил поведать ошеломленной публике знаменитую историю времен гражданской войны. О том, как его друг, врач, живший в соседнем доме, проиграл ему в карты собственную жену. В шутку, конечно. Звали врача Миша Булгаков. Но дом и флигель вскоре законсервировали окончательно — отрубили коммуникации и обнесли забором. Реликтовый старожил сопротивлялся из последних сил, но, в конце концов, покорился и перебрался на выселки, в бетонную гостинку, где вскоре и умер, не пережив потери родового гнезда. Но, покидая свой замок, “Львиное Сердце” наложил на него проклятие в формате “так-не-гоставайся-же-ты-никому”. После чего опустевший дом в прямом смысле “завыл”. И “воет” по сей день, вызывая леденящий ужас у свидетелей. Эксперты в области строительства и архитектуры объясняют это “специфической конфигурацией внутренних конструкций здания”, так называемыми естественными голосниками. Мол де, “акустический эффект”, “термальные перепады”, “плохой фэн-шуй” и прочая... Но мы-то знаем, что это воет сам Ричард, своеобразно разрешивший квартирный вопрос. Он вернулся в родовый замок и свято хранит его устои от захватчиков. Иногда, проявляясь в

Фрагменты инсталляции “Суржик-культура”

[гурт: КОНТРА БАНДА, 2011]

видимом режиме, завязывает гружелюбную беседу со строительными рабочими, предлагая им чайку или чего покрепче. При этом сжимает в ладони огромное окровавленное сердце. Судя по всему, львиное. После чего рабочие естественно увольняются со стройки навсегда. В результате здание “в стадии реконструкции” пустует уже более двадцати лет, обнесенное глухим забором, хищно зияя темными глазницами бойниц. Но иногда Ричард покидает замок. Он обожает рыцарские турниры, проводящиеся на Спуске в Дни Города. Он появляется не узнанным среди дефилирующей публики, в полном рыцарском облачении конца XIII века, украшенный красными осьмиконечными крестами ордена Св. Иоанна Иерусалимского, и, смешавшись с толпой зрителей, зорко следит за ристалищем. Странно, но по единому мановению пальца руки он может решить исход турнира. Это происходит тогда, когда один из участников поединка ему явно не по душе. Как правило, он не любит рослых, накачанных, самодовольных битюгов, кичащихся красотой и необоримостью. Ричард, натягивая невидимые нити, устраивает таким воякам разгромный спотыкач. Либо затевает под забралом красавца парниковый эффект. Тогда пот ручьями заливает грозный взор героя, и он неминуемо пропускает решающий рубящий удар “по кумполу или горбу”, нанесенный каким-нибудь худосочным квентин-дорвардом или плюгавым, но ловким, коротышкой.

ГОРА

Замковая, она же Киселёвка. Она же предполагаемая Хоревца. Она же Флоровская гора. Она же... Представляет собой сложный, многоуровневый эгрегорный конгломерат, формирующийся еще с эпохи раннего неолита. Входит в первую рейтинговую тройку так называемых “лысых гор” Киева. До сих пор литовский, вернее, польско-литовский пространственно-временной слой неизменно проявляет свою плазменную активность. Правда она значительно снизила свою интенсивность за последние триста лет. Это фантомная голограмма, изредка возникающая в закатных сумерках, представляет собой неустойчивый, вибрирующий силуэт пылающего замка польского воеводы Киселя, посаженного запорожцами Богдана

Хмельницкого. Сопровождается она и акустическими феноменами в виде грохота мушкетов и пищалей, скрежета и бряцания холодного оружия, польской площадной брани и ранних заимствований из русского мата, которые можно ошибочно принять за естественный шум групп отдыхающих на живописных отрогах горы. Но подлинным властелином Замковой является духовый слой городского кладбища, возникшего здесь по завершении наполеоновских войн и активно “заселяемого” на протяжении всего XIX века. В XX веке он был дважды серьезно потревожен и произвел ответные превентивные действия inferнального плана. Первый раз это произошло в 1930-х, когда была разрушена кладбищенская церковь, очистительный агрегат для душ усопших, что повлекло целевую активизацию духовых элементов. Покой усопших был грубо нарушен. Они начали активно проявляться в субъективной и сонной реальности определенных групп населения в массовых масштабах, вне зависимости от их атеистического мировоззрения. Особенно досталось части войск НКВД, дислоцированной у подножия горы. Вспышки алкоголизма и психических расстройств с суицидальным исходом буквально захлестнули ее командный и воинский состав. Повторный прецедент регулярно наблюдался с начала 1960-х и до конца 1980-х, когда из кирпичей разрушенной кладбищенской ограды над западным склоном горы было сооружено здание “глушилки”, мощного радиоволнового генератора, создающего помехи для трансляции западных русско- и украиноязычных радиостанций — “Радио-Свобода”, “Голос Америки”, “Немецкая волна”, “БиБиСи”, “Радио-Ватикан” и иже с ними. Этот объект был очень важен “для дальнейшего роста коммунистического воспитания масс”. Только его частоты не шибко пришлось по вкусу духовым сущностям киселёвского погоста. В результате у нескольких поколений работников “глушилки” наблюдался стойкий вербальный галлюциноз, признанный ведущими психиатрами как профессиональное заболевание, приводящее к полной или частичной психической инвалидности. Заболевшие этой экзотической формой шизофрении приобретали уникальную способность денно и нощно слушать “вражеские голоса” напрямую — без помощи радиоприемника.

художники об андреевском: бланманже и дежавю

Елена НЕНАШЕВА

Рассматривая первые узнаваемые лики Андриевского спуска — те, на которых обязательно маячит церковь Первозванного, мы с удовольствием ощущаем, что по большому счету сюжет-то не изменился, абрис все тот же — ну, просто дежавю!

Вдохновение киевскими пейзажами идет, как водится, от романтиков. Похоже, что “путь в искусство” Андриевскому спуску проложил, сам того не ведая, Михаил Сажин в 40-е годы XIX века — в эпоху романтизации образа Киева, “северного Рима”, как называл город О. де Бальзак, открытия его древностей, издания альбомов с видами и памятниками.

Волею судеб Сажин оказался в Киеве одновременно с Т. Шевченко, товарищем по Петербургской Академии художеств, и, воодушевившись идеями Кобзаря, нашел себя в развитии традиции городского архитектурно-ландшафтного пейзажа. В мемуарах писателя А. Афанасьева-Чужбинского есть эпизод о том, как в романтически окрашенной атмосфере тех лет кипело вдохновение молодых художников: “Когда Шевченко возвратился из Седнева, мы встретили его старого товарища — художника Сажина — и скоро поселились все вместе на Крещатику, в улице, называемой “Козье болото”. Здесь началась новая жизнь с чрезвычайно поэтической обстановкой. Шевченко задумал снять все замечательные виды Киева, внутренности храмов и интересные окрестности. Сажин взял на себя некоторые части, и оба художника пропадали с утра, если только не мешала погода” [1].

Андриевский спуск на сажинских акварелях появляется как бы незначай — он еще не главный, даже незаметный, иногда просто намек. Художника вдохновляет церковь св. Андрея Первозванного, как вещь в себе и вещь в ландшафте. Наверно, это именно Сажин открыл популярную точку зрения с Замковой горы на изгиб спуска под Уздыхальницей. Отсюда все смотрелось идеально: многоплановая вертикальная композиция сама выстраивалась по живописным академическим канонам, и над всей округой плыла-парила церковь. Здесь много лирики, много неба, больше, чем рельефа. Здесь есть настроение. Кажется, небо готово измениться в любую секунду. Сажину удалось романтизировать даже не ландшафт, а само пространство. Спуск же, теряясь где-то внизу, разве что не мешал восхищаться одухотворенной красотой мироздания.

Закройте верхнюю часть картины и посмотрите собственно на спуск, на присутствующий в нем “жанровый элемент”, и вас охватит глубокая уездная тоска. Если верить Сажину-реалисту как бытописателю этой улицы (репортажный характер пейзажей был тогда в моде), в середине XIX века смотреть там было действительно не на что. Сами за себя говорят и названия живописных работ, сравним, у М. Сажина — “Церковь св. Андрея Первозванного”, у Ю. Химича — с той же точки, полтора столетия спустя — “Андриевский спуск” (1989). Как говорится, кто чем вдохновлялся.

Щекавица — место, где похоронен князь Олег [акварель: Михаил САЖИН, конец 1840-х]

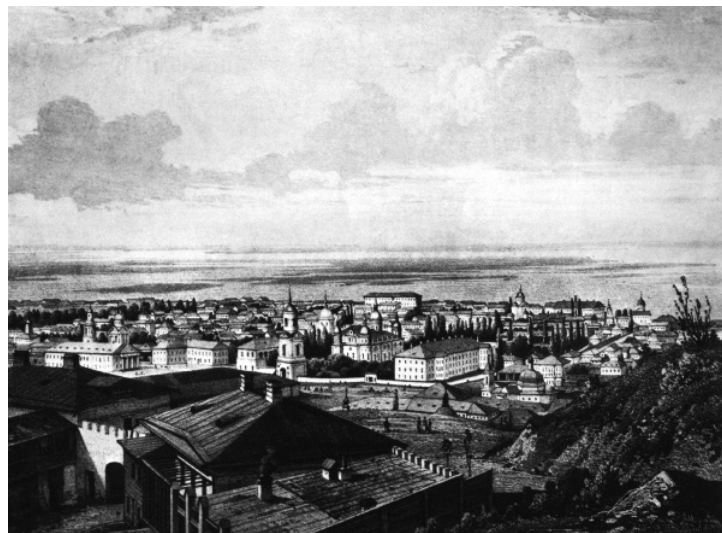
Вид со Щекавицы [акварель: Михаил САЖИН, конец 1840-х]

Церковь св. Андрея Первозванного [акварель: Михаил САЖИН, конец 1840-х]

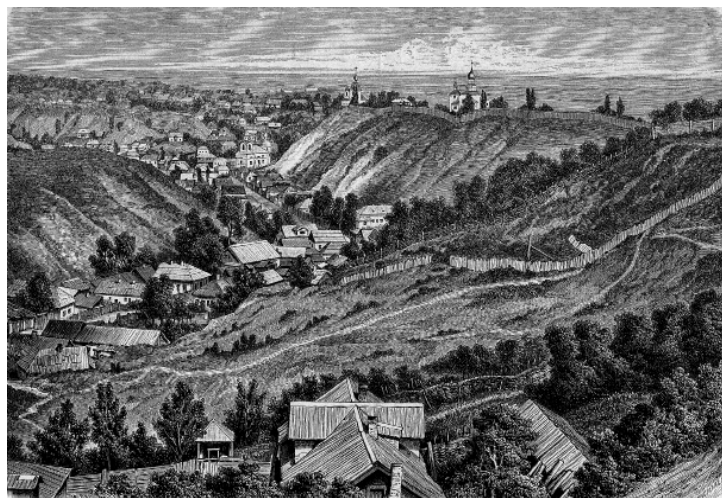
Андреевская церковь [акварель: Михаил САЖИН, конец 1840-х]

Пейзаж Подола с Андреевской горы [литография: Иосиф ЦЕГЛИНСКИЙ по рисунку Р. РАЧИНСКОГО, 1861]

Церковь Трёх Святителей [акварель: Фёдор СОЛНЦЕВ, 1843]

Урочища Гончары-Кожемяки [гравюра: ПАННЕМАКЕР по рисунку И. ПАНОВА, 1888]

Андреевский спуск, Киселёвка и Флоровский монастырь [гравюра: М. РАШЕВСКИЙ, 1888]

Не представляя специального интереса для натуралистического искусства XIX века, Андреевский спуск в нем — явление редкое. В жанре городского пейзажа он так и не освоился. Мы его домысливаем. “Дорисовываем”. То за одним холмом, то за другим. Порой впадая в прелесть не критического переноса — прямо с “Замком Ричарда”, который “повис над обрывом” гораздо позже, в 1904-м. Образ спуска экстраполируется современным зрителем в “закулисное пространство” хрупких, утонченных по колориту ведутов. До-гагерротипной эпохи. Так, на акварели Фёдора Солнцева спуск читается в едва различимых куполах Андреевской церкви, справа от Трёхсвятительской (альбом “Собрание видов Киева и его окрестностей”, 1843). Или проецируется между “реперами” церковью Боричева тока и Флоровского монастыря, а сверху на горе — снова Андреевской церковью: “Вид Подола в Киеве” Василия Штернберга (1837).

Во второй половине XIX и начале XX веков художник неизбежно глядит как бы через объектив. Гравюры с рисунков и гравюры с фотографий — различимы с трудом. И, более того, часто похожи

на открытки а la “Привет из Киева!” В репродуцировании и тиражировании видов и панорам симпатичен сам зазор новой техники — фотофиксации, и старой — гравюры, которая не сдавала своих позиций. На литографии Иосифа Цеглинского по рисунку Р. Рачинского “Пейзаж Подола с Андреевской горы” (1861) спуск остался “за кадром”, но мы легко его представляем, уходящим влево и вниз. Именно так — слева, на переднем плане — он показан на гравюре М. Рашевского по фотографии 1888 года. Ну, и, конечно же, исторические урочища Гончары-Кожемяки, совершенно немыслимые без Андреевского спуска по ту сторону гор — гравюра Паннемакера по рисунку И. Панова (1888).

Та же тенденция в восприятии Андреевского спуска как дежавю — в живописи. “Вид Киева из сада Андрея Муравьёва”, написанный в 1871 году Михаилом Клодтом-старшим, настолько совершенен, что вызывает удивление и любителя киевской старины, и поклонника хорошо темперированного английского парка. Оказывается, до “Пейзажной аллеи” сто пятьдесят лет назад здесь было даже лучше!

Вид Подола в Киеве [масло: Василий ШТЕРНБЕРГ, 1837]

Вид Киева из сада Андрея Муравьёва (масло: Михаил КЛОДТ-старший, 1871; из собрания Музея Одной Улицы)

Дом на андреевском спуске [тушь: Валерий АКОПОВ, 1976]

Проходящее. Андреевский спуск [тушь: Валерий АКОПОВ, 1975]

Киев [масло: Пётр КАРНАУХОВ, 1977]

Вид на Львовскую площадь [тушь: Георгий ЯКУТОВИЧ, 1979]

"Замок Ричарда" и гора Уздыхальница [офорт: Ада РЫБАЧУК, 1971]

Подол. Улица Крестовоздвиженская [офорт: Ада РЫБАЧУК, 1968]

Зима в старом Киеве [масло: Татьяна ЯБЛОНСКАЯ, 1976]

Начиная с русско-украинского ар-нуво (в просторечье — с модерна), художники невероятно полюбили сусальность открыточных сюжетов, сладких, как сироп — ну, просто бланманже! Однако в искусстве 1920-х исторический ландшафт не выдержал категоричности советского авангарда — даже на вторых ролях, в качестве арьергарда, он был не востребован на художественном фронте. Вместе с ним за бортом корабля современности оказался и Андреевский с его булгаковским счастьем, а для кого-то — “проклятым прошлым”: кремовые шторы, изразцовые печки, часы с гавотом, шоколадные переплеты книг. “Оберточной и обойной

бумагой наших первых сборников, книжек и деклараций мы пошли в атаку на пышное безвкусице мещанского верже в сусально-золотых переплетах...” — вспоминал А. Кручёных [2]. В Киеве возрождение жанра пейзажа наметилось в конце 1930-х, но было прервано войной, и только во второй половине XX века старый мотив Андреевского спуска вновь вдохновляет художников, проявляясь во всем богатстве образно-стилистических импровизаций. Вдохновение — не селедка, говорил Гёте, на многие года не засолишь. В этом смысле всё, что вдохновляет, уязвимо, ибо становясь объектом вдохновения, получает его качество скоротечности.

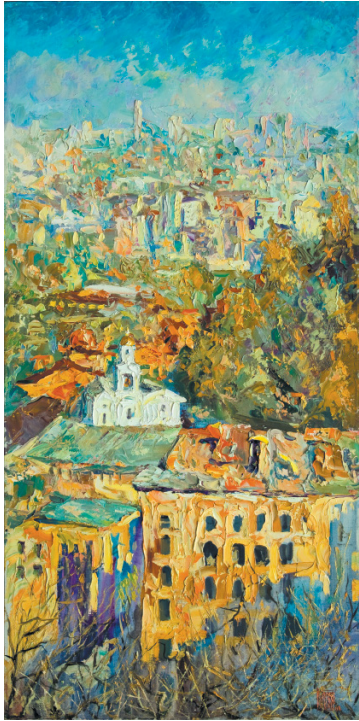
Холмы древнего Киева [масло: Александр БЕЛОЗОР, 2008]

Уголок старого Подола [гуашь: Юрий ХИМИЧ, 1965]

Андреевский спуск [гуашь: Юрий ХИМИЧ, 1989; из собрания Р. И. КУХАРЕНКО]

Воздвиженская церковь [масло: Александр БЕЛОЗОР, 2008]

Ночь над Андреевским спуском [масло: Аркадий ТРУБНИКОВ, 1997]

Черная грязь — белая высь [масло: Аркадий ТРУБНИКОВ, 1995]

Сам объект может быть константным, как любовь или море (этими вещами вдохновлялся Флобер), но “любит — не любит”, как морская погода — непостоянство вечного. Вот и Андреевский спуск, в своей константе скоротечности, стекании, обтекании киевских гор, — уязвим, неуловим и вечен. Его непросто — поймать за хвост, прищипить бабочкой на холст и втиснуть в переплет. Но оттого дерзающих не меньше.

ЗБЕРЕЖЕМО СЕРЕДОВИЩЕ
Київ, Андріївський узвіз

фестиваль:
вулиця ігор — ігри на вулиці
гурт:
Контра Банда
жанр:
перформанс
митці:
Анна АЛАБІНА,
Гліб ВИШЕСЛАВСЬКИЙ,
Володимир ЯКОВЕЦЬ
підтримка:
галерея "Совіарт",
"Гьоте інститут"
проект: 2010
презентація:
Мистецький Арсенал
рімейк: 2011
http: www.kontrabanda.in.ua

Проект гурту "Контра Банда": зробимо тему так, щоб аж кухайка завершилась

контра банда: спуск

Гліб ВИШЕСЛАВСЬКИЙ, куратор проекту

Безвідповідальність влади та хижий стиль господарювання призвів до занедбаності та руйнування історичної частини Києва. Андріївський узвіз в концентрованому вигляді віддзеркалює загальний стан речей. За традицією він вабить туристів, але останнім часом його вигляд спотворено. Немає впевненості, що після обіцяної "реконструкції" щось поліпшиться, бо майже немає прикладів, що б існуюча влада з розумінням ставилася до таких речей як "автентичність", "історичне середовище", "науково обгрунтована реставрація", "комплексне збереження історичної спадщини" та ін. Митці гурту "Контра Банда" впевнені, що вулиця з історичною забудовою через забудову чи то науково не обгрунтовану реконструкцію тільки втратить своє унікальне обличчя, перетвориться на черговий "стандартизований туристичний атракціон". Ми вважаємо, що історична забудова Києва повинна бути повернена до автентичного стану в усіх найменших дрібницях. Тобто ми пропонуємо не втручання, а лікування, не реконструкцію, а реставрацію. Через це ми заперечуємо образ бугівельника та пропонуємо образ лікаря. Ми наголошуємо, що найліпший стан вулиці — той, що відтворює епоху свого створення та занурює перехожого чи мандрівника, подібно театру чи машині часу, до минулого. За допомогою мистецької гротескної буфонади митці гурту "Контра Банда" сподіваються змінити ставлення суспільства до проблеми, подолати байдужість, проілюструвати існуючий стан речей засобами мистецької гіперболи: Андріївський узвіз потребує медичного лікування, безвідповідальність влади та хижий стиль господарювання також потребує негайного втручання медицини. Митці гурту "Контра Банда" запропонували аудіовізуальний проект, що складався з інсталяції, відео, перформанса, окремих об'єктів, фотографії. Проект було розташовано на Андріївському узвозі, безпосередньо перед галереєю "Совіарт". В день презентації проекту було виконано перформанс "Лікування міста".

Проект гурту митців Контра Банда “Суржик-культура”, в рамках виставки “Незалежні” в Мистецькому Арсеналі, Київ, 2011. Гурт українських митців сучасного мистецтва “Контра Банда” останні роки присвячує свої композиції протестній соціальній тематиці. Найчастіше це тема опору несмаку та гламуру, хижачькому хазяйнуванню скоробагачів у місті. Через агресивне нав’язування несмаку з телеекранів, радіо, сторінок глясових часописів, люди втрачають особистий, нестандартизований стан душі. Бачиться, що цей несмак вже укорінився в свідомості багатьох керівників наших міст. Схоже, вони вже не розуміють цінності в неквапливих прогулянках в тиші дерев, у спогляданні старовинної архітектури. Наслідком такого наступу людини-носія масового несмаку на простір людини-носія індивідуальних цінностей є занедбаність історичних київських пагорбів, миршавість Андріївського узвозу. Життєвий простір людини-особистості в містах України швидко скорочується, в небезпеці навіть такі відомі, оспівані митцями шмати історично-культурного середовища як київські схили Дніпра, Труханів острів, Андріївський узвіз, Кисилівка, Кирилівське урочище, Поділ та ін.

контрабандний перформанс і його етапи

ЧАСТИНА ПЕРША: ПЛАЧ ЗА СКРИВДЖЕНИМИ БУДИНКАМИ

Група з п’яти або семи людей зображає смуток, плач, печаль. Музика трагічна. Дія відбувається біля макетів будинків, що частково пошкоджені та забруднені. Над макетами будинків стоять два манекени та один актор. Це чиновники. У них в руках папки з паперами та знаряддя руйнування будинків — пили та топори, вони повільно руйнують будинки. Тривалість сцени сім–десять хвилин.

ЧАСТИНА ДРУГА: ЗЦІЛЕННЯ МІСТА

До місця гії підїзжає машина швидкої допомоги. Звігти вистрибують три лікарі, відштовхують чиновників, саджають їх до машини швидкої допомоги. Потім лікарі починають лікувати будинки, лагодять конструкції, відмивають від бруду, міряють їм температуру градусниками, кладуть на ліжка (ліжка виносять з машини, або з галереї), накривають простиррадлами, роблять уколи велитенськими шприцями, приєднують системи переливання крові з фарбою. Потім їхні гії поширюються на прилеглу частину вулиці — бруківка, будинок Совіарт, ліхтарі — міряють температуру, загортають бінтами, роблять уколи, обкладають грілками, ставлять клізми. Тривалість сцени десять–п’ятнадцять хвилин.

ЧАСТИНА ТРЕТЯ: РАДІСНИЙ ТАНОК ОДУЖАВШИХ БУДИНКІВ

Лікарі виносять та розставляють на вулиці 7 смітників з супрематичною символікою, що нагадує медичні хрести. Потім лікарі та 5 добровольців обережно підіймають з ліжок полагоджені й чисті макети будинків, кружляють з ними в танці. Згодом, одягають на себе та продовжують танцювати. До них приєднується один чиновник, що вийшов з машини швидкої допомоги. Танок ззовні виглядає як танок будинків, бо люди одягнули на себе макети будинків. В процесі танку використане медичне обладнання виконавці скидають у смітники. Музика весела й запальна. Тривалість сцени десять–п’ятнадцять хвилин.

Проект гурту “Контра Банда” “Збережемо середовище!” має змінити ставлення принаймні частини суспільства до проблеми безвідповідальності влади та хижого стилю господарювання в місті, до збереження унікального простору історичного міста, а саме Андріївського узвозу. Проект має поглати байдужість, проілюструвати існуючий стан речей засобами мистецької гіперболи.

объекты на киевских холмах

Ольга КОНОВАЛОВА, FGE

Нырять в Андреевский спуск и подчиняясь воле его движения, скользя вниз и задыхаясь на подъеме, сотни гостей и жителей Киева смотрят под ноги либо на тысячи рукотворных изделий. Но далеко не каждый пешеход желает увидеть и оценить Андреевский издалека, когда сплетающиеся ритмы и краски превращаются в пульсирующую волну, замирающую в будни, накачивающую в выходные и переходящую в цунами во время празднования Дней Киева. И если посмотреть с высоты птичьего полета, это движение удерживается легендарными киевскими холмами. Более того, невозмутимая константа Щекавицы, Замковой и Детинки многократно усиливается геометрическими конструкциями из бетона, маркирующими вершину каждого холма. На Замковой виднеется идеальный куб метровой высоты (“Станция”), в сотне метров от него — фундамент объекта, в первозданном виде состоявший из семи небольших кубов-постаментов, расположенных вокруг цилиндрического отверстия (“Семирёнка”). Гора Щекавица отмечена конструкцией из цилиндра, призмы и куба, объединенных треугольником (“Тринити”); а Детинка — двумя концентрическими кольцами общим диаметром четыре метра с центром в виде цилиндра (“Ом”). Все эти объекты явились результатом размышлений и активной рискованной деятельности киевской группы “FGE”.

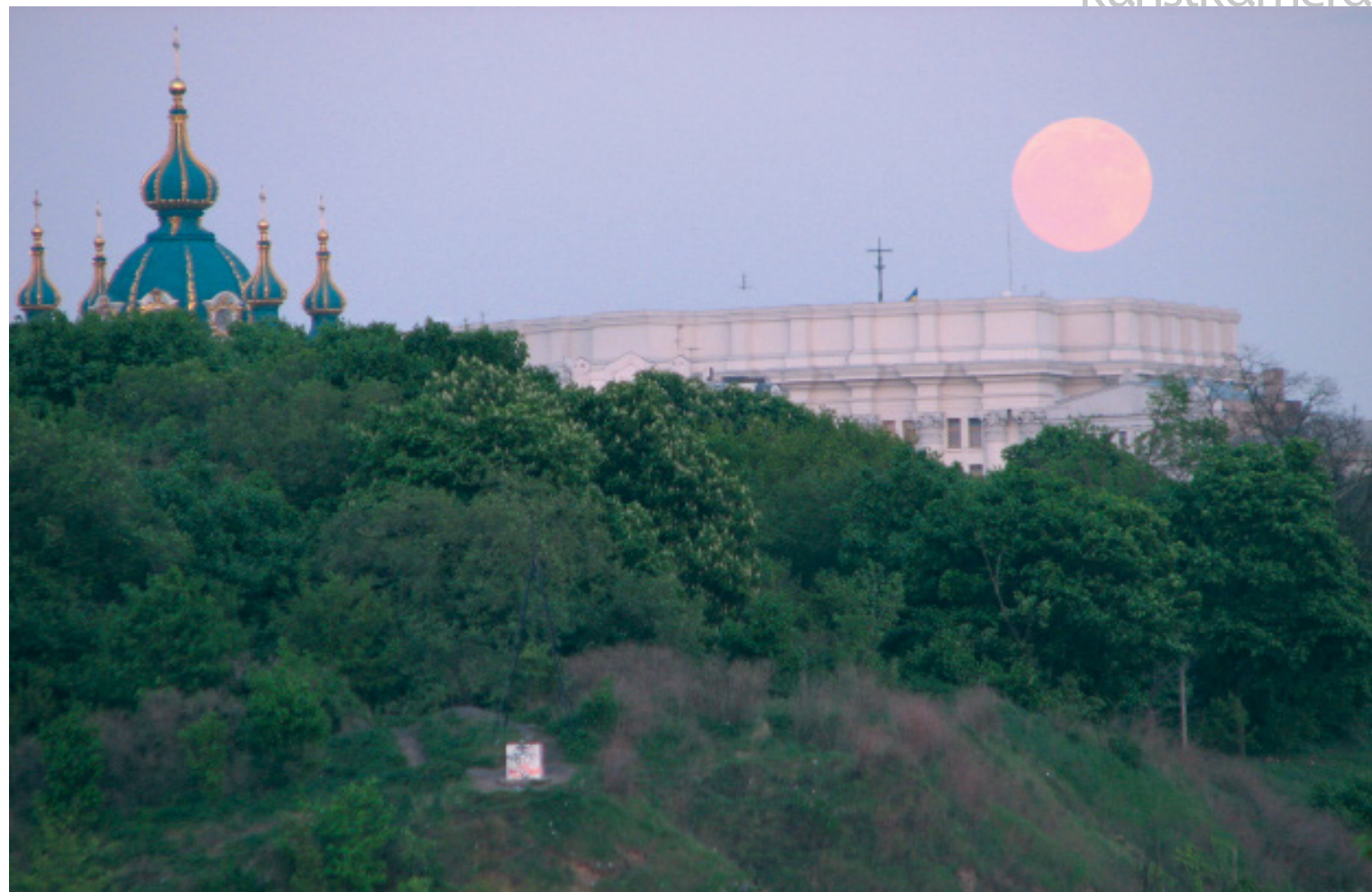
“FGE” — “Фиктивная Галерея Экспедиция”, вымышленность которой заключается, во-первых, в особенностях художественной программы, во-вторых, в крайней нестабильности состава при наличии постоянного идейного вдохновителя. Толчком к появлению “FGE” в 1996 г. послужили размышления киевского художника Игоря Коновалова о необходимости создания объединения, способного существовать автономно, без фиксированного адреса, вне среды художественных институций (галерей, глянцевого журналов, выставок). Такая независимость обеспечивала свободное передвижение в пространстве и неожиданное для социума появление (“всплытие”) геометрических объектов на киевских холмах. Пульсирующие

Птицы [акция: FGE, 2001]

Станция [объект: FGE, 2001]

арт-действия свидетельствовали о фиктивности существования объединения, что в полной мере отражалось в его названии.

Разрабатывая траекторию движения, проектируя объекты и акции, Игорь Коновалов организовывал, подключал к экспедиции художников и простых строителей. Нестабильность состава была вызвана как необходимостью вкладывать личные средства, так и нестыковками в понимании основной идеи. К тому же существовал определенный риск при возведении объектов на холмах, приходилось выполнять все стремительно, в течении нескольких часов: подвозить (а чаще подносить) материалы и комплектующие, заливать бетон, дабы не вызвать подозрения в захвате территории у бдительных граждан.

Идея существования автономного и самодостаточного объединения стала результатом освоения и “переживания” самобытного киевского ландшафта. Большая часть жизни участников проекта вращалась вокруг киевских холмов: учеба в художественном институте, жизнь и творчество в мастерских на ул. Олеговской, когда на протяжении 1980–1990-х годов художники в преддверии Дня города курсировали с багажом картин через урочище Гончары-Кожемяки на Андреевский спуск. В результате определилась главная цель — использовать уникальный ландшафт и маркировать холмы геометрическими объектами, каждый из которых имеет свою программу и символику.

Таким образом, в киевскую культурную среду были внедрены арт-объекты, кардинальным образом изменившие качество пространства, придавшие языческо-христианскому (а на Щекавице и мусульманскому) культурному слою современный полисемантический отпечаток, который объединяет идеи конструктивизма с авторским восприятием космических констант. Строительство привело к изменению туристических

Семирёнка (объект: FGE, 2003)

Тринити (объект: FGE, 2004)

траекторий движения: желающие обозреть Подол и прилегающие окрестности стали протоптывать новые тропы на холмы. Появившиеся своеобразные “точки опоры” начинали обрастать слухами и легендами, поскольку “FGE”, в силу идейных соображений, не пыталась вмешиваться в создание новых мифологий. Наиболее насыщенными вымыслами оказались объекты “Станция” (2001) и “Семирёнка” (2003) на горе Замковая, для бдительных граждан оказавшиеся “алтарями сатанистов” (Лемыш А. Что за дьявольщина! // Уикенд. 29.04.2004. № 18). Однако для большинства отдыхающих “Семирёнка” стала удобным местом для пикника или великолепной точкой панорамы Подола с Андреевской церковью. По замыслу автора — это объект турбулентных антропологических потоков, который их аккумулирует и перенаправляет, в чем можно убедиться, погнавшись на Замковую. Но страх граждан сделал свое дело, и от “Семирёнки” сохранился один фундамент.

Объект “Станция” появился как идеальный куб метровой высоты, выложенный зеркальными плитками. Но через несколько дней плитки были сбиты, и форма обнажила свою бетонную сущность. С этого момента начались трансформации куба, изменяющие пространство, создающие своеобразную вихревую воронку, притягивающую людей на Замковую гору. Облитый человеческими страстями, усыпанный символами и текстами, куб стал местом откровений и действительной точкой опоры. Каждый, взобравшись на него, обретает возможность почувствовать себя “Памятником”. Материальный объект, аккумулируя энергию места, притягивает людей, которые в свою очередь эту энергию удваивают и возвращают. Ни одна галерея не в состоянии создать такого рода обмен.

Объект “Тринити” на горе Щекавица (2004), спроектированный с учетом цифры 10,8 как определенной космической константы, открыл перед зрителями панорамный вид на Татарку, Подол и Андреевскую церковь. Конструктивистские формы куба, цилиндра и призмы подчеркивают естественность ландшафта и по-

сознательно вступают в связь с индустриальной панорамой Подола. По замыслу автора — это утверждение символики “FGE” в трех пространствах: абсолюта (формы на основе цифровой константы), арт-пространства (деятельность “FGE” как искусство холмов, hill-art) и народного сознания (идея праздника).

“Ом” на горе Детинка (2006) своими бетонными окружностями выявил и обозначил существование в местном ландшафте неповторимых энергетических колебаний. Связь названия объекта с определенными духовными практиками несомненно есть. Не зря по Киеву поползли слухи о появлении нового языческого капища и строительстве Храма Солнца (газета “Сегодня”, 27.02.2008). Однако здесь, скорее, присутствует внутреннее чувство автора, который исходил и “прослушал” все киевские холмы, чтобы при помощи концентрических кругов показать уникальность отдельного места и города, в котором мы живем. Этот объект, последний в ряду построек, как и все предыдущие, является подарком Киеву и предоставляет место для философских раздумий и художественных проектов.

Акция “Птицы”, проведенная в 2001 году, позволила расширить границы деятельности “FGE” и выявить новые символические связи. Снегирь, щегол и реполов были выпущены после того, как на лапке каждой птицы оказалось тонкое золотое кольцо с выгравированной одной буквой “F”, “G” и “E”. Так произошло обручение “FGE” с естественной средой. Материальной искусственности была противопоставлена пульсирующая плоть природы. Птицы, выпущенные на горе Щекавица, объединили траекториями своего полета вершины холмов Киева с глубиной Андреевского спуска и урочищем Гончары-Кожемяки. Вот только эта историческая глубина постепенно исчезает и превращается в плавающие на поверхности “фаст-фудовские” яркие обертки.

И если объекты “FGE”, как подарки городу, приглашают всех желающих прикоснуться к неповторимости и величественности киевского ландшафта, то смогут ли подчеркнуть эту уникальность раскрашенные фасады и цветные фонари Андреевского спуска?

Ом (объект: FGE, 2006)

ОКешкін сад на Пейзажній алеї [скульптор: Костянтин СКРЕТУЦЬКИЙ, 2010; матеріал: Mozaika De Lux від АГРОМАТ]

пейзажна алея: рефлексії аборигена

Вадим ЗАПЛАТНІКОВ, архітектор

Пишу це, задумливо дивлячися в вікно з четвертого поверху на ту саму Пейзажну алею. Ї далі — на те що видно за нею. Адже в самій тій назві головне не алея, а ПЕЙЗАЖ, тобто вид, що з неї відкривається. А такого виду, скажу вам... Принаймні я особисто ніде не бачив.

Маю щастя тут мешкати. До того ж ще тричі на день прогулююся з песиком, — вранці, вдень, ввечері. Тобто просто не можу не помітити, що тут відбувається, що змінюється. Коротше, незалежно від власного на те бажання, мушу тримати руку на пульсі.

Можна було б критично-професійно спробувати виявити власну ерудицію, почавши розмову про те, що тут останнім часом з'явилося, — той самий FASHION PARK, — перш за все, з його, скажімо, не зовсім естетично рівноцінними об'єктами. Втім чи варто? Принаймні не в першу чергу. Краще просто щиро подякувати його творцям, не заглиблюючися особливо в деталі (хоча, не виключаю, що й до цього дійде). Адже кажуть: свято місце порожнім не лишається. І це чи не стосується нашої

Пейзажки — на усьому її невеличкому протязі, від Десятинних страстей з намаганням створити черговий макет церкви натурального розміру й до вже років з п'ятнадцять як не розпочатого будівництва нового італійського посольства? Ну а між ними — й не перелічиш скільки усього декому з професійних "ущільнювачів" хотілося б звести, по обидва боки від алеї. Та ще й такого, скажімо, височенького — поверхів так від дванадцяти до двадцяти.

Любов-ріка (скульптор: Олександр ЛІДАГОВСЬКИЙ, 2011)

Лави-руки (скульптор: Лілія ЛИТКОВСЬКА, 2011)

Форма світла (скульптор: Жанна КАДИРОВА, 2011)

Дах (скульптор: Олександр ЗАЛЕВСЬКИЙ, 2011)

Колінвала із бронзи (ск. Михайло Вертузов) вже нема, унеслі бомжики

Починаючи з Десятинного провулку, плавно повертаючи та сублімуючи давно вистражаними помешканнями наших славних дипломатів Маленького Принця з усіма тими сороконожками котиками-гаражами й прилеглими малими формами. Потім через алею, вниз (й вгору, звичайно ж), — кажуть усі ті схили вже давно приватизовано. Аж до тієї самої майбутньої Амбасади Італії. О, мало не забув, на підходах до останньої планується децю й з протилежного боку, тобто Великої Житомирської, тобто БЖ. Як вам таке? Какої портрет! Какої пейзаж!

Від пейзажу мало що залишиться, тобто взагалі нічого. Пейзажка подібно тому славетному коневі не витримає двох (та ба, яких там двох, чи не десятьох), з яких перший, тобто *Панорама Плаза* в купі з феєричним (там часто розважаються фейєрверками, іноді аж о першій ночі, не дуже переймаючися долею навколишніх маленьких гіток, не кажучи вже про тварин — мій випадок), рестораном *Монако*. Як уявиш собі таке, хочеться прошепотіти: *чур мене чур* й мерщій поставити гесь свічку — нехай навіть у тій самочинно зведеній московськими православними капличці, що її іронічно кличуть *кіоском для моленія*. Не зважаючи на устращаючий напис поруч з її входом, — про важкогірховні наслідки (добре, що не анафемні!) для громадян, що наважуються розпивати, палити чи вигулювати своїх чотириногих пітомців поруч із священним закладом.

Тому, панове, ми разом з сусідами та усіма відвідувачами алеї, включно з шанованими гостями міста Києва, можемо лише низько поклонитися та подякувати усіх, хто власними коштами та зусиллями принаймні вігтягує дату того Пейзажного Армагедону. Отже, дякуємо! Й за дружню руйнацію будівельного паркану, й за котиків-гаражів, й за дитячі майданчики (та ще й, не забудьмо, під час всесвітньої економічної кризи), й врешті за *fashion park*. Щиро-щиро дякуємо насправді! Хіба тут до естетських міркувань: подобається не подобається? — Не до жиру, бить би живу! Уф! Здається, головне висловив: робіть, шановні митці зі своїми спонсорами, що завгодно, аби лише хоч якось запобігти тій забудові. Та не обмежуйтеся лише самою алеєю, спускайтеся ще далі дорозу, — рятуйте ПЕЙЗАЖ!

Давайте створимо там внизу не лише *fashion*, а справжній *парк*, відповідним статутом на кшталт того, що на Володимирівській Горці. Такий, якщо не помиляюся, ще покійний Ава Мілецький пропонував...

А в тому парку на кожному кроці як не скульптура, так просто об'єкт дизайну, чим більше — тим краще! Які там шедеври відомих майстрів — усе піде, щоб як грибів після дощу. Аби лише перегородити шлях тим екскаваторам...

Ну й, між іншим, не завадило б трохи подбати при цьому про сміття — тобто смітнички, яких зараз, зі збільшенням культурних туристів на алеї та особливо внизу, категорично не вистачає. А в ідеалі ще б й збудувати туалет — ось що тут насправді потрібно. Вже давно. Можна звісно спробувати скористатися зручностями того самого ресторану *Монако*, та навряд чи пощастить...

А давайте створимо туалет як мистецький об'єкт — в складі того ж *fashion* чи якогось ще парку!

Ну, а тепер дозволю таки собі трохи поестетствувати. От візьмемо *Дош* Назара Білика — шедевр, що тут скажеш (претендую на абсолютну об'єктивність — адже з автором не знайо-

Дош (скульптор: Назар БИЛИК, 2011)

мий, навіть не чув про нього раніше). Якби вже не згадані історико-оборонні функції проекту, то з точки зору організації простору тієї однієї б скульптури вистачило. Хіба ще й тих *Буратіно* з *Рікою-Любов'ю* внизу. От лише не варто питати про них: *подобається-не подобається* в тих, хто прийшов сфотографуватися на лавочках, — в них своя мета, своя зацікавленість. Скажімо так, не зовсім пов'язана з мистецтвом.

Бог з ними, з тими лавочками! Треба ставитися до них як до дитячих майданчиків, лише таких, де цікаво ще й дорослим. Й на даху комусь приємно посидіти — чому ні? Хіба що тут окрім критерія *що*, я б включив ще й критерій *як*. Й ось в цьому відношенні *Дах* шановного пана Залевського якось не зовсім теє... Ну, типа аж зовсім не зовсім...

Мені щиро подобаються роботи Жанни Кадирової, принаймні більшість з них. А от з *Формою світла* (до речі, наймонументальнішим витвором серед усіх алеїних об'єктів), здається, трохи не склалося. Спробую пояснити. Хоча далеко не все в мистецтві підлягає логіці — в цьому я віддаю собі звіт. І все ж таки. Є джерело світла (прожектор), а з нього виникає саме світло: промінь, — чи не погодитесь? В нашому ж випадку усе якось навпаки: той прожектор видається нанизаним на потужно-бетонний промінь неначе наперсток на палець. Щось тут не так... Не варто радити митцям, проте я таки наважуся: а може позбутися взагалі

того прожектора й перекваліфікувати промінь на щось інше: гармату, фалос, перевернутий після цунамі маяк нарешті? Втім кожен має право на власний погляд. Наприклад, моїй дружині *Форма світла* подобається. — Ти що, — каже, — не відчуваєш в цьому по-справжньому класної мистецької парадоксальності?

От, таки не вдалося без оцінок... Та я б й взагалі не брався до аналізу тих об'єктів, якби не мав бажання поділитися враженнями про лише один з них. Але ж так не ведеться. А от зараз, після того як віддав мінімальну данину загалові, можу таки звернутися до того, що так мене зацікавило — до речі, кажуть, найзневажанішого серед усіх громадською думкою. Та що там громадська думка — доходить до справжньої агресії. Вандалізму! В результаті доводиться тих чотирьох різнокольорових хлопчаків постійно перефарбовувати — бо ж вандалізм полягає в нанесенні на їхні тіла специфічних написів з відповідними ілюстраціями. Й за що? За те що вони начебто дзюрять? Ображають суспільну мораль? А як щодо брюссельських Манеко- та Жанеко-пісів? Чомусь там публіка поводить значно толерантніше...

А от чотвірка київських бідолаг — вдень на їхньому тлі масово фотографуються (дійсно масово, повірте постійному спостеригачеві!), а як стемнішає — прикрашують матюками. От феномен!

Лаво-окулярі [скульптор: Сергій СМОЛІН, 2011; матеріал: Mozaiko De Lux big АПРОМАТ]

Огразу зізнаюся: особисто мені та писяюча група чимось погобається. Чим саме? Можливо, своєю карикатурністю (не знаю напевно, чи закладав її до свого задуму автор, але почуття гумору йому напевно властиве). Як на мене, ті хлопаки символізують нашу вітчизняну Владу в її чотирьох гілках (президентській, парламентській, кабмінівській та судовій), що кожна окремо та усі разом, вибачте, сцють на нас, тобто на Богом бережений українській народ. А ще придивіться до їхніх фізіономій (-її) — нікого не нагадує? Ну, подумайте ще — окрім загально-державного тут проглядається ще й конкретний персонаж. Даю наводку: з наших фінансово-економічних очільників. Завдяки якому ми зараз, обмінюючи... Ні, далі не буду. А то ще пришиють політику — у нас це зараз вміють. Зауважу лише, що коли та скульптурна група з'явилася на своєму місці, той уявлюваний мною персонаж ще не встиг обійняти своєї посади. Отже повне алібі. Хіба що мистецька інтуїція автора...

Так от, гадаю, чим же викликана та начебто антипатія громадськості до описуваного арт-об'єкту? Ним самим чи оспіваними ним прототипами? Й хто власне є нічним вандалом (найцивілізованішим з бачених мною написом був FUCK — по літері на грудях кожного з різнокольорових): та сама публіка, що з таким ентузіазмом фотографується на тлі скульптурної групи вдень чи хтось інший? Той, наприклад, хто пізнає там себе чи колег по владі? От приїхала така людина на авто з номерами *ВР* чи *КМ* до того самого *Монако*, повечеряла, порозважалася фейверками... А відтак вирішила трохи прогулятися — й от тобі на, маєш. — Хто посмів знущатися? — втім це так само, як й у митця, на підсвідомому рівні. — А ну, — командує тілоохоронцям, — мерщій балончик з чорною фарбою сюди!

Лаво-тканина [скульптор: Ольга ГРОМОВА, 2011]

Як вам версія? Хіба що є тут слабке місце: той самий FUCK. Адже далеко не кожен з нашої *еліти* володіє аж настільки англійською...

На цьому варто було б й закінчити. Хіба що поза межами залишилася *історико-містична* сутність того, що ми називаємо *Пейзажною Алеєю*. Про це можна розмовляти дуже довго — власне тому я спочатку й не наважився торкатися тих глибинних пластів. Про них треба писати окремо: про те, що алея повторює обрис середньовічного міського валу від Міста Володимира — звідки й пішла Земля Руська. Про те, що поруч, на горці Поскотинці (Дитинці, Собачці тощо) знаходиться *омфал*, тобто пуповина зв'язку Києва з Небом, що й робить наше Місто *вічним*, разом з Єрусалимом та Лхасою (*Шлях Аріїв в Україні* Юрія Канигіна з коментарем одного шанованого мною чоловіка: *кожна нація має право на власний міф*). А колись над цим місцем відбулося не більше й не менше ніж Велика Битва Добра зі Злом, — саме над тим омфалом, кажуть, Архістратиг Михаїл поголав Сатану й тіло останнього впало додолу, пробивши дірку в колишньому єдиному плато (доведено археологами, що колись то було таки суцільним плато), утворивши своїм падінням оті урочища Гончарі-Кожум'яки, що й сьогодні на супутниковій фотографії нагадують силует людини що впала згори. Цікаво? Цікавтеся! Чому саме тут, поруч, на місці нинішньої Андріївської Церкви, коли Києва як міста просто ще не було, Апостол Андрій встановив свого хреста зі словами: тут виникне Велике Місто? Чому, прогулюючися Римським Форумом, з отима реальними історичними артефактами, які ти бачиш, до яких можеш доторкнутися — виникає те саме внутрішнє містичне враження, що й на місці колишньої Десятинної Церкви (коли там це була можливість прогулюватися) — при тому що тут жодних тих артефактів непомітно, хіба що відчувається їхня незрима присутність, на рівні тієї самої непояснюваної підсвідомості?.. В Неаполі існує легенда: колись за часів закладення фортеці dell'Ovo славетний поет Вергілій заховав яйце в стіну тієї споруди. Те яйце

Веселка [скульптор: Олександр АЛЕКСЕЕВ, 2011]

(як не згадати про Кащика Невмирущого?) стало серцем Неаполю, його сакральною сутністю. Якщо щось з ним станеться, зникне Неаполь. От і Пейзажну Алею варто б було сприймати як щось більше ніж просто такий собі променад з гарним видом. Особисто я переконаний: десь поблизу заховане те саме яйце... Ми ризикуємо втратити історичний Київ. Та ба, ми вже його практично втратили. Час від часу розмовляю про це зі своїми знайомими бізнесменами, зокрема киянами. — Так, — сумно позіхають вони, — але що тут поробиш? Втратили так втратили. Але ж ми — бізнесмени. Якщо вже так сталося, треба з того спробувати й якусь свою копійчину мати. — А чи не боїтеся що й самі разом зі своїми рогинами захлинетеся в тих престижних новозбудованих апартаментах на історичних схилах? Коли тих схилив не залишиться — суцільні апартаменти. Начебто в можному історичному середовищі, але вже без нього? Це, вибачте, неначе захлнутися у власних випорожненнях — при тому в інтер'єрі супер-комфортного позолоченого туалету. Бізнесмени позіхають: ну то мешкатимемо в Конче-Заспі. Або десь ще подалі. А ліквідність — вона анікуди не погінеться. Ну, знизиться трохи, але ж не настільки! Бабло...

ОКешкін сад на Пейзажній алеї [скульптор: Костянтин СКРЕТУЧЬКИЙ, 2010; матеріал: Mozaiko De Lux big АПРОМАТ]

общественность за андреевский спуск!

Александр ДИРДОВСКИЙ, Алексей АЛЕКСАНДРОВ, Валентин СИЛЬВЕСТРОВ, Александр МИЛОВЗОРОВ, Екатерина ГОНЧАРОВА, Владимир МОГИЛЕВСКИЙ, Виталий МАЛАХОВ. Интервью готовили Борис ЕРОФАЛОВ, Елена НЕНАШЕВА, Наталья ЯРОШ

Александр ДИРДОВСКИЙ, режиссер, сценарист, оператор, художник

А+С: Александр, что в Андреевском спуске есть плохо, с одной стороны, а с другой — что хорошо?

Александр ДИРДОВСКИЙ: Ну, естественно начинаем с того, что хорошо. “Хорошо” это значит, почему ты любишь.

А+С: Андреевский спуск есть любовь, для Саши.

А. Д.: На самом деле очень важно чувство в первую очередь — чтобы не врать, чтобы не выделяться. Сильные впечатления, связанные с Андреевским спуском, это определенные вехи в жизни. Невольно видишь себя, начиная с ребенка, который бежит там по дворам.

Я родился на Львовской площади, в пяти минутах от Андреевского спуска. И все мое детство, и юность моей мамы, и зрелость де-душки и бабушки прошли именно здесь. Родители переехали на Львовскую еще во время войны и оккупации Киева — наверно любовь к этим местам у меня на генетическом уровне. Это чувство не похоже на первую любовь, на выплескивание гормонов, потому что в город и в место, где мы живем, мы влюбляемся раньше, чем вообще понимаем, что такое любовь. Влюбляемся еще детьми, когда нежно дотрагиваемся до травы на лужайке и до льдинки в лужице родного двора... Я даже могу вспомнить, когда впервые, собственно говоря, увидел Андреевский спуск. С собачьей горки.

А+С: “Собачья горка” это которая?

А. Д.: Поскотинка, Детинка. Названная “по-советски” собачьей, потому что туда выводили на выгул много собак. Дети с собаками приходили пораньше, у меня в детстве был сеттер-гордон. Потом, когда я повзрослел, мы выходили на горку в 11 вечера, обязательно разжигали костер, кто постарше — вино...

Но с этой же точки я видел Андреевский спуск еще раньше, на семейной фотографии, которую помню с глубокого детства.

Я гарантирую, что первый раз своими ногами попал на Андреевский спуск не через Владимирскую улицу, а именно через собачью горку. В детстве по улицам ходить не хотелось — больше лазили по горам и бродили по дворам. Пейзажной аллеи не существовало, все холмы были утыканы маленькими домиками с садами. Вниз вела расшатанная деревянная лестница, и ты попадал к Детинке, а еще одна лестница, правее Детинки, спускалась в урочище, и прямо через Гончарку ты выходил к Андреевскому.

Вот ты говоришь: Почему сейчас Андреевский не такой? А я гугаю: Почему Киев не такой? Киев 1960-х годов, те же дворы рядом с Андреевским, это полное ощущение села. Вроде городская улица, но ты делаешь три шага в калитку и оказываешься в селе. У нашей соседки был поросенок — на Львовской площади! Козочки две, помню. Я уже не говорю — собаки, кошки, цветы... Первоклашкой я мог гулять до 12 ночи, потому что за мной обязательно следил кто-нибудь из соседей по коммуналке. И то же самое Андреевский спуск. Это как бы улица, а это не совсем и улица — это и двор одновременно. Это фантастический проходной двор, и одновременно

какая-то сумасшедшая струна. Ты идешь через эти холмы, через эти дворы, огибаешь Замковую гору и вдруг — линия, какая-то странная закругленная струна — Андреевский спуск. В “Эр.Джазе” есть тема “Музыка чувственных улиц”. Вот есть улица-музыка, а есть улица-немузыка. Есть улица, по которой ты быстренько пробегаешь, чтобы куда-то добежать. А есть улица, по которой ты идешь, чтобы она тобой играла. Не ты, а она тобой.

А+С: Поэтично. Давай второе впечатление!

А. Д.: Представь себе, я помню, когда на Андреевском спуске был один-единственный фонарь. Это к вопросу, что там плохого. Наверно, много фонарей это плохо. Нонсенс? В середине 1970-х — это уже не детское впечатление — я оказался с барышней на Андреевском в 10 вечера, горел одинокий фонарь. Это была опять-таки практически сельская улица. Барышня училась в университете, но не знала, что такое Андреевский спуск. Про Булгакова тогда тоже, между прочим, мало кто знал.

И вот вслед за детским ощущением Андреевского спуска как продолжения родного двора приходит осознание того, что это абсолютно офигенная улица, самая эротическая улица на свете. Девушки, как правило, оказывались здесь впервые. Она так хитро расположена, что с одной стороны, в центре города, с другой — о ней почти никто не знал в Киеве в 1970-х и начале 1980-х гг. Андреевский спуск это и улица, и сексодром одновременно. Ну, все знали — и художники, и не художники — куда можно было пойти, если ты жил в коммуналке или с родителями. Как только тепло, весь нормальный народ шел на эти потрясающие холмы.

А+С: В Париже на Пляс Пигаль есть заведение, которое так и называется “Сексодром”.

А. Д.: Это другое. Ну, пардон, я неуместно использовал слово.

А+С: Где можно было любить.

А. Д.: Да. Любить. Улица настолько эротична, что когда ты приводишь туда девушку, и она после Большой Житомирской через три минуты оказывается на этих холмах... ну, я не говорю, что она твоя тут же, но практически твоя. Я невольно перехожу на откровенность, но в начале беседы мы договорились, что чувства важны, чтобы не врать. И я говорю правду. Сама эта улица — как своеобразное влагалище, а вокруг холмы. На самом деле, это женщина — Андреевский спуск. Это не он, это она. Я это увидел. Как будто сверху.

Около “Замка Ричарда” асфальта не было, там росли гигантские кусты, стояли маленькие скамеечки с маленькими столиками, там было, конечно, хорошо и по пьянствовать с грузьями, но в тихое вечернее время ты шел туда с любимой девушкой и никто не мог вам помешать наслаждаться эротикой. И это рядом с “Замком Ричарда”! А что уж говорить про Замковую гору! Там не было ужасных лестниц, туда вела романтическая тропинка мимо голубятни, и там, на Замковой, уже можно было гулять целую ночь...

Потрясающие холмы и седло между Спуском и Воздвиженкой (фото: Дмитрий ВОРОНОВ, 1981)

Старая голубятня [муш.: Валерий АКОПОВ, 1980]

Романтика Андреевского спуска (фото: Александр ДИРДОВСКИЙ, 1985)

А+С: Интересно эксплицировал. Следующая веха — творчество?

А. Д.: Это первое выступление с грузьями на Андреевском спуске в 1987 году, когда День Киева праздновался уже официально. Вообще-то выступать было запрещено, если ты заранее не сказал, кто ты такой и из какой “художественной самодеятельности”. Но ровно год назад бухнул Чернобыль, и мы, пережившие всю эту катавасию, поскольку решили не уезжать из Киева, были уже смелые и даже дерзкие. Я знакомлюсь с молодежью — какие-то актеры, мимы, музыканты — и предлагаю: “Давайте не будем нигде фиксироваться, а просто выйдем на Андреевский и выступим!” И мы вышли. Это было великолепно! Слева от “Замка Ричарда”, на том месте, где до революции размещалась первая в Киеве лавка презервативов, нас собралось человек пятнадцать. Многие познакомились друг с другом накануне. Приволокли стремянку, завернули в бумагу одного местного чувака, водрузили на стремянку и написали: “Нет безыдейности в искусстве!” Он, таким образом, символизировал советскую скульптуру, но при этом еще и двигался как брейкер. Потрясающий эпизод: когда мы водружали наш “монумент”, подскочил милиционер и начал срывать бумагу. Но бумага была плотная, и ему удалось оторвать только приставку “без”. Я говорю: “Товарищ милиционер, что вы наделали! Теперь получается: Нет идейности в искусстве! Это констатация? Или лозунг-призыв? Может быть, все-таки оставим прежний вариант: Нет безыдейности в искусстве!” Я его так запутал, что он вдруг говорит: “Чувак, подклей...” И убежал. Мы прилепили оторванные буквы и вернули скульптуру на постамент.

А праздник был в разгаре, народ валил валом. Мы длинноволосые, бородатые, с гитарами... Я увлекался кукольным театром,

какие-то куклы понаделал. И самая “контра” — первый раз в жизни мы играли “на шляпу”. Это было недопустимо! Немыслимо! Нам бросали по 10, 15, 20 советских копеек! Первая группа, которая играла “на шляпу” на Андреевском спуске, “Er.Jazz”.

А+С: Неофициальные музыка и искусство начали выходить из подполья — и на Андреевский спуск?

А. Д.: Да, тогда на спуске выставлялись самые классные художники, Саша Костецкий, Иван Марчук... Было много надежд. Особенная веха в жизни, связанная со спуском, — конец февраля 1989 года. В Киев впервые привозят “Ностальгию” Тарковского. Событие. Накануне ночь с “Эр.Джазом”, потом я иду на утренний сеанс, в зале три человека, а потом... Куда идти после Тарковского? Конечно, на Андреевский спуск! И вот я стою с приятелем, конечно, “Під липою”, выше дома Булгакова у кафе, которое сейчас жлобское-прежлобское, а тогда это было супер-тонкое богемное дешевое кафе. Идут две барышни, одна из них — моя нынешняя жена. Мы смотрим в глаза друг другу и все понимаем без слов. Потом она сказала: я знала, что ты будешь моим мужем. А я подумал, что она зайдет в кафе, встанет в очередь за кофе, я приклеюсь сзади, а пока идет очередь, я познакомлюсь с кем угодно. Через два года мы шли венчаться: опять же по Андреевскому спуску, пешком, в офигенных романтических костюмах, я махал белым шарфом, мол, сжаюсь. Венчались, естественно, тоже рядом с Андреевским — там, где крестился Михаил Булгаков, там же крестились мои грузья из “Эр.Джаза” Алёша Александров и Анджей Поздин — в Крестовоздвиженской церкви. Где же еще! И, наконец, впечатления современного периода — все-таки, к сожалению, грустные. Чем для нас страшно это время?

А+С: Саша, ты хочешь сказать, что для тебя весь очаровательный и романтический Андреевский спуск закончился в 1991 году, а потом пришел полный, так сказать, конец?

А. Д.: Как ни странно, сначала он пришел в моем сне. В “Эр.Джазе” судьбу группы решали три человека: лидеры-музыканты Алёша и Анджей, а я занимался декорациями как арт-директор. Три бородача, нас путали постоянно. Суперпопулярный в те годы “Театр на Подоле” предложил “Эр.Джазу” сотрудничество: гастролировать от театра. Другими словами, ездить, зарабатывать деньги. В то время только начинались бизнесовые дела, связанные с театрами и труппами. Утром мы должны были идти к В. Е. Малахову подписывать договор, а ночью мне снится, вот те крест, что Андреевский спуск перегорожен во всю глину баррикадами. Просто Парижская коммуна! С одной стороны вся богема, а с другой... тогда же на спуске появились первые ресторанчики, гостаточно романтические, например, армянский рестораник ниже дома Булгакова, — но мне снится, что по другую сторону баррикады, противоположную богеме, весь Андреевский превратился в полное кошмарщице: сплошные рестораны! Это то, что именно сейчас происходит. И мне снилась абсолютно реальная грака и две породы людей.

А+С: Богема и капиталисты в котелках и с тросточкой.

А. Д.: Последние выглядели тогда абсолютно иначе, совсем как мы. Но я вдруг впервые в жизни разделил. И понял: возникает новая порода, которая может просто всё уничтожить. Она вроде бы цивилизацию двигает, но на самом деле Андреевский спуск это лакмусовая бумажка нашей цивилизации. Здесь все обнажено до ужаса, потому что это и есть, как сказал Сергей Соловьев, натянутый нерв. Натянутая голосовая связка. И она огна. Если она рвется, невозможно слова сказать.

А+С: Какая ж она натянутая? Когда я смотрю на Андреевский спуск из космоса, мне видится египетский знак “анх”, подчеркнутый Боричевым током.

А. Д.: Это взгляд архитектора. А я говорю: это натянутая связка души города. Духовный план, он другой. Так вот, благодаря памяти, которая переплетает судьбоносные моменты нашей жизни с Андреевским спуском, мы не подписали договор с театром, хотя он сулил в те голодные годы реальный доход. Встретились утром на спуске, я говорю: “Ребята, надо отказаться”. И “Эр.Джаз” ни разу не имел ни с кем ни одного договора. Мы не сдались, понимаешь. И Андреевский в этом помог: там нельзя было это делать. В другом месте, возможно, мы и пошли бы на заработки. А спуск — это святое. Он нам помог душу сохранить.

А мой сон сбылся в худшем варианте. Притом, что худший вариант еще не наступил, но мы знаем, что вот-вот наступит. Я так понимаю, кое-кто специально ждет, пока на Андреевском разрушатся дома, когда их невозможно будет реставрировать. С Гончаркой это уже произошло, и дальнейший сценарий известен. В историческом Вильнюсе есть квартал Ужупис (Заречье), в прошлом одно из самых заброшенных мест старого города. Потом в Ужуписе поселились художники — там было самое дешевое жилье. И чтобы сохранить уникальность квартала, они придумали гениальный хог: провозгласили внутри Вильнюса Республику Ужупис, которая сегодня имеет свой собственный флаг, конституцию, президента, армию из 12 человек, свою валюту, таможду, почетных граждан, послов и консулов в разных странах мира, выборы, карнавалы, 1 апреля празднуется День независимости Ужуписа. Есть карта Ужуписа. Это настолько потрясающе!

А+С: Карта нашего Ужуписа, Андреевского спуска, тоже есть.

Саша Дирдовский, когда стояли все дома, 1977

А. Д.: Но в Ужуписе нет такого беспредела как у нас на Андреевском. Хотя сегодня это самая дорогая земля Вильнюса.

А+С: Саша, ты как провидец нарисовал перспективу спуска.

А. Д.: Я думаю, это единственный выход. Сделай государство в государстве, город в городе.

А+С: Подожди, там будет Ужупис и самая дорогая земля. Все стоит именно на этих рельсах.

А. Д.: Литовцам все-таки удалось сохранить квартал. Перспектива понятна: в центре города, так или иначе, будут жить богатые люди. Но в Ужуписе не уничтожено ни одного дома. Вложены средства, проведена реставрация, сохранена аура старого города. Изначально наши ситуации похожи: на Андреевский спуск тоже пришли художники, получили мастерские. Но литовцы смогли отстоять Ужупис, и там по-прежнему обитают деятели искусства.

А+С: Есть ли надежда и в чем она?

А. Д.: Каждые две недели Алёша Александров читает нам отрывки из своего романа “Книга Книг”, связанные с Андреевским спуском. И на спуске, и в галерее Карася, и на горах... Может быть, это происходит перед агонией спуска? Но надежда есть. Вот мы зажигаем огонь... Я специально купил барбекю — костры запрещены. К нам подошли интеллигентные милиционеры и по-украински попросили не жечь, так как “поступил сигнал”, кто-то настучал, из новых домов: они не знают, что костры около Андреевского это традиция. Так что таскаем барбекю, возжигаем и читаем. Пока на этих холмах будет гореть огонь, пока будет читаться текст, пока художники будут выставляться на Андреевском, пока галереи не продадут свои последние помещения — надежда остается. Ведь всё хорошее начинается тогда, когда от плохого уже нет спасения.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ, музыкант,
лидер группы Er.J.Orchestra

Алексей АЛЕКСАНДРОВ: Я воспринимаю Андреевский спуск как связь между миром горным и миром хтоническим. Мы можем двигаться туда и обратно. Мир Горный — на Андреевском спуске всегда прекрасно видно небо. Мир Хтонический это где-то там: какой-то Подол, с какой-то рекой, может, это Лета, может, Стикс. И он всегда закрыт, невидим, но мы о нем знаем. И это всегда погружение в какое-то сырое, ветреное место, и тогда можно вообразить все, что угодно.

А+С: Просто инь какой-то!

А. А.: Да-да-да. А наверху, конечно, ян. Это первое. Для меня это всегда была некая связь. Если смотреть на сугубо материальном плане, историческом, — связь между двумя городами: город Нижний, город Верхний, между ними линия. Но не просто линия — закрученная! Кстати говоря, мой образ: Киев город круглый, шарообразный, и все, связанное с глобусом Киева — во многом рождается именно благодаря Андреевскому спуску. Здесь закругленность во всем: и в холмах, и в самой линии этой улицы, где в какой-то момент теряешь ориентир, становясь полным географическим кретином. Возникает ощущение очень странное: раз, и потерялся. Это ощущение совершенно удивительное, оно прекрасное, очень какое-то трогательное и чувственное. Это второе.

Третье, конечно, холм. Великий символ. Всегда возвышенность, всегда королевское достоинство, неслучайно на холме и замок был первый киевский. Холм во всех отношениях архетип. Флоровская, она же Замковая гора, напротив нее Вздыхальница — две главные горы Андреевского спуска. Ну, я не беру собственно Андреевскую гору, которая наверху, и Старокиевскую, которая как бы в стороне. Они со спуска не особо читаемы. А между Флоровской-Замковой и Вздыхальницей Андреевский спуск и течет. То ли вверх, то ли вниз. То ли он спуск, то ли подъем-ск... Кстати говоря, в слове “узвіз” не важно, он вниз или вверх, потому что мы можем играть этим словом, “воз”, “вз” это главное. А спуск — он всегда однозначно спуск.

А+С: Ну, да, узвоз — это “у воза”, а воз идет куда угодно.

А. А.: Еще один интересный аспект: здесь есть элемент лабиринта. Почему для меня это лабиринт? Потому что в понятие Андреевского спуска я включаю еще и соседние территории. Это не только извилистость и закрученность самого спуска (или претензия на закрученность, которая, конечно, не выражена окончательно), но еще и всевозможные ответвления. Рядом — Фроловская улица. Та Фроловская с хатками и садами, которая сгорела в 1980-е, от которой ничего не осталось, а не та, которая сегодня так называется. Прежняя Фроловская вела прямо к дороге на кладбище, идущей из монастыря, они соединились и поднимались на Флоровскую гору — это была сакральная дорога, ведущая фактически к небу. Там самая высокая точка. Всё, дальше только небо! И это удивительно, что в центре города была такая точка, невероятная совершенно. Очень уютная, обросшая вся этими деревьями...

С другой стороны, Боричев ток. Со своей совершенно удивительной историей, включая поход князя Игоря: он шел по этой улице в свой бесперспективный и бесталаный поход. Воспетый потом не только летописцем. Как бы там ни было, это часть нашей пронзительной истории.

А+С: Какие еще есть ответвления?

А. А.: А во дворики! А на Воздвиженскую! Это не та Воздвиженская, и не то, что сегодня Гончары и Кожемяки. Ведь это же тоже был лабиринт! Усеянный садами, артезианскими источниками, колонками, развешанным бельем, детьми, которые копошились в пыли, булыжниковой брусчатой мостовой. Это был вообще совершенно другой мир: из XX века ты попадал в XIX-й, и никаких удобств.

А+С: А крючок-ответвление под Андреевской церковью, под пятиугольным равелином?

А. А.: Совершенно верно. Я уж не говорю о подземных ходах, подземной церкви, о которой мало кто знает, прямо под Андреевской церковью. А гора Уздыхальница, на которую можно было забраться только со двора “Замка Ричарда”. А сам “Замок Ричарда” — это тоже лабиринт. И вот это все в целом и есть лабиринт на самом деле. Многоступенчатый и многоплановый.

А+С: Назвать Андреевский спуск просто улицей недостаточно?

А. А.: Конечно. Это своего рода космос. Я не хочу пользоваться категориями “микрокосмос” и “макркосмос”, потому что они устоявшиеся. В данном случае, и связь верх-низ, и закругленность, и древние понятия холма и лабиринта — все это вместе является для меня архетипом, гениальным совершенно. Нерукотворным по большому счету, вечным. Именно потому никакая цивилизация не смогла превратить Замковую гору в дачные места или что-то в этом роде. Там все мощно этому сопротивляется. В ней заложена особая энергия, которая, несмотря на поползновения наших жлобов, пока что держит ситуацию. И, даст Бог, продержится.

А+С: Сегодня мы все вдруг понимаем, что тот Андреевский спуск, который был сконструирован в головах, к которому привыкли, в нем что-то испортилось, что-то не то...

А. А.: К сожалению, Андреевский спуск, как и все, что нас окружает, подвержен всем тем некрасивым процессам, которые свершились в нашей жизни. Это, прежде всего, дух торгашества. Но я имею в виду не лоточников даже, которые там стоят. Общий дух. Спуск превращен в туристический маршрут, ничего мы с этим уже не поделаем.

А+С: Может, в туристах на спуске ничего плохого нет?

А. А.: Возможно. Но он перестал быть интимным во многом, каким он был раньше. Но нереально это сохранить, понятное дело, нереально.

А+С: Туристические маршруты есть в Париже, Нью-Йорке, Венеции, но если ты едешь на своей гондоле и пьешь свою граппу, то сквозь туристов смотришь как сквозь медузу, насквозь, для тебя они как бы не существуют...

А. А.: И всех это раздражает. Но все туда ходят. Да, если бы была сохранена вся мифология Андреевского спуска, если бы она доносила до тех, кто сюда приходит, это была бы немного другая картина. Но она не доносится. И никто этим не занимается.

А+С: Почему? Есть дом Булгакова, Музей одной улицы, театры, галереи...

А. А.: Этого всего недостаточно. Должно быть нечто другое. Вроде и галереи какие-то есть. Но все это укладывается, тем не менее, в кока-кольно-пепси-кольную тему. Нет главного. Трепета нет.

Валентин СИЛЬВЕСТРОВ, киевлянин,
выдающийся пост-авангардный композитор

А+С: Валентин Васильевич, говорят, что современная музыка это отношения между людьми, но вместе с тем в вашей музыке присутствует невероятная пространственность. Может быть, Киев этому способствует, также как немецкая музыка без пространства готического храма невозможна?

Валентин СИЛЬВЕСТРОВ: Действительно, пространство, в котором человек живет с детства, накладывает неизгладимую печать и на него, и на то, что и как он делает. Пространство проникает... Так получилось, что я жил у Сенного базара. Там, на Львовской площади, был кинотеатр им. Чапаева, а если во двор зайти, начинаются яры. Немного дальше есть место, называется “лоб”. Сейчас к нему уже подкрадывается застройка, где-то внизу. А в наше время, советское, это было гикое место. Может быть, оно было таким тысячу лет, только менялась фауна и флора. А рядом — город. Не успел выйти из города, как сразу попадал в эти места древности, но без признаков обработки: мол, это было так, сяк, а это варяги... Без экскурсионного имиджа и финансовой схваченности.

А+С: Вы по этим яругам ходили с детства?

В. С.: Не только ходил — я даже туда катился, чуть там вообще голову себе не сломал, потому что мы играли в футбол на краю, заборов не было, и мячи все время скатывались вниз. И когда очередной мяч покатился, мне какой-то старший “вождь” крикнул: “А ну, хватай!” Потому что пока доберешься за ним... Я схватил этот мяч, но покатился сам. Помню только: земля — небо, земля — небо... У меня даже шрам есть.

А напротив кинотеатра и углового гастронома был садик, в котором потом мой близкий приятель Гриша Хорошилов устраивал художественные акции, и участников все время арестовывали, каждый год. Там уже ничего не осталось. Гастронома нет. Но я помню в этом гастрономе конфектный отдел, мы в послевоенное время выковыривали оттуда конфеты проволоками.

Гриша Хорошилов — это уже крещатицкие. А у меня было вот это пространство: начало города и конец города, и тут же вроде гикая природа. Но какая она гикая, когда рядом центр! В общем, как бы на краю. Ты находишься в культурной среде, но в любой момент можешь как Пушкин “замыслить побег”. Он только замыслил, потому что ему нужно было из Москвы еще куда-то чесать. А здесь, в Киеве, и побега не надо: вышел, перелез через забор, и уже побег!

А+С: Убежал и быстро вернулся?

В. С.: Да, было такое ощущение. Когда я окончил консерваторию, нас “распределяли”, чтобы куда-то засылать. А я сказал: “Да никуда я от Днепра, от этих гор и Андreeвского спуска не поеду!” И не пришел за дипломом. Сперва мне его не отдавали. Потом отдали.

А+С: Как влияет переживание ландшафта на музыку?

В. С.: Влияет пространство города, Днепр... Это и окрестности Андreeвского спуска, который соединяет горку с Днепром. Это и пространство Левого берега. Сейчас я живу на Русановке, откуда Батый смотрел на Киев. Во время Батыя это гикое место было. Когда я только переехал, в 1966 году, я был вольный художник, и пока люди зарабатывали по конторам, я выходил в Гидропарке. Там не было ни души, я прогуливался как хозяин Гидропарка и смотрел на Киев оттуда же, откуда Батый. Это давало ощущение простран-

ства: здесь оно одно, а там другое, город. Моя музыка связана с пространством. И пространство отражается в ней. Но не выражается буквально — я не люблю пейзажной музыки. Московский поэт Геннадий Айги, большой любитель и знаток музыки, заметил это. Когда мне в очередной раз стукнуло сколько-то лет, он написал, что такое же ощущение пространства, как у меня в музыке, присутствует у Т. Шевченко в поэзии. Не описание, а именно странное такое ощущение. И Айги услышал его у меня. Я раньше не думал об этом. Я не степной человек, Шевченко степной.

А+С: В современной питерской музыке чувствуется гостоевщина, нервное переживание комнаты и Невского проспекта. А украинская музыка более мягкая, что ли, она как бы кружится, создает стереоэффект?

В. С.: Да, я согласен. Та музыка больше знаковая, понимаете. “Письменная”. Эта музыка другого пространства, она связана со слухом, а та — с письмом.

А+С: Это чувство южного украинского пространства?

В. С.: Сочетание степи и рельефа.

А+С: А для Киева еще вот этот вспученный ландшафт...

В. С.: Да, это, конечно, отражается подспудно. К этому, в общем, стремиться можно, и кто-то стремится, но я ощущаю. У меня очень бережное отношение к звуку. И не просто к звуку: вот, мол, красивый звук, а чтобы он был со смыслом. А смысл связан иногда с вербальностью слова. В тех виртуозных вещах, которые мы часто слышим, скорее природа самого инструмента говорит, чем музыка.

А+С: Тембр хорошего инструмента настолько насыщен, что кажется, задача композитора не испортить, не навредить?

В. С.: К сожалению, эта задача стала слишком популярной, и нарушено некоторое равновесие. Результат может быть даже качественным, особенно когда исполнитель хороший, впечатляет. Но получается такая вещь, я называю “бормотуха”. Понимаете, можно говорить словами: “Пора, мой друг, пора! покоя сердцу просит”. А можно так: “а-у-э-у-а-ы...”, это будет даже больше пищать, чем “Дыр бул щыл” Кручёных. В связи с музыкой это ж очевидно, какая потеря. Музыка иногда выигрывает тем, что здорово звучит, но смыслово она бедная. А другая музыка смысловая, но невзрачна точки зрения звучания. Декламировать Пушкина электронным голосом это издевательство. Почему бедна связь инструментальной музыки и электронной? Это два мира, которые очень трудно сочетаются. Если они даже дополняют друг друга, возникает нестыковка. Электронная музыка... ощущение, что ты в бардаке. Но бардаки бывают разные. Какая-то бесовщина средней руки. Фильмов ужаса никто уже не боится. Настоящий ужас это когда ты спичку зажег не во время. А вот когда электронику включают, сразу ощущение, что ты попадаешь в дешевый фильм. Она вроде бы для кого-то выигрывает, но это дешевка. Даже кому-то нравится, но потом надоедает. Как Сальвадор Дали — замечательный выдумщик, но с точки зрения живописи это то же самое.

А+С: Вы помянули Кручёных, Дали. Но был Скрябин...

В. С.: А куда он делся? Подождите, куда делся Скрябин? Помню, в

“Замок Ричарда”, лестница на Уздыхальницю [фото: Александр ДИРДОВСКИЙ, 1990]

советское время на улочке Десятинной близ Андreeвской церкви была мемориальная доска: тут жил Скрябин в такие-то годы. Я смотрю: нет ее. Мой педагог Борис Николаевич Лятошинский знал сына Скрябина, Юлиана, который тоже занимался композицией. Подростком он утонул в Днепре.

А+С: В XX веке был не только Скрябин, но и Джимми Хендрикс...

В. С.: Ну, да. Это ж нужно было на возжегание цгти. Видите ли, музыкальные группы это рецидив древности, который проявился здесь, поскольку возникли средства доставки. В древности го письменности музыка игралась по слуху, а не по нотам. В восточной культуре, в частности индийской, человек учился музыке лет сорок, и только потом учитель его выпускал. Он каноны знал, и они там что-то на барабанчиках вместе играли. Была сыгранность. В каком-то смысле западная поп- и рок-культура вышла через джаз, а в джазе тоже не любят ноты. И правильно делают! Как только ноты возьмешь, сразу сгинешь как джазовый музыкант. Групповая музыка не имеет “текста”, не имеет экзистенцию — они сыграны. У них есть какие-то ноты, заготовки, какие-то цифры, “квадраты”... Но главное — сыгранность. Они, знаете, как приготовленный шашлык. Музыкальные группы действуют, потому что есть “средства доставки”, магнитофонные, электронные записи. Раньше не было — ноты писали. Если б современных “средств доставки” не было, они бы поиграли, и только легенды остались, как об Орфее. Он здорово играл, а что играл — никто не знает.

А то, что я делаю, можно назвать письменностью в музыке. Музыка стала письменностью гораздо позже, чем литература. Музыка —

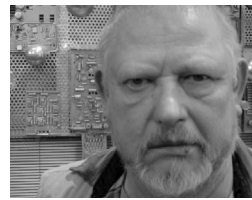
всего 500 лет. Музыканты вступили в зону письменности, которая, с одной стороны, сковывает, но с другой — расширяет, потому что даже “те, кто подбирает по слуху”, пользуются падающим с этого стола, добытым “письменностью”. Джаз воспользовался гармониями Дебюсси и Равеля, которые ими добыты были, а джазмены на слух подобрали. Но без письменности и это не было бы найдено джазом. Но когда оно уже добыто, оно вошло в слух. “Письменная” музыка важна как письменная литература.

А+С: Есть особенное отношение к Андreeвскому спуску?

В. С.: Есть, да. Выпивали. У “Замка Ричарда”: можно было туда прокрасться, и там поляна. И на этой поляне закладывали. Но ментоны когда прибегали, так там возможно было отступление, бегство. Так что милиции было трудно. Это глубокое советское время, 1970-е. И вот композиторы, я с ними был, однажды там балдели-балдели, а рядом какие-то подозрительные амбалы стояли. Один из композиторов, всемирно известный, кстати, начал читать стихи Пушкина, Тютчева... и вдруг эти амбалы к нам присоединились. Оказались грузчиками! Мы с ними расстались только в пять утра на площади Б. Хмельницкого. Они такие здоровяки, а мы дохлая интеллигенция. Трогательное прощание: “Ребята, если вас кто-то тронет, скажите нам!” Вот это мой Андreeвский спуск.

А+С: В 1982-м Андreeвский отремонтировали, сейчас он превратился в блошинный рынок, ваше отношение к изменениям?

В. С.: Когда только сделали реконструкцию, выйдешь — Подол почти Петербург. Сейчас нужно не портить. В конце советской эпохи архитекторы как-то еще следили за этим. А сегодня, видимо, их никто не слушает.

Александр МИЛОВЗОРОВ, директор
и художественный руководитель "Галереи 36"

А+С: Как образовалась "Галерея 36" на Андреевском спуске?

Александр МИЛОВЗОРОВ: Когда в 1980-е годы на спуске устраивались первые недели искусств, в этом активно участвовал Союз художников, советский абсолютно. Художникам, например, выдавались разрешения на продажу своих произведений. Выдачи разрешений были очень строгими. Тем не менее, мой сосед по мастерской В. Иванов-Ахметов выставил на спуске офортный станок и печатал свои гравюры. Копеечные деньги сыпались ручьем, стояла очередь желающих получить тиражный оттиск. Так рождался этот Андреевский спуск. Потом многие художники получили здесь мастерские. Наш дом, № 36, дали в аренду Союзу художников, и сюда вселилось 17 художников. Дом двухэтажный с пристройкой третьего этажа. Я тоже получил мастерскую на первом этаже, 27 кв. м. В подвале была бойлерная. По договоренности с Союзом художников я переоборудовал подвал под выставочный зал, который стал частью моей мастерской, 64 кв. м. И создал "Галерею 36". В результате устраиваю здесь выставки в течение пятнадцати лет.

А+С: У вас своя версия апокалипсиса Андреевского спуска?

А. М.: И она очень проста. Однажды меня пригласили участвовать в телепередаче, иницизированной президентом Центра современного искусства "Совиарт" В. Хаматовым и Гёте-институтом. В телецентре собралось много разного люда, в том числе И. Н. Салий, который причастен к рождению Андреевского спуска, как он сейчас есть. Я спросил Салия: Иван Николаевич, помните, вы поставили на Андреевском спуске красивые фонари? Где они сейчас? На чьих-то дачах. И осталось из них всего несколько. Фонари украли. Вот вам перспектива.

Если богатый человек захочет, чтобы вот здесь, напротив Андреевской церкви, поставили стоэтажный дом, его поставят. И наплюют на все проекты, на все программы. Деньги решают всё. Как быть? Говорят, против лома нет приема. Ничего подобного. Есть автомат. А против автомата — танк. А против танка есть атомная бомба, в конце концов. Против больших денег есть еще большие деньги. Но в этом деле есть еще одно оружие. Когда американцы собирались огромным флотом напасть на Японию, Император обратился к своему народу, чтобы все молились. И весь народ начал молиться своим японским богам. Удивительная вещь: неожиданно поднялась буря и размела вражеский флот.

А+С: Какая проблема с вашим домом сейчас?

А. М.: Проблема в том, что время от времени очередному богатому человеку хочется забрать этот дом и иметь с него доход. Потому что место замечательное.

А+С: Мастерские не приватизированы?

А. М.: В том-то и дело, что нет. А условия таковы, что приватизация равносильна покупке недвижимости в центре Киева. И для художников никаких льготных цен — всё по тендеру.

А+С: При таких реалиях никаких шансов выиграть тендер?

А. М.: Купить здание мы не в состоянии. Наша задача — не допустить выставления на приватизацию. Хотя, согласно Постановлению ВР, они не имеют права продовать это здание.

А+С: Ну, а Союз художников может помочь в этой ситуации?

А. М.: Забудьте! НСХУ, максимум, может дать письмо с просьбой, чтобы дом не приватизировали. Похоже, следовало приватизировать мастерские в начале 1990-х. Но тогда это должен был делать Союз художников. А у нас не было таких денег. Все мастерские можно было выкупить за 20 тыс. советских рублей. Сегодня художники, которым мы организовываем выставки, помогают платить аренду за галерею, около 2 тыс. грн.

А+С: Оптимистично смотрите в будущее?

А. М.: Ну, я оптимист, в общем-то. Иначе тогда надо повеситься, и всё. Я воюю в основном за галерею, мне жаль этого ребеночка. "Галерея 36" удачная галерея. На десятилетний юбилей мы организовали в галерее "Лавра" огромную выставку художников-участников нашего проекта, издали прекрасный каталог. После отбивки первого десятилетия деятельности, мы с искусствоведами Сергеем Тарнавским и моей женой Светланой Черноборовой начали расширять круг профессиональных участников галереи, привлекая зарубежных художников. Через атташе по культуре мы приглашаем сюда выставки хорватов, латышей, немцев, чехов, поляков, литовцев. В конце концов "Галерея 36" превратилась в галерею народной дипломатии. В свою очередь я тоже вожу свои работы в Европу, вместе с художниками, с которыми мы сотрудничаем. Поэтому у нас имидж хорошей галереи. И я воюю именно за это детище.

А+С: Может быть, кто-то злонамерился против вас?

А. М.: Я человек мирный, ну, какие личные враги! Думаю, просто желающие меняются, прощупывают почву. А галерея остается.

А+С: Что-нибудь смешное из жизни галереи расскажете?

А. М.: Как-то "Космос" шел на вторые выборы и устроил показательный проход по Андреевскому спуску. Мои друзья из Управления культуры готовили этот рейд, мол, зайдете и в "Галерею 36". В результате, идет толпа в пятьдесят человек с камерами, завели его в галерею. Он абсолютно не понимает, куда, зачем зашел. Осмотрелся и говорит: "Я бы вот тоже хотел иметь галерею". А у нас как раз была выставка неfigurативной живописи. Мэр: "Я вот недавно был в Ленинграде в одном музее... Трудно вспомнить..." Ему подсказывают: Эрмитаж. Он: "В общем, было интересно. Я стараюсь понимать..." Говорю, вы, наверно, просто душой чувствуете абстрактное искусство? Он: "Да-да". И пошел дальше. А после издал-таки распоряжение — не трогать художников на Спуске.

А+С: А как обстоят дела сейчас?

А. М.: Ситуация получила развитие. В сентябре у нас в гостях был глава КГГА Александр Попов. Он тоже пообещал, что мы останемся на Андреевском спуске. Но условия о нашей здесь жизни принимает Киевжилспецэксплуатация, которая хочет перезаключить договор аренды с ежегодной ставкой 4 % от оценочной стоимости здания. Этого мы, конечно, не потянем. Для галереи реальной является схема, по которой живут сами депутаты Киевсовета: 1 грн в месяц за аренду помещения до 50 кв. м. Такая же условная ставка применяется для творческих мастерских до 50 кв. м, и для заведений культуры до 100 кв. м, что для нас было бы приемлемо.

Екатерина ГОНЧАРОВА,
старший научный сотрудник
УкрНИИпроектреставрация

А+С: Что сделало Андреевский спуск явлением нерядовым?

Екатерина ГОНЧАРОВА: Атмосфера Андреевского спуска, которую мы знаем сегодня, создавалась людьми нестандартными. Улица и территория вокруг нее, в силу особенностей ландшафта, находилась на периферии градостроительных интересов. За исключением участков, примыкающих к Контрактовой площади, это место всегда было сложным для строительства, мало обустроено и неудобно для жилья. Люди, которые здесь селились, как правило, не имели больших доходов. Вплоть до 1980-х это почти “мертвая зона”, по ней боялись гулять ночью. Зато здесь, в своеобразной территорииальной резервации, на протяжении XIX–XX вв. устраивались домашние театры, художественные мастерские и поэтические салоны. Благодаря периферийному положению, отдаленности от интересов городских властей, улица сохранила специфическую атмосферу и по-прежнему объединяет сонм уникальных людей.

А+С: Что привело к нынешнему плачевному состоянию спуска?

Е. Г.: Его счастье и основная проблема в том, что он является новообретенным памятником. Ведь оценка его потенциала произошла относительно недавно. В настоящее время этот уникальный ландшафтный и архитектурно-градостроительный комплекс оказался практически незащищенным, как законодательно, так и административно. Люди, которые должны были бы этим заниматься, лишены рычагов влияния в области архитектурной и градостроительной политики. Тем не менее, существуют программа и концепция реставрации отдельных зданий и реконструкции спуска. Однако не решается проблема надзора за историческими зданиями, которые находятся в частных руках, а также внутриусадебных пространств и застройки дворов. Программа мало касается вопросов сохранения исторического ландшафта и благоустройства Замковой горы, Уздыхальницы и Старокиевской горы.

А+С: То есть отсутствует комплексный подход к пространству всего спуска с прилегающими улицами?

Е. Г.: Программа разрабатывалась, исходя из требований и в соответствии с бюджетом заказчика, Подольской районной админи-

Владимир МОГИЛЕВСКИЙ, кандидат искусствоведения, член НСХУ

Владимир МОГИЛЕВСКИЙ: Андреевский спуск — едва ли не единственная улица Киева, которая еще более или менее сохранила свой аутентичный облик. Что сегодня осталось от довоенного Крещатика? Помню, как воевали за так называемый “старый квартал” между ул. Б. Хмельницкого и бул. Т. Шевченко, чтобы сохранить хотя бы фасады. Поэтому, естественно, что Андреевский спуск нам очень дорог. Здесь удивительно хорошая энергетика. А знаковой эту улицу сделали, бесспорно, художники.

А+С: На спуске еще остались профессиональные художественные галереи. В остальном же “Андреевский спуск” ассоцииру-

страции. Спуск включен в перечень объектов, которые должны быть подготовлены к ЕВРО–2012. Вопрос функции помещений сейчас наверняка стоит столь же остро, как и сохранности зданий. Все это должно разрешиться максимально благоприятно для художников и их мастерских. Иначе, если улица будет занята только офисами и кафе, она, конечно, не потеряет полностью своего обаяния, но утратит прежний присущий ей шарм, а ее социально-средовое и эстетическое своеобразие будет сведено к минимуму.

А+С: А что скажете по поводу специфического мощения спуска?

Е. Г.: В городе есть ряд нестандартных архитектурных объектов, которые не подходят ни под одно из определений памятников, но нуждаются в сохранении. Такой объект — мостовая спуска, профиль улицы, имеющий свою историю. В верхней части вода стекает по центру мостовой, а внизу, где спуск более пологий, водостоки идут с двух сторон, вдоль тротуаров. Мостовая сложена исключительно из булыжного камня и таковой должна сохраняться.

А+С: Что же предлагает УкрНИИпроектреставрация?

Е. Г.: Проект предусматривает смену коммуникаций (это для спуска гиперактуально), насыщение его малыми архитектурными формами, информационными щитами, чтобы прохожие могли проникнуться историей спуска. Далее, обустройство зеленых зон, скверов, холмов. Например, сквера с беседкой у музея Кавалеридзе. Имеется проект, который предусматривает реализацию предложения первой половины XIX века, когда сквер предназначался для прогулок. Он ограждался небольшим забором, с двух сторон которого намечались два здания кордегаржий, в полтора и в один этаж. Есть старые чертежи, их предлагается реализовать, и разместить туалеты — эта проблема на спуске никак не решается.

А+С: Не слишком много для маленького сквера?

Е. Г.: Эти “кордегардии” крошечные. Ну, и вопрос благоустройства территории... Она в ужасном состоянии, никто не вывозит мусор. Зачем там стоит беседка? Не для того, чтобы бомжи распивали алкогольные напитки! А для того, чтобы любоваться видом Подола... Если бы склон не зарос деревьями.

ется с весьма невысоким художественным уровнем.

В. М.: Бок о бок сосуществуют два мира. Один мир это деятели искусств, серьезные художники, искусствоведы, у которых есть творческие мастерские. Их на самом спуске как бы и не видно, но их имена на слуху. Другой мир это ребята, которые арендуют свой кусок тротуара, кустари и просто реализаторы. “Половы”, конечно, везде хватает. Но если порыться в этой куче, встречаются жемчужины. И здесь парижский Монмартр и московский Арбат даже уступают Андреевскому спуску.

А+С: Как искусствоведу живетcя на Андреевском спуске?

В. М.: Есть Постановление Кабмина № 1539 от 2 октября 2003 года “Про підтримку діяльності творчих спілок”, за подписью В. Ф. Януковича: “сприяти виділенню членам творчих спілок приміщень для індивідуальних майстерень-студій”. Но законы законами, а наш дом, в котором находятся мастерские НСХУ — Андреевский спуск 34-В — поджигали уже четыре раза. Мы мешаем, под нами дорогая земля.

Здесь, в мастерских, случайных людей нет: заслуженный деятель искусств Украины Нина Велигоцкая, народный художник Украины Николай Стратилат, доктор искусствоведения Александр Найген, кандидаты искусствоведения Леся Авраменко и ваш покорный слуга и др. Все мастерские используются по назначению. Я вхожу в состав Экспертной комиссии “Украинское наследие”, которая занимается взятием на учет памятников архитектуры. Наконец-то удалось доказать, что наш дом, которому более 150 лет, — памятник истории, “нововыявленный”. Здесь работали поэт М. Грабовский и востоковед А. Крымский. По одной версии, правда, не совсем проверенной, здесь бывал Т. Шевченко. Тем не менее, идет бесконечная атака. На всем спуске продолжаютcя посягательства на мастерские художников и галерей.

А+С: Какова перспектива у художников на Андреевском спуске?

В. М.: Боюсь, что, как говорится, самое трудное позади, но самое худшее впереди. Те условия аренды, которые предлагает Союз художников, это кабала. Цены растут, ремонт за свой счет, а гарантий на будущее никаких. Приватизировать пока не удастся, хотя моя мастерская расположена в пристройке 1950-х годов, которая не является памятником истории. Этот факт тщательно проверяли по документам, приходила комиссия, сфотографировали окна, сделали зондаж, взяли образцы кирпича, подтвердили — не памятник, значит можно пытаться приватизировать. Ситуация, правда, неоднозначна: творческие мастерские приватизировать не разрешают, но малый процент допускается, через Киевсовет. Вдруг неожиданно возникла другая проблема. Оказывается, никто не знает, на чьем балансе наш дом. На Подоле говорят, что это коммунальная собственность города. Пришлось целый год переоформлять документы. Но в Главном управлении коммунальной собственности нам ответили: “Это Подол”. Показываю документ от Г. Романюка, что дом не относится к Подолу. “Ой, как же это они его потеряли!” Но это предвзятая наивность. Сейчас все висит в воздухе.

А+С: Выгодно, однако, терять дома.

В. М.: После пожаров я сделал ремонт. В Союзе художников, сами понимаете, средств нет. Почти 7 тыс. грн пошло на восстановление кровли, проваленного потолка, оконные решетки, утепление стен и пола. В 2008 году, после очередного пожара, нас отключили от центрального отопления. В морозы работаем в двух тулупах. Дом без присмотра оставить боимся, чередуемся. Попросили разрешения подключиться к газовой трубе: рядом проходит, не надо даже траншей рыть. Но увы...

Кстати, во время одного из пожаров на втором этаже началась пальба: там нашли патроны времен Первой мировой войны.

А+С: Просто романтика...

В. М.: Слава Богу, хоть убрали БТР — стоял тут немножко ниже наших мастерских. Хозяин ресторана на нем катался. Помню, в 1982 году на спуске снимали всю брусчатку, а потом аккуратно укладывали, как оно и было, с желобом-стоком посредине, что характерно для Киева как города на холмах. Когда идут дожди — настоящая Ниагара! Своеобразный раритет.

РЕМОНТ [фото: Дмитрий КОБЕЦ, 2011]

Сейчас смотрю на Андреевскую церковь — ощущение двоякое. Дай Бог, чтобы довели до конца реконструкцию. Но облик церкви изменился. Все-таки в обрамлении деревьев Растрелли смотрелся лучше. Это же барокко!

А+С: Проблемы спуска с точки зрения аборигена?

В. М.: У меня, честно говоря, претензии к силовым структурам. Вот идет лестница на гору Воздыхальницу — хотелось бы погнаться, повздыхать... Но там такая публика ошивается! И наркоманы, и кого там только нет. Раньше были охранники, гоняли их как сидоровых коз, и цепи у них забирали. И было тихо, и можно было среди ночи прогуляться, полюбоваться. Ну, устройте вы нормальное патрулирование, круглосуточное! Владимир Щур, один из авторов скульптурной группы “За двумя зайцами”, сделал уже пятый набалдашник на трость Свирида Петровича — отпиливают на сувениры. Неужели милиции не хватает? Вот и приходится ночевать в мастерской — надо же ее охранять кому-то. Завел двух собак. Недавно бомжи пытались украсть черепицу. Еще одна проблема — дикие собаки. Окрестности Андреевской церкви — это их территория. Там целая стая, штук пятнадцать, если не больше, моих чуть не порвали. Совершенно непредсказуемы. Запустение в центре города. Так обидно на все это смотреть. Когда проходили первые Дни Киева, я “отвечал за детей”: родители оставляли их на время прогулки по спуску, а дети рисовали — мелом, углем, карандашом, пастелью, тут же устраивались выставки детских работ. А что сейчас — ресторан на ресторане. Осталось заказать в Китае дешевые красные фонари, нацепить. И как в анекдоте: “Что нужно, чтобы нечто сделать борделем? Вывеску поменять”.

Виталий МАЛАХОВ, главный режиссер "Театра на Поголе"

А+С: Виталий Ефимович, уже много лет ваш театр работает на Андреевском спуске 20-Б. Что для вас значит эта улица?

Виталий МАЛАХОВ: Я благодарен Андреевскому спуску за свою успешную творческую судьбу. Сказать по правде, всеми своими выездами за границу я обязан именно ему. Каждый, кто здесь прогуливался, считал нужным зайти в театр, и практически 80 % моих зарубежных контактов сложилось именно так. Бывая на гастролях в США, особенно приятно видеть фото американцев, сделанные на спуске.

Кроме того, здесь положительная аура, нет транспорта и в целом хорошее культурологическое место — сказывается соседство мест, связанных с именами известных личностей. Я не мистик, но грузья-эзотерики утверждают, что здесь энергетические разломы...

А+С: Для вас здесь же строится новое здание. Как же вам удалось занять такое "козырное" место?

В. М.: В свое время я возглавлял Киевский театр эстрады. Мы поменяли несколько сценических площадок, в том числе какое-то время работали в Контрактовом доме. У меня сложились очень хорошие отношения с районной администрацией — мы безотказно обслуживали новогодние праздники, а в те годы подобных коллективов было не так много. В трудные времена моя труппа ушла в Молодежный театр. Затем пошло поветрие создания театральных студий, и, в те годы бывший у власти, Иван Салий предложил мне вернуться на Погол — в здание на Андреевском спуске. Тогда здесь одновременно открылось несколько творческих уголков. Задумав сделать улицу-праздник, местная власть стремилась насытить ее не только ярмарками, но и культурными заведениями, в том числе театрами, музеями. Кроме того, раздав здания разным хозяевам, которые понемногу занимались каждый своим участком, улицу легче было содержать в порядке.

В нашем теперешнем здании в то время располагалась автобаза. Вышел указ — и база переехала в Дарницю, освободив объект для театра. Тогда, в 1980-х годах, эти вопросы решались быстро. Спасибо бывшим обитателям, которые выехали корректно, не выламывая розеток и прочего. И вот что меня сразу удивило: в помещении, где сидели клерки, была сцена. Как оказалось, этот старинный особняк принадлежал некому Ивану Шатрову,

он содержал здесь купеческий клуб. Театральную функцию здания подтверждает и архитектура, наличие центрального и бокового входов. Старая усадьба состояла из четырех зданий: головного дома-театра, впереди которого был двухэтажный жилой дом, а позади мастерские, имеющие отношение к церкви, кажется, свечные или по изготовлению золотой нити. В новом проекте мы постарались сохранить прежнюю конфигурацию зданий, хотя это и не очень удобно для театра.

А+С: Как вы относитесь к возможности появления современной архитектуры на Андреевском спуске?

В. М.: Я по натуре урбанист и не считаю, что все здания здесь должны быть непременно трехэтажными. Возможно, было бы лучше в каждом доме оставить по два-три старинных этажа, а остальное сделать новое, современное. Жизнь движется вперед и с этим нужно считаться. Я не вижу ничего страшного в сочетании старого и современного, другое дело — как это сделано. Признаться, я сам хотел бы видеть новое здание театра более современным по архитектуре. Очень хочу, чтобы в дальнейшем на Андреевском спуске появлялись современные пятна, а то мы всегда "в шароварах ходим"...

А+С: Сегодня все чаще звучат нарекания киевлян, дескать, раньше по Андреевскому гуляли с удовольствием, а сейчас там грязно... Кроме того, здесь бушуют имущественные проблемы — вытесняют художников, музейщиков. Что думаете о происходящей трансформации улицы?

В. М.: Я не верю, что отсюда уйдут музей и галереи. И я категорически убежден, что Андреевский спуск не должен превращаться в блошинный рынок. Меня возмущает, если рядом с театром торгуют фашистскими касками, гранатами и тому подобным. И если уж тут продают швейные машинки, то пусть они будут только старинные. Возможно, следует ввести определенный ценз на продажу предметов старины и искусства. И, конечно же, нужно окультурить места продажи. Когда все на веревочках и палочках, в этом, конечно, есть своя экзотика. Но мне лично это напоминает мексиканский базар, где продают украденное ночью. Архитекторы должны что-то придумать...

Очевидно, что сегодня Андреевский спуск — это сгусток экономических и имущественных противоречий. Но в эту драку нужно ввязываться, и постепенно ситуация как-то разрешится.

construction / архитектурный узвоз

“андреевский”: первое приближение

С Сергеем ЦЕЛОВАЛЬНИКОМ беседовал Борис ЕРОФАЛОВ

Долгое время, почти всю Советскую власть, большой квартал между Андреевским спуском и Флоровским монастырем был занят “производственными мощностями” швейной фабрики “Юность”. Прямо скажем, не лучшее место для совпрома. В середине 1980-х, когда большинству киевлян стало ясно, что Андреевский спуск — “наше всё”, а у архитекторов появился особый пиетет к работе со средой, место это приобрело особую значимость. Непростую дислокацию под Замковой горой архитекторы называли просто — яма. Ликвидация мрачного вида заводских построек и оживление полузаброшенного квартала могут сделать фабричное место ключевым для возрождения в новом качестве всего Андреевского спуска. О долгой истории проектирования комплекса “Андреевский”, о существующих здесь весьма специфических и многочисленных ограничениях и о том, что в конечном итоге получилось у проектировщиков, для А+С рассказывает главный архитектор города Сергей Целовальник.

А+С: Сергей Анатольевич, проект “Андреевский” уже имеет богатую историю развития и несколько вариантов вполне качественных решений. С чего начиналось проектирование и кто был застрельщиком идеи?

Сергей ЦЕЛОВАЛЬНИК: Проект на площадке фабрики “Юность” начался гораздо раньше того времени, когда я принял в нем участие. Где-то в 2002 году Людмила и Виктор Судоргины, компания “Экспресс-Проект”, делали свои предложения, которые я не видел, но знаю, с их слов, как они подходили к этому узлу. Еще эту площадку изучал Виктор Ширяев. Георгий Духовичный тоже высказывался по площадке с очень оригинальными, интересными мыслями. Это, наверное, не все киевские архитекторы, которые, так или иначе, касались этого объекта.

А+С: Когда в проекте появились иностранные проектировщики?

С. Ц.: С 2005 года к разработке этой площадки подключилось проектное бюро “Маунтфорд Пиготт”, небольшое, но очень известное в Англии. Команда имеет штаб-квартиру под Лондоном, занимается исторической средой и сделала много работ, связанных с регенерацией и реставрацией. У них есть замечательный архитектор Дэвид Шорр, интеллигентный, внимательный и чуткий к советам человек, но как любой англичанин, со своей харизмой и со своей линией, которую очень трудно поменять. Вместе с Аланом Гаскеллом он пригласил меня быть адаптером проекта в их версии. В то время я был практикующим архитектором, и английские предпроектные предложения оказались с некоторым моим вкладом. Имеется в виду не физическое исполнение чертежей, а скорее философия или подсказка того, как следовало подходить к этому весьма непростому (исторически и топографически) месту.

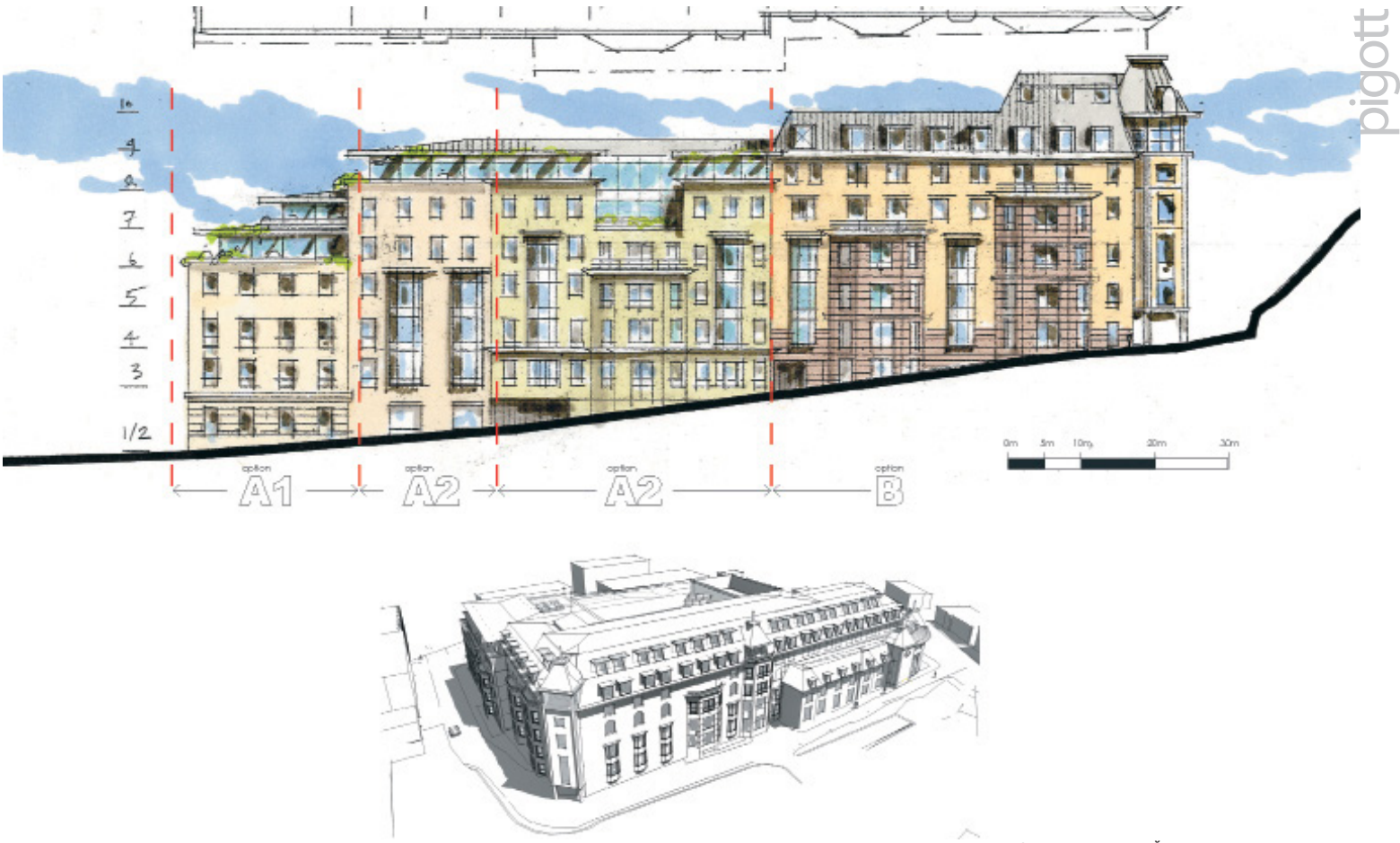
А+С: Проектирование “в среде” имеет у нас свою специфику?

С. Ц.: В то время в Киеве проектирование в исторической среде было связано с таким... В общем, был настоящий “разгул” влияния одного человека, когда люди сидели часами в очереди

под кабинетом, чтобы попасть на аудиенцию, и многократно не попадали по непонятно каким причинам. Заказчики вместе с проектировщиками, выстраиваясь по одной теме, создавали группы по пять человек и просто сидели в очереди, в ожидании неизвестно чего. Это был период, когда одно лицо могло ногтем по планшету провести жесткую черту, которая обрезала любые намерения того или иного проектировщика. Именно тогда мы все же старались проводить, как я убежден, правильную линию, связанную с интеграцией современной архитектуры в историческую среду. Причем такая интеграция производилась разными средствами, например, пятым фасадом — крышами, а также парцелляцией или материалами, то есть вещами, хорошо понятными англичанам. И слабо понимаемыми у нас.

А+С: Какие положительные моменты были привнесены в проект зарубежной командой?

С. Ц.: Этому проекту повезло с весьма основательным отношением инвесторов и заказчиков к делу. Явно выраженным идеологом всего этого мероприятия был Бертран Кост, француз, представитель богатой семьи Шлёнберже, играющей значительную роль в культурной и “промышленно-винной” жизни Франции. Им была выкуплена фабрика пошива женской и верхней одежды “Юность”. Причем, в тот период, когда проходили явные рейдерские атаки на промышленные предприятия, не находящие своего пути в новых условиях. Предприятия отнимались варварскими методами: искусственным банкротством на внешнем рынке, с последующим выгоном людей с работы, иногда подкупом или запугиванием директора, а то и буквально физическим устранением. Были такие случаи, как вы знаете. Здесь же был красивый, идеальный вариант. Вообще, мне кажется, этот проект должен развиваться красиво и идеально. Потому что заказчик выкупил предприятие и вместе с тем устроил практически все трудовое население фабрики. Было перестроено здание на ул. Скляренко, куплено новое оборудова-

ОФИСНО-ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС

“АНДРЕЕВСКИЙ”,

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ

Киев, Боричев ток,

ул. Фроловская 9–11,

Чёрная Грязь,

Андреевский спуск

проектировщик:

Mountford Pigott Partnership (Англия)

архитекторы:

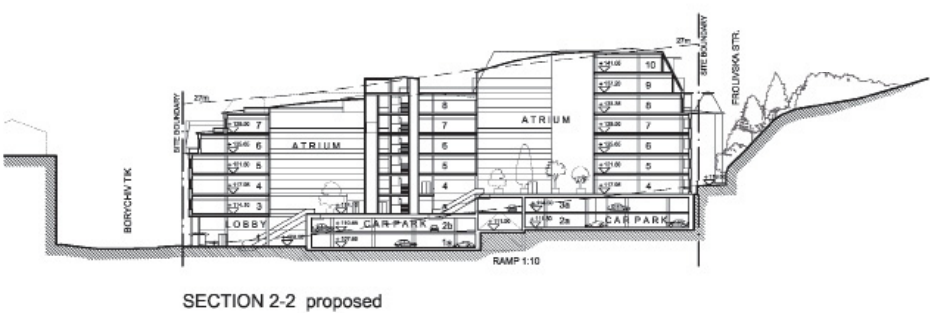
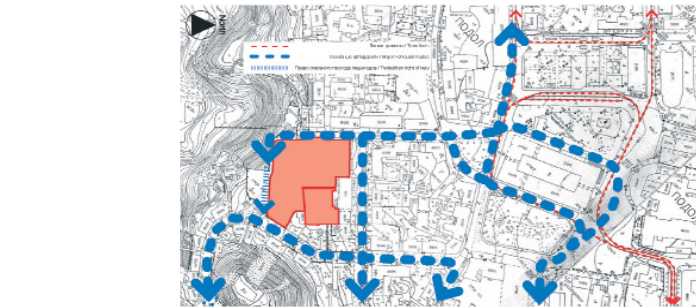
David SHORE,

Alan GASKELL

общая площадь: 49 202 кв. м

площадь участка: 9 800 кв. м

проект: 2004–2005

ANDRIYIVSKY UZVIZ

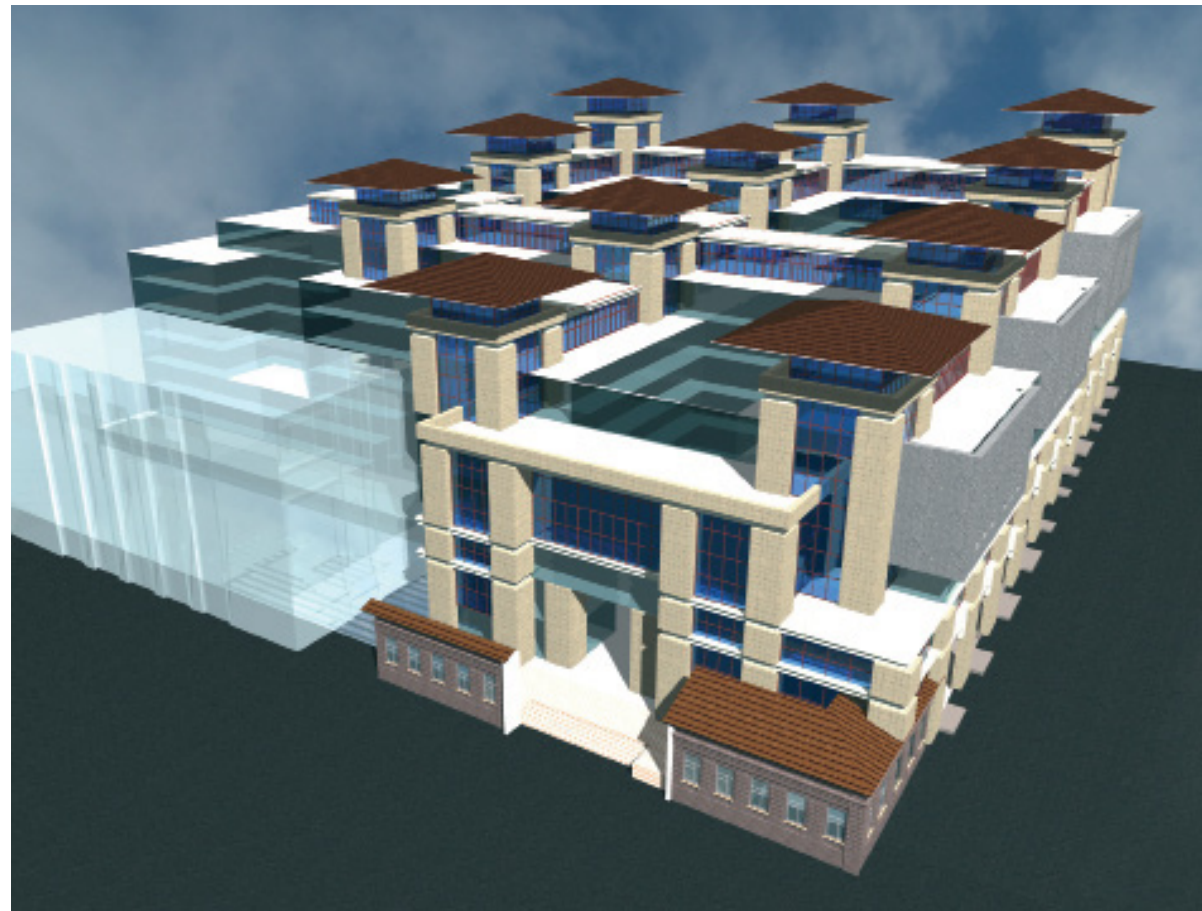

ОФИСНО-ТОРГОВЫЙ
КОМПЛЕКС
“АНДРЕЕВСКИЙ”,
ВТОРОЙ ПРОЕКТ
Киев, Боричев ток,
ул. Фроловская 9–11, Чёрная
Грязь, Андреевский спуск

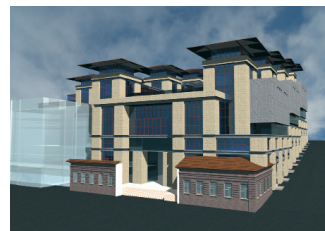
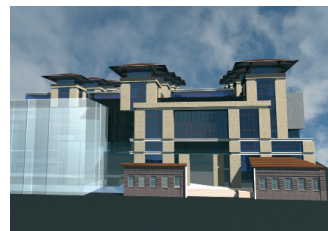
проектировщик:
ЦЕЛИНА
архитекторы:
Владимир БОНДАРЕНКО,
Антон ЦЕЛОВАЛЬНИК,
Андрей БОГДАНОВ,
Наталья СТЕПАНЕНКО,
Мария МАЛИНОВСКАЯ
гип: А. ВЫГОВСКИЙ
общая площадь: 55 000 кв. м
проект: 2005–2008

Вариант “Пентагон”

“11 башен”

Целина

Вариант “11 башен”

ние... Сегодня они шьют одежду для бренда Hugo Boss, по-моему. Все это продается на ура за границей. То есть это вполне эффективное производство.

А+С: Что происходило в это время с площадкой?

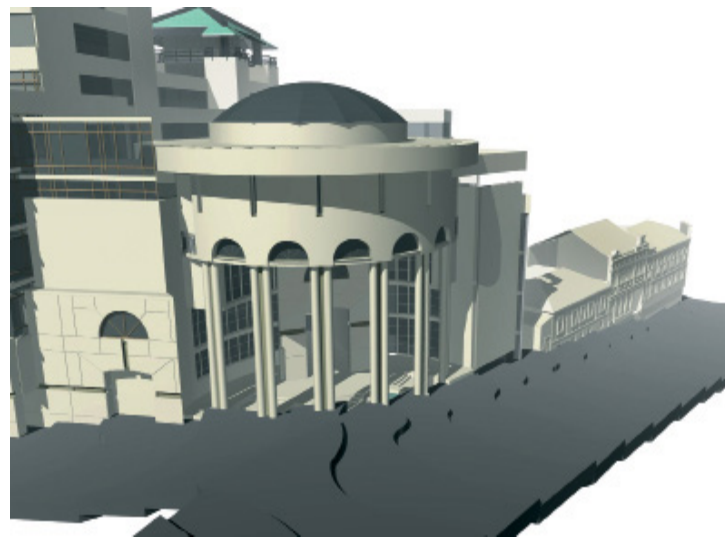
С. Ц.: Я пришел на объект, когда Бертран Кост был хозяином. Здесь уже не было работающего предприятия. Фабрика продолжала существовать на другой площадке, работала, производила продукцию. На Андреевском-Фроловской оставались какие-то помещения, многие из них были сданы в аренду другим предприятиям, офисным центрам. Но почему я характеризую ситуацию особо, называя заказчика “довольно-таки понимающим”? Благодаря неординарному уровню его деловых качеств и интеллигентности. Кроме этого объекта он вложил много денег в археологические исследования Триполья, выпустил по этому поводу книжку, финансировал участие археологов, ученых... Кост и сегодня фигурирует на нашем бизнес-небосклоне, но проект “Андреевский” ушел из его рук три года тому назад. Проект был выкуплен нашими соотечественниками — компанией СКМ.

Дирекция, которая развивает проект дальше и занимается его рабочей частью, — ESTA Holding, подразделение СКМ. А сам объект продолжает называться “Андреевский”.

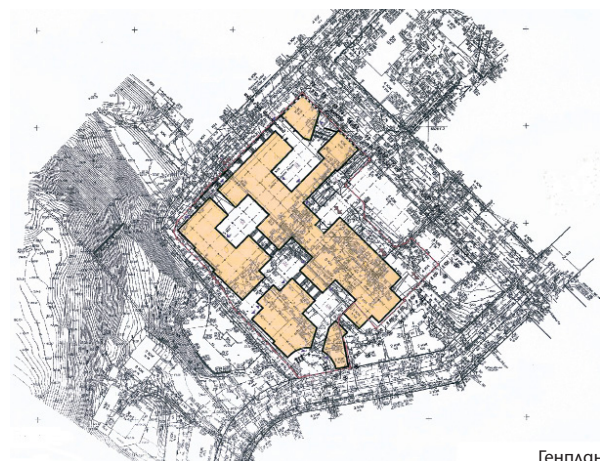
Так вот, в период моей работы над проектом, между Бертраном Костом и ESTA Holding еще были одни владельцы. Были почти что. Они практически уже взяли оперативное управление процессами в свои руки, но продолжали юридическое изучение дела и в итоге отказались.

А+С: “Промежуточные” владельцы успели повлиять на проект?

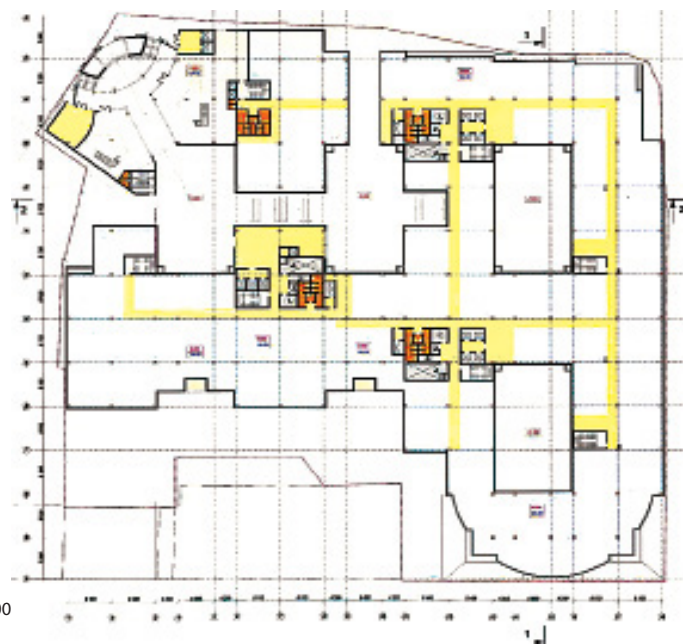
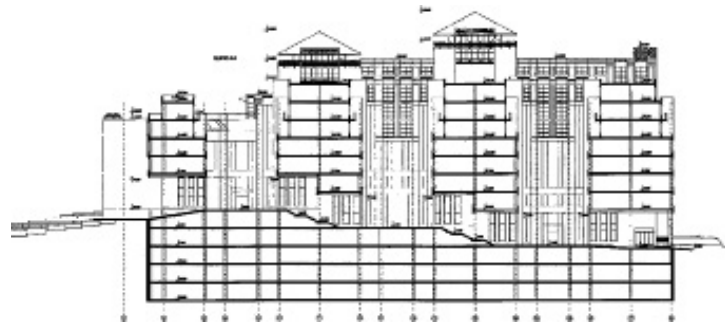
С. Ц.: Успели, причем таким способом. Эта были международные компании, с французскими корнями — Louis Vuitton, и английский банк Goldman Sachs. Они вместе выступили желающими развить эту территорию. Наверно, читателям А+С важно услышать, что в данном случае в Киеве решили выступить две международные компании, мощно стоящие и знающие рынок. Поэтому они тщательно изучили наш рынок недвижимости и поняли, что в этом месте, в историческом сердце города мо-

Вариант "Ротонда"

Генплан

± 0.00

жет быть построено замечательное, интересное здание или комплекс, который принесет пользу не только киевлянам и туристам, но и инвесторам. Поскольку вкладывать деньги в заведомо непривлекательный объект не имеет смысла. И вот, когда все шло полным ходом, англичане были оттеснены. Тут, видимо, случился извечный культурный конфликт между французами и англичанами. А здесь коллизия была сложная: Бертран Кост, который в то время руководил процессом, по происхождению француз, но живущий в Лондоне. Поэтому в качестве проектной команды он привлек англичан. Англичане тогда "правили бал" и, с моим участием, пытались что-то сделать.

Кстати, эти графические материалы можно увидеть, это было интересное решение, так как зижилось на некоторых правильных посылах... Однако, знаете, по-видимому, уж такова судьба проекта, который многократно дорабатывается. В итоге это приводит к какому-то неоконченному результату. Потому что многое уже изменилось в географии, в геометрии, в подходах, в собственности, в недвижимости, которая стала как-то

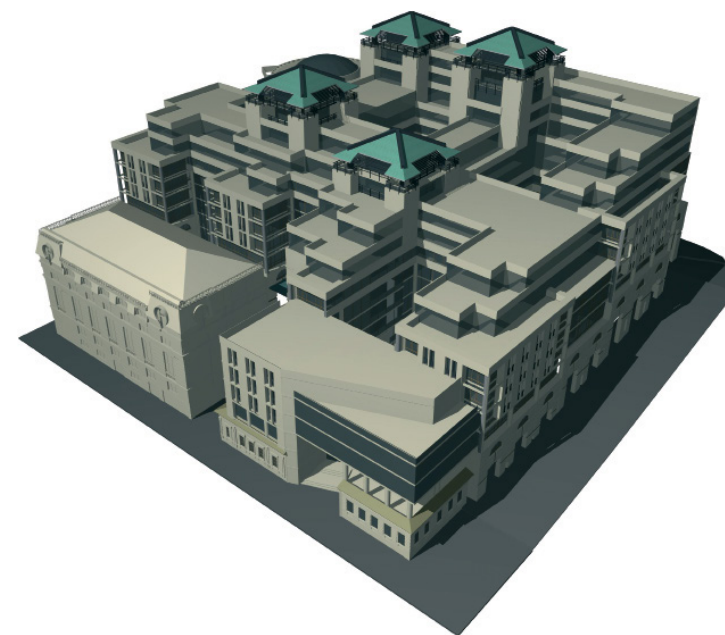
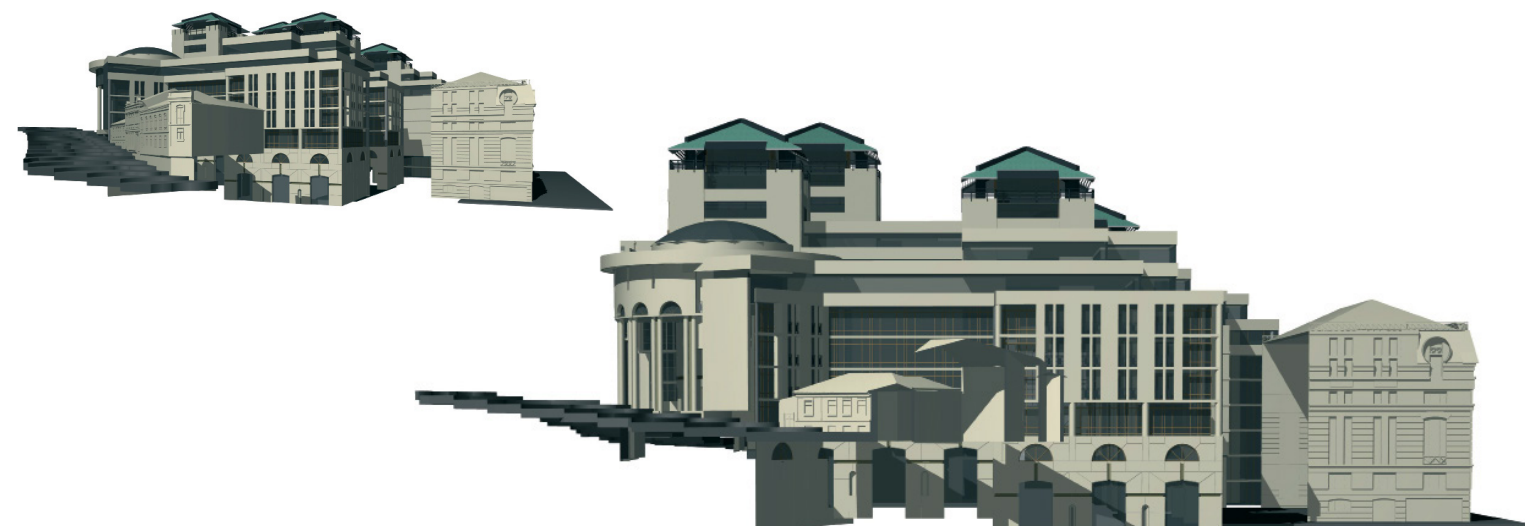
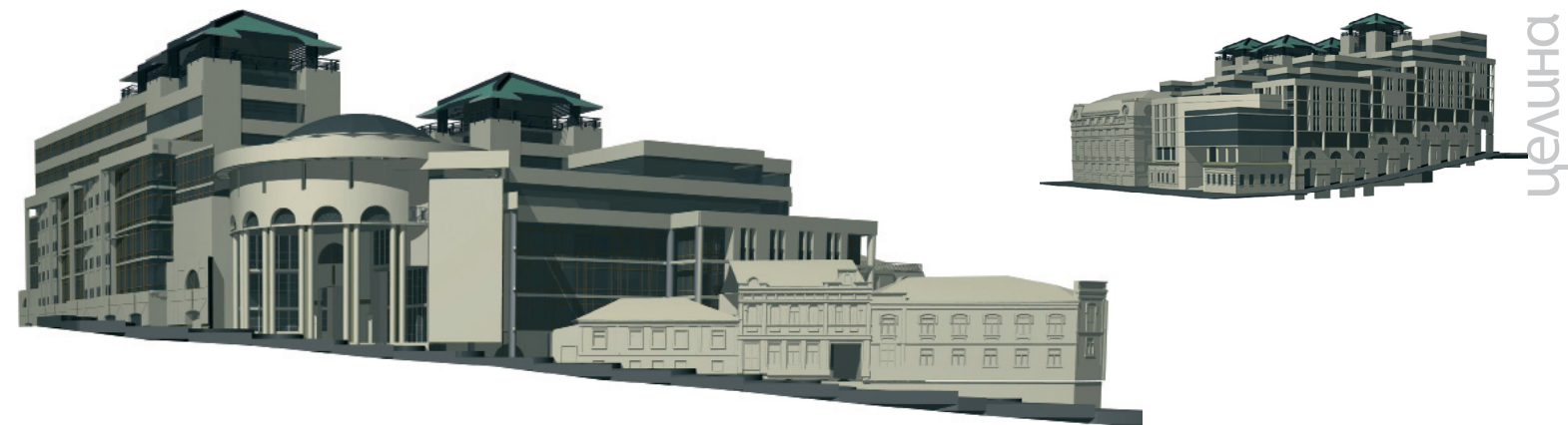
уже определяться в это время, рядом что-то начало возникать или двигаться.

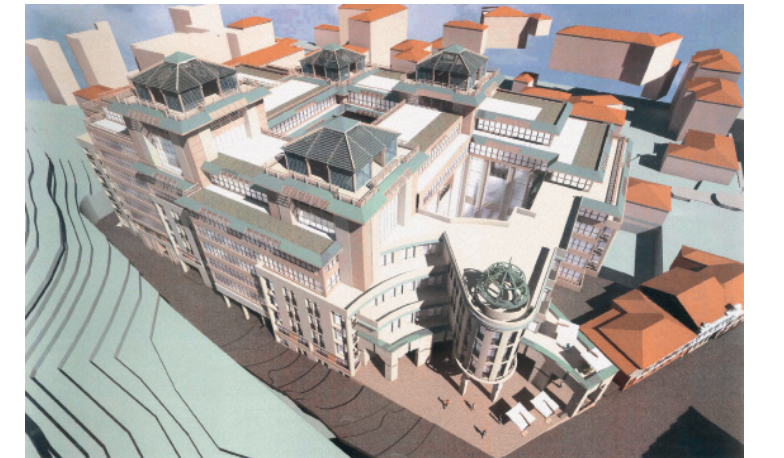
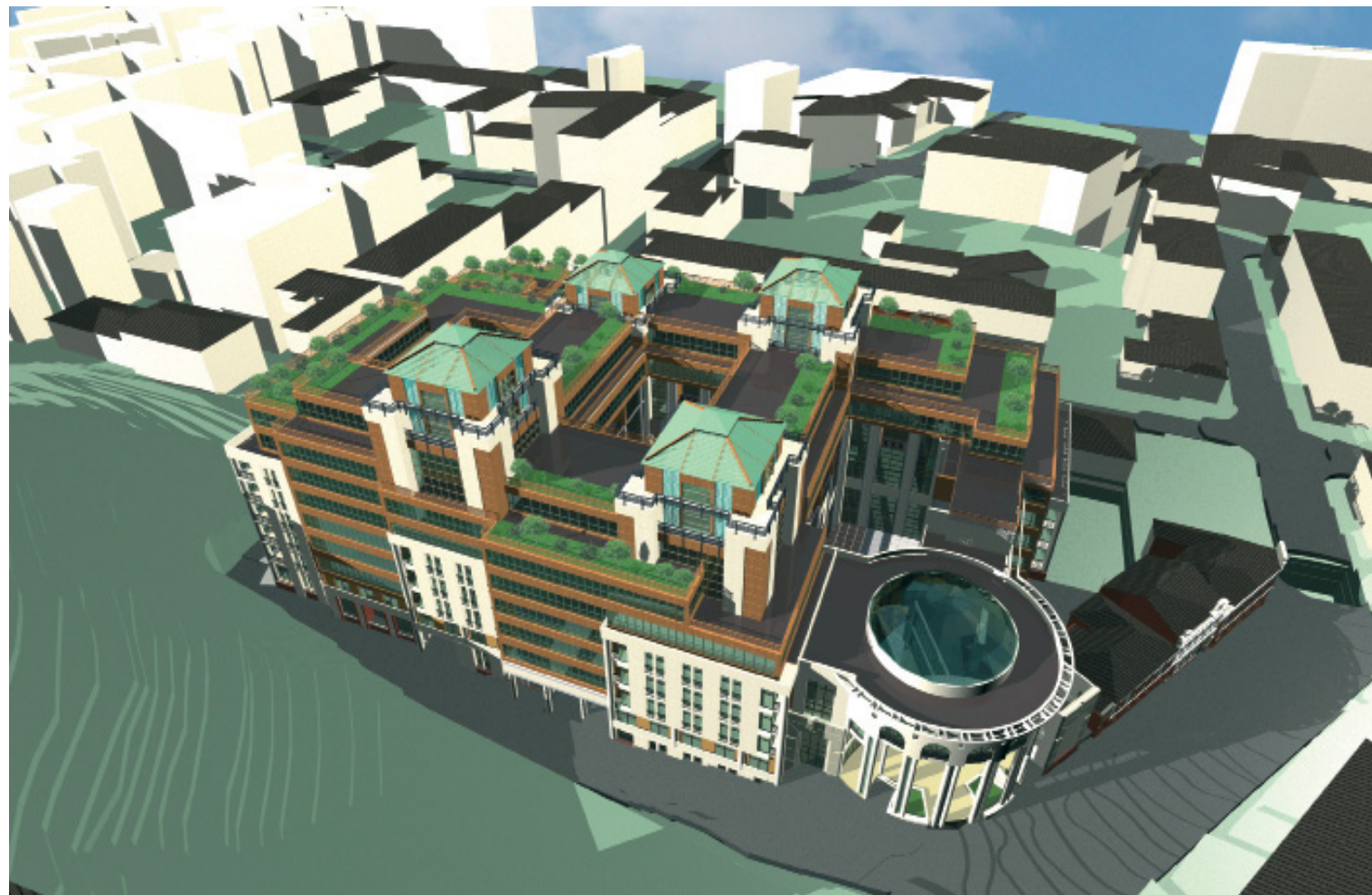
А+С: Например, банк по Боричеву току в этом квартале построили...

С. Ц.: Этот банк, может быть, лучше не надо было в таком виде строить, но, тем не менее, он уже есть, факт, лет шесть-семь. Так вот, конфликт между англичанами и французами, извечно существующий, пусть даже не агрессивный, а вот такой культурно-иезуитский, привел к тому, что англичане были смещены, не смотря на то, что их предпроектные предложения успешно прошли (вместе со мной) Градостроительный совет. Проект был сделан настолько тщательно и обосновано, как обычно мои работы с иностранцами, что Градсовет эту работу весьма поощрил.

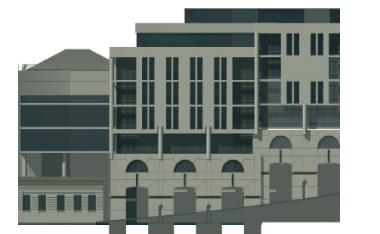
А+С: Были какие-то замечания?

С. Ц.: Вполне на пользу проекту. И были приняты всеми. Например, дать большее террасирование, увеличить каскадность и так далее. Вся графика осталась, можно продемонстрировать.

Вариант "Ротонда-2"

А+С: То есть, англичане были смещены не по причине неудачного решения, а, скорее, из-за человеческого фактора?

С. Ц.: Потому что пришли предполагаемые владельцы-французы — Louis Vuitton и французское представительство Goldman Sachs. Соответственно проект-менеджмент, функция управления проектами, была передана компании "Сэдри", опять же таки французской. И Филипп Леру, представитель этой компании, построившей несколько интересных офисных комплексов в Париже, тут же предложил своего архитектора, Антони Бешу. С пиететом и благоговением Бешу взялся за работу. А я оставался в проекте, как консультант с украинской стороны.

А+С: Уже не как адаптер?

С. Ц.: Да, потому что в тот период нечего было адаптировать. Возник новый подход, мы ждали, когда французская команда разразится своим взглядом на вещи. А мы, чтобы вам не показалось, что наши архитекторы могут быть только сторонними наблюдателями, постоянно разрабатывали единственно воз-

можную, на мой взгляд, версию. В итоге, она, в общем-то, и прошла канвой через все решение.

А+С: В чем заключался ваш подход?

С. Ц.: Некоторое время до этого, год или два, я был еще под свежим впечатлением от работы, которую мы вместе начали делать в компании "Институт современного проектирования", где я был замдиректора. Главным архитектором был Виктор Григорьевич Ширяев, глубоко уважаемый мною архитектор и человек, тонко понимающий Киев... Директор института Р. Б. Файнберг, в наблюдательном совете — В. Н. Гусаков. Они в итоге получили госпремию за объект, о котором я хочу сказать. Это "Ласточка", мы так называли квартал на Подоле по ул. Ильинской, Братской и Борисоглебской, тоже на месте бывшей швейной фабрики. Заказчиками были Укрсиббанк и наша "Ювелирка" или Югозаптрансстрой, возможно. Там нам пришла в голову отчаянная мысль. Мы это вместе с Виктором Григорьевичем придумали в то время, когда проект на "Ласточке" развивался совершенно, абсолютно недопустимым

способом. Архитектор, который в то время был в фаворе у одного из владельцев этого объекта, просто шел по "последовательному" пути — дом за домом, перегородка за перегородкой делалась какая-то реконструкция, реставрация, непонятно что. И в итоге получалась такая картина: по периметру квартала приукрашивались домики, а во внутриквартальном пространстве создавалось нечто непонятное. Случайно стоящие неинтересные не-памятники архитектуры вынуждены были оставаться, превращаясь в офисы. Делалась какая-то реконструкция, намечались какие-то 14-этажные башни. На Подоле! И в итоге весь этот "ливер", как говорят в Одессе, вылезал... Выходило всего 30 тыс. кв. м полезной площади и в 70 машиномест. Когда я посмотрел на этот нерациональный, неграмотный, неправильный подход, я возмущился. Несмотря на жесточайшее сопротивление дирекции, чтобы что-то менять, вплоть до увольнения (было предложено мне уволиться). Тем не менее, мы с Виктором Ширяевым предложили уникальную схему. Обрезать все хвосты этих шести-, четырехметровых, не

то что исторических, а просто случайно построенных по необходимости коробок, в которых нельзя было сделать ничего хорошего. Итак, мы их существенно укоротили, оставив периметр из зданий, которые пошли под реконструкцию. В центре квартала выбрали весь грунт, чтобы сделать подземный паркинг. Затем нарезали дворы и сделали, грубо говоря, "градо-строительную решетку с внутренними дворами". Открыли эти дворы с пассажирами для прохода сквозь квартал с Ильинской на Борисоглебскую. Эффект ошеломительный: мы получили 52 тыс. кв. м и 200 машиномест (на самом деле, их построено сегодня 156, но это все равно в два раза больше, чем при хаотическом подходе).

А+С: Иначе говоря: есть подход, и есть подход.

С. Ц.: Не то слово. Я показывал этот проект тому же Джону Фотиадису, он просто в восторге. Зарубежные коллеги не представляли, что такое могут у нас сегодня делать.

А+С: Ничто не противоречит контексту застройки?

С. Ц.: Сегодня это можно увидеть своими глазами, пойти и по-

смотреть. И представить, что стояло за нашим решением и таким же примерно подходом на квартале “Андреевский”.

А+С: Идея такая же?

С. Ц.: В принципе, да. Поскольку это огромный квартал фабрики “Юность”, почти гектар, и с перепадом 15 м по диагонали от Андреевского спуска до угла Боричева тока и Фроловской. Это позволило нам сделать четыре двора на разных уровнях. Дворы равномерно, с внутренними, соединяющими их, красивыми парадными лестницами, с текущей водой, проходят через все тело нового комплекса и пропускают пешеходов.

Позже мы развили эту идею: для того, чтобы было удобней ходить, сделали торговый пассаж. Ведь центр офисно-торговый. Мы предложили пассаж, который давал возможность разместить тамбутики, более-менее приличные магазины. Художники могли бы арендовать свои боксы. В пассаже можно устраивать выставки. Мы давали возможность подъема на лифте на уровень ресторана с обзорной площадкой наверху. То есть, всё лучшее из того проекта было здесь просчитано до деталей. Паркинг решен таким образом, чтобы не было круговых пандусов, а заезд осуществлялся со своей отметки в свой блок. Пожарные машины могут попадать во дворы каждая со своего уровня, разворачиваться во дворах и уходить. Один двор оставили перекрытым, из него мы сделали пассаж-атриум — это с Боричева тока, если входить между двумя историческими зданиями, которые сохраняются.

А+С: Есть ли в них предмет охраны?

С. Ц.: По крайней мере, фасадные стены дают реминисценцию на входные павильоны фабрики. На одном из них, как раз на том печальной судьбы домике, который был полностью уничтожен, а потом сложен из случайно находящегося рядом кирпича за ночь, — на нем висит табличка, что этот памятник охраняется законом. Это было здание постройки 1851 года, в нем находился и сейчас находится, если вы посмотрите в окошко, тепловой узел, Боричев ток 35. Я не буду называть имена строителей фабрики, так как это было еще в 1981–1982 гг., как раз заканчивался брежневский период. Дом из-за его отвратительного, почти разрушенного состояния снесли. Были срочно написаны письма в прокуратуру, прокуратура сказала, что лишат лицензии и вообще посадят производителей этих работ, подрядчиков, поэтому подрядчик из чего попало сложил по фотографиям то, что там было. И сегодня мы имеем “памятник архитектуры”. Некоторые вопросы, связанные с охраной, до сих пор вызывают у меня негативное отношение: больше говорим, чем делаем. Ну, а второй домик, более-менее крепкий, стоит. Так вот, в нашем проекте они были фланкирующими павильонами при входе в комплекс с Боричева тока. А проект представлял собой не дом, не здание, подчеркиваю, а комплекс зданий, целый квартал. Этот квартал и решался каскадами, террасами, отдельно нарезанными фасадами по ул. Фроловской и Черной грязи домами.

А+С: И это был ваш проект?

С. Ц.: Версия делалась в тиши моей мастерской. Именно в это время появляется Антони Бешу. Замечательный человек, которого я выше всех мер уважаю. В одном только Париже построил более 150 объектов. В Китае он построил великолепный комплекс в виде огромного стола красного, если помните. Антони Эммануэль Бешу настоящий француз, напоминает Мопассана, он полный человек, гедонист, усы как у Бальзака, ему нравится

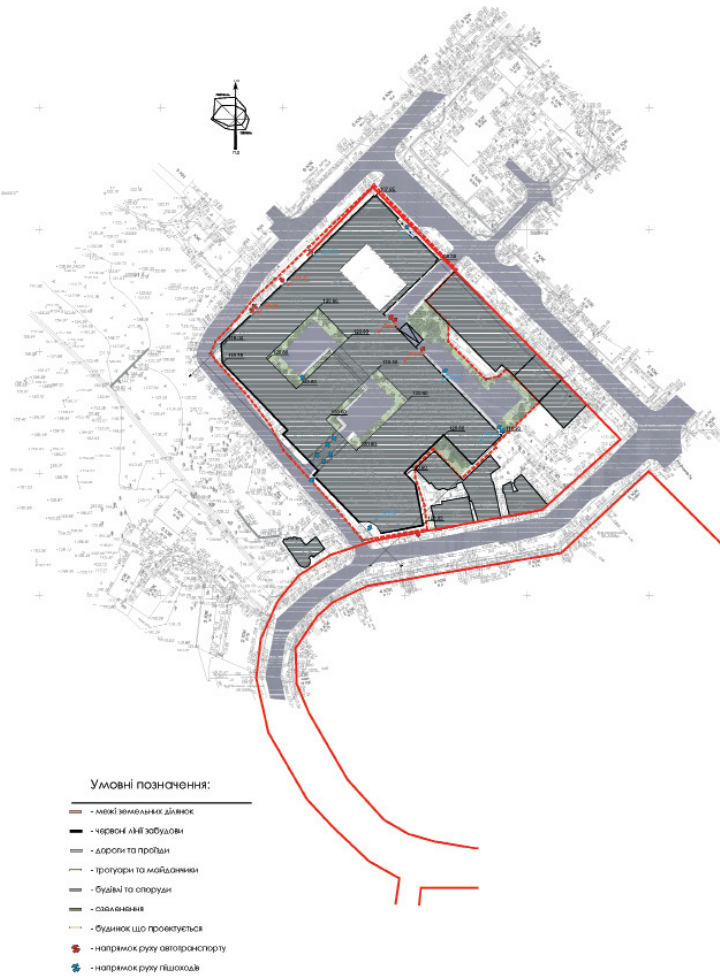
жизнь, он шустрый и много проектирует. Его мастерская в Париже достаточно большая, человек сто разных национальностей. И вот его еколлега, который мне показался самым настоящим французом, которого звали Жорж Догару, уж куда более французское созвучие!, оказался румыном, который сам себя позиционировал “ретранже” (экспатриантом), который не имеет права голоса за 17 лет жизни в Париже. Но обидно не это. Считай себя кем угодно, но из-за его небоеспособности было потрачено много времени. Потому что Бешу уехал и всё, и он этим объектом не занимался. Занимался Догару: внимательно слушал, что ему говорилось, но не зная английского. Поэтому мне приходилось заниматься двойным переводом. Поскольку у него хорошая рука и архитектурный язык графики, то он всё воспринимал вроде бы правильно. А потом всё это месяцами почему-то лежало без движения. Такой подход невероятно раздражал. На одном из заседаний, когда приехал руководитель проекта, представитель проджект-менеджерской компании Филипп Леру и спросил, что тут у вас происходит, я сильно возмущился. Потому что накануне, месяца за три, я отправил им схему объекта, которую надо было всем рассмотреть и сказать, что здесь хорошо, а что плохо. В место этого с их стороны шли пожелания, какой ширины делать корпус, какой величины делать двор, какую конструктивную схему принять, не вникая в наши грунты, традицию и прочее. И я на это сильно реагировал.

Кроме того, у французов вообще, у больших архитекторов, которые носят большие архитектурные шляпы, есть такой подход: они не заморачиваются, как мы, в конструктивные схемы подземного паркинга для того, чтобы эта конструктивная схема прошла через все здание, абсолютно. Они строят себе офис как им надо, а паркинг рисуется потом, делается в своих конструкциях. А между паркингом и телом здания идет т. наз. трансферная балка или этаж целый, который распределяет нагрузки. Но высота трансферного этажа бывает и 2,50 и 3 м, то есть это еще один этаж. А в исторической среде, где нужно стремиться к небольшой высоте здания и при этом получить эффективный выход площади, получается чистая потеря. Более того, в наших условиях на живом склоне, рельефе, трансферная балка стала бы опасным мероприятием.

А+С: И они ее там нарисовали?

С. Ц.: Нет, в результате принята моя схема. Когда я разослал нашу схему, чтоб с ней ознакомились во Франции, — ни ответа, ни привета. В сентябре приезжает Леру и на голубом глазу спрашивает: ну, так что? И я послал их на английском языке к чертям собачьим, мол, с вами дела иметь не буду, ибо ничего не слушаете из того, что советуют знающие обстановку. Встал и ушел. На следующее утро я был пойман моим другом англичанином Марком Пэдли, который сказал: “Сереж, да ну их, французов, давай, все-таки ты...” И я вернулся в лоно... как это называется, террариум единомышленников. Леру извинился: “Я просто не смотрел то, что вы прислали. Встречаемся в Париже и вместе с шотландской командой конструкторов Аруп-Скотланд рассматриваем конструктивно и дальше показываем все это Louis Vuitton и Goldman Sachs. После этого принимаем решение”.

Не буду рассказывать, с какими перипетиями добрался до Парижа. Чемодан, в котором были все мои чертежи, записи и

ОФИСНО-ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС

“АНДРЕЕВСКИЙ”,

ТРЕТИЙ ПРОЕКТ

Киев, Боричев ток,

ул. Фроловская 9–11,

Чёрная Грязь, Андреевский спуск

проектировщик:

Agence d'Architecture A. Bechu

(Франция)

архитекторы:

Антони Эммануэль БЕШУ (gap),

Жорж ДОГАРУ,

Докионг КИМ

адартер: ЦЕЛИНА

gap: Владимир БОНДАРЕНКО

конструкции:

Arup Scotland (Шотландия)

Алан ДРИСКОЛ,

Стюарт МИЛЛЕР

инженерия:

Sirona Design (Англия)

Аллан ХЕРД,

Джеймс РОСС,

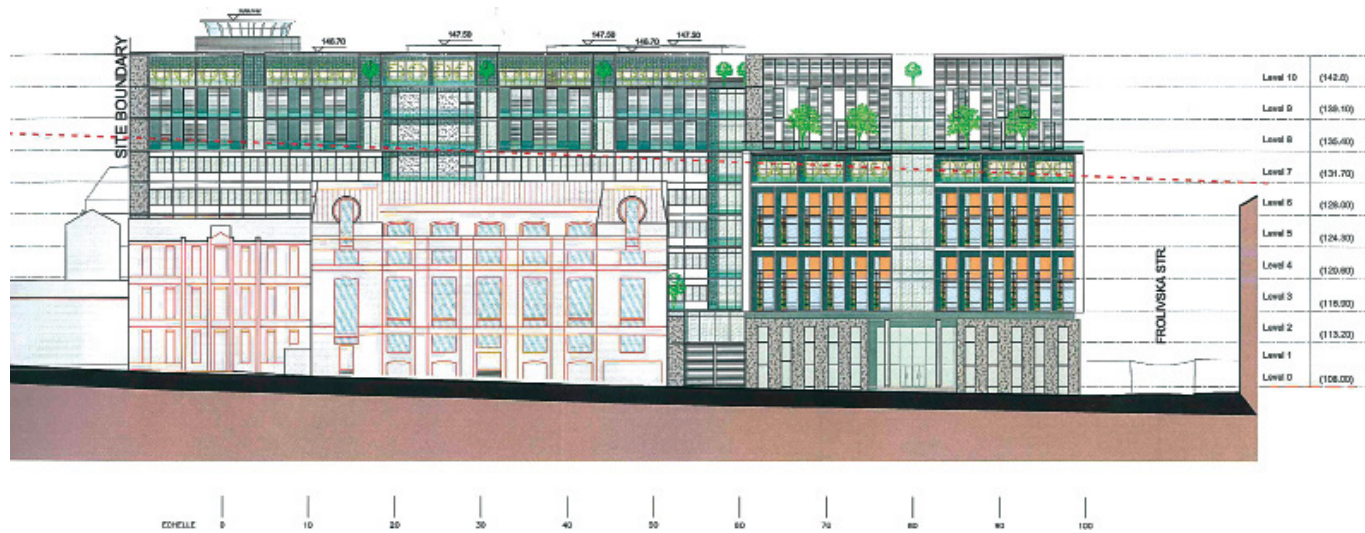
Роберт МЮИР

сети: ТЕКТНИКА

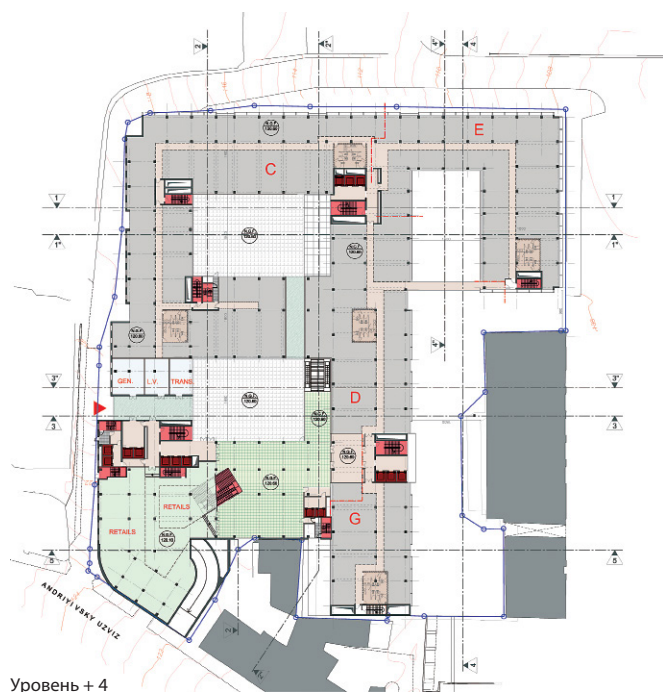
гип: В. ВЫГОВСКИЙ

общая площадь: 55 000 кв. м

проект: 2007–2008

Фасад по ул. Боричев ток, вариант

Уровень + 4

Крыша

Вид с улицы Фроловской

правки проекта, ушел во Франкфурт-на-Майне. И мне пришлось из Парижа звонить в офис, мой сын Антон через ночь передавал всё имэйлом. И я готов был с суровым выражением лица им доложить и проиллюстрировать, мол, то, что вы предлагаете, — фальшивка. В этот момент Догару говорит: “Не наго, Сергей, ничего комментировать, сейчас придет мсье Бешу”. Заходит Бешу, который как будто сто лет меня знал, распростер объятия, поцеловал и говорит: “То, что ты предложил, гениально, мы так и будем делать!” Это говорилось при Филиппе Леру из управляющей компании. Схема принимается стопроцентно. Единственная просьба, говорит Бешу, у тебя крайний блок шириной 12 м, давай его 18 сделаем, там есть возможность. Я говорю: не вопрос! После того, как мы год пытался доказать, что схема живая и красивая, в ней есть изюмина и все, что необходимо... И когда тебе мастер-архитектор жмет руку ... Леру посмотрел на Бешу недовольно и сказал: “Ну, зачем же так? Там ведь одинаковые двory он предложил!” А тот в ответ: в этом, мол, вся фишка — они одинаковые по плану, но

разные по оформлению. Один мы сделаем греческий, один французский, один английский, можно оформить какой угодно. В этом сила предложения!

Ну, и дальше мы начали работать уже совместно с Бешу. Вскоре у нас был еще один Градсовет по этому объекту, мы прошли стадию “Проект”. Конечно, фасады меня не радовали ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае. Сейчас мы говорим о втором случае. Бешу попытался сделать фасады такого, знаете, южного свойства, больше характерные для Сочи, может быть...

А+С: Средиземноморский вариант?

С. Ц.: У него был не двойной фасад, но приставной. Жалюзи, на них озеленение, они могли иметь возможность трансформации. Но есть вещи, которые наго изначально отвергать. В нашем климатическом поясе, где “средиземноморская” погода может быть три-четыре месяца, все остальное — снег, лед, листья, ветки, голуби, все что хотите, это уже не дает того эффекта, который возможен в Марселе или Барселоне. Даже в Ялте.

Но, тем не менее, началась работа, и с Бешу было интересно работать. Когда он приехал сюда вместе с Догару и вместе с сопровождающей компанией пришел в мою мастерскую и мы с ним вдвоем, разложив на столе, потом на полу чертежи, на коленях стали, у меня есть фотографии смешные, и мы с ним рисуем, спорим, причем спорим аргументировано, он принимает в споре мои аргументы, я критикую его аргументы, он соглашается... И мы уже дорабатывали детали перед советом. Мой главный архитектор Володя Бондаренко, не зная ни французского, ни английского, но с карандашом влезал и настаивал: вот так наго делать! — и Бешу соглашался. Это была работа, когда все были одержимы интересной идеей, не считаясь со званиями и опытом...

Потом я обернулся и смотрю, этот бедный Догару, черненький, бородатый, “француз”, стоит как солдатик. А когда мы прервались на телефонный разговор (Бешу кто-то звонил), Догару через переводчицу говорит моему главному архитектору: “Слушай, а как тебе шеф разрешает вот так спорить?”

Говорить свое мнение!” “А как иначе?” Он: “Ой, у нас это не проходит. Я вообще боюсь. Что скажет шеф, то и будет”. Ну, мы посмеялись, я его потом похлопал по плечу: “Румын ты и есть румын. Разве так можно!” Не в том дело, румын ты, француз, грек или американец. Вопрос в том, насколько ты одержим идеей и насколько можешь доказать, что твое решение правильно.

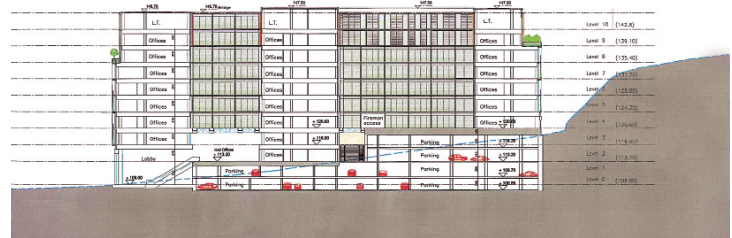
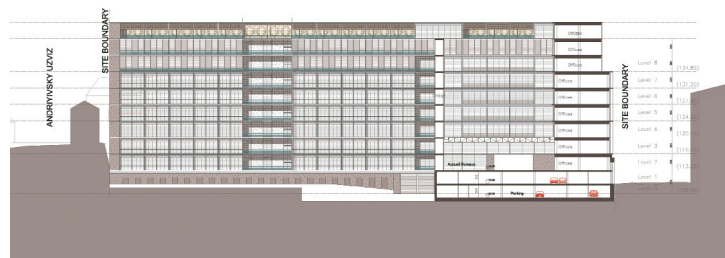
Поскольку Бешу очень много работает в историческом городе, много вещей сделал по реставрации среды, зданий, причем известнейших, например, цирка в Париже, поэтому с пиететом, так же как историки и “Маунтфорд Пиготт”, отнесся к изучению среды. Мы ему давали киевские материалы, вместе сидели, рисовали. Мне понравился его метод работы с пространством, когда он тут же от руки набрасывал очередную идею: физические размеры неважны, важны пропорции. Он рисует круг, тут же приделяет к нему в золотом сечении прямоугольник. И вот у него везде все пространства лепятся из кругов, которые выстраиваются в анфилады, или аркады, или просто объединяют-

Вид на комплекс от Замковой горы

bechu

Разрезы

ся в кластеры. Интересный метод. Что-то подобное я тоже применял, но на острие пера Бешу понял, что метод заслуживает уважения, и его нужно сохранить в арсенале.

А+С: С моей точки зрения, финишный проект Бешу очень качественный.

С. Ц.: Да. Но когда вы говорите “проект Бешу”, не забывайте, что 90 % — работа нашей мастерской. Фасады, на которые все время претендовали французские товарищи, сегодня так сказать... А вот структура комплекса — это идея, нами выпестованная и выношенная.

А+С: Эта история закончилась наверно в 2007 году?

С. Ц.: В начале 2007-го, перед тем, как объект немного затормозился. Мы вышли на Градсовет, получили положительное заключение. С тех пор проект ведь не претерпел значительных изменений в своем объемно-пространственном решении. Я за это время сделал четыре варианта архитектурного решения. Причем в системе заказчика, я имею ввиду ESTA Holding, есть архитектор, который тоже понимает и знает, к чему они хо-

тят привести проект, Сергей Данилюк, очень опытный как заказчик. Во всяком случае, коллективу заказчика решение фасадов не понравилось. Было сказано, что не достигнута та уникальность, которую мы предполагаем здесь иметь. У меня даже было желание уйти из проекта в то время, но потом, когда я узнал, что они выбрали американскую компанию John Fotiadis Architect PLLC для продолжения проекта, а с Джоном Фотиадисом, еще во времена его пребывания в составе фирмы Costas Kondylis & Partners LLP Architects, я работал...

А+С: Это который легенда “современного движения”?

С. Ц.: Это не французский архитектор Жорж Кандилис, работавший с Корбюзье. Но Костас тоже уже легенда, потому что он практически сделал современный силуэт Манхеттена. Костас Кондилис с начала 1960-х стал активно работать в Нью-Йорке, замечательный гадьяк. И у него как раз работал Джон Фотиадис — тоже этнический грек, талантливейший человек, музыкант, великолепный художник, архитектор и так далее.

А+С: Джон — музыкант? Это он от меня скрыл.

С. Ц.: Да что ты! Он у меня на даче мог играть на гитаре всех роллингов, всех битлов, спеть и сыграть все. Плюс больше десятка дисков своих композиций. У него дочурке лет четырнадцать, он вместе с ней поет, записывает ролики, у него группа есть. Уникальный человек.

С Костасом Кондилисом мы делали когда-то проект по ул. Барбюса 39 в Киеве, проект не пошел. А кризис сыграл, с одной стороны, злую шутку, с другой — дал возможность свежим ресурсам выйти в свободное плавание. И Джон Фотиадис вышел из компании Костаса Кондилиса и создал свою фирму. Ему была предложена работа “по фасадам”. Любая международная компания состоит из иностранцев: у Джона работают турки, итальянцы, японцы и другие национальности. Фасады, которые мы видим сегодня, предложил итальянец. В Берлине я видел подобное здание с такими фасадами. Они также напоминают Princess Hay в Англии, архитектурная компания Charman Taylor. Не только само решение, но и цвет — вполне сдержаны. Дело в

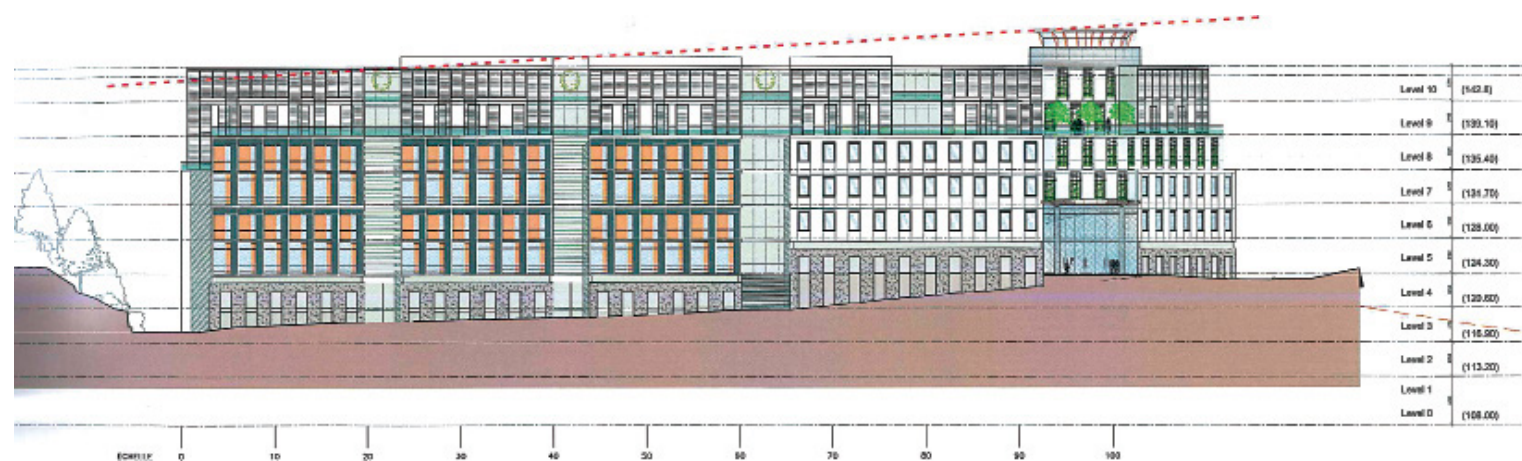
том, что в исторической среде новая архитектура должна достаточно тактично вписываться в окружение.

А+С: По-видимому, уникальность достигается озеленением кровли и фасадов?

С. Ц.: Этот комплекс как квартал представляет собой не что иное как географическое явление. Это отрог, продолжение Замковой горы, которая спускается террасой к Подолу. Поэтому каскадность, террасность, которая достигнута в объемно-пространственном решении всего комплекса, притягивает к себе еще и зелень. Разработано три типа озеленения. Они разбегаются по крышам таким образом, что каждый тип имеет завершенность и повторяемость в своих свойствах, в своих местах.

А+С: Какие революционные нововведения принадлежат Джону Фотиадису?

С. Ц.: Раскрытие входной части со стороны Андреевского спуска! В свое время я угол с Андреевским пытался решить акцентом-башней, которая была бы сразу интересна, может

Варианты фасада по ул. Чёрная грязь / Андреевский спуск

быть, с открытой нижней стилобатной частью. Тем не менее, он решил (и я очень оценил это решение, оно правильно) уйти комплексом здания вглубь и отдать эту территорию в общественное пользование. По сути, часть своей земли заказчик отдал под публик-спейс, для города, для Андреевского спуска. Это очень интересно, потому что это площадь привлекает людей. И на месте нашего четвертого двора (у меня здесь был объект, а сейчас его нет) возникает стеклянный куб. То есть двор наоборот. Первый двор снизу остается, как и был, атриум, второй и третий дворы открытые, и четвертый двор возник в виде куба стеклянного. Очень интересная задумка.

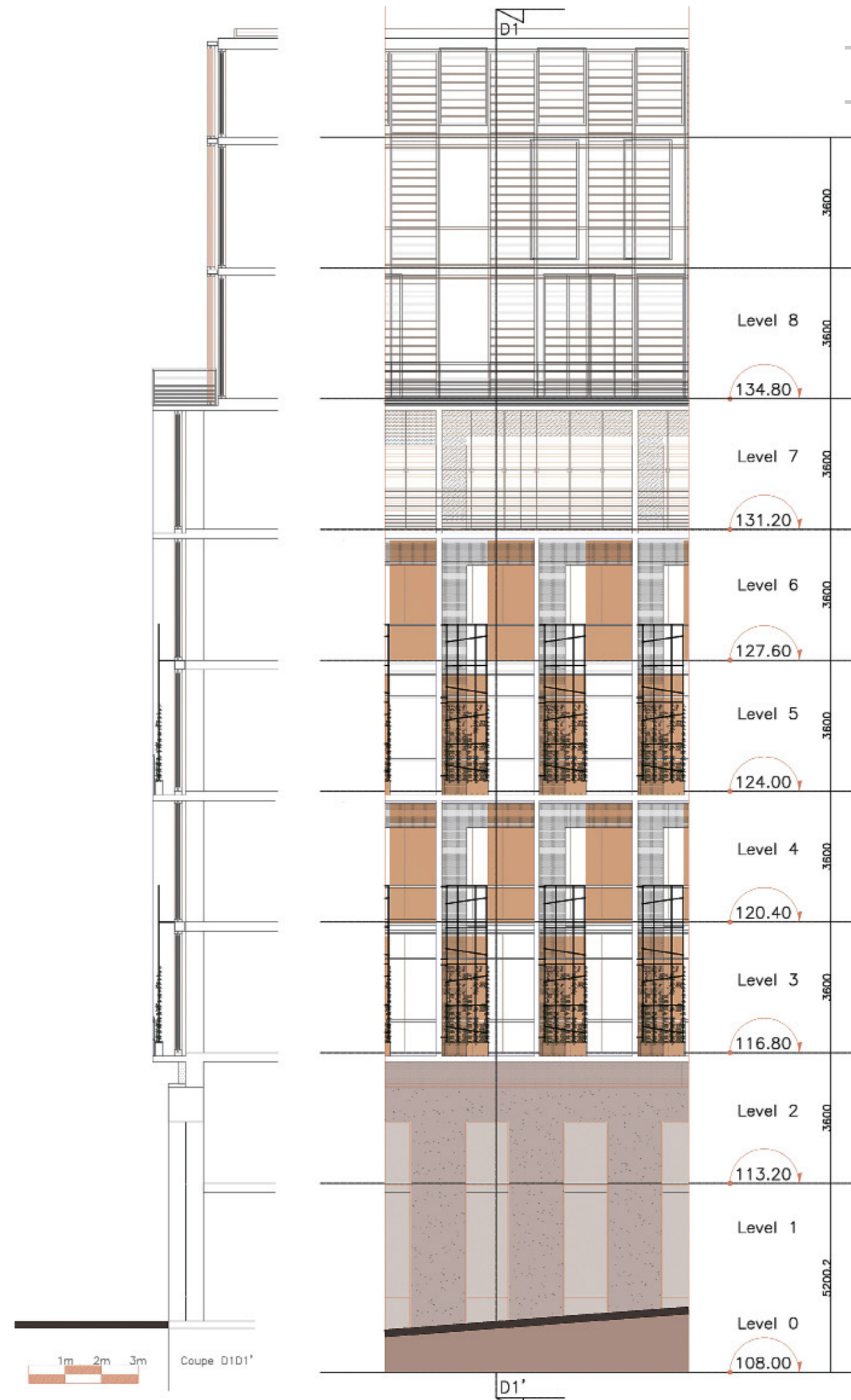
А+С: Появились ли еще какие-то изменения после вашего ухода из проектирования, когда вы были назначены главным архитектором города?

С. Ц.: Они убрали офисную перемилку между вторым и третьим двором и объединили эти дворы в единый большой. Это великолепно! Меня радует, что заказчик на это идет. На потерю площадей, но вместе с тем на улучшение качества проекта в це-

лом. Четыре двора это очень хорошо, но увеличенный в модуле один из дворов, это шаг вперед, отход от монотонности.

А+С: Движение в сторону общественных нужд, социализация проекта?

С. Ц.: В нашем случае маркетинговая компания заявила, что в проекте что-то сделано не так, на их взгляд, как написано в ВОМА, это аббревиатура, говорящая о сообществе, ассоциации совладельцев недвижимости. В итоге они предложили некоторые вещи, которые, на мой взгляд, не улучшили проектное решение. И в экономическом плане тоже. Они сказали, что нельзя людей пропускать через комплекс. И на этом всё! Таким образом, отклонена идея о пропуске потока туристов, который идет по Андреевскому спуску вниз и выходит на Боричев ток, на угол, чтобы выйти на Контрактную площадь. Со временем, я убежден, заказчик откроет-таки эти дворы для движения пешеходов. На Градостроительном совете все опытные архитекторы утверждали, что отсутствие такой сквозной связи — потеря для проекта.

Фрагмент фасада

“ангреевский”: итоги

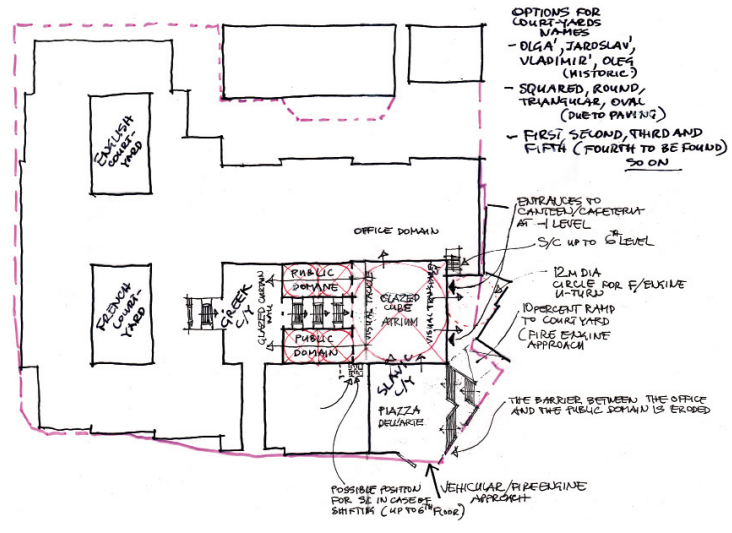
Джон ФОТИАДИС,
архитектор, Нью-Йорк

Джон Фотиадис родился в Соединенных Штатах. Пятнадцать лет работает архитектором, большую часть времени — в Нью-Йорке. Разрабатывал жилые, многоэтажные комплексы. Карьера, по нашим меркам началась поздно, как у всех американских архитекторов, что связано с получением лицензии и множеством ограничений. В округе Колумбия получил степень PhD (“доктора философии”), затем “профессора”. В Штатах прежде чем получить лицензию, нужно проработать несколько лет в своей сфере — как правило, с первого раза сдать экзамен невозможно. Архитектуру Джон выбрал потому, что последняя воплотила все интересующие его сферы. Не удивительно, что в детстве кумирами Джона были такие синтетические фигуры, как Микеланджело и Исаак Ньютон, умеющие работать с искусством, математикой, природой и историей. Ну, а архитектор, как рассудил Джон, объединяет в одной фигуре все эти направления.

В Нью-Йорке Джон работал в архитектурной мастерской Кондилиса, в самом начале карьеры, и позже — в консалтинговых проектах. Гиоргос Кондилис (не Жорж) родился в Африке, поэтому “родственные” греческие отношения в космополитическом Нью-Йорке не имели никакого значения. Хотя связь с Грецией осталась, жена Джона — гречанка. Джон яркий индивидуалист, фотохудожник и музыкант, и поэтому утверждает: “Мне всегда сложно было работать на кого-то. В то время в Нью-Йорке активно развивались новые интернет-направления. И я, в результате развивал свое интернет-пространство или, иначе говоря, применял архитектурные навыки в сфере новых технологий”.

В Киеве помимо проекта “Ангреевский” John Fotiadis Architect PLLC участвует в больших проектах, которые находятся в стадии развития. Это жилой комплекс на стрелке бульвара Дружбы Народов и ул. Старонаводницкой (300 тыс. кв. м, заказчик Fortaks Development Group). Треугольные в плане “башни-близнецы” по ул. Рыбальской над Кловской балкой на Печерске. И, наверное, самый дерзкий киевский проект — резиденция посольства США на Кияновском переулке (20 тыс. кв. м, Aisi Realty Capital), развитие которого было приостановлено в связи с категорическим неприятием места расположения площадки Госгепом. А также проекты в Украине: торгово-офисный комплекс “Пушкинский” (35 тыс. кв. м) и клубный восьмизэтажный дом на 25 апартаментов (10 тыс. кв. м, оба в Донецке, заказчик ESTA Holding). В Турции Фотиадисом разработана концепция жилого комплекса под Стамбулом в Эсениюрте (276 тыс. кв. м, Amplio Investments) и элитный курортный поселок на юго-востоке страны между Фетхие и Даламаном, возле городка Гочек (27 тыс. кв. м, заказчик Safir).

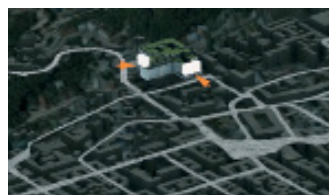

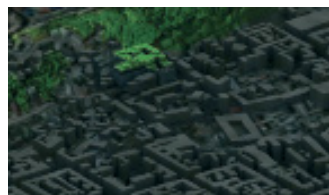
Март 2009

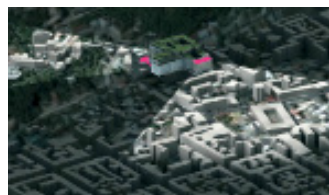
Членения и объемы в структуре города

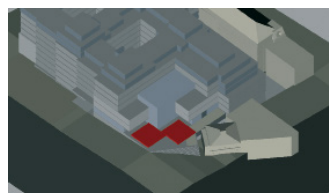
Основные подъезды

Зеленая кровля и ландшафт

Ареалы влияния

Общегородская plaza на входе

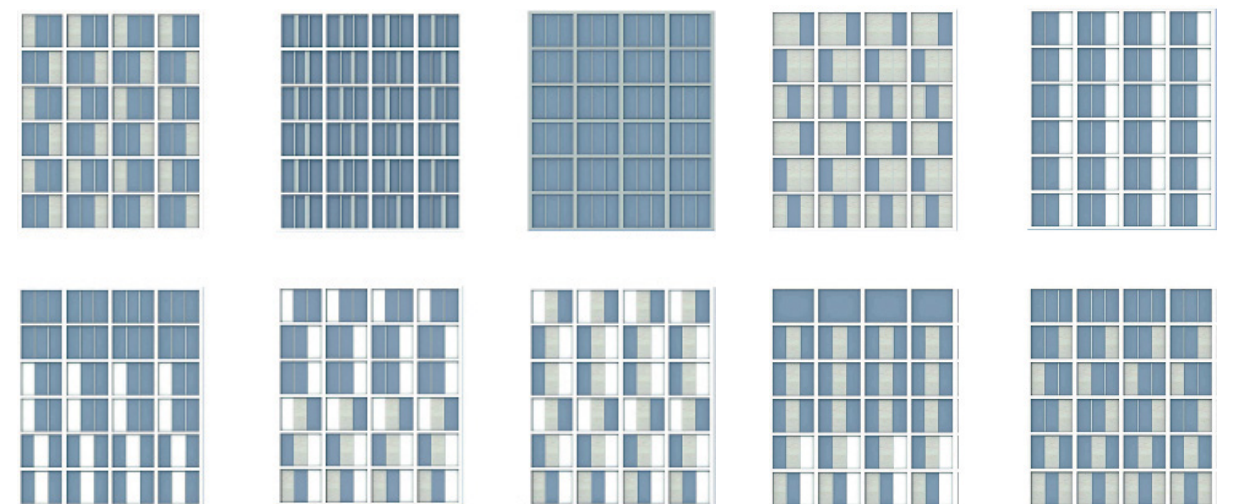
К планировочному решению

А+С: Джон, есть ли принципиальная разница в архитектурном проектировании на Западе и на постсоветском пространстве?

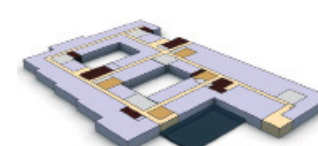
Д. Ф.: Конечно, на меня неизбежно влияет то, что я вырос в Америке. А в Америке на архитектуру всегда очень сильное влияние имела экономика. В США прежде всего, если разрабатывать какой-то архитектурный проект, на первом месте будет стоять финансовая выгода. И как раз это повлияло на то, какой ритм вы выбираете в проекте. В Европе, по-моему, подход другой, во главе стоит публичная, если можно так выразиться, социальная ценность. Объект архитектуры, как правило, в центре европейских городов, принадлежит либо государству, либо Церкви, то есть они предназначены для того, чтобы служить общине. В Америке же в публичных зонах в основном стоят архитектурные объекты, в которые инвесторы вложили деньги с целью того, чтобы получить прибыль. Другая цель — имидж заказчика. И только наряду с этим рассматривается общественная, то есть для всех, а не для частного лица, значимость проектируемого объекта.

**ОФИСНО-ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС
"АНДРЕЕВСКИЙ",
ТРЕТИЙ ПРОЕКТ
Киев, Боричев ток,
ул. Фроловская 9-11,
Чёрная Грязь,
Андреевский спуск**

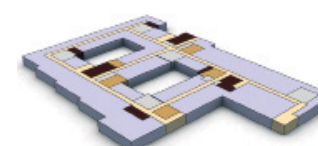
проектировщики:
John Fotiadis Architect PLLC
(США)
архитектор:
Джон ФОТИАДИС (зап)
площадь застройки:
7 908 кв. м
общая площадь: 72 606 кв. м
строит. объем: 296 628 куб. м
проект: 2009-2011

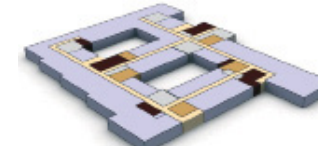
Поисковые решения разбивки фасадов

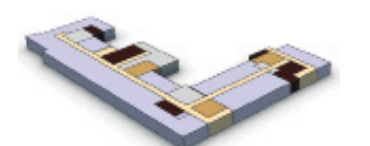
Уровень 5

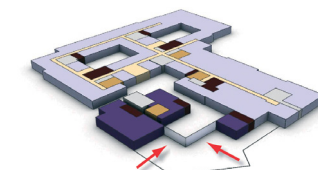
Уровень 6

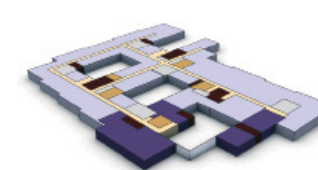
Уровень 7

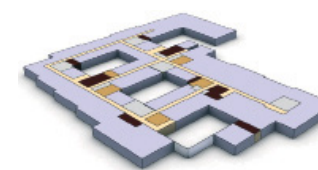
Уровень 8

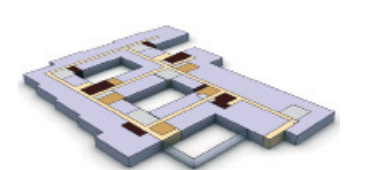
Уровень 1

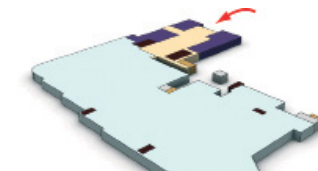
Уровень 2

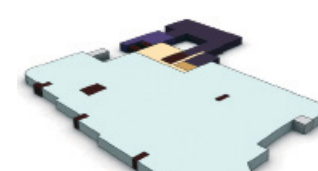
Уровень 3

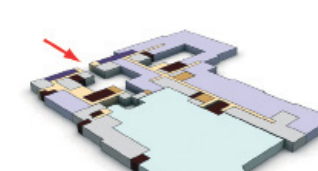
Уровень 4

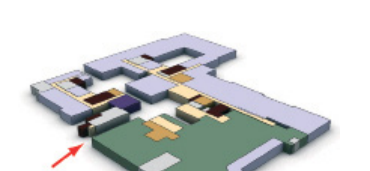
Уровень -4

Уровень -3

Уровень -2

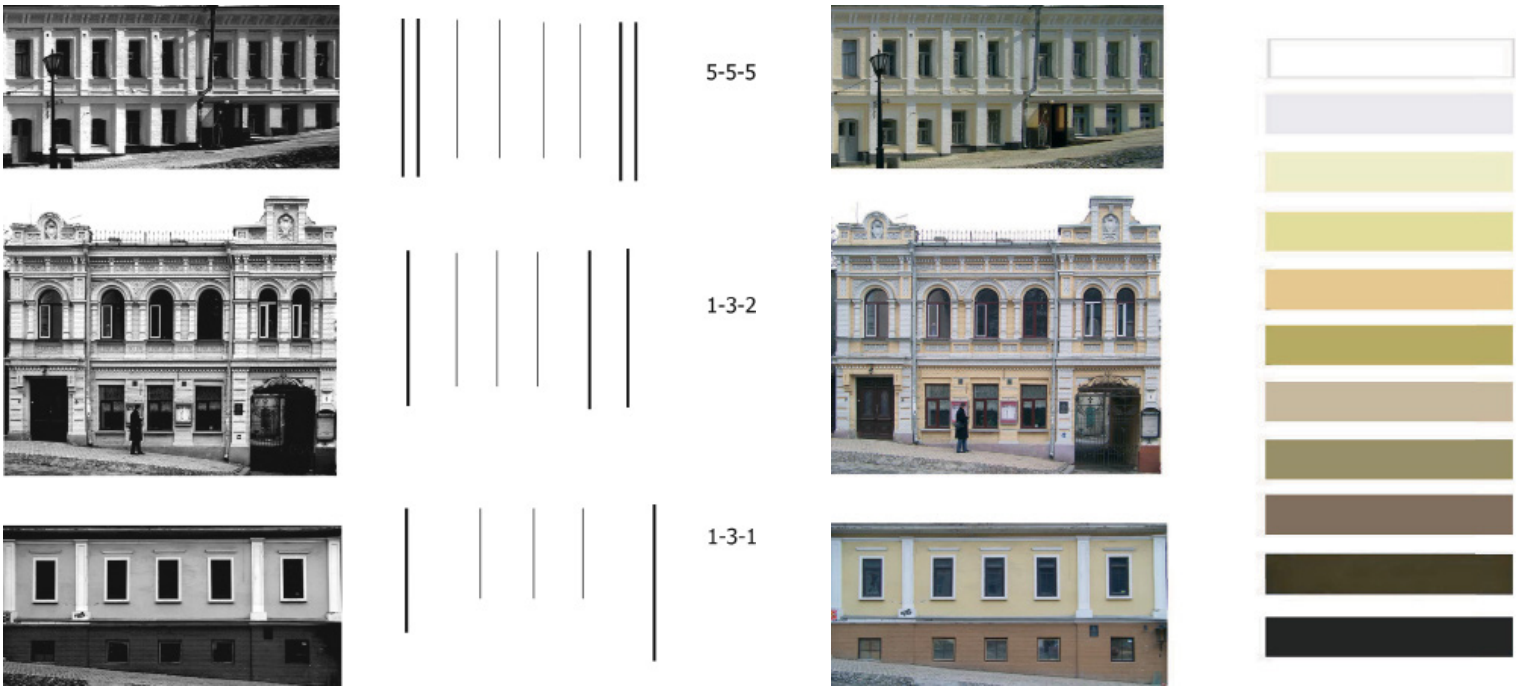

Уровень -1

Функциональное зонирование по уровням

Стеклянный куб и общегородская плаза на Андреевском спуске

Анализ традиционной ритмики и цветовых решений застройки Андреевского спуска

А+С: И что в результате предпочтительнее, европейский тип проектирования или американский?

Д. Ф.: Оба аспекта для меня очень важны, особенно, когда речь идет о проектировании в Европе и в такой исторически богатой ситуации, как на Андреевском спуске. Поэтому однозначно ответить сложно.

А+С: Какие специфические особенности Киева считаете необходимым отметить?

Д. Ф.: Конечно, географию города. Правый берег города выше, чем левый, плоский. Это контрастное пространство разделено красивой рекой Днепр.

А+С: Какие основные проблемы вы увидели в проекте “Андреевский” после последней редакции Бешу?

Д. Ф.: Важно понимать, что у разных архитекторов свое видение наилучшего решения проектной задачи. Прежде всего, в этом проекте непросто оптимизировать историческую ситуацию, во-вторых, здесь достаточно большой участок земли. Поэтому, конечно же, каждый архитектор внес свое влияние в окончательную конфигурацию проекта. Тот взнос, который дала моя проектная команда, это “Стеклянный куб” — публичное место, когда и городу, и комплексу очевидна выгода от совместного использования пространства. Трудность проектирования всего комплекса заключается в том, что комплекс расположен на большой территории. Но в том месте, где комплекс подходит к Андреевскому спуску, знаковому месту города, мы приняли решение, что лучшим выходом будет отодвинуть здание от улицы и оганализовать место для общего пользования, и посетителей “Плазы”, и гостей андреевского спуска. Когда киевляне увидели такое решение, отношение к проекту изменилось в лучшую сторону. При всем прочем проект от Энтони Бешу практически был готов, и моя задача заключалась в том, чтобы более точно вписать его в архитектурный и культурный контекст.

А+С: Что бы Джон сделал иначе в “Андреевском”, если бы проектировал его с самого начала?

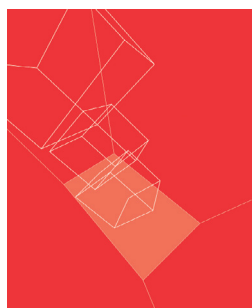
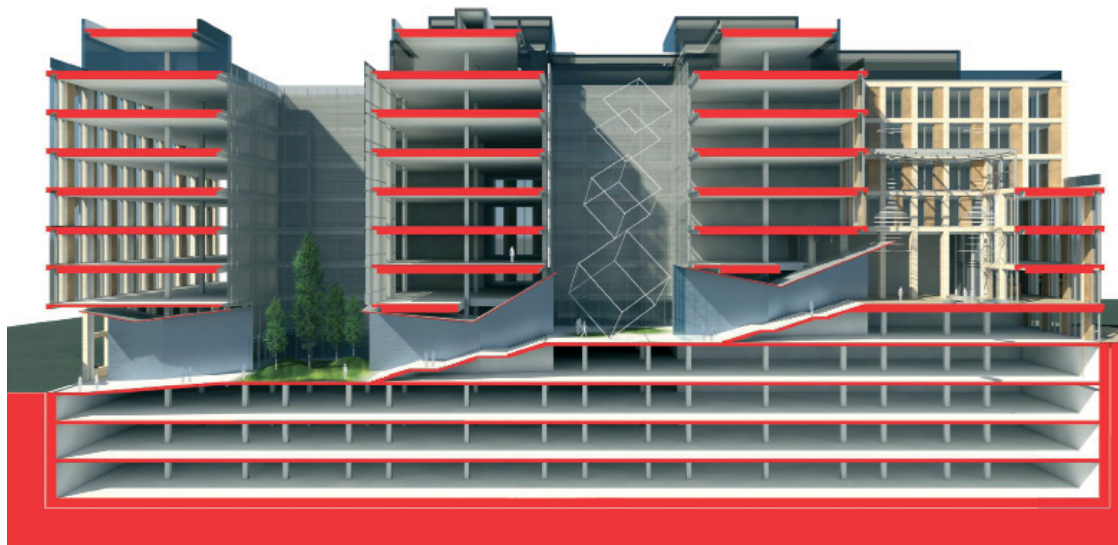
Д. Ф.: Сложно представить, как на этом месте с такими жесткими требованиями и ограничениями, в принципе, можно спроектировать здание другого вида. Потому что есть ограничения по этажности и есть задача построить определенное количество этажей. При задаче построить современное здание есть необходимость поддерживать исторический диалог. В конце концов, при известном количестве современных строительных материалов мы хо-

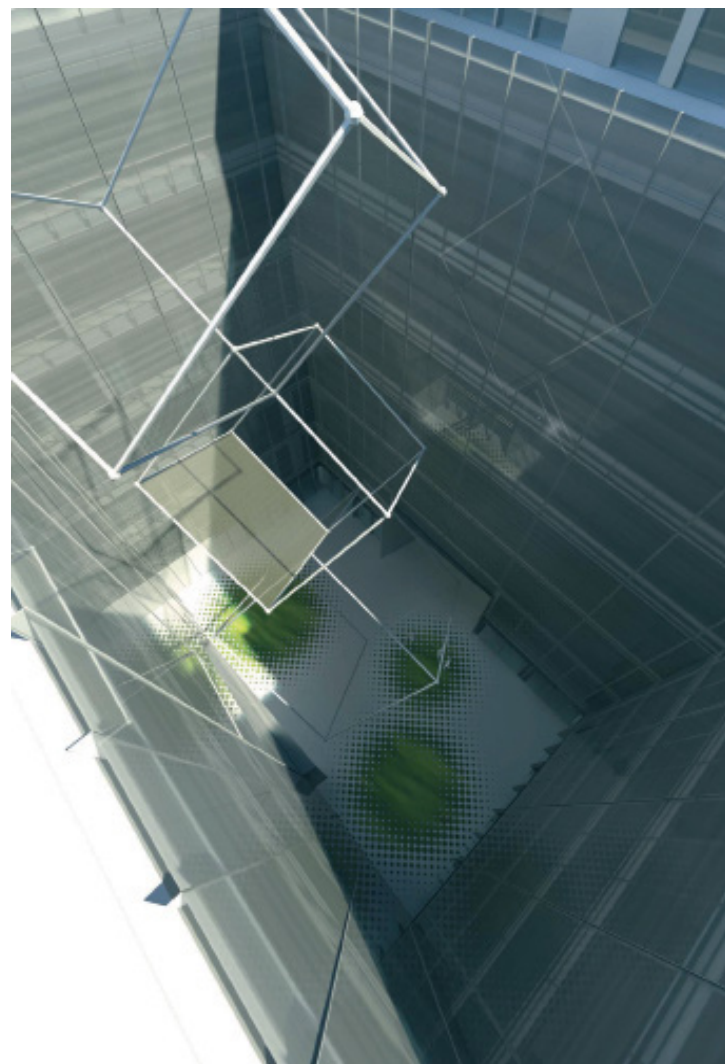
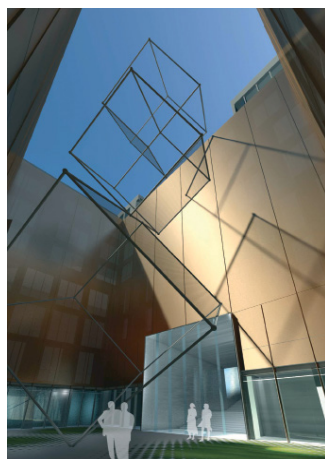
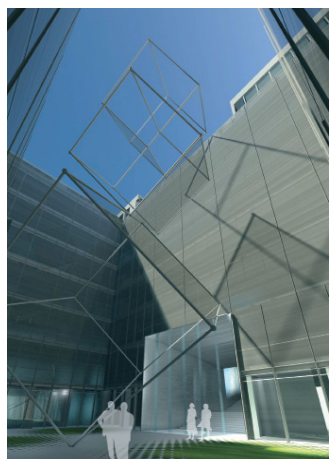

Секции комплекса

Ноябрь 2010

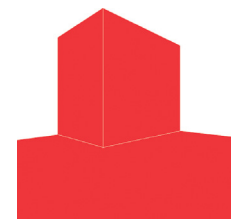
Дворик А

тим вписаться в существующий зеленый ландшафт и для этого в проектируемом комплексе предусмотрена целая программа озеленения кровли и фасадов. Тем не менее, есть достаточно большая проектная площадка, и сколько бы архитекторов не бралось за эту работу, в принципе они в конечном итоге пришли бы к одному и тому же знаменателю. Более или менее, но похожему решению. Достаточно разумно в предыдущих проектах решалось пространство большого офисно-торгового здания с несколькими внутренними дворами. Существенное изменение с нашей стороны было внесено в объединение двух дворов в один большой двор, что сделало проект более просторным и "объединенным".

А+С: Какие положительные и отрицательные стороны особо следует отметить в нынешнем Андреевском спуске?

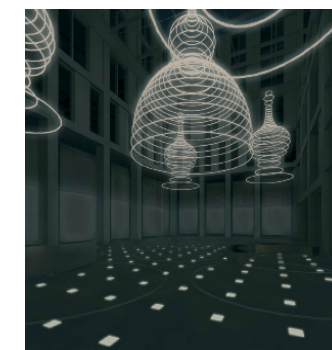
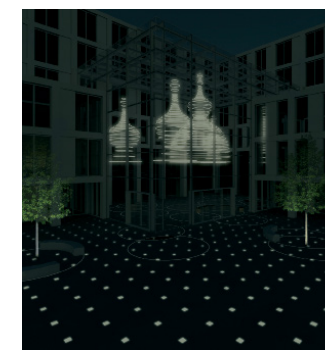
Д. Ф.: Привлекательно то, что Андреевский спуск сохранился в

Плаза

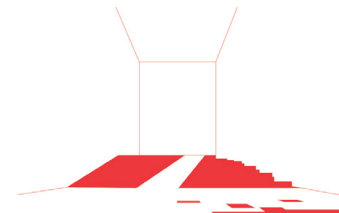
fotiadis

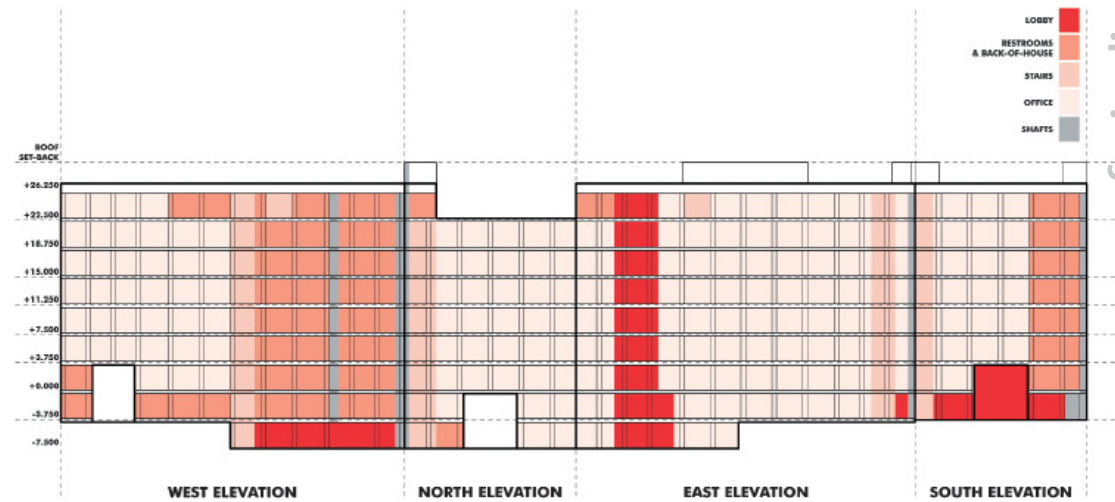

Секции комплекса

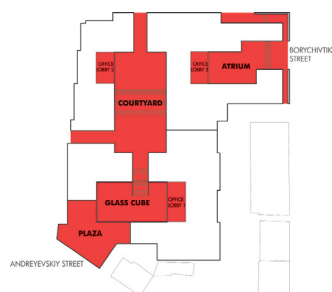
Декабрь 2010

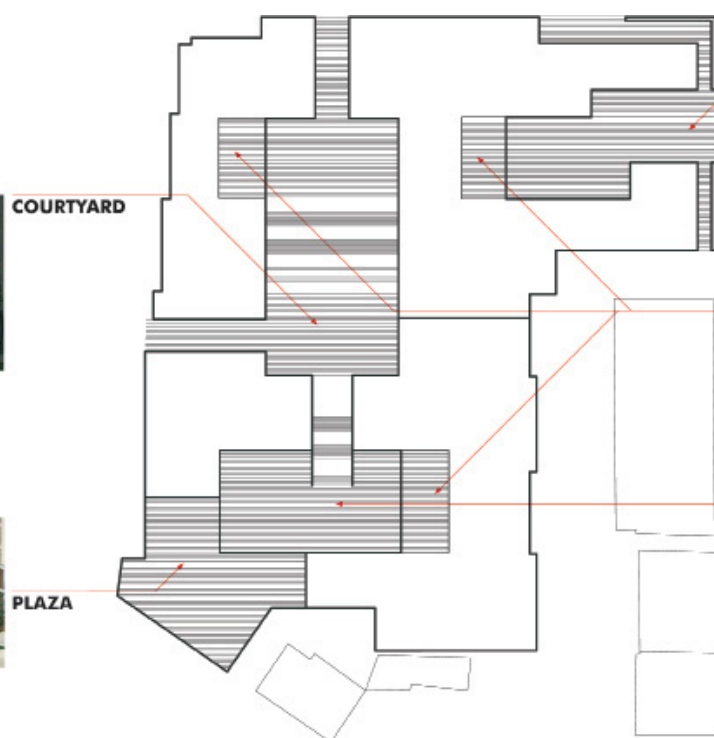
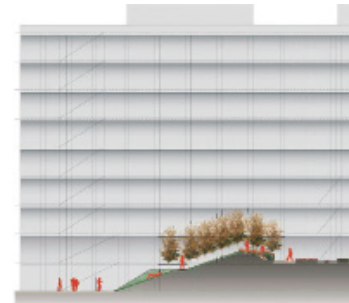
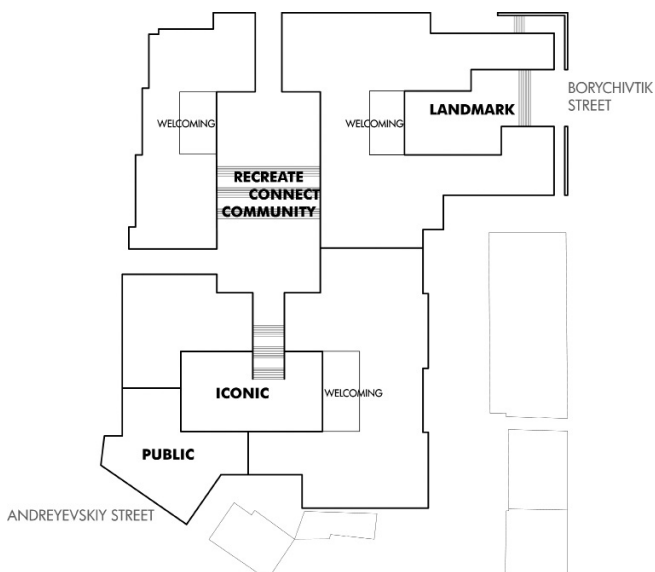
Дворик

fotiadis

Поме

практически первозданном виде. Он много впитал из разных исторических эпох. Андреевская церковь безусловное украшение и символ улицы, это одна из самых красивейших церквей не только Киева, но наверно и Украины.

Из отрицательных сторон я бы отметил качество дорожного покрытия. На спуске очень легко реально травмироваться, особенно в зимнее время. Досадно, что некоторые здания заброшены. Было бы неплохо получить инвестиции для того, чтобы улучшить дорожное покрытие и отреставрировать здания.

А+С: Актуален ли в данном случае так называемый средовой подход к проектированию?

Д. Ф.: Безусловно. Прежде всего, надо изучить и понять окружающую среду. Поэтому мы очень скрупулезно подошли к вписыванию здания в подольский масштаб и характерный для фасадов и пер-

форации окон Андреевского спуска модуль. Мы проанализировали фасады, цвет, пропорции окон, материал, который использован. Первостепенное значение было уделено общим пропорциям фасадов и их соотношением с существующей исторической средой.

А+С: Не кажется ли вам, что проект Антони Бешу был в вполне хорошо нарисован, но ярко выраженным “средиземноморским” имиджем, и поэтому не очень вписывался в киевскую ситуацию?

Д. Ф.: По-моему, он был несколько монотонным. Мы это знали и решили придать проекту более соответствующие для здешнего контекста черты, скорее, “в классическом стиле”.

А+С: Как возникла идея использовать существующие оконные модули и приложить их к перфорации нового фасада?

Д. Ф.: Мы видели это как возможное эффективное взаимоотно-

шение и перенесли основной принцип архитектурного решения существующих зданий в новый проект. Очевидно, что на выходе нам требовалось не здание XVII века, поэтому нужно было найти необходимое равновесие между историческим и современным модулем застройки. Основной принцип: здание, которое мы строим, это современное здание. Но оно, тем не менее, будучи современным, не должно быть оторванным от среды, в которой оно находится, от Подполя, как будто оно свалилось с неба. Здание должно быть аккуратно определено в пространстве.

А+С: Зеленые стены и озелененная кровля, для вас это стандартное средство архитектурной выразительности?

Д. Ф.: Это комбинация. Мы долго изучали проект, то, что было сделано раньше, и пришли к пониманию, что в данном случае зеленое проектирование необходимо. С самого начал об этом

говорил Сергей Целовальник, мол, это здание имеет не четыре фасада, а пять. Пятый — озелененная кровля, которая видна со всех прилегающих гор и видовых точек. Идея возникла из того, что над зданием возвышается Замковая гора. Летом, да в принципе и в зимнее время, когда нет много снега, гора зеленая, с обильной растительностью. Ее склон перетекает в наш комплекс. Таким образом возникла идея зеленого здания. Именно этой концепции мы придерживаемся.

А+С: Что является особым архитектурным качеством комплекса “Андреевский-Плаза”?

Д. Ф.: Идея была сделать здание такого большого объема не таким давящим на окружающую среду. Поэтому появилась идея террасирования и озеленения. То есть следовало, двигаясь от нижней застройки комплекса, постепенно подниматься вверх, к

склону Замковой горы, тем не менее, не подавляя ее. Естественно, за счет того, что возникли внутренние дворы, удалось более активно интегрировать комплекс в пешеходные пространства Андреевского спуска и прилегающих улиц. Новая площадь с общим доступом, выходящая на спуск, образовала такое же “дворовое пространство”, как и внутри комплекса. Мы подумали, почему это дворовое пространство не накрыть стеклом и сделать его все-таки используемым в зимнее время. Таким образом, возник двор, накрытый стеклом. Мы его называем “Стекланный Куб”.

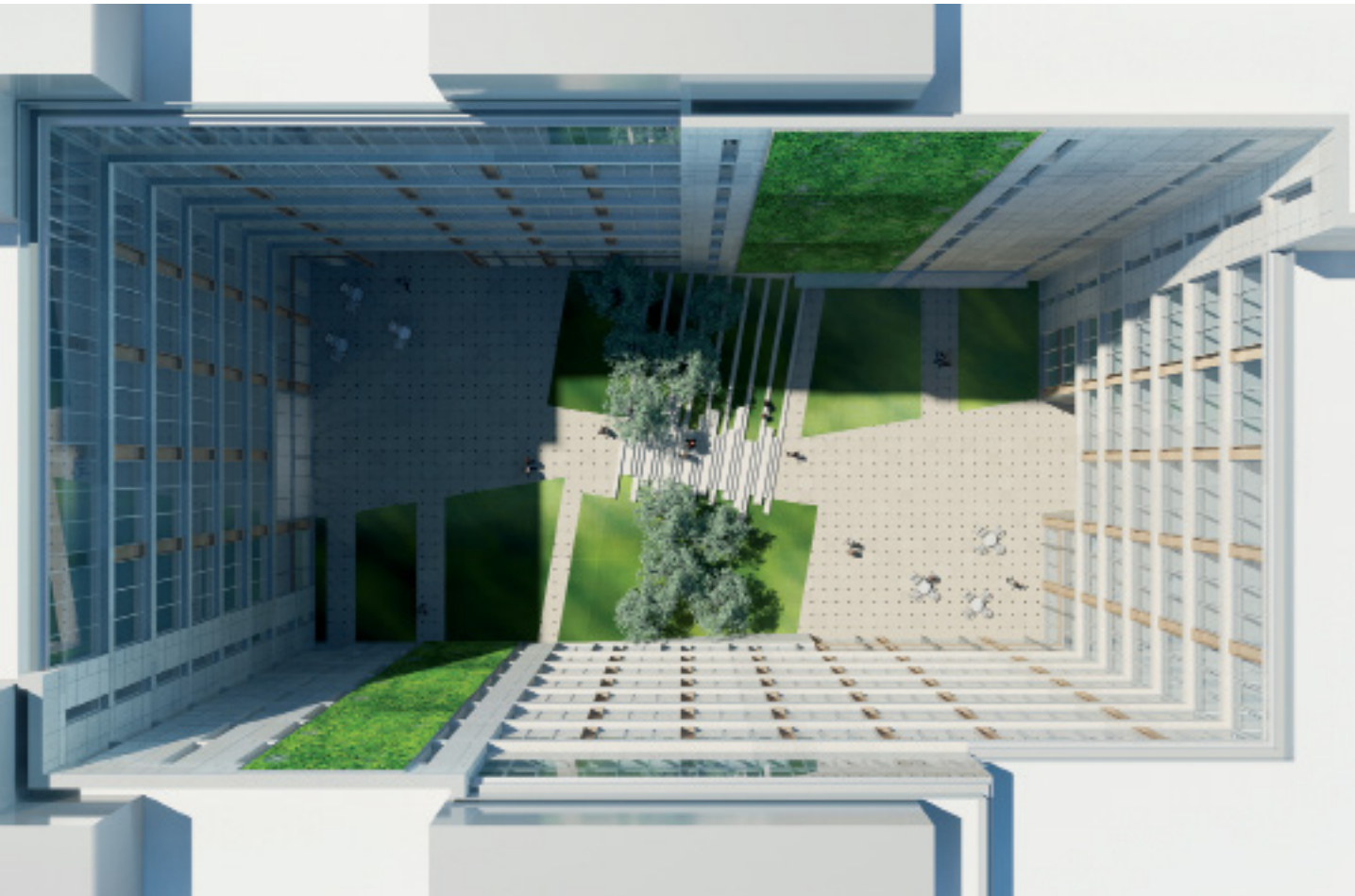
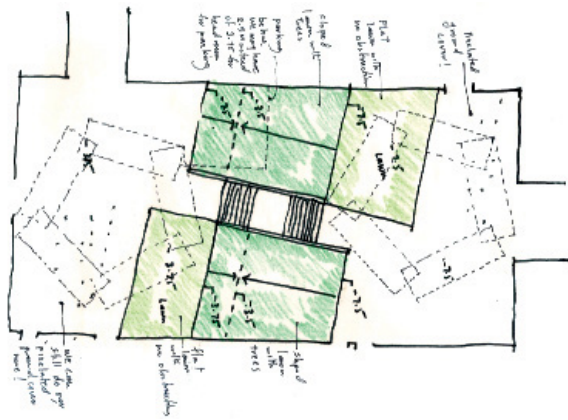
А+С: Можно ли одним, пусть даже очень качественным зданием, поднять уровень всего места или необходима принципиальная модернизация всего спуска?

Д. Ф.: Думаю, что и одно здание может изменить всю улицу, а для большинства послужит катализатором понимания, что все-таки нужно что-то делать с этим местом.

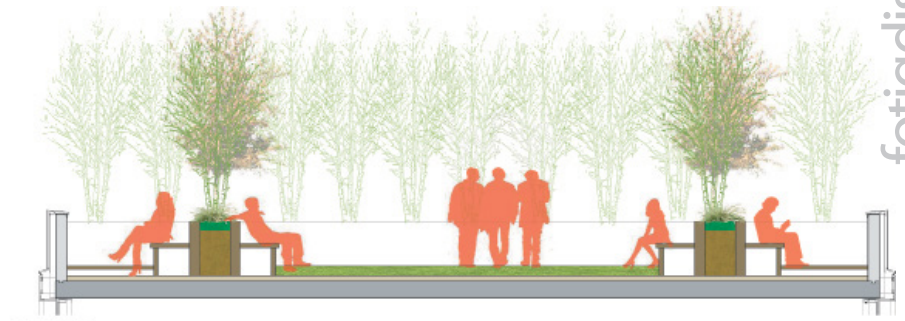
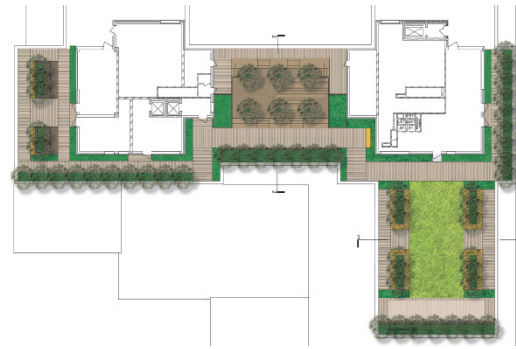
А+С: Насколько совместимым будет пространство “5-звездочного” здания с простыми радостями Андреевского спуска?

Д. Ф.: Именно новая площадь (плаза) и “стеклянный куб” послу-

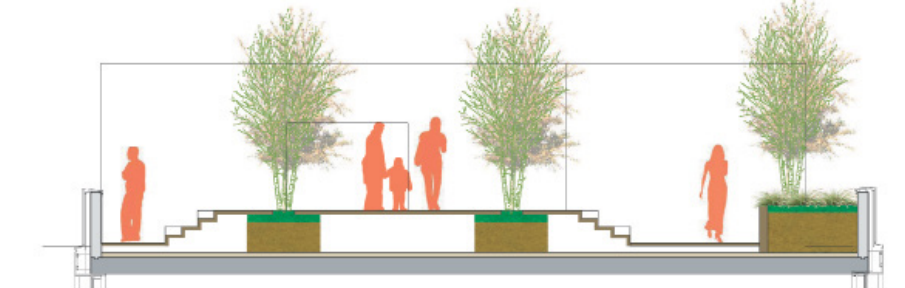
Февраль 2011

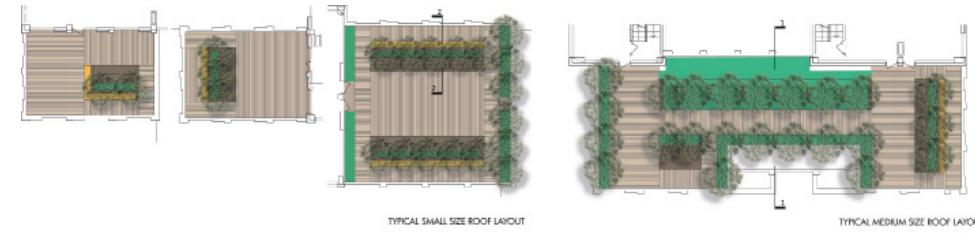
Сад на крыше

SECTION ONE

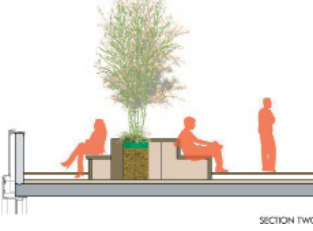

SECTION TWO

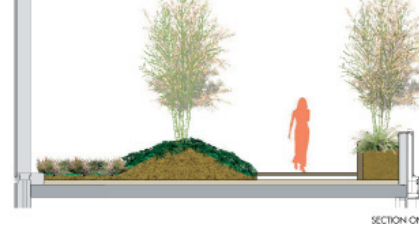

TYPICAL SMALL SIZE ROOF LAYOUT

TYPICAL MEDIUM SIZE ROOF LAYOUT

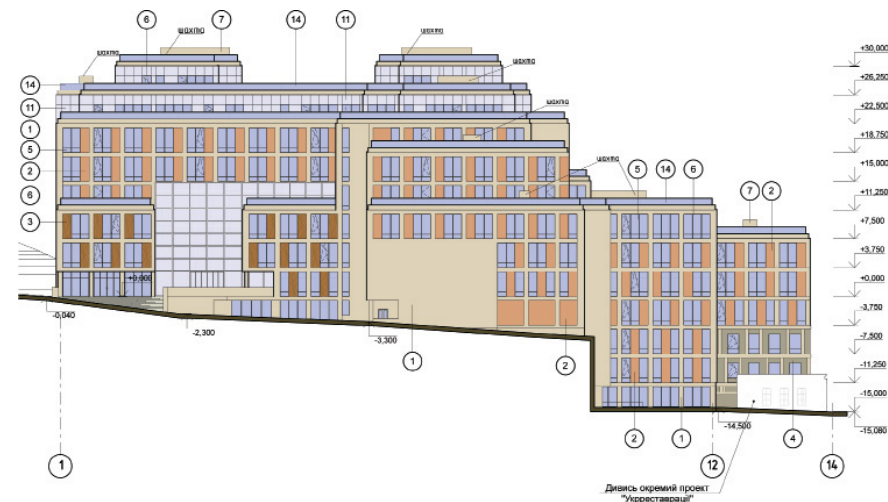

SECTION TWO

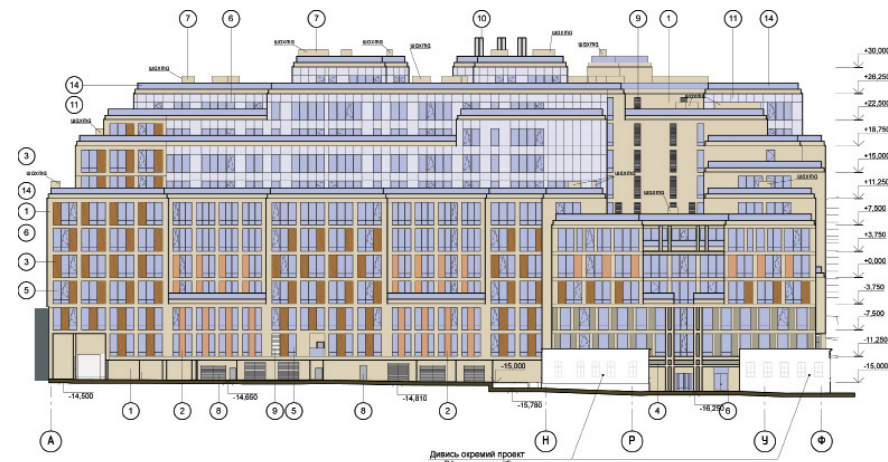

SECTION ONE

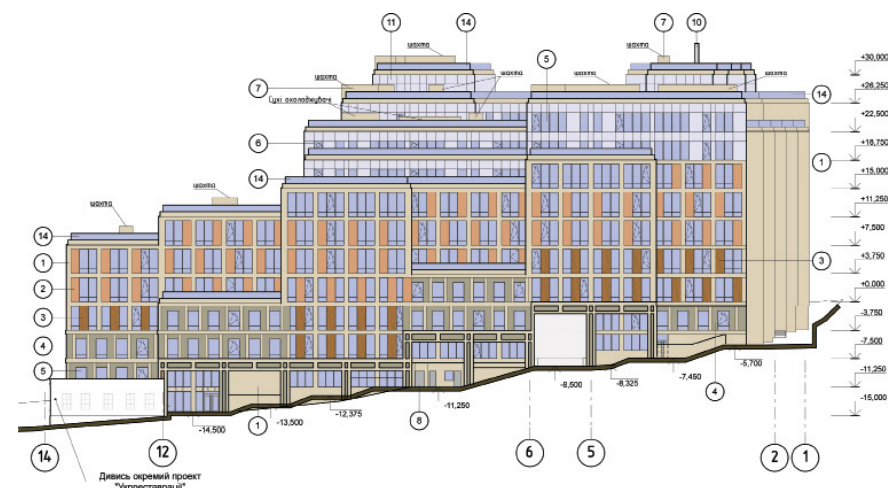

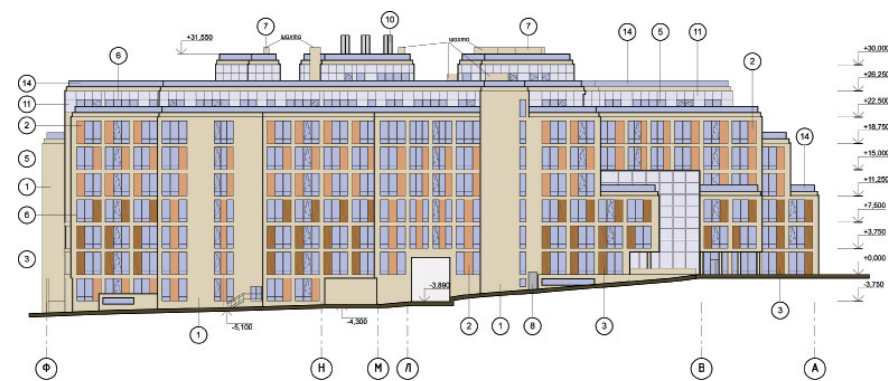
Фасад по Андреевскому спуску

Фасад по Боричеву току

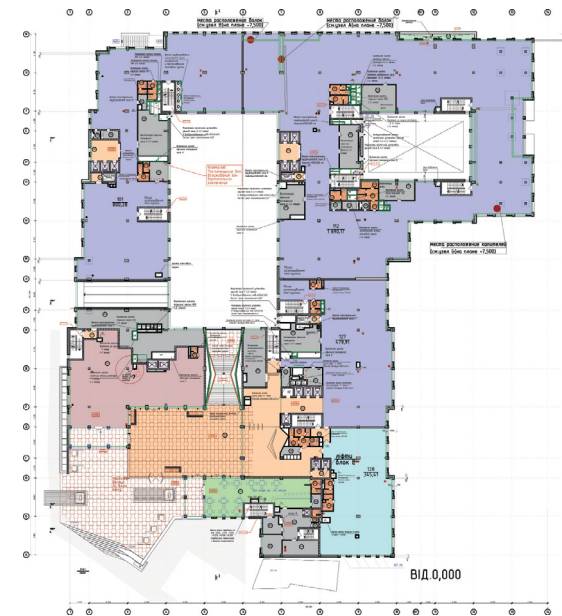
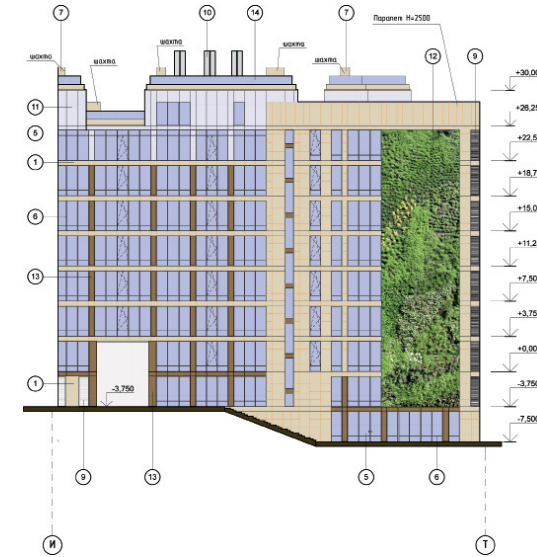

Фасад по ул. Фроловской

Фасад по ул. Чёрная грязь

Июль 2011

жат мостиком между новым зданием бизнес-центра и жизнью Андреевского спуска. Потому что как раз для этого и проектируется Плаза как таковая. Чтобы в ней могли проходить массовые культурные мероприятия или просто в летний день могли собираться люди. С оборудованных мест на площади люди смогут любоваться видом Андреевской церкви. Помимо этого, в “Кубе”, в частности, могут проходить мероприятия различного типа. И это принесет необходимое взаимодействие.

А+С: Не является ли форма куба слишком острой при восприятии ее с Андреевского спуска. Может быть, здесь стоило сделать что-то более мягкое, например, овальное?

Д. Ф.: В принципе, геометрия здания сама по себе является “угловатой”, поэтому был нужен куб. Единственная разница в объемах основного комплекса и куба не в геометрии, а в материалах. Куб полностью прозрачен, сквозь него видно все остальное здание. Ночью он будет освещаться и приобретать совершенно другой вид. Мне всегда нравились прозрачные стены, они обеспечивают визуальную связь между тем, что происходит внутри и снаружи.

А+С: Что еще следует сказать о проекте “Андреевский”?

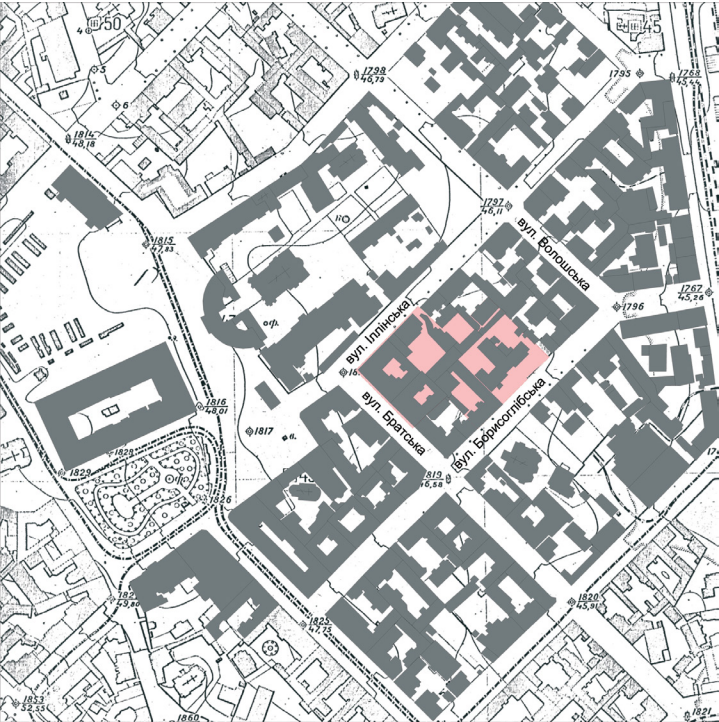
Д. Ф.: Помимо того, что мы очень много внимания уделяем тому, как новое здание будет соединяться с Андреевским спуском, есть и второй главный его фасад, выходящий на Боричев ток. И это немаловажно, выходя в противоположные стороны, на разные улицы, здание адаптируется к каждой из них. Вход с Боричева тока принципиально отличается от входной зоны-площади на Андреевском спуске. Вместе они будут связаны пассажем сквозь внутренний двор. Поэтому здание в целом не воспринимается как монолит, который просто поставили и закрыли от среды, но будет мягко раскрываться в город с нескольких сторон.

А+С: Что можно сказать о будущем Киева, из-за океана?

Д. Ф.: Сейчас Киев находится в стадии трансформации, как и многие города Восточной Европы. Киевляне могут гордиться, что их город расположен в таком замечательном месте. Очень зеленый город. В Киеве очень много хороших черт уже в нынешнем виде. Есть много факторов, которые на это влияют. Но с точки зрения архитектора, ключевое слово, которое я применил бы к будущности Киева, это нахождение баланса между сохранением исторических черт и, тем не менее, приведением города к стандартам XXI века, включая его внешний вид.

реконструкция квартала на поголе

Структура застройки квартала в 1920-е годы

Сегодня, всего четыре года после открытия, офисный комплекс “Ильинский” воспринимается почти хрестоматийным образцом генетической реконструкции (или — “расширения возможностей”) регулярного “классицистического” квартала близ древней Контрактовой площади. Этот подольский квартал ограничен улицами Ильинской, Борисоглебской, Братской и Волошской. Городская застройка, прилегающая к архитектурному ансамблю Контрактовой площади, отображает специфические черты, присущие многовековой истории Подола. Плотная и сплошная застройка улиц дополняется и нарушается неожиданными лакунами и включениями внутри кварталов. Подавляющее большинство зданий на исходной строительной площадке, принадлежащей бывшему швейному объединению “Ласточка” (неказистые жилые и технологические строения спорадически возникали внутри квартала на протяжении всего XX века), нуждалось если не в реконструкции и реставрации, то, как минимум, в капитальном ремонте. Однако, именно этот квартал, благодаря экстенсивному использованию на протяжении многих десятилетий, предоставил авторам возможность исследовать хорошо сохранившуюся регулярную парцелляцию начала XIX века (архитекторы В. Гесте, А. Меленский) и возродить ее в новых формах современного архитектурного каркаса.

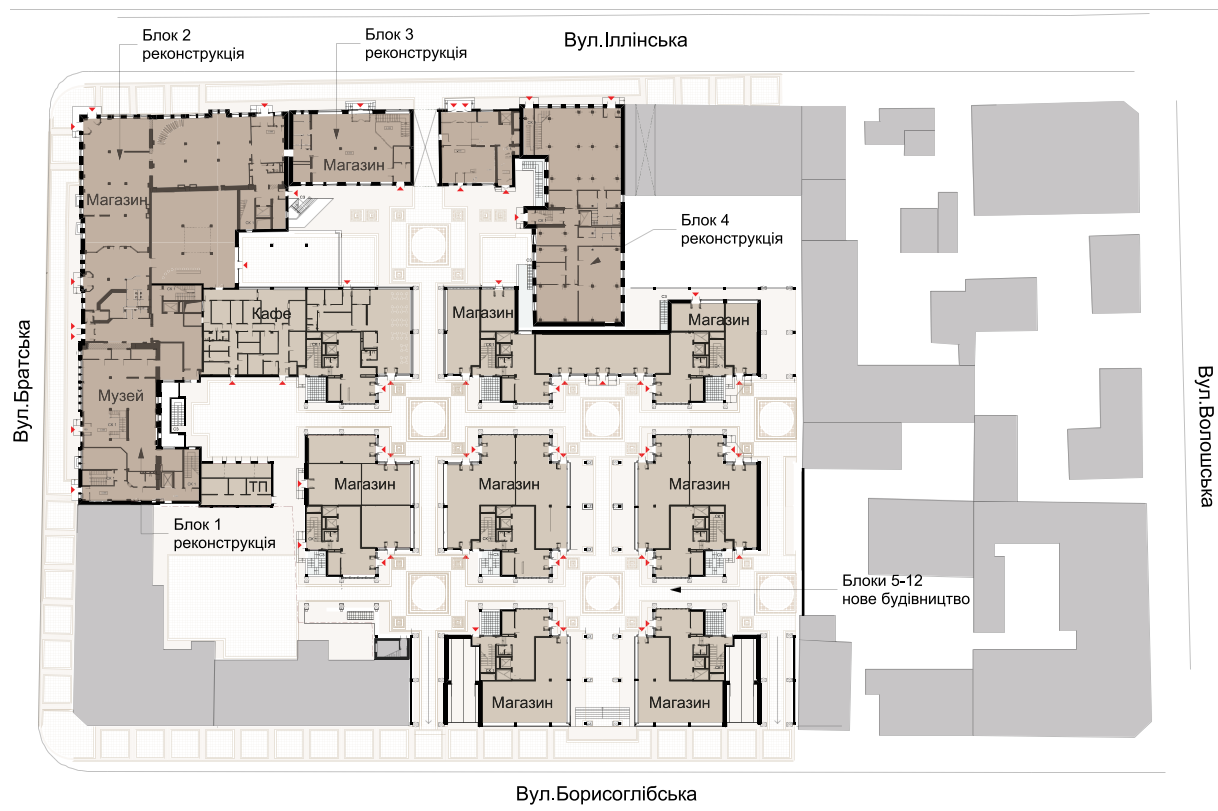
Несомненной удачей принятого объемно-пространственного решения комплекса следует признать то, что архитекторы не последовали широко практикуемой сегодня новоукраинской традиции заполнения очевидных пустот и выжимания из них максимального строительного объема (или советских “квадрат-

ОФИСНО-ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС ИЛЬИНСКИЙ

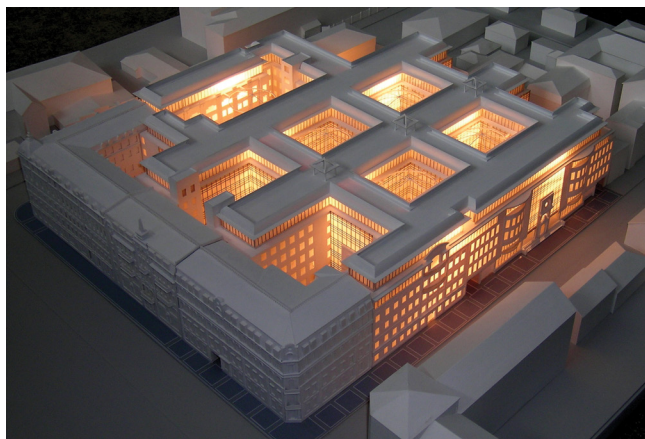
Киев, ул. Ильинская 8
Государственная премия Украины
в области архитектуры за 2009 год

заказчик: Ласточка ЛТД
(Борис СИКОТЮК)
генподрядчик: Аэробуд
(Борис ПЕТРЕНКО)
архитекторы:
Виктор ШИРЯЕВ,
Олег СУХОДУБОВСКИЙ,
Евгений КАРИМОВ,
Владимир ГУСАКОВ
конструкторы:
Рафаил ФАЙНБЕРГ,
Геннадий ГАПОНЕНКО
проектировщик:
Институт современного
проектирования
площадь участка: 1,06 га
площадь застройки: 8 050 кв. м
строительный объем: 208 377 куб. м
служащих: 3 103 чел.
высота: 6 этажей
проект: 2006
строительство: 2006–2007

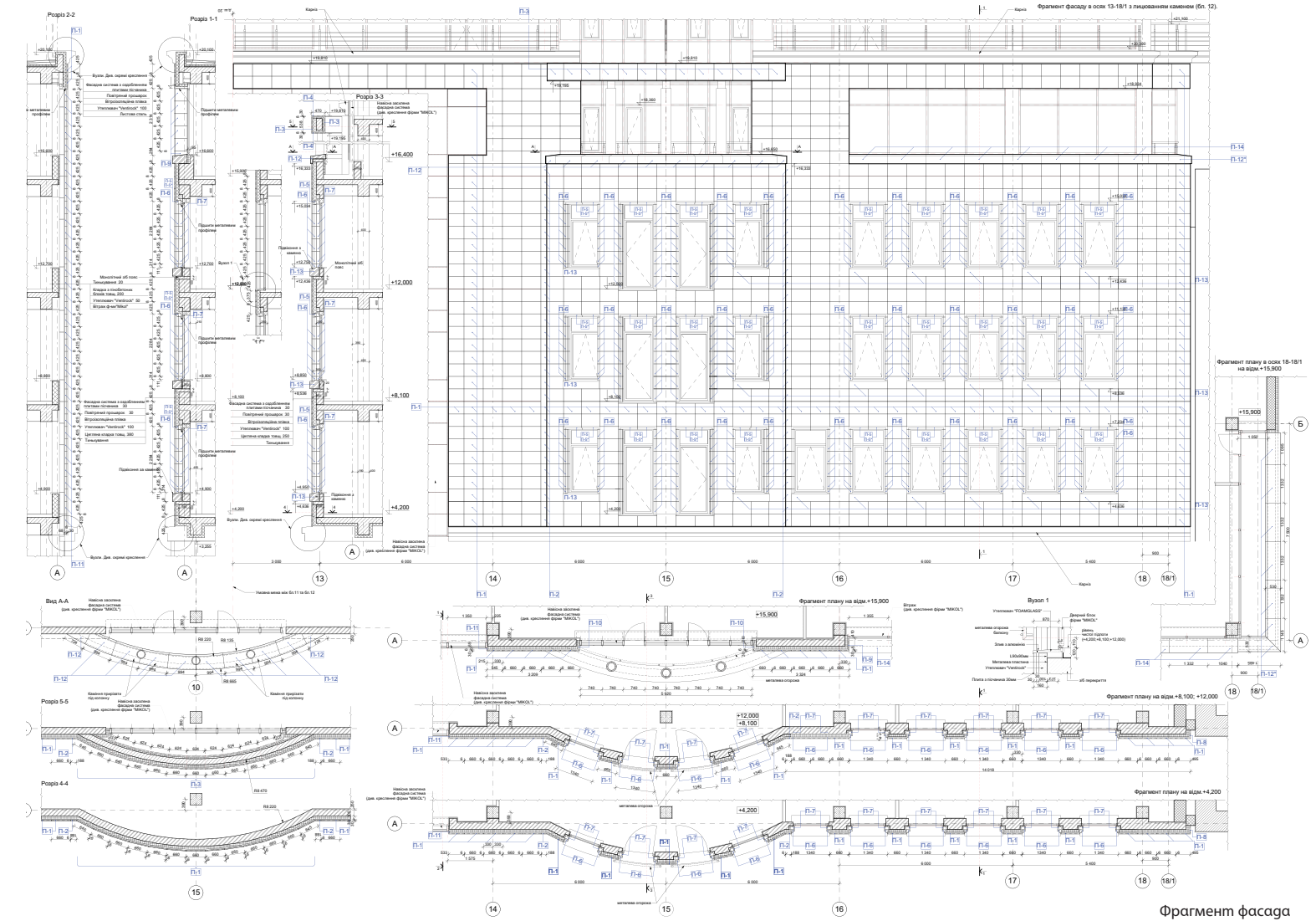

План 1 этажа

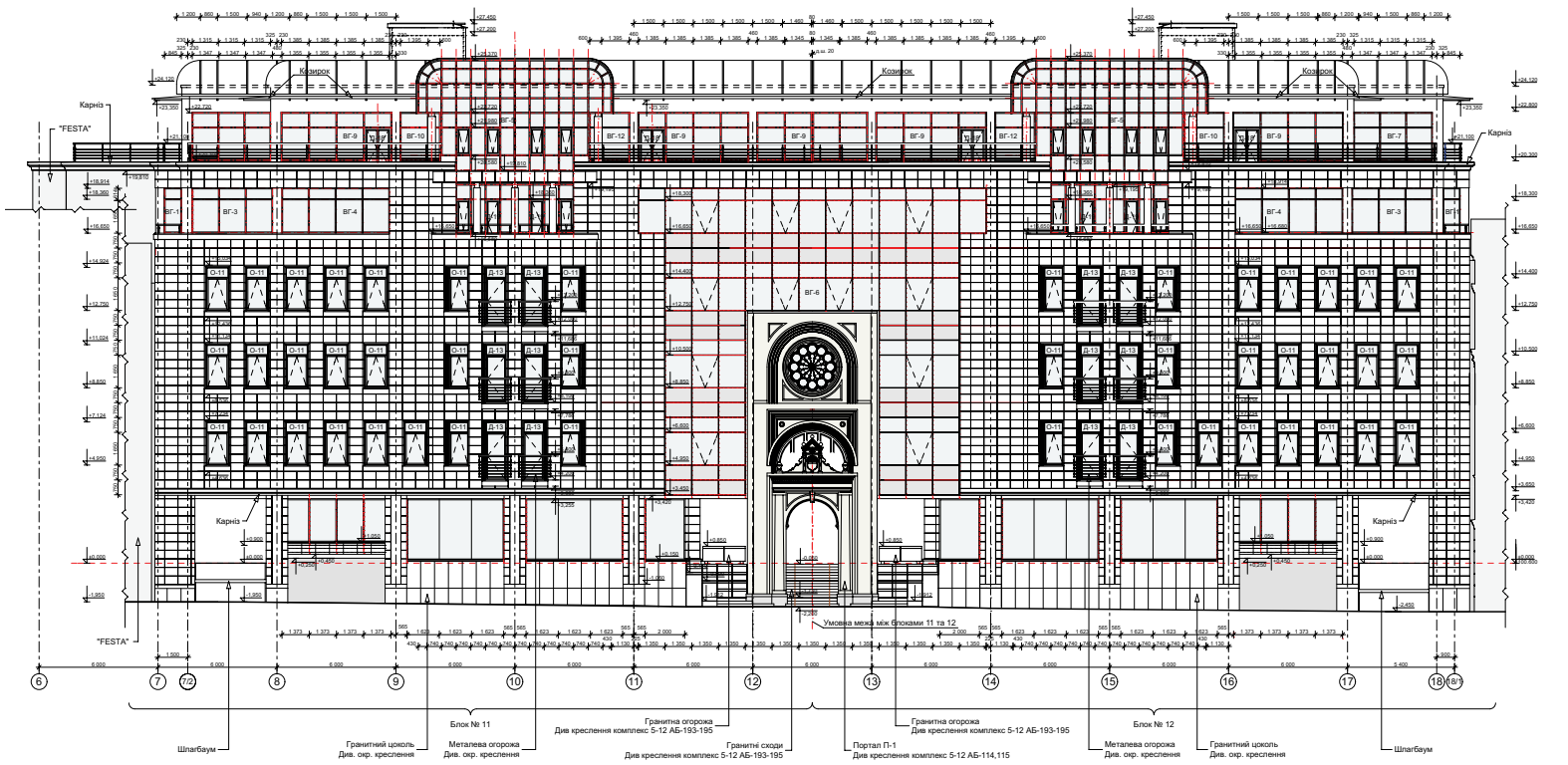

ных метров”), но внимательно прислушались к уже существующей, казалось бы малоинтересной и ничего не обещающей структуре равномерно “нарезанного” квартала. Сквозь парцеляционную решетку “устаревших усадеб”, сохранившуюся здесь лучше, чем в прилегающих кварталах, и зафиксированную ветхими флигелями, заборами и сараями, авторы будущего комплекса увидели современную высокоплотную решетчатую структуру. Это “простое озарение” стало безусловной удачей в решении всей будущей структуры комплекса.

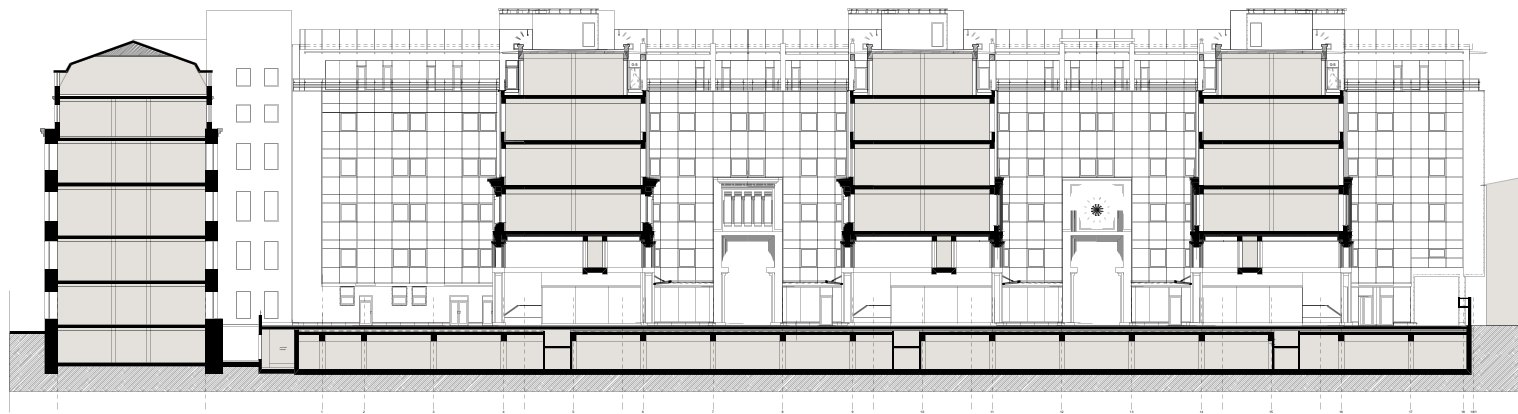
Более тщательное исследование показало, что основным модулем плотной застройки, сложившейся здесь на протяжении двух столетий, стали дворы, в зависимости от этажности имеющие площадь от 10 x 15 и 15 x 18 до 18 x 18 м. Существующая высота застройки в квартале составляла от трех до шести этажей. Размер квартала — 110 x 180 м. Офисно-торговый комплекс занял чуть более половины — 53% территории. В итоге в основу его планировки была принята схема пешеходных проходов-пассажей с устройством внутридворовых площадей размером 18 x 15 м. По периметру площади получили частичное покрытие, для защиты пешеходов от осадков, на уровне шестого этажа.

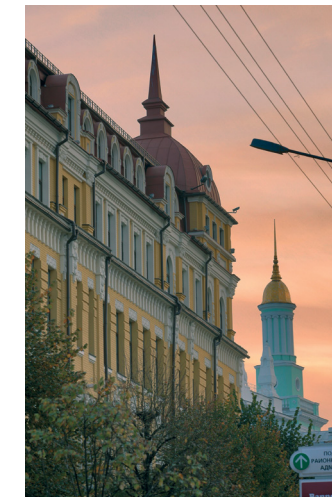
Фрагмент фасада

Фасад по ул. Борисоглебской

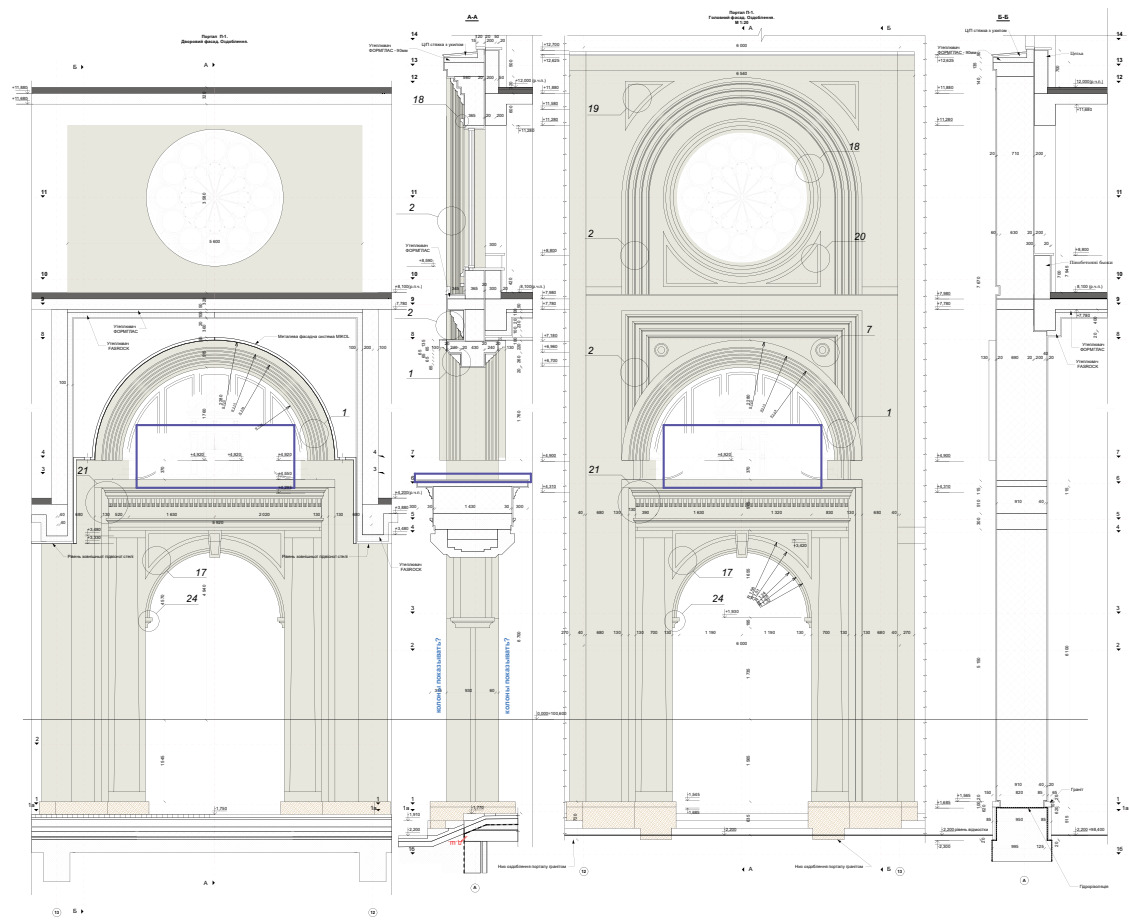
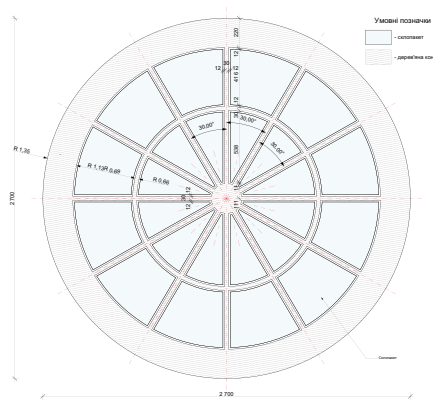
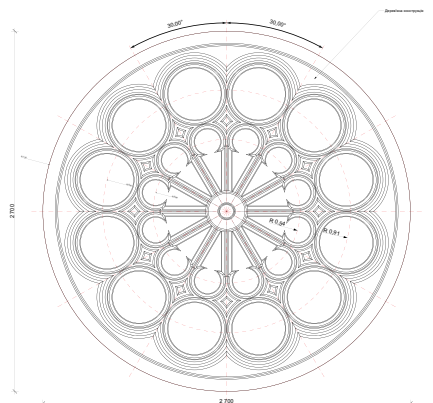

Разрез по оси запад-восток

Порталы

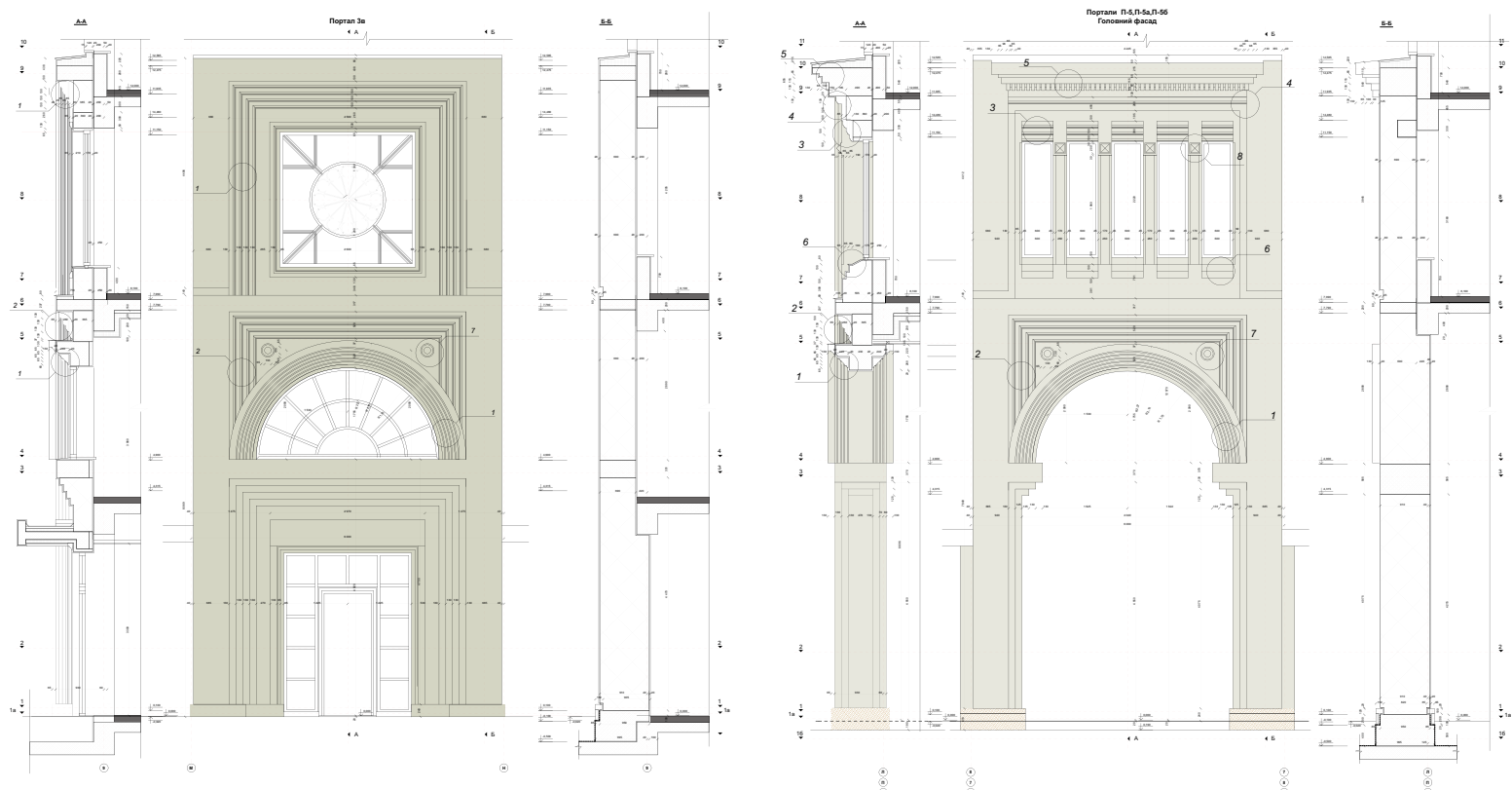

В уровне тротуара обустроены вестибюльные группы делового центра, магазины и предприятия общепита. Пешеходные и транспортные потоки разделены, причем по территории комплекса предусмотрено движение только пожарных машин. Служебные подьезды к ресторану и магазинам устроены без пересечения с пешеходными маршрутами. В подземной части размещена столь необходимая в историческом центре стоянка на 180 машиномест. Итоговая плотность застройки превзошла все ожидания, как заказчиков, так и памятникиоохранного ведомства, позволив разместить вдвое большие объемы строительства, нежели это практиковалось при "ситуативной" высокоэтажной застройке всех имеющихся "пустот".

При этом небольшая этажность комплекса — до шести этажей — сохраняет цельность исторической застройки Подола и ее традиционное восприятие с основных обзорных точек: Замковой горы и Уздыхальниці, террасы Андреевской церкви, территории Михайловского Златоверхого монастыря.

Особого внимания заслуживает оформление порталных групп комплекса, которые выполняют основную семантическую нагрузку в структуре, принципиально построенной на проходах-пассажах во внутренние двory. Стилистически разнообразные, в постмодернистском духе, варианты порталов — от готики до нейтральной классики — сделали узнаваемыми отдельные участки комплекса, невзирая на вполне жесткую и "гомогенную" решетку плана. В итоге, внушительный офисно-торговый центр в чрезвычайно насыщенном историческом средоточии города стал органическим и необходимым дополнением самого древнего "гаун-тауна" Киева.

пешеходное “золотое кольцо” киева

Виктор СУДОРГИН, архитектор "Экспресспроект"

Предлагаемый пешеходный маршрут, который мы пока условно назвали "золотым кольцом", должен значительно оживить туристическую привлекательность Киева. При этом никаких особых капиталовложений не нужно.

НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ МАРШРУТА — ПОЧТОВАЯ ПЛОЩАДЬ

От Почтовой площади берет свое начало Днепровская набережная и улица Петра Сагайдачного. В центре площади — старое одноэтажное здание почтовой станции. Оно было действующим до 1919 года и сейчас является памятником архитектуры. Недалеко от почтового домика в конце Владимирского спуска установлен памятник электрическому трамваю, который был первым трамваем на всей территории Украины и России. За памятником виднеется церковь Рождества Христова, построенная в 1809–1814 годах в стиле классицизма (архитектор А. И. Меленский).

ЗАТЕМ — ПОДЪЕМ НА ФУНИКУЛЕРЕ

Через дорогу от Почтовой площади расположена нижняя станция фуникулера. Станция фуникулера — это тоже достопримечательность Потовой площади. Идейным вдохновителем его строительства был инженер А. А. Абрагамсон, а построили его инженеры Н. К. Пятницкий и Н. И. Барышников. Открытие состоялось 7 мая 1906 года.

ДАЛЕЕ — МИХАЙЛОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Михайловский Златоверхий монастырь с Михайловским собором разрушались и возводились заново помногу раз. Впервые собор был построен ещё в 1108 году князем Святополком Изяславовичем и был посвящён архангелу Михаилу — покровителю Киева. Полностью восстановлен в 1990 году и сейчас включает в себя соборный храм в стиле украинского барокко, трапезную и колокольню. Перед монастырём — памятник Кириллу, Мефодию и княгине Ольге.

УЛИЦА ДЕСЯТИННАЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ — АНДРЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В музее истории Украины хранятся этнографические, археологические предметы истории, начиная со времён Триполья, скифов и вплоть до наших дней, произведения живописи и скульптуры, нумизматические коллекции, старопечатные книги и прочие исторические экспонаты. Андреевская церковь — одно из самых заметных зданий в Киеве — благодаря своему положению на холме она видна издалека. Построена по проекту Растрелли в 1754 году.

АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК

Самая колоритная улица города. Ее облик складывался в конце 19 — начале 20 века. Здесь многие дома имеют свою историю и неповторимый облик. Среди самых известных — Андреевская церковь, Замок Ричарда Львиное Сердце, дом Михаила Булгакова.

ВОЗМОЖЕН ЗАХОД В УРОЧИЩЕ ГОНЧАРЫ-КОЖЕМЯКИ

Древние кварталы ремесленников История киевских урочищ Гончары и Кожемяки уходит своими корнями чуть ли не в историю основания самого Киева.

КОНТРАКТОВАЯ ПЛОЩАДЬ

В 13–18 веках на месте нынешней площади проводились Контрактовые ярмарки, начало которым положил Павел I, издавший в октябре 1797 года указ о проведении ежегодных контрактных съездов дворянства всего юго-западного края Украины. Тогда в Киев были перенесены Контракты, представлявшие собой ведущее торговое событие в южной части империи. Первая подобная Контрактовая ярмарка состоялась 15 января 1797 года. Одним из самых древних памятников Контрактовой площади является церковь Богородицы Пирогощи, построенная великим Киевским князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха в 1132 году. Колодезь-фонтан под названием Самсон — гордость Контрактовой площади. Его строительство заняло почти год (1748–1749), а последняя реконструкция имела место в 1982 году, когда фонтан был полностью восстановлен, ему вернули исторический облик. Гостинный двор, построенный по проекту архитектора Алоизия Руски в 1809 году. Здание претерпело масштабную перестройку, а в 1980–1982 годах к нему был добавлен еще один этаж, который был обозначен на первоначальном плане застройки. Киево-Могилянская академия также является одной из главных достопримечательностей Контрактовой площади. Именно это учебное заведение в течение двух столетий было эпицентром культурной и общественной жизни государства, здесь готовили и готовят лучших специалистов в сфере политики и общественных наук. Памятник выдающемуся украинскому ученому, просветителю, писателю, историку и гуманисту Григорию Саввовичу Сковороде.

УЛИЦА САГАЙДАЧНОГО

Это единственная улица в Киеве, которой удалось пережить войну и сохранить первозданный облик — его она получила в 1811 году, когда застраивалась по плану архитектора В. Гесте. Возвращение на Почтовую площадь.

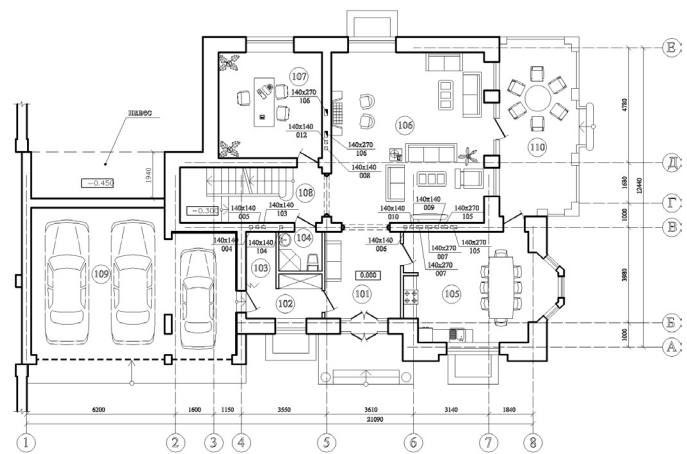
Для возможности беспрепятственного проведения туристических маршрутов требуется полная реконструкция Почтовой площади. Как ее пешеходной части, так и транспортной. Особое внимание следует уделить ее связи с Набережно-Крещатицкой улицей и зданием Речного вокзала, так как значительная часть туристов может прибывать туда на прогулочных катерах и речных лайнерах. Задача реконструкции Почтовой площади — это разделение пешеходных и транспортных потоков в разных уровнях без устройства светофорных переходов. Необходима организация достаточного количества стоянок, в том числе и для туристических автобусов, а также — пунктов питания, сувенирных магазинов, туристических агентств, зон отдыха.

**АВТОТРАНСПОРТНАЯ
РАЗВЯЗКА ПОЧТОВОЙ
ПЛОЩАДИ**
*Киев, Почтовая площадь,
Владимирский спуск,
ул. Сагайдачного,
Набережное шоссе*

проектировщик:
ЭКСПРЕССПРОЕКТ
архитекторы:
Виктор СУДОРГИН,
Виктор ПЕТРУК
проект: 2011

“оазис” на одесском фонтане

В основе концепции проекта лежит идея городского коттеджного поселка, в котором дома различны по планировке и размещению на участке, но имеют общие элементы фасадов, одинаковые материалы в отделке. “Современный поселок — не единообразный, но единый”, — подчеркивают архитекторы. Фундаментальность классики авторы по-южному облегчили большими оконными проемами, резными решетками и ненавязчивыми элементами декора. Вместе с тем в решении фасадов подчеркивается, что это не гачи, а комфортные и капитальные городские дома: наличники, колонны, натуральный камень, керамическая черепица. Коттеджи двухэтажные, максимум — со студией в третьем этаже. Особняки расположены на одной улице, которая закольцована и объедняет весь городок. При компактной планировке расстояния между домами вполне приемлемы и даже кажутся большими. Рельеф с перепадом до 5 м дарит обитателям “Оазиса” необычные видовые точки.

МИКРОРАЙОН
“ОАЗИС”
Одесса,
10-я станция Фонтана

проектировщик:
Архпроект-МДМ
архитекторы:
Михаил ПОВСТАНЮК ст.,
Михаил ПОВСТАНЮК мл.,
Дмитрий ПОВСТАНЮК
объем поселка:
26 коттеджей
площадь каждого
коттеджа: 400 кв. м
проект: 2009–2010
реализация: 2010–2011

коттеджи на французском бульваре

Некогда дачный Французский бульвар давно сделался частью городского центра, сохранив свои аристократические качества. Коттеджный городок в глубине парковой зоны представляет собой комплекс из восьмидесяти комфортабельных villas площадью до 1500 кв. м каждая, с участками 1000–4000 кв. м. По периметру, закрывая поселок от высотной застройки, расположены 3–4-этажные корпуса с квартирами премиум-класса, с подземным паркингом. На морском склоне обустроен панорамный ресторан, спускающийся террасами к берегу, зона отдыха с теннисными кортами, бассейнами и проч. Высокий уровень строительства подчеркивают классические и по-прежнему актуальные материалы, в частности — настоящая средиземноморская черепица.

ГОРОДСКОЙ КОТТЕДЖНЫЙ
ПОСЕЛОК КЛАССА ПРЕМИУМ
Одесса,
Французский бульвар 60

проектировщик:
Архпроект-МДМ
архитекторы:
Михаил ПОВСТАНЮК ст.,
Михаил ПОВСТАНЮК мл.,
Дмитрий ПОВСТАНЮК
общая площадь: 17 га
реализация: 2009–2011

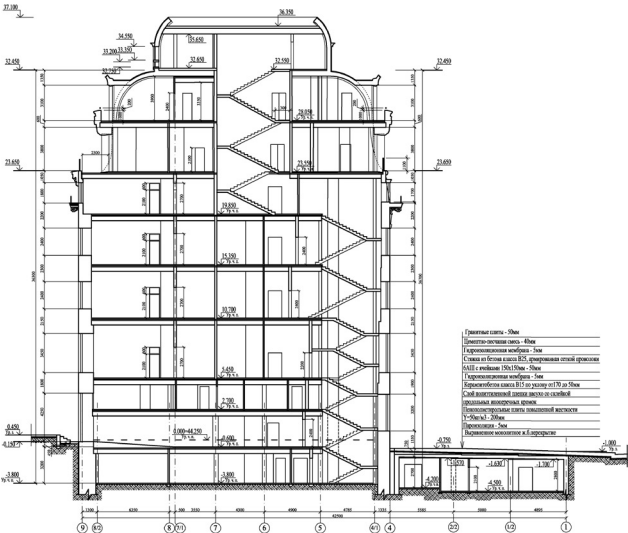
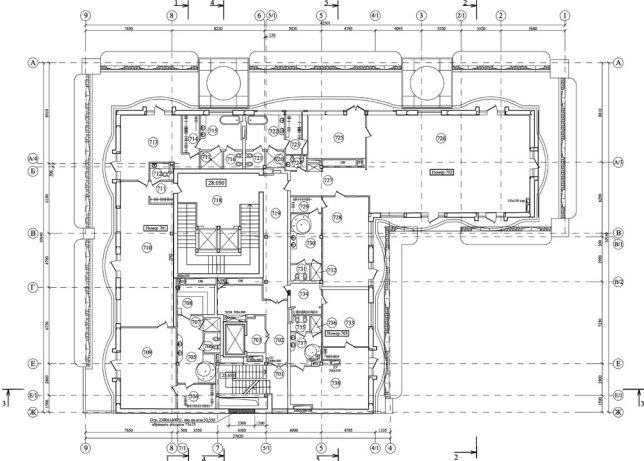
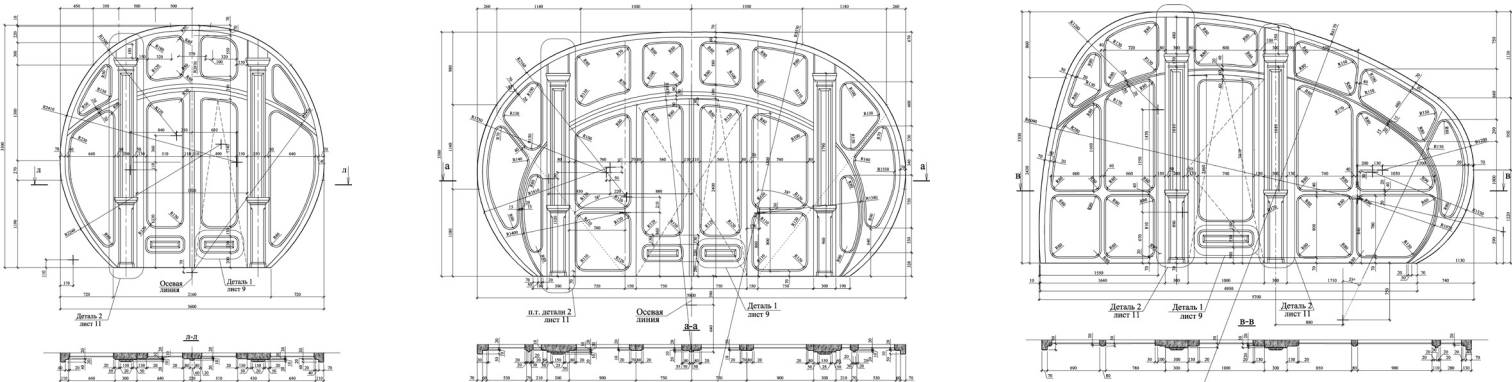
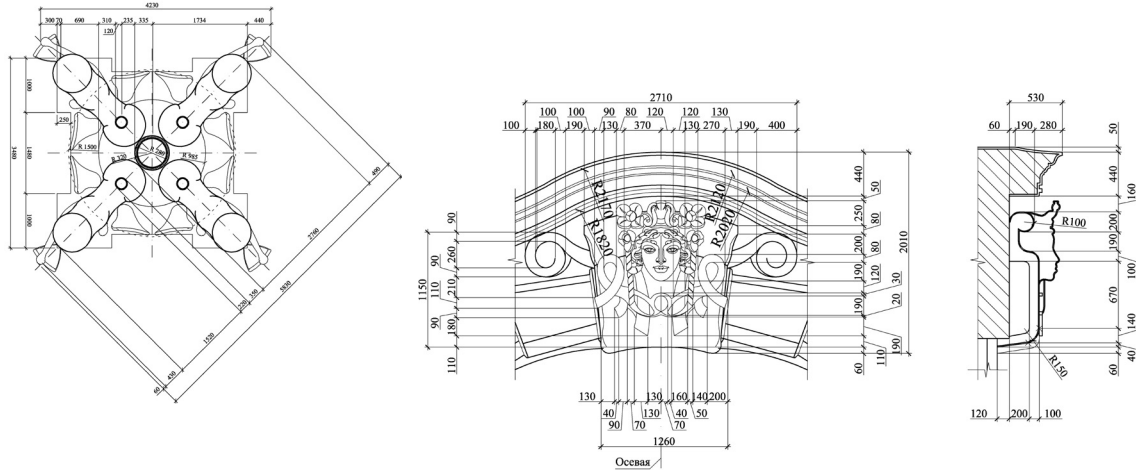
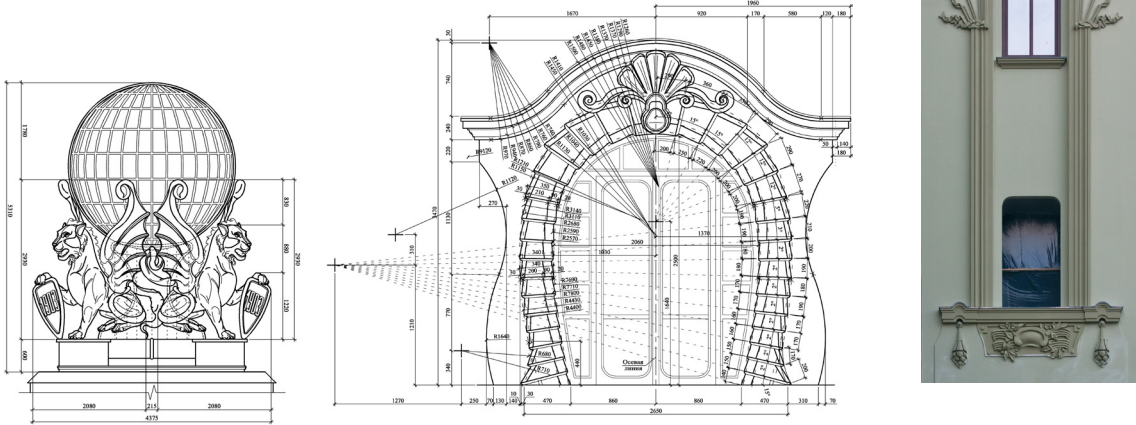

новое рождение “большой московской”

ГОСТИНИЦА
“БОЛЬШАЯ МОСКОВСКАЯ”
Одесса, ул. Дерибасовская

архитектор-1903:
Лев ВЛОДЕК
проектировщик:
Архпроект-МДМ
архитекторы:
Михаил ПОВСТАНЮК ст.,
Михаил ПОВСТАНЮК мл.,
Дмитрий ПОВСТАНЮК
конструкторы:
НИАСК (Киев)
общая площадь: 7400 кв. м
проект реконструкции:
2008–2010
реализация: 2009–2011

Шикарная гостиница со знаменитыми масками ар-нуво в самом центре Одессы, на Дерибасовской, напротив Горсада!, более двадцати лет удручала патриотов и космополитов мерзостью запустения и крошащимся фасадом. Обследования здания, выполненные специалистами ОГАСА, обнаружили самую низкую степень прочности конструкций. Фантастический современный декор рушился на глазах. Однако нашелся смелый заказчик, и архитектурная команда блестяще справилась с задачей: сооружен новый металлический каркас на буронабивных сваях; тщательнейшим образом закреплены и сохранены фасадные стены; восстановлена удивительная фасадная скульптура — недостающие фрагменты реконструированы по старым фото. За счет нового мансардного завершения в стиле “рубежа веков” значительно расширена гостеприимность отеля-жемчужины.

архитектор виктор самойлович

к 100-летию со дня рождения
4 сентября 1911–11 апреля 2000

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ УКРАИНЫ

Виктор Петрович Самойлович родился в Прилуках Полтавской области. Отец железнодорожный инженер был репрессирован в 1937 году. Виктор окончил архитектурный факультет Киевского инженерно-строительного института в 1940 году. К этому моменту уже увлекся народной архитектуры Украины. После окончания Второй мировой войны, в 1947 защитил кандидатскую диссертацию "Народное жилище Подолии". В 1961 году выходит в свет его основополагающий труд "Народна творчість в архітектурі сільського житла" с иллюстрациями автора. Книга тяжело и долго проходила через всевозможные утверждающие инстанции, недоброжелательно относившиеся к подобной тематике и старавшиеся поменьше пропускать публикации, связанные с украинской культурой. Однако эта работа была восторженно встречена читателями и сразу стала библиографической редкостью. Начиная с 1950 года Виктор Самойлович постоянно занимается проектированием жилых домов для разных регионов Украины. В 1968 году за диссертационную работу "Народное творчество в архитектуре сельского жилища Украины" В. Самойловичу присуждается ученая степень доктора искусствоведения, в 1971 — звание профессора. В 1992 году избран почетным членом УАА. Всю творческую жизнь Виктор Петрович преподавал в Киевском инженерно-строительном институте (теперь КГТУСА) и Киевском государственном художественном институте (НАОМА), выпустив десятки курсов архитекторов. Многие его ученики с благодарностью вспоминают его, как своего учителя, помогавшего им делать первые шаги в архитектуре.

Три будущих доктора наук, три кита истории украинской архитектуры, дружба которых продолжалась более пятидесяти лет: В. П. Самойлович, Г. Н. Логвин, Д. Н. Яблонский на первоймайской демонстрации 1949 года

Виктор Самойлович в экспедиции, Карпаты, 1948

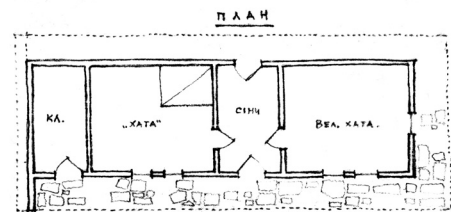
Кафедра архитектуры Художественного института. Первый ряд: Я. Ф. Ковбаса, В. И. Заболотный, Н. Б. Чмутина, П. Ф. Костырко, И. Г. Шемсидинов. В верхнем ряду крайний справа В. П. Самойлович, 1950-е годы

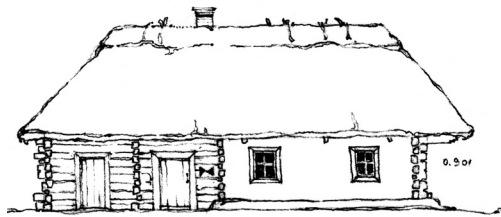
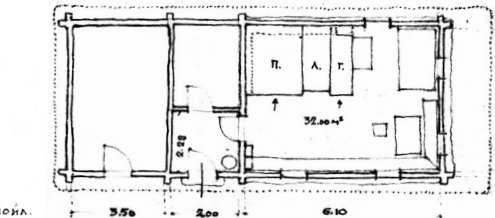
Г. Н. Логвин, В. П. Самойлович, Д. Н. Яблонский в 1994 году

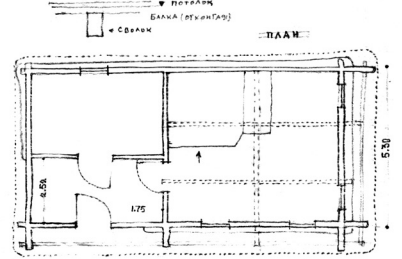
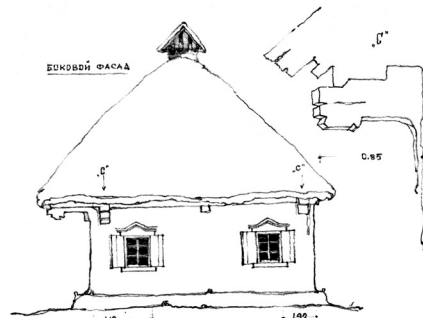
Виктор Самойлович, 1950-е годы

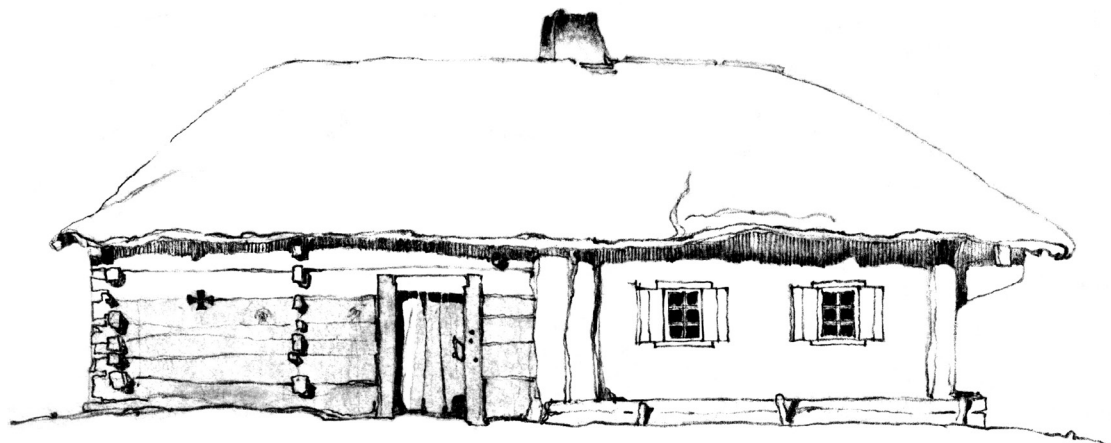
БР. ОБМ. — 1945
АВТ. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ

БР. ОБМ. — 1945
АВТ. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ

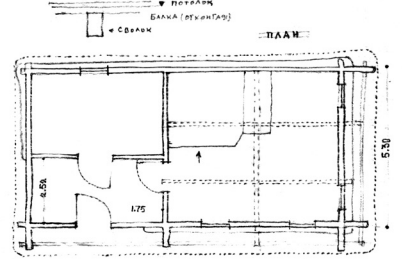
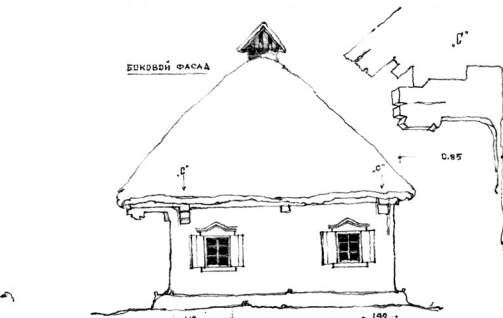
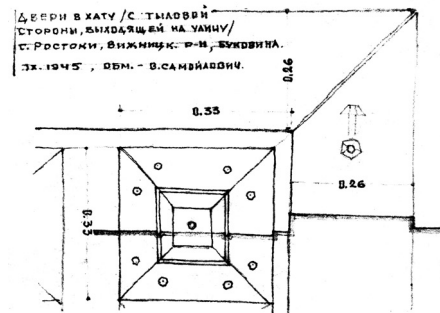
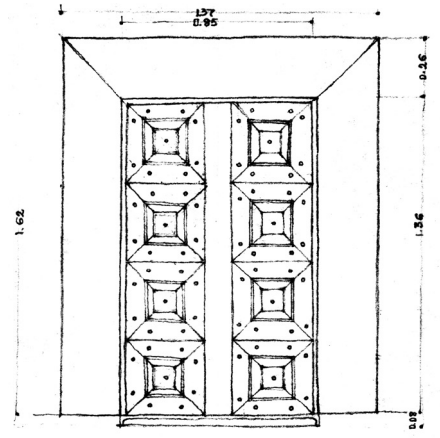
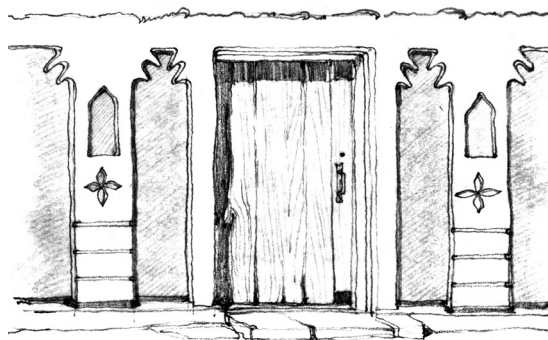
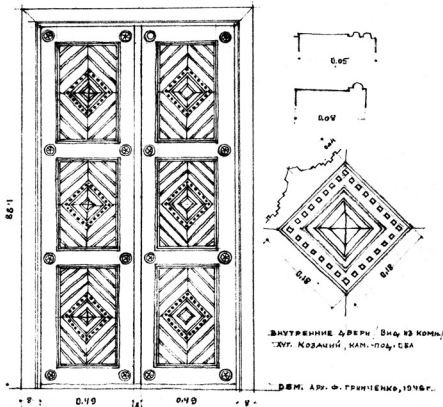
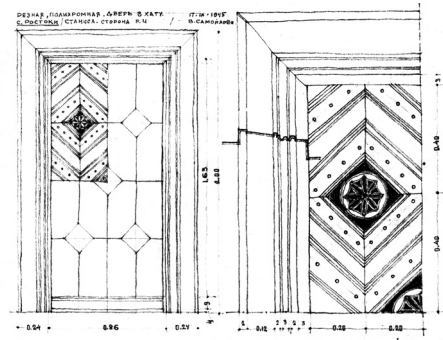
АВТ. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ
БР. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ

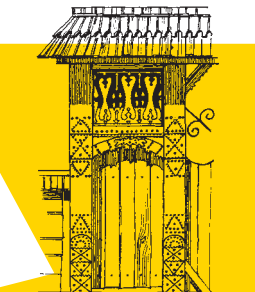
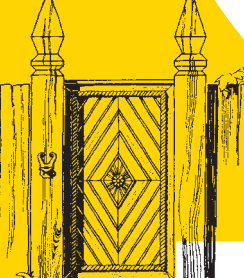
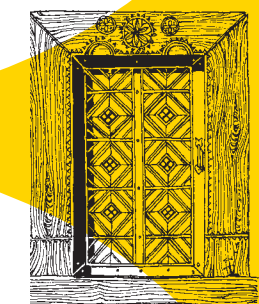
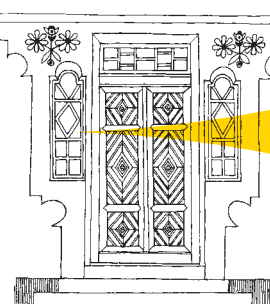
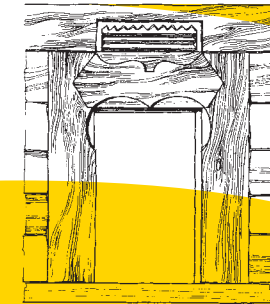
ТИПИЧНАЯ, СТАРАЯ, РУБЛЕНАЯ ХАТА
С. ЧАПАЕВКА, ЗЛАТОУШСЬК. РАЙОН

М. 1:100

ВРЕМ. ОБМ. — С. УШ. 47
АВТ. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ

АВТ. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ
БР. ОБМ. — В. САМОЙЛОВИЧ

Виктор Петрович Самойлович был научным руководителем нескольких десятков аспирантов, успешно защитивших под его руководством диссертации, воспитал целую плеяду блестящих учеников, многие из которых впоследствии стали докторами наук (Ю. И. Хохол, З. В. Моисеенко, Л. В. Прибега и др.)

С начала 1970-х В. Самойлович ведет активную работу по созданию "Музея народной архитектуры и быта" в Киеве (Пирогово), являясь его главным научным консультантом.

Виктор Самойлович был не только выдающимся ученым, но и талантливым графиком. Все иллюстрации в его книгах и научных работах он всегда выполнял сам. Он умел, как никто, в своих рисунках раскрыть суть и неповторимость украинской народной архитектуры, передать в них больше, чем можно сказать словами, делал визуальный, графический ряд своих книг равноправным тексту и научному аппарату. Его рисунки — прямое обращение к архитектору, пытающемуся отразить в своем творчестве неповторимость украинской культуры и ее народа. Плодотворно работая до конца жизни, В. Самойлович подготовил несколько новых книг, которые еще предстоит издать.

Основные книги В. П. Самойловича:
"Народна творчість в архітектурі сільського житла" (1961);
"Українське народне житло. Кінець XIX — початок XX ст." (1972);
"Народное архитектурное творчество" (1977);
"Народное архитектурное творчество Украины" (1989);
"Народная архитектура Украины в иллюстрациях" (1999).

